Согласно заявлению Президиума XIII конференции РКП (б.) (на заседании от 17-го января 1924 года) категорически воспрещаются какие бы то ни было издания и перепечатки протоколов партконференции, отдельных докладов и сборников постановлений без специального разрешения редкомиссии.

Зав. Агитпропотделом ЦКРКП

А. Бубнов.

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ТРИНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)

БЮЛЛЕТЕНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

Главлит № 18.996. Тираж 8.000 экз.

Типография. „Красный Пролетарий“ издательства „Красная Новь“, Пименовская, д. 1/16.

Заседание первое.

(16 января 1924 года, вечернее).

Каменев. Товарищи, Всесоюзная партконференция собирается после того, как вся партия сверху донизу имела возможность обсудить все важнейшие вопросы как нашей внутрипартийной жизни, так и нашей общей политики. Мы спорили страстно и горячо. Мне думается, что так страстно и горячо спорили мы потому, что горячо и страстно относимся, как коммунисты и как революционеры, к тем основным задачам, которые стоят перед нами. Мы знаем, что этот горячий спор в рядах нашей партии породил всякого рода несбыточные надежды, мечтания среди наших классовых врагов. Однако, партия в процессе уже самого обсуждения показала, что из этой дискуссии она выходит сплоченнее, с более отточенным оружием коммунистической борьбы, чем когда бы то ни было. Конференции придется подвести итоги этой дискуссии. Мы абсолютно уверены, что она покажет, что партия в громаднейшем своем большинстве сплочена вокруг одной определенной политической линии, которая служила для нас руководством в продолжение 6 лет напряженного строительства коммунизма и напряженной борьбы со всеми нашими классовыми врагами. Конференция покажет, что партия наша была, есть и будет едина. Конференция покажет, что наши враги, рассчитывающие на расшатывание партии или на подрыв ее авторитета, еще раз ошибутся, как неоднократно ошибались они в течение шести лет.

Мы приступаем на этой конференции к подведению итогов нашей дискуссии в полном и твердом сознании единства нашей партии, неизменной верности ее тем заветам борьбы, которым учил нас тов. Ленин, и с полной уверенностью, что единая партия с этим компасом в руках победит все препятствия и обеспечит торжество коммунистического дела во всем мире.

По поручению Центрального Комитета, объявляю Всесоюзную партийную конференцию открытой. (Аплодисменты).

Товарищи, мы должны перейти к конституированию нашей конференции,—прежде всего к выборам президиума. Есть ли предложения? Слово имеет тов. Угланов.

Угланов. Товарищи, от имени Петроградской, Московской, Уральской, Украинской, Закавказской и Нижегородской организаций мы предлагаем избрать президиум конференции в 23 человека.

Каменев. Есть ли, товарищи, другие цифры? (Голос с места: „26"). Разрешите прямо голосовать. Вряд ли могут быть принципиальные споры. Имеется предложение ряда организаций избрать в прези-

диум 23 человека и предложение тов. Врачева — избрать 26. Кто за 23? Подавляющее большинство. Принимается. По вопросу о составе президиума слово имеет т. Угланов.

Угланов. В президиум предлагаются следующие товарищи: Ленин, Зиновьев, Сталин, Каменев, Троцкий, Бухарин. Рыков, Томский, Калинин, Рудзутак, Молотов, Крупская, Куйбышев, Залуцкий, Зеленский, Харитонов, Орджаникидзе, Ворошилов, Фрунзе, Рахимбаев, Смородин, Угланов, Лашевич.

Каменев. Есть ли другие предложения? Разрешите список принять в основу. Есть ли поправки? Нет. Разрешите голосовать список в целом. Возражений нет? Принято. Прошу названных товарищей занять места. Попутно разрешите перейти к выборам секретариата. Слово имеет т. Угланов.

Угланов. Те же организации предлагают в секретариат избрать 5 товарищей, а именно: тт. Мануильского, Енукидзе, Зорина, Коссиора Станислава и Товстуху.

Каменев. Есть ли спор о цифре? Нет. Есть ли поправки к именам данных кандидатур? Нет. Кто за оглашенный список секретариата? Принято. Теперь редакционная комиссия.

Угланов. В редакционную комиссию предлагаются товарищи: Бубнов, Сафаров, Попов Н. Н., Назаретян.

Каменев. Есть ли другие имена?

Бубнов. Я прошу добавить тт. Дивильковского и Бердникова.

Угланов. Я не возражаю.

Каменев. Разрешите состав редакционной комиссии считать принятым. Разрешите перейти к порядку дня. В порядке дня стоят: очередные задачи экономического строительства, вопросы партийного строительства и международное положение, которое будет включать в себя, по плану ЦК, отчет не только о международном положении, но также и о делах Коминтерна.

Есть ли, товарищи, какие-либо дополнения или изменения к порядку дня конференции? Разрешите считать порядок дня принятым.

Переходим к регламенту. Регламент предлагается обычный: один час докладчику, полчаса ему на заключительное слово, 10 мин. выступающим, по поправкам 1—за, 1—против, по мотивировкам—3 минуты и затем все обычные для нас нормы. Занятия с 11 час. до 3-х и от 6-ти до 10-ти. Разрешите считать этот обычный регламент принятым? Принимается. (Голос: „Мандатная комиссия?").

Каменев. Мандатная комиссия, по справке организационной комиссии, назначенной ЦК, на партийной конференции обычно не избиралась, в виду совещательного характера конференции.

Мы закончили сконструирование, теперь мы могли бы перейти к заслушанию доклада по 1-му пункту порядка дня, но, прежде чем к нему перейти, мы предлагаем сначала заслушать приветствие со стороны товарища Брауна, члена германской коммунистической партии и руководителя гамбургских рабочих. (Аплодисменты).

Браун (говорит по-немецки.)

Председательствующий. Слово для перевода имеет тов. Шмидт.

Шмидт. Тов. Браун от имени германской коммунистической партии приветствует конференцию. Тов. Браун в своем слове указал, что германский пролетариат в августе м-це хотел повторить то, что сделал в октябрьские дни 17-го года русский пролетариат. Но коммунистическая партия Германии не могла этого исполнить, ибо она не имела того грандиозного опыта, которым обладала коммунистическая партия России, которая, будучи воспитана в нелегальных условиях,

в борьбе с царизмом выросла в партию, сумевшую осуществить намеченную задачу — завоевание власти в стране.

Тов. Браун указывает далее на то, что немецкая революция имеет международное значение, что это ее значение не умаляется ее временным поражением. Опыт русской революции, — говорит т. Браун, — показал, что если германская революция не победила осенью 23 г., то это не означает, что германской революции не будет в ближайшее время. Если взять весь процесс развития германской революции, начиная с ноября м-ца 18 года, то нужно признать, что было сделано много ошибок. Германская компартия, одна из наиболее молодых, не смогла действительно осуществить требований и чаяний рабочего класса, в особенности, когда дело подошло к августовским дням, и когда встал вопрос о немедленном завоевании власти.

Дальше тов. Браун останавливается на последней, октябрьской конференции германской коммунистической партии и говорит, что эта конференция стояла перед вопросом, как быть в дальнейшем, в связи с развитием германской революции. Он указывает, что, несмотря на все ошибки, которые были сделаны в августовский период, и которым октябрьская конференция подвела итоги, все же назревает момент приближения революции. Он считает, что вопрос о германской революции есть вопрос месяцев. Сказать с точностью, что она обязательно будет по истечении точно определенного срока, трудно. Несомненно, однако, что германский пролетариат стоит перед необходимостью возобновить борьбу и довести до конца эту борьбу, тем более, что рабочий класс Германии не считает себя побежденным. Об этом говорят события, которые развиваются в Германии: борьба германских рабочих в Руре, борьба рабочих во всей Германии за 8-часовой рабочий день, борьба против снижения заработной платы. Германский пролетариат вновь ставит в порядок дня политические вопросы. Всю борьбу германский рабочий класс поведет под руководством германской коммунистической партии, которая учтет все прошлые ошибки и сумеет вновь повести рабочий класс к победе. Неверно, что военщина и фашисты действительно могут справиться с тем кризисом, который назревает в Германии. Германская военщина и фашисты, которые держат сейчас власть в своих руках, не смогут справиться с теми вопросами, которые будут стоять перед германским рабочим классом и германскими трудящимися массами. Занятие Рура и те требования, которые предъявляет Антанта, неизбежно вызовут переложение всей тяжести исполнения этих требований на плечи рабочих, на плечи обывателей, на крестьянство. И при этих условиях неизбежны дальнейшее возмущение и взрыв революционной волны. В отдельных местах, где на крестьянство особенно тяжело ложатся эти тяготы, крестьянин борется бок-о-бок с рабочим. Крестьяне не в силах вынести всех тягот, которые возлагает на них хозяйничание фашистов и военщины. Эти тяготы неизбежно приведут к взрыву революционной волны. Ошибки, сделанные коммунистической партией, будут учтены, и при содействии Коминтерна, который эти ошибки учел и дал соответствующие указания германской коммунистической партии, мы будем иметь возможность при новом взрыве революционной волны пойти вернее к победе, тем более, что грядущая борьба является решающей. Но если трудно точно определить момент подъема новой революционной волны, то трудящиеся массы Германии все же убеждены в том, что начать эту борьбу придется. Они надеются, по примеру и опыту России, эту борьбу окончить победой. Тот опыт, который имеет трудящийся класс России, является для них ценным. Этот опыт они учтут. Тот факт, что русские трудящиеся массы сумели взять власть в свои руки и не только взять, но и удер-

жать ее, несмотря на все тяжелые условия, в которых находилась Советская Россия, послужит примером для германского пролетариата и германской коммунистической партии, поможет ей пойти по пути Советской России.

Развитие коммунистического движения на Западе идет значительно быстрее, нежели мы предполагали. Сейчас это развитие коммунистического движения настолько широко охватило рабочие массы Западной Европы, что они уверены в своей победе.

Останавливаясь на тяжелых временах, которые переживала Советская Россия, отстаивая свое существование с оружием в руках, т. Браун вспоминает о голоде 1921 г. Несмотря на все трудности,— продолжает он, — Сов. Россия вступила в период восстановления хозяйства.

Это восстановление хотя идет с большим трудом и медленно, но все-таки оно подвигается, и это восстановление народного хозяйства,— говорит он,—есть лучший залог того, что Советская Россия останется нерушима, что мировой буржуазии не удастся победить русскую революцию, пример которой будет вдохновлять рабочих Германии на ту трудную борьбу, которая им предстоит.

Германская компартия поведет свою дальнейшую борьбу на основе тех решений, которые были приняты на III и IV конгрессах Коминтерна.

Да здравствует всемирная революция! Да здравствуют русские рабочие и крестьяне, которые своей упорной борьбой доказали возможность существования пролетарского государства. Их жертвы, которыми они купили победу, вдохновляют германских пролетариев, которые должны в ближайшие дни вступить в борьбу и вынести ее на своих плечах.

Председательствующий. Теперь мы перейдем к нашему порядку дня. Слово по первому вопросу — об очередных задачах экономической политики—имеет т. Рыков.

Рыков. Товарищи, я думаю, что вам всем уже известен тот проект резолюции, который был выработан комиссией ЦК по „ножницам" и одобрен Политбюро и ЦК партии. Дискуссия по этой резолюции еще не окончена. Еще продолжает поступать целый ряд дополнений и практических предложений к ней, но уже сейчас можно утверждать, что 90, если не больше, процентов партии объединено на основе этой резолюции. Она имеет некоторые отличительные черты сравнительно с теми предложениями по экономическим вопросам, которые ЦК выносил на обсуждение партии раньше. В нашей резолюции об экономическом положении на первый план выдвинут и подчеркнут со всей решительностью момент необходимости смычки хозяйственной и торговой, фабрики и города с деревней и крестьянином.

Теоретически этот вопрос неоднократно ставился на обсуждение в партии. Основные указания по нему имеются у нас в программе, но летом и осенью этого года мы установили с полной несомненностью, что в практике наших хозяйственных органов эта основная предпосылка для восстановления нашего хозяйства и для удержания диктатуры рабочего класса в стране, в которой большинство населения принадлежит к крестьянству, в недостаточной степени проведена.

Накануне XII Съезда партии по этому вопросу была небольшая дискуссия, которая не перешла за пределы ЦК партии, о характере резолюции, которую по вопросу о промышленности необходимо предложить XII Съезду партии. Большинство членов ЦК настаивало на том, что в резолюцию о промышленности нужно ввести подробный абзац о связи промышленности с крестьянством и крестьянским рынком. Докладчик ЦК партии на XII Съезде т. Троцкий и его единомышленники отвергали это предложение, считая, что XII Съезд партии

будет рассматривать не вопрос о хозяйстве вообще, а только вопрос о промышленности и ее задачах. Если бы, говорили они, стоял вопрос о хозяйстве вообще, тогда и о крестьянах нужно было бы сказать, но здесь идет речь о промышленности; поэтому, говорили они, если вы хотите подробно подчеркнуть необходимость хозяйственной смычки с крестьянством, давайте обратимся со специальным манифестом от имени коммунистической партии к крестьянам об отношении рабочих и рабочей партии к крестьянам и крестьянскому вопросу.

Мы это предложение отвергли, так как думали, и на практике теперь это целиком оправдалось, что все наши хозяйственные органы и наша промышленность всю свою деятельность в настоящий момент должны согласовывать с необходимостью хозяйственной, экономической смычки с крестьянским рынком. Сентябрьский пленум ЦК создал особую комиссию по вопросу о „ножницах". Мы стремились эту комиссию по „ножницам" создать с полным учетом всех группировок, которых можно было ожидать в дальнейшем (так как тогда их еще не было). Поэтому в комиссию по „ножницам" (она состояла из 17 чел.) были введены и тов. Троцкий, и тов. Преображенский, и тов. Пятаков, и целый ряд других членов партии, которые представляют разные оттенки по отдельным деталям нашей экономической политики. Тов. Троцкий отказался, за недосугом, от участия в работах этой комиссии. Во всем остальном работа проходила там с полным единодушием.

Почему в предлагаемой вам резолюции особо подчеркнут крестьянский вопрос и его значение? Потому, что время составления этой резолюции совпало с концом 1923 г., который характеризовался кризисом и большим раствором „ножниц", т.-е. большой разницей в ценах на товары промышленности и на товары деревни, и в силу этого отрывом нашей промышленности от основного сельскохозяйственного деревенского рынка, ибо если взять всю продукцию нашей промышленности, то семь десятых этой продукции распределялось в городах, среди городского населения, и только три десятых размещалось в деревне, при чем, в виду дороговизны цен на промышленные изделия, главным образом, среди кулацких, богатых элементов деревни. Это состояние кризиса заставило комиссию по „ножницам" и ЦК партии особо внимательно рассмотреть все вопросы нашей хозяйственной политики под углом смычки с крестьянством и завоевания крестьянского рынка.

Кризис или депрессия, которую мы переживали осенью этого года, ни в какой степени не походит на те затруднения в области нашей хозяйственной жизни, которые неоднократно переживала наша республика до сих пор. Мы неоднократно имели очень жестокие продовольственные кризисы, когда или прекращалась совершенно выдача продовольствия, или она сводилась до ничтожных размеров. Были моменты, когда и тов. Ленин, и многие члены Политбюро сидели на телефоне и изучали, на какой станции какой маршрут с хлебом стоит, и когда он подойдет к тому или другому городу. Были кризисы топливные, когда СТО, под председательством Ильича, целые вечера посвящал вопросу о том, как избегнуть приостановки движения в том или другом железнодорожном узле из - за отсутствия топлива. Но все эти кризисы принципиально отличаются от того кризиса, который мы переживаем или изживаем в настоящее время. То были кризисы несоответствия в отдельных отраслях промышленности, кризисы несоответствия в силу недостаточной организации нашего хозяйства, нашей бедности и нищеты в силу того, что тогда Советская республика находилась еще, так-сказать, в приготовительном классе восстановления и организации своих производительных сил. Путем настойчивого нажима эти отдельные частичные кризисы несоответствия

отдельных отраслей хозяйства удавалось изживать. Но эти кризисы не имели того характера, который получил последний кризис, как кризис отношений рабочего класса и крестьянства, отношений промышленности и города к сельскому хозяйству и к деревне.

Кризис осенью этого года ни в какой степени не похож на кризисы предыдущих лет еще и потому, что то были кризисы недостатка товара, когда не было продовольствия, не было дров, не было угля, не было паровозов. Теперь мы имеем на складах нашей промышленности уже запасы от трех до четырех месяцев ее производства; мы имеем достаточные запасы хлеба, чтобы удовлетворить все потребности государства, и вывозим значительные массы хлеба за границу. Наш транспорт может без особых затруднений удовлетворить всем потребностям наших перевозок. Таким образом, кризис, который мы переживаем, не есть кризис бедности и недостатка, а кризис перепроизводства, кризис избытка крестьянского хлеба, который не может быть размещен на городском рынке, в результате чего—низкие цены на хлеб и низкая покупательная способность крестьянства. Эта последняя определяет кризис сбыта предметов нашей промышленности: крестьянин, не будучи в состоянии продать по сходной цене хлеб, не имеет возможности купить изделия промышленности. В основе этого кризиса лежит несоответствие в развитии сельского хозяйства и промышленности в нашем Союзе. Недавно в одной из статей на страницах „Правды“ было подчеркнуто, что это несоответствие явилось совершенно неожиданным и для партии, и для хозяйственников, и что никаких предпосылок, кроме отсутствия плановости, для этого несоответствия крестьянского хозяйства, сельского хозяйства и промышленности нет, что поэтому этот кризис мог бы быть полностью предупрежден, если бы не было недочетов в плановости и в руководстве нашим хозяйством. Я думаю, что эта точка зрения совершенно неправильна. Уже в той дискуссии, которая велась в партийных организациях в Москве, я указывал, что не может быть речи о том, чтобы мы теперь только нащупали несоответствие между развитием сельского хозяйства и промышленности. Это несоответствие дано нам историей. Мы знали его до Октября. С этим несоответствием начал бороться капитализм своими буржуазными способами, но его работа не была окончена. Диктатура рабочего класса была осуществлена в стране, в которой капитализм не проделал еще значительнейшей части работы, проделанной им в каждой из других западно-европейских стран. Это несоответствие между сельским хозяйством и промышленностью чувствовал каждый из нас. Оно сказывается и в цифровых соотношениях населения. Мы имеем 100 миллионов жителей в деревнях и 20—в городах, из этих 20 милл. только небольшая часть принадлежит к рабочим. Ведь, мы имеем 16 миллионов мелких сельских хозяйств, дворов. До войны, несмотря на то, что вывозилось 500—700 миллионов пудов хлеба, и царизму были предоставлены громадные возможности гигантских заграничных займов, несмотря на это, из года в год западно-европейский капитал вкладывал в нашу промышленность, особенно в тяжелую, горную и металлическую, все новые и новые средства. Таким путем только начинали расти наша промышленность и наши города. Наша Октябрьская революция получила историческое наследство в виде несоответствия в отношении между городом и деревней.

Этот же вопрос ставится еще в другом виде. Говорят, что у нас имеется уже диктатура фабрики, диктатура фабрично-заводского производства. Этот вопрос обсуждался уже на целом ряде собраний у нас в Москве. Никакой пока-что диктатуры фабрики, диктатуры фабрично-заводского производства в современной России нет,—нет в силу экономической слабости пролетариата и в силу отсталости нашей страны.

Ведь, мы имеем 100 миллионов крестьян и на-ряду с ними всего 5 миллионов рабочих. Мы имеем политическую диктатуру рабочих, но не экономическую диктатуру фабрики. Это две вещи совершенно разные. И в этой постановке точно так же совершенно ясно, что то проклятое историческое наследство, которое у нас есть, вы никаким планом при данном соотношении уничтожить не можете. Его можно уничтожить только путем роста пролетариата, роста промышленности, осуществления электрификации и подъема нашей страны на высшую стадию производственных и экономических сил. Если бы при наличии ста миллионов крестьян и том количестве рабочих, какое мы имеем, можно было спланировать хозяйство так, чтобы кризисов не было, и создать при этом такую организацию, которая бы охватывала все стороны хозяйственной жизни и по плану всем хозяйством руководила,—это было бы идеалом мелкобуржуазного социализма, но вовсе не идеалом марксистским и рабочим.

Несоответствие между городским и сельским хозяйством дано нам историей. Изживем мы его увеличением числа рабочих, увеличением нашей промышленности, электрификацией страны,—для этого нужно накоплять средства и каждую копейку вкладывать, чтобы усилить рабочий класс и усилить промышленность в нашей стране.

На основе этого несоответствия и разыгрывался последний кризис. Был ли он усугублен теми или другими ошибками и недочетами в работе нашей? По-моему, был. Ошибки в этом отношении были, отрицать их ни в коем случае невозможно; нужно постараться не делать таких ошибок в дальнейшем. В чем заключалась главная ошибка? Главная ошибка заключалась в политике цен, которая проводилась за последнее время. О том, как проводилась эта политика цен, я вам сейчас оглашу приказ, который был издан Высшим Советом Народного Хозяйства в июле 23 года. Я его оглашу полностью, так как этот приказ толковался трестами и хозяйственниками, как основной принципиальный приказ в их экономической политике. Это займет минут 5, но это даст вам полное представление о том, что недочеты в работе нашей в действительности были.

Приказ № 394 по Высшему Совету Народного Хозяйства.

(16-го июля 1923 года, гор. Москва).

„С момента проведения в жизнь декрета от 10-го апреля с. г. государственная промышленность вступает в новую фазу своего развития—фазу коммерчески упорядоченного ведения хозяйства отдельных государственных предприятий и централизованного коммерческого управления государственными предприятиями, находящимися в ведении ВСНХ, со стороны последнего.

Производственными единицами управляет правление треста. Хозяйственными единицами, т.-е. трестами, действующими на основании закона от 10-го апреля с. г., управляет ВСНХ. Это управление строится, как коммерческое управление. В основу управления кладется прибыль хозяйственной единицы, т.-е треста, и под углом зрения прибыли направляется вся деятельность треста и оценивается деятельность правления треста.

Закон от 10-го апреля с. г. в ст. 1-й говорит: „Государственными трестами признаются государственные промышленные предприятия, которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли“. Получение прибыли, таким образом, и по закону является руководящим началом деятельности трестов.

Необходимым условием возможности определения размера прибыли или убытка треста является правильная постановка бухгалтерской отчетности в соответствующем тресте.

Необходимым условием получения прибыли является коммерчески целесообразная производственная и торговая деятельность правления треста.

В пределах закона от 10-го апреля с. г. и в пределах устава треста, утверждаемого Советом Труда и Обороны, правление треста имеет полную возможность коммерчески целесообразно действовать с тем, чтобы дать государству-хозяину надлежащую прибыль на капитал, вложенный в соответствующий трест.

Правление треста обязано вести вверенное предприятие коммерчески целесообразно, т. е. закончить год балансом, дающим государству прибыль. По прибыльности предприятия в первую очередь оценивается и пригодность правления треста.

ВСНХ в части управления трестами обязано заботиться о том, чтобы картина финансового состояния треста, представляемая к концу операционного года правлением, вполне соответствовала действительности. Для этого служат ревизионные комиссии, ревизионно-отчетный отдел ВСНХ и центральная бухгалтерия ВСНХ.

ВСНХ, как главный распорядитель государственным имуществом, вложенным в государственные промышленные предприятия, обязан следить за тем, чтобы государственное имущество не только не растрачивалось, но и увеличивалось бы, т.-е. давало бы прибыль. В конце операционного года ВСНХ, совместно с хранителем государственной казны, т.-е. с народным комиссариатом финансов, в соответствии со ст. 45 декрета от 10-го апреля с. г., дает назначение полученной в результате деятельности треста прибыли.

Таким образом, достигается возможность для правления треста приспособить деятельность треста к условиям развивающегося товарного хозяйства, и в то же самое время устанавливается определенная система государственных промышленных предприятий, прибыль коих идет на пользу всего рабоче-крестьянского государства.

Отсюда ясно, что общим руководящим началом для деятельности как предприятий, так и ВСНХ на ближайший период является прибыль, как задача, и баланс, как метод установления прибыли.

Объявляя во всеобщее сведение, какими основными принципами будет в дальнейшем руководствоваться ВСНХ в части, касающейся управления государственными промышленными предприятиями, предлагаю всем правлениям трестов и органам ВСНХ принять все необходимые меры к тому, чтобы наше государство получило от своих промышленных предприятий наибольшую прибыль, и предупреждаю, что отмеченное выше руководящее начало будет проведено неуклонно, последовательно и со всей решительностью".

На тему относительно прибыли написан весь приказ на полустранице. Но каким способом, какими средствами, при условии какой политики в отношении крестьян и какой политики цен этого достигнуть,—обо всем этом в приказе ничего нет. Я несу ответственность за этот приказ—он был издан от ВСНХ—и отнюдь не хочу от этой ответственности отказываться,—не досмотрел! Если вы меня обругаете за это, вы сделаете очень хорошо, потому что такого рода ошибки совершенно недопустимы. Этот приказ толковался в качестве основного приказа в каждом тресте, фабрике, синдикате. Конечно, в законе сказано, что трест должен получать прибыль, но, конечно, в президиуме ВСНХ должны были объяснить, *как* ты должен получать прибыль, в каких размерах и на каких условиях.

А когда вместо этого только и делается, что через каждые пять минут тверди ся слово „прибыль“, не говоря, как и на каких условиях, то из этого и получается та политика трестов и синдикатов, которые вздули цены и которые директиву о смычке с крестьянами на практике не осуществили ни на один палец. Такой же приказ и в таком же виде, может быть, получили и торговые органы. Во всяком случае, этот приказ по ВСНХ был обязателен и для всех синдикатов, которые являются торговыми органами, и для всех вообще торговых организаций, которые около ВСНХ имеются. Ведь, он кончается так: „Отсюда ясно, что общим руководящим началом для деятельности как предприятий, так и ВСНХ на ближайший период (это было в июле прошлого года) является прибыль, как задача, и баланс, как метод установления прибыли“. Это было в июле 1923 года. Никаких других задач в этом приказе не указывается. Тресты погнались за этой прибылью отчасти из-за этого приказа, а главным образом, из-за того, что они чересчур разбазарили товары за предыдущий период и хотели наверстать, а поэтому взяли такой темп для восстановления капитала и для образования оборотных средств, который был не под-силу никому. Мы утвердили цены на нефть—я не помню 32 или 28 коп., но Азнефть предложила цену в 56 к. А когда мы ее скостили почти в два раза, и то оказалась прибыль. Любой трест, который скидывал цены, получает прибыль—с резины, с сукна и т. д. Целый ряд трестов снизил цены на 25% и больше без того, чтобы работать в убыток.

Но, пока не вмешался решительно ЦК, мы видели слепое следование приказу о прибыли и полное забвение необходимости смычки с крестьянином.

Кризис разразился в тот период, когда товар был уже подвезен к крестьянину, промышленность получила достаточные кредиты, и торговые организации должны были товар продвинуть, довести до деревни. И именно на этом, при непосредственной фактической смычке, они потерпели крах. Поэтому вопрос о ценах и о политике цен имеет колоссальное значение и помимо того приказа, который я огласил. Я думаю, что конференция в этом отношении всецело встанет на точку зрения ЦК партии. Конечно, мы директиву минимальной прибыли, оспаривавшуюся целым рядом товарищей в Москве, даем не навеки-вечные, а исходя из анализа экономического положения осени 1923 г., когда промышленность должна или отступить и сократить свое производство за отсутствием покупателя, или завоевать крестьян и крестьянский рынок.

Если бы она завоевала крестьянский рынок хотя в небольшой части, то, по закону больших чисел, если из 16 миллионов крестьянских дворов каждый немножко купит, это немножко, помноженное на 16 миллионов, даст промышленности колоссально много. Поэтому, сумев зацепиться за крестьянское хозяйство, за крестьянский двор, промышленность сможет беспредельно расширять рынок просто потому, что этот рынок является массовым и в своей потенциальной емкости почти беспредельным,—если крестьянское хозяйство будет восстанавливаться в такой же мере и такой же степени, как это делалось до настоящего времени.

Второе лезвие „ножниц“—это хлебные цены. Хлебные цены спускались в отдельных районах необычайно низко. Сведения об этом печатались в газетах. Я сегодня получил великолепную брошюру, изданную, кажется, в Ростове, которая дает вполне конкретный анализ движения цен, движения товаров к крестьянской лавке, когда стоимость отдельных товаров выражалась в огромных размерах в переводе на пуды хлеба. Но эта же самая брошюра совершенно ясно показывает, что с мертвой точки мы в этом отношении сошли. Самым лучшим пока-

зателем того, что мы с нее сошли, является самое появление таких брошюр. Ни по одному вопросу такого подробного анализа, какой дали ростовские товарищи по этому вопросу, мы до сих пор не видели. Нижнее лезвее „ножниц“ можно и мыслимо было поднять только при условии своевременной закупки колоссального количества хлеба и вывоза его за границу. Директива по этому вопросу была дана и Центральным Комитетом партии, и Госпланом своевременно. Не представляет никакого сомнения, что вопрос о хлебных ценах мы можем решить только экспортом хлеба за границу, закупкой колоссального количества хлеба для экспорта. Нам нужно закупить до 270 миллионов пудов, что требует громадных средств, громадной подготовительной работы и очень большой и точной организации этого дела. Я лично на практике своей работы в Совете Труда и Обороны могу констатировать, что в конечном счете с этой задачей партия и советский аппарат справятся. Экспорт хлеба и закупка его идут теперь удачнее, чем это было в предыдущем году. В отдельных районах были значительные недоразумения в связи с отсутствием разменных знаков и отсутствием денег. Эта кампания была затруднена также тем, что крестьянин в этом году отнесся к сдаче продналога несколько иначе, чем мы ожидали. Во-первых, крестьянин использовал в гораздо большей степени свое право вносить деньги взамен натуры; во-вторых, он вносил денежный налог раньше того срока, к которому он по закону обязан был его внести. Это стремление крестьянина получить для себя выигрыш в разнице между натурой и деньгами и скорее освободиться от обязательств по сельскохозяйственному налогу породило настолько большое понижение цен на хлеб, что в некоторых районах мы должны были приостановить заготовку хлеба и сбор налога, потому что ни аппарат, ни складские помещения не могли с этим справиться.

Кроме этих объективных условий, конечно, сыграла некоторое значение и недостаточная урегулированность финансирования хлебных заготовок, которое первое время давало значительные перебои.

Вообще, нижнее лезвее „ножниц“ мыслимо поднять только в том случае, если вывоз хлеба за границу достигнет цифры не меньшей как миллионов 200. В настоящее время мы вывезли около 100 миллионов пудов.

Только в том случае, если будут понижены цены на товары, если будут подняты цены на хлеб, будет разрешен вопрос о кризисе и смычке города и деревни.

Я уже указал, что кризис, который мы пережили, не является кризисом бедности, а является кризисом относительного перепроизводства и в области промышленности, и в области торговли. Действительно, тот процесс восстановления хозяйства, который мы пережили за 1923 год, далеко обгоняет темп восстановления хозяйства за любой из предыдущих годов. 1923 год является в этом отношении самым удачным из всех предыдущих лет как нэповского, так и донэповского периода. Я приведу только отдельные наиболее характерные данные.

Я уже указал, что кризис топлива, о котором говорили и на последнем партийном съезде (кризис Донбасса), изжит теперь настолько радикально, что мы первый раз за все наше существование после Октябрьской революции обсуждаем вопрос уже не о том, что у нас нет угля, но о том, что нет покупателей на уголь. Кризис в топливе изжит в настоящее время, повидимому, прочно, о чем свидетельствуют данные как в области добычи угля, так и в области добычи нефти.

То же самое мы имеем в отношении путей сообщения. Теперь наши пути сообщения находятся в таком положении, что никаких затруднений в

этой области для восстановления нашего хозяйства уже нет. Наоборот, мы имеем теперь затруднения со стороны НКПС в том, что он не может использовать паровозов, которые делает наша металлическая промышленность. Произошло это, главным образом, из-за заказа, который в 1920 г. был дан в Швецию и Германию на новые паровозы. В результате этого заказа мы имеем такое количество паровозов на наших жел.-дор. линиях, что тов. Дзержинский требует, чтобы ни одного паровоза у нас, в республике, уже не делали, так как НКПС обеспечен паровозами минимум на пять лет, а то и больше. Точно так же улучшилось положение с составом вагонов, эксплоатацией жел. дорог.

Теперь железнодорожный транспорт, если бы с него снять целый ряд расходов по водным путям, портам и т. д., мог бы сам приблизительно окупить себя. Эти достижения, повторяю, колоссальны. Наша республика никогда их раньше не имела, и последний год сыграл в этом отношении решающую роль.

Поднятие хозяйства отразилось и на всех остальных линиях его развития, особенно на зарплате, которая повысилась очень значительно за истекший год (по данным хозяйственников—на 87%, по данным профессионалистов—на 63%).

Если мы благополучно изживем нынешний кризис,—а последние данные показывают, что он скоро изживется,—то партии необходимо с ростом производства взять курс на дальнейший рост зарплаты. Это увеличит емкость городского рынка и производительность труда рабочих, ибо, как показал опыт, рост зарплаты систематически сопровождался и ростом производительности труда. За период новой экономической политики и первый период нэп'а одной из главных опасностей, которые стояли перед промышленностью и партией, была опасность распыления квалифицированной рабочей силы. К своему удивлению, когда я собрал справки о количестве безработных, то получил цифру около миллиона человек. Цифра колоссальна. Когда я стал искать, откуда эта цифра получилась, то мне удалось установить два процесса. Во-первых, рост безработных происходил одновременно с ростом количества занятых рабочих, т. е. количество рабочих на фабриках и заводах возрастало параллельно с ростом числа безработных, зарегистрированных на бирже труда. Происходит это потому, что тот слой рабочих, который ушел из города в деревню за период военного коммунизма, теперь стал быстро возвращаться обратно, и наша растущая промышленность не в состоянии поглотить эти новые рабочие кадры. Второй процесс состоит в том, что в число безработных попадает большое количество интеллигентов и совслужащих. Из этого числа безработных в один миллион (эта цифра оспаривается, говорят: 800 или 500 тысяч, но все равно, и то, и другое слишком много) квалифицированных рабочих или настоящего пролетариата, связанного с фабрикой больше, чем с деревней, не более 20—25%. Большую часть безработных составляют чернорабочие, пришедшие из деревень, и служащие.

Таким образом, и в области промышленности, и в области зарплаты мы имеем значительные улучшения. Эти улучшения имеются и в технически-производственной деятельности трестов, фабрик и заводов. Улучшения еще недостаточны, чтобы сказать, что здесь перелом полностью уже сделан. Но мы на целом ряде фактов можем констатировать большее сбережение топлива, меньший процент вспомогательных рабочих и большую утилизацию сырья по сравнению с тем, что было раньше. Это означает, что и фабрики, и тресты стали работать лучше, чем работали раньше. Но из своей практики по ВСНХ я должен засвидетельствовать, что в этой области сделан еще ничтож-

ный процент того, что нужно сделать для восстановления нашего хозяйства.

Что касается реконструкции нашего экономического аппарата, то реорганизация ВСНХ уже принята, утверждена законом и проводится в жизнь. Эта реорганизация должна дать партии гарантию того, что она в лице ВСНХ будет иметь тот аппарат, который каждую директиву сможет провести без замедления в жизнь. Эта реорганизация, повторяю, сейчас только осуществляется под руководством тов. Пятакова.

По вопросу о Комвнуторге я не думаю, чтобы на настоящей конференции могли быть вынесены окончательные решения, так как этот вопрос только вышел из предварительной разработки и не обсужден еще ЦК. В резолюции ЦК вопросам торговли посвящено особое внимание. Там прямо сказано, что впервые вопросы торговли становятся перед партией во весь рост. Вопросы торговли связаны теперь с ролью частного капитала. Переходя к новой экономической политике и осуществляя ее, мы понимали, что на основе свободного товарооборота миллионов крестьянских производителей открываются громадные возможности для возникновения многих явлений капиталистического общества.

В области торговли, главным образом, в области розничной торговли, капитализм завоевал господствующее положение по сравнению с кооперацией и государственной торговлей. Поэтому в резолюции нашей специально указано, что всякое усиление кооперации и государственной торговли и расширение их поля деятельности представляют собой расширение сферы социалистического хозяйства. „Всякое же ослабление позиций кооперации и государственной торговли и усиление позиций частного посредника, скупщика и торговца представляют расширение сферы господства буржуазных капиталистических отношений“. И вслед за торговлей мы поместили специальный абзац о частном капитале, так как считаем, что партия должна из года в год подсчитывать соотношение сил социализма и капитализма в условиях нэп'а.

Этот подсчет сил к 1924 году указывает, что в области промышленности частный капитал никаких позиций не завоевал, что, наоборот, в балансе государственной промышленности имеется целый ряд предприятий, мелких и средних, которые без особых забот можно было бы передать в эксплоатацию частному капиталу.

Теперь о концессиях. Второй способ привлечения капитала из-за границы и утилизации его — это концессии. Частный капитал в этой области за последний год несколько расширился, но в размерах гораздо меньших, чем это соответствовало бы интересам партии и государства.

Громадным препятствием этому служит отсутствие признания или официальных торговых договоров с такими странами, как Франция и Америка. Благодаря отсутствию в таких странах судебной и законной гарантии, обеспечивающей наши интересы, мы с величайшей осторожностью идем даже на предварительные разговоры о концессиях с представителями этих стран.

Единственная область, в которой частный капитал пустил корни и занял господствующее положение,—это розничная торговля В отношении торговли я должен сказать, во первых, что мы стоим на много позади того, что имеется в любом культурном государстве. Из целого ряда уездов и волостей специальные корреспонденты, которые запрашивались по этому поводу, сообщают, что никакой торговли в их волости нет, „окромя, — сообщают они, — разносчиков“. Разносчик

с коробом за спиной является представителем государственного капитализма в переходный период от капиталистического к социалистическому обществу — это срам! Хотя точной статистики по этому вопросу нет, но мы знаем, что так обстоит дело в громадной части нашего Союза, в которой никакой организованной торговли — ни частной, ни кооперативной—нет.

Та же торговля, которая имеется,—это торговля вразнос и вразвоз, так-называемая торговля первого и второго разрядов. Эта торговля на 99% находится в частных руках. Оптовая торговля в главной своей части находится в руках государства. Оптово-розничная уже пополам. Итак, мы имеем два фланга—оптовую торговлю, в большинстве государственную, розничную — в большинстве частную, и середку—оптово-розничную торговлю, где участие государства выражается в 50%. Частная торговля в целом за истекший период имела всего дохода по подсчетам, которые делал т. Преображенский, 600 миллионов рублей. Цифра весьма большая Но вопрос не в абсолютной сумме, а в том, сколько же она имела действительной прибыли. В 600 миллионов входят и все расходы по транспорту, охране, содержанию приказчиков, помещений и т. д. Сколько же частный торговец накопил, увеличивая свой капитал?

Мы получили ответ: от двухсот до трехсот миллионов. Эта прибыль падает приблизительно на 400 тыс. частных торговцев. Но по существу здесь опасность не только в том, что частные торговцы получили такую прибыль, а в том, что в области розничной торговли монополистами являются частные торговцы, разносчики или деревенские кулачки. Конечно, мы не можем поставить задачу перед нашей промышленностью в настоящий момент, чтобы она на протяжении года или двух дошла до каждой деревни. Но партия не может примириться с монопольным положением частных торговцев и разносчиков в деревне, в самом ответственном пункте смычки между городом и деревней. С этого монопольного положения частного торговца нужно во что бы то не стало сбить. Какие способы и средства для этого имеются?

В резолюции ЦК партии специально подчеркнуто, что основным средством борьбы с частной торговлей в деревне является кооперация, которая по своему общественно-политическому значению в связи с тем кризисом, который мы пережили, и с теми явлениями, которые в области торговли обнаружены, принимает совершенно иное, колоссально возросшее значение. Кооперация оказалась не только слабой численно, но слабой и в политике. Я не знаю, издан ли по кооперации приказ в духе того, как приказ по ВСНХ, но знаю, что и кооперация ко всему подходила с точки зрения „прибыль во что бы то ни стало", и что кооперация стремилась получить такую же прибыль, как и частные торговцы, и что любой потребитель, сколько я ни спрашивал, не может отличить кооперативную лавку от частной, а если отличает, то говорит, что в частной скорее отпускают товар и лучше. Это уже принципиальное поражение, ибо оно показывает, что мы так поставили торговлю нашу, что крестьяне и рабочие от нее шарахаются и идут к частному торговцу: это поражение государственной социалистической организации в переходный период. Если бы у нас было меньше кооперативных лавок, но население почувствовало бы и видело бы, что там торгуют дешевле, лучше и заботятся о рабочих и крестьянах, оно бы само все эти кооперативы в короткое время организовало. А если нет большой тяги со стороны крестьян и рабочих к организации кооперативной торговли, то только потому, что она организована была до сих пор хуже, чем торговля частная, и вместо проведения принципов социализма она до сих пор в целом ряде случаев их нарушала и доказывала крестьянам,

что принципы частной капиталистической торговли лучше. Поэтому вопросам кооперации необходимо теперь уделить сугубое внимание. Здесь руль нужно круто повернуть как в смысле максимальной организации кооперативных лавок с привлечением массы населения, так и в смысле улучшения политики кооперации.

Необходимо в кратчайшее время добиться того, чтобы кооперация торговала лучше и дешевле, чтобы всякий крестьянин и каждый рабочий почувствовал преимущества кооперативной торговли перед торговлей частной. Если мы этого не сделаем на протяжении года или двух, то позиции разносчика, теперь совершенно для нас неопасного, получат возможность расширяться очень быстро, так как не встретят никакого организованного сопротивления со стороны государственного капитала.

Я коснусь еще мельком двух вопросов, которые затронуты в резолюции ЦК партии, и которые имеют колоссальное значение для всей экономической политики.

Первый—о финансовой реформе, — вопрос кардинального значения, который, в случае благополучного его разрешения, создаст в области финансов совершенно прочную базу для развития хозяйства и освободит массу населения — рабочих и крестьян — от тех лишений, которые связаны с падающим советским знаком. Речь идет о замене падающего советского знака твердым или по возможности твердым знаком, разменным по отношению к червонцу. В настоящее время червонное обращение занимает приблизительно $^4/_5$ всего денежного обращения в республике; $^1/_5$ занята советскими знаками. Советский знак в первую очередь идет в заработную плату и в деревню, так как это знак мелкий. Эту самую $^1/_5$ денежного обращения в настоящий момент уже можно попытаться заменить твердым разменным знаком, использовав тот запас серебра, который имеется в распоряжении правительства. Здесь речь идет о десятках миллионов золотых рублей. В силу того, что советский знак почти вытеснен и с каждым днем вытесняется все больше и больше, с этой реформой необходимо спешить.

Но необходимо вместе с тем провести целый ряд мер, которые бы обеспечили успех этой реформы. В числе этих мер на первое место необходимо выдвинуть дальнейшую борьбу с дефицитностью, которую мы проводили за весь истекший год с значительным успехом. В настоящий момент мы имеем дефицит в гораздо меньшем размере, чем это было раньше. Так, если вы возьмете роль эмиссии, из которой обычно дефицит покрывался (кроме того, он покрывался займами и кредитными операциями), то окажется, что эмиссия в квартале октябрь — декабрь составляла 47% бюджета, январь — март 32%, апрель—июнь 29%, июль—сентябрь всего 17%. Таким образом, с 47% она сведена до 17% на протяжении года.

Кроме этого, необходима суровая борьба со всякого рода излишними накладными расходами. И, в-третьих, необходимо увеличить наш золотой фонд, валютный фонд, для обеспечения твердости нашего червонца и всего нашего денежного обращения.

В связи с вопросом о золотом фонде нельзя не коснуться вопроса, поднятого на дискуссии, об активном и пассивном балансе и возможности в настоящее время ввести пассивный баланс для нас. Я не буду приводить длинных цифр, вы сможете их прочесть в газетах или специальных брошюрах, которые будут вам розданы. По отношению к внешней торговле я ограничусь только двумя цифрами. В 1921 году мы имели превышение ввоза над вывозом на 188.124.000 руб. В 1922 году мы имели превышение ввоза над вывозом на 188.252.000 р. Такое превышение ввоза над вывозом было возможно только за счет

нашего золотого валютного фонда. Когда я говорил о металлической промышленности, я уже указал, что мы немало израсходовали на заказы паровозов, за счет нашего валютного фонда республики. Далее тот голод, который мы пережили в 1921 году, может повториться. Международное осложнение может наступить, червонец может заколебаться. Поэтому может ли наше советское государство остаться без всякого золотого фонда? По-моему, не может. Поскольку мы до сих пор из года в год золотой фонд расходовали, теперь немножко пополнить его совсем не вредно, ибо еще неизвестно, что будет с голодом, что будет с войной, и не понадобится ли нам валюта для подкрепления нашего червонца и нашего бумажного обращения.

Но та директива, которая дается в резолюции ЦК партии, некоторыми была неправильно понята. Толковали активный баланс в таком виде, что ЦК предлагает накопить горы золота, сложить это у Сокольникова, поставить туда роту солдат и — пускай лежит. Есть баланс активный, есть баланс пассивный, третьего я не знаю. Пассивный баланс для нас теперь невозможен, потому что мы не можем купить больше, чем продаем, потому что у нас „купила“ нет. Это самое „купило“ нужно получить обязательно, во что бы то ни стало. Для чего?

В первую очередь для того, конечно, чтобы купить сырье для промышленности, всяческое оборудование и т. д. И если окажется возможным (это нужно с карандашом подсчитать), остаток надо отложить. В резолюции специально сказано, что доходы должны быть использованы для закупки сырья и оборудования нашей промышленности. Нужно иметь в виду, что когда мы будем рассматривать этот самый активный баланс, то мы сможем, вероятно, 80 или 90, или не знаю сколько, процентов израсходовать на поддержание хозяйства, а 9 или 10% или больше оставить на случай международных осложнений, голода в Поволжье или на случай колебания нашей валюты. Ругать нас меркантилистами,—как меня обругал на одном заседании один ученый человек, который помнил, что когда-то какие-то меркантилисты были,—нельзя, и резолюцию ЦК партии нужно поддерживать полностью и целиком.

Я перехожу к последнему вопросу, к вопросу о плановом хозяйстве. Вы знаете, что этого вопроса мы касались в двух резолюциях: и в резолюции о демократии, и в резолюции об экономической политике. Конечно, это указывает на важность вопроса, указывает на необходимость для партии сделать максимальные усилия для того, чтобы работа наших хозяйственных органов проходила более согласованно, чем это было за истекшее время. И тут мы в своей резолюции подчеркнули следующие главнейшие моменты плановости: усиление роли Госплана в области кредитной и финансовой политики и необходимость для Госплана уделить максимальное внимание систематическому изучению рынка для того, чтобы он мог сигнализовать правительству и партии приближение тех или других осложнений в области обмена и товарооборота. В специальном абзаце буквально сказано, „что ближайшей обязанностью Госплана должно стать систематическое изучение текущей рыночной конъюнктуры и выработка основных мероприятий в целях воздействия на складывающиеся рыночные отношения“. Я думаю, что из кризиса этот урок, специально подчеркнутый ЦК партии, нужно вывести во что бы то ни стало. Но тут дискуссией в печати был поставлен другой вопрос—о составлении плана, при чем, какой план нам нужно составить после плана, утвержденного 8-м съездом Советов, мне никто объяснить не мог. По-моему, план восстановления хозяйства имеется, он утвержден и партией, и съездом Советов и введен в закон. Дальней-

шее все должно приспособляться к осуществлению этого плана, который имеется в плане электрификации страны, и который дает экономические и технические основы для господства пролетариата и полную гарантию в том, что мы перейдем от политического господства рабочего класса к экономическому господству высоко организованных средств производства. Это дано в плане электрификации. Все остальное должно быть приспособлено к тому, чтобы осуществить этот план.

Все остальное должно быть приспособлено к этому, и должно стремиться максимально согласовать работу отдельных органов. Этот вопрос о максимальном согласовании я дискутировал раза три или четыре с тов. Преображенским,—он будет выступать здесь,—и в конце-концов, как-будто было единогласие полное. Ведь, в области плана текущей работы важно не столько написать его, сколько практически осуществлять. Спрашивается: в области торговли в настоящее время, когда мы с вами зависим от разносчика (а в целом ряде волостей разносчиком является цыган, который торгует и ворует) (смех), и никого другого нет, можно ли осуществить план обмена, сбыта? Конечно, написать план можно, но главный план—это организовать торговлю, организовать кооперацию, чтобы идиотских накладных расходов не было. Тут нужна не работа литераторов и экономистов, а работа организатора и практика,—в области торговли мы еще не имеем основного рычага для проведения плана. Когда цыган и ворует, и торгует, он не может быть нашим агентом.

В целом ряде других областей у нас уже созданы предпосылки для планового маневрирования. В области кредита мы имеем государственный банк, промышленный банк, теперь организуем сельскохозяйственный банк и банк внешней торговли. Это даст возможность плановым органам маневрировать.

Использована ли эта предпосылка для планового текущего руководства? Использована, но не везде и не всегда. Неудачи здесь были, в некоторых областях больше, в некоторых—меньше. Улучшилось ли осуществление планового хозяйства за истекший год, увеличилась ли согласованность в деятельности хозяйственных органов? Конечно, улучшение есть, каждый это знает. За весь истекший год, если вы возьмете промышленность, то увидите, что она росла из месяца в месяц совершенно ровной линией, без единого кризиса, без всяких колебаний, без перебоев в снабжении топливом, сырьем и т. д. Были отдельные недоразумения, особенно в области заработной платы, но развитие продукции шло вверх из месяца в месяц. Возьмите план внешней торговли, он составлен и проведен за истекший год лучше, чем когда бы то ни было.

Может ли наш Госплан хотя бы на год составить примерный общий баланс по всем отраслям хозяйства, по торговле, кооперации и т. д. на следующий год? Еще не может. Он может составить общий хозяйственный баланс за прошлый год, а вперед составить не может. И если он не может составить этот план на основе реального учета реальных сил и организационных предпосылок, которые у нас имеются, то что же остается? Работа литератора, который может этот план выдумать. Я недавно рассказывал, что у меня во время военного коммунизма в ВСНХ было поставлено дело так, что по телефону скажешь, а через три часа тебе дают план с цифрами, расписанный и красными, и синими кружочками, квадратами и т. п. Сидит себе спец-литератор,—спец для этой надобности в любом учреждении имеется,—и дело это шлепает. Имеет ли это какое-нибудь плановое значение? Конечно, не имеет. Разумеется, плохо, что у нас нет возможности составить настоящий план,—это указывает на отсутствие учета, на отсутствие организационной подготовки, на отсталость нашего хозяйства.

Этот общий полный план даже на год вперед может покоиться только на основе точного, проверенного опытом учета и хорошей организации промышленности, торговли и всего хозяйства. А у нас с вами еще цыгане и торгуют, и воруют; в целом ряде областей учета нет, и мы его еще не в состоянии составить и за прошлый год. Конечно, это плохо. Но тогда, когда мы с вами сможем составить общий точный план всего хозяйства для всего Союза, когда мы сможем, опираясь на единую организацию всего хозяйства, этот план проводить в жизнь, тогда будет не переходный период, а социалистический, ибо тогда будет и единая система, и всеобщий учет, и единая организация всего хозяйства. Мы должны этого добиваться на протяжении ряда лет.

Конечно, теперь имеется гораздо больше предпосылок для планового руководства, чем это было раньше. Мы сделали успехи несколько меньшие, чем позволяли эти предпосылки. И потому ЦК партии предлагает внести целый ряд поправок в деятельность плановых органов для их усиления. Но если бы кто-нибудь спросил меня сейчас: а сможем ли мы учесть теперь, когда планируется вся промышленность на следующий год, рыночные отношения к осени следующего года, я сказал бы: „не сможем". Ведь, у нас 16 миллионов крестьянских хозяйств, сотни миллионов десятин. Если урожай выйдет не ниже среднего, а средний,—тогда будет один рынок; ниже среднего—другой рынок; выше среднего—третий, а хороший увеличит товарные излишки в несколько раз.

Отчего они, т.-е. урожаи, зависят? От дождичка. Наше сельское хозяйство пока еще самое отсталое, оно зависит от дождичка и от всяких других природных условий, которых заранее не учтешь. При такого рода сложной обстановке политика должна заключаться в образовании максимальных резервов и на случай хорошего, и на случай плохого урожая. Для этого должны быть резервы и в товарах, и в кредите, и в денежном обращении, и во внешней торговле. При отсталости и недостаточной изученности нашего рынка и его случайных колебаний мы имеем единственную возможность развернуться в случае кризиса—в резервах. Этим я не хочу отрицать возможности всяческого улучшения нашего планового хозяйства и усиления Госплана. В этом отношении мы изыскивали всяческие способы. Мы послали в Госплан тов. Пятакова. Он был там и ушел. Мы послали тов. Смилгу, который обнаружил себя великолепным плановиком в области топливного хозяйства, но он тоже хочет оттуда уходить в сельскохозяйственный банк. Командировали теперь Цюрупу и отнимаем у тов. Сокольникова тов. Владимирова для того, чтобы поднять Госплан и помочь ему в его работе, о которой совсем нельзя сказать, чтобы она шла плохо, но которая, несомненно, может отстать от темпа жизни. Госплан теперь делается особенно ответственным органом, потому что мы и кредитную политику, и финансовую вводим в план в гораздо большей степени, чем это было до настоящего времени. Но этой одной реорганизации Госплана слишком мало. Я считаю предрассудком, если кто-нибудь думает, что можно в нашей стране от Владивостока до Петрограда, от Мурманска до Одессы иметь плановую комиссию в Москве, в ней составлять все планы и из нее управлять. Это—сущие пустяки. Мы еще только перешли к приспособлению организации Союза наших республик к плановому хозяйству, начав с районирования Урала, организацией плановых органов на местах, организацией областных органов и увязкой в областных и местных масштабах разных сторон нашей действительности. Эту политику необходимо проводить дальше. Эти плановые комиссии на местах надо еще совершенствовать, им надо предоставить необходимую автономию, и только в результате

этой децентрализованной настойчивой работы мы получим необходимую базу для развития нашего планового хозяйства.

Председательствующий. Товарищи, переходим к прениям. Слово имеет т. Пятаков.

Пятаков. Товарищи! Конечно, если к сложнейшим и труднейшим проблемам хозяйства Союза Республик и к проблемам строительства государствен. хозяйства подходить с точки зрения „дождичка“, в зависимости от „дождичка“ решать вопросы о строительстве государственного хозяйства и создании плана, то, разумеется, надо вопрос о плановом хозяйстве, вопрос о плане сдать в архив, поставить крест над ним и подчиниться развитию стихии, так как „дождичек“, разумеется, планированию не поддается. Я думаю, товарищи, что для такой пессимистической оценки у нас оснований нет. Если подходить опросу о плановом хозяйстве так, как подошел т. Рыков, т.-е. к созданию плана всего народного хозяйства Союза Республик, включая и крестьянское, то, разумеется, мы должны сказать: такого плана создать в настоящий момент, при наличии колоссальнейшего по размерам крестьянского хозяйства, нельзя. Но не надо забывать другого, что наша хозяйственная система, система хозяйства Союза Республик, крайне сложна и внутренне противоречива. Мы имеем фактически частно-собственническое, крестьянское хозяйство, имеем зачатки развивающегося капиталистического хозяйства и имеем составляющий немалую часть всего народного хозяйства зародыш социалистического хозяйства, состоящий из нашего государственного и кооперативного хозяйства. Когда мы говорим о плане и управлении хозяйством, то в первую очередь и в первую голову встает вопрос об управлении государственным хозяйством, о внесении сознательности и систематичности, т.-е. планомерности, в это управление. Этот вопрос является не просто академическим рассуждением, что вот хорошо было бы, если бы наше крайне неупорядоченное, не связанное внутренними скрепами государственное хозяйство причесать и создать из него более упорядоченную, стройную систему. Этот вопрос имеет для нас колоссальнейшее практическое значение под углом зрения развития заложенных в хозяйстве нашего Союза Республик двух начал: капиталистического и социалистического. Если мы своевременно не сумеем справиться с вопросом укрепления государственного хозяйства, если мы предоставим стихии нэп'а развиваться так, как она развивается до сих пор, то мы рискуем, что в течение ближайших лет капиталистическое начало начнет „забивать“ начало социалистическое, т.-е. начнет душить наше государственное и кооперативное хозяйство.

Тов. Рыков в значительной мере облегчил мне мою задачу, нарисовав вам, как обстоит дело у нас с торговлей. Тов. Рыков показал вам, что в торговле фактически господствует частный торговец. Для того, чтобы немножко подкрепить т. Рыкова, я приведу последние данные о торговле в нашей центральной, Московской губернии, которая находится под боком у правительства и у Центрального Комитета партии. И вот в этой-то губернии мы имеем такое соотношение лавок,— не разносчиков, о которых говорил т. Рыков, а торговых заведений,— 4.195 частных, 48 государственных и 767 кооперативных. Другими словами, мы имеем соотношение такого рода: кооперативная торговля составляет 15%, государственная — 0,9% и частная торговля — 84%. Вот какое положение торговли мы имеем в Московской губернии. В области торговли можно сказать уже совершенно определенно, что торговая смычка с крестьянином находится в значительной мере в руках частного предпринимателя,—это раз. Теперь два,— в области промышленности мы имеем сейчас только первые ласточки,

только начало процесса капиталистического развития: с одной стороны—арендная промышленность, с другой стороны — концессионная промышленность. В течение последнего года мы заключили еще небольшое сравнительно количество промышленных концессионных договоров, но первые промышленные концессии уже существуют, уже имеются концессионные промышленные предприятия. А перспективы говорят, что в ближайшем году количество их еще более увеличится. Это само по себе не плохо, а хорошо,—это содействует развитию хозяйства; но если в дальнейшем мы предоставим частную капиталистическую торговлю, в особенности в деревне, своему развитию, если в это же самое время частно-капиталистическая промышленность будет развиваться в ущерб государственной (а она будет развиваться именно так, если мы не сделаем то, о чем я буду говорить дальше), то в борьбе частных предприятий с государственными победу будут на первых порах одерживать частные предприятия. Почему? По той простой причине, что, во-первых, частные предприятия сильнее капиталом, а во-вторых, они сильнее опытом и умением ориентироваться на рынке. Мы еще этого опыта, этого умения не имеем, хотя постепенно приобретаем. В этом отношении мы еще слабы, каждое предприятие в отдельности слабее частного предприятия, но оно в то же время значительно сильнее, не потому, что оно *называется* государственным, не потому, что оно *принадлежит* пролетарскому государству, а оно сильнее потому, что оно является составной частью одной громадной системы государственного хозяйства, в которой находятся и государственный банк, и промышленный банк, и железные дороги, и наши государственные предприятия по внешней торговле, и наши государственные предприятия по внутренней торговле, сюда входят наши государственные промышленные предприятия и т. д. В этом мы обладаем громадной потенциальной силой государственного хозяйства, отдельные части которого могут и должны поддерживать друг-друга в борьбе против частно-капиталистического хозяйства. В этом гвоздь вопроса. Кто не понимает того, что очередной задачей нашей является собирание всех государственных предприятий в одну систему государственного хозяйства, объединенного и, так сказать, сознательно направляемого, планово направляемого в ту сторону, в которую это нам необходимо,—тот не понимает того, что в борьбе между частно-капиталистическим началом, которое развивается, и государственным, социалистическим началом неизбежно поражение будет терпеть государственное, социалистическое начало. Этот вопрос имеет колоссальнейшее принципиальное и практическое значение. Тов. Каменев вчера, выступая на пленуме Центрального Комитета против меня, подменил эту задачу задачей организации только государственной промышленности (что тоже немаловажно), заявив, что мы-де эту задачу перед вами (т.-е. передо мною) поставили, когда посылали вас в ВСНХ.

Последняя задача есть частная задача, задача организации части государственного хозяйства, а именно государственной промышленности. Когда ЦК постановил послать меня в ВСНХ и дал определенную директиву, то первым делом я поставил перед собой задачу подтянуть отчетность, чтобы выяснить, что же мы имеем в наших государственных промышленных предприятиях; во-вторых, я поставил перед собой задачу построить управление государственными трестами так, чтобы, с одной стороны, государственные тресты имели полную свободу и возможность маневрирования на рынке, а с другой стороны, были бы частью одной системы геспромышленности, которая проводит и определенную политику цен, и определенную политику прибыли, и поддержку отдельных предприятий, поддерживая друг-друга в борьбе с частным капиталом и т. п. Для этого нужно было в первую очередь

отделить функции управления от функций общего регулирования промышленности. Все это мною не было проведено по не зависящим от меня причинам (я должен был уехать), но сейчас эта работа продолжается. В мое отсутствие, однако, дело не подвинулось ни на шаг вперед. Тогда ЦК согласился, что в области промышленности нужно отделить функции управления от функций общего регулирования всей промышленности: частной, концессионной, местной, государственной и т. д. Мы, таким образом, разделяем ВСНХ на две части: первая—главное экономическое управление, ведающее общим регулированием промышленности: выработкой законов, обязательных постановлений, техническим надзором, горным надзором и т. д., и вторая—центральное управление государственной промышленностью, которое имеет задачи только управления, над которыми должно и будет работать это управление. Мы поставили перед собой задачу управления теми 72 трестами, которые переданы постановлением ЦИК СССР в ведение ВСНХ, и будем эту задачу теперь решать, не скрывая от себя тех трудностей, на которые мы при решении ее натолкнемся. Когда я эту реформу докладывал ЦКК совместно с НК РКИ, то у многих возникла мысль: а как же дальше? Совершенно ясно, что остальное государственное хозяйство, если будет эта реформа проведена, не сможет остаться в таком же положении, в каком оно находится сейчас. Реформа ВСНХ требует реформы и центральных органов. Когда Госбанк, государственные предприятия по внешней и внутренней торговле, государственный транспорт, промышленные предприятия не увязаны друг с другом, когда нет согласованности в оперативной работе, то надо поставить вопрос: будет ли так продолжаться дальше. И я утверждаю, что если ЦК встал на точку зрения необходимости соответствующей реформы в управлении промышленностью, то он должен будет поставить задачу организации всего государственного хозяйства и постановку проблемы управления этим хозяйством.

Это первый вопрос, по поводу которого я нахожу нужным внести дополнение к тезисам ЦК.

Второй вопрос состоит в том, что если мы построим такую систему управления государственным хозяйством (подчеркиваю: всем государственным хозяйством, не крестьянским, не частным, а именно той частью народного хозяйства, которая находится в собственности у пролетарского государства), то совершенно ясно, что мы должны подойти к этому нашему хозяйству с каким-то планом работы. Когда маленький лавочник или мелкое предприятие начинает или ведет свою работу, оно имеет известный оперативный план своей работы. А мы фактически даже не знаем нашего государственного хозяйства. Почему? Вовсе не потому, что плохи Рыков или Каменев, что плохи те или иные отдельные товарищи,—нет, а потому, что мы до сих пор практически не подошли к постановке, к решению задачи создания системы и плана ведения нашего хозяйства. Я хочу пояснить это на конкретном примере: я напомню (тут сидит тов. Каменев, и я надеюсь, он не откажется подтвердить, что это верно) здесь о том, как, например, решался вопрос об организационной форме даже отдельных хозяйственных предприятий. Тов. Каменев только пришел тогда в СНК и натолкнулся на одно из больных, действительно, нелепых явлений в нашей жизни, именно на то, что государственные промышленные предприятия являются неоформленными предприятиями, на то, что мы не знаем, что же представляют собою наши „тресты“. И тогда прежде всего т. Каменев поставил задачу во что бы то ни стало добиться оформления этой низовой ячейки государственного хозяйства,—государственного треста. В результате длительной, очень трудной и упорной работы, в которой я принимал довольно энергичное и, надеюсь, небесполезное участие,

нам удалось этот „трест“ оформить. Сперва была поставлена задача, приступили к ее решению и нашли это решение. Но вот оформили трест; он существует, форма его для всех ясна. Но существует он по самой своей теперешней природе, как независимое предприятие, как такое же по форме частно-собственническое предприятие, как и любое действительно частное предприятие. Правление треста работает так, как действовал бы директор частного предприятия. Его деятельность регулируется только рынком и общими законами. Поэтому я говорю, что теперь перед нами стоит следующая задача, которой тезисы ЦК не выдвигают, и не случайно не выдвигают. Во всей практике последнего времени ЦК к этой задаче не подходил. Задача состоит в следующем: собрать все предприятия в единую систему. Подумайте о том, как это сделать,—как мы думали над проблемой треста в комиссии Каменева. Нужно расширить опыт и поставить перед всей партией вопрос и подойти, наконец, к его разрешению. Это не маловажный, второстепенный, а решающий вопрос нашего дальнейшего развития —вопрос о том, как мы будем управлять нашим государственным хозяйством, и как нужно проводить план, прежде всего, в нашем государственном хозяйстве. Если мы не выпятим со всей силой, со всей энергией именно эти два вопроса, то мы не решим проблемы смычки, ибо будет смычка частного капиталиста с крестьянином, а не государственного хозяйства с крестьянским хозяйством. С другой стороны, мы загубим наш зародыш социалистического хозяйства, и стихия выдвинет против нас частно-капиталистическое начало, которое будет крепнуть за наш счет. Другими словами, мы не получим перспектив социалистического развития. Понятно, если кто-нибудь будет возражать, что нельзя построить в этом году социализма, — я спорить с ним не буду. Но нам надо со всей энергией давить в этом направлении и поставить проблему об управлении государственным хозяйством и не отмахиваться от плана „дождичком“.

Насколько у нас действительно на практике не поставлены эти вопросы,—свидетельствует доклад т. Рыкова. Как он говорит? Помилуйте, мы усиливаем Госплан такими-то людьми, мы в ВСНХ послали таких-то людей, все благополучно. Я говорю, дело не в людях, а в определенной системе, которую надо построить, и которая не строится, и задача построения которой в тезисах ЦК не поставлена. Что получается на практике? Получается следующее: когда на совещании трестовиков с президиумом ВСНХ в мое отсутствие трестовики жаловались на отсутствие руководства со стороны ВСНХ, то тов. Рыков говорил: я за это дело не отвечаю, мое дело сторона. Это говорит председатель ВСНХ. Встает заместитель председателя ВСНХ тов. Богданов и говорит: я за руководство не отвечаю. Кто же отвечает? Ни председатель, ни заместитель не отвечают за руководство. Второй заместитель, ваш покорнейший слуга, в это время вообще в пределах Советской Республики не существует. Спрашивается: кто руководит трестами? Никто.

И всем нашим государственным хозяйством никто не руководит. Кто руководит (не из лиц, а из учреждений)? Пусть т. Каменев скажет, руководит ли Политбюро государственным хозяйством? Да, когда встают те или иные острые вопросы, когда они выпячиваются жизнью и доходят до Политбюро, Политбюро вынуждено их решать, и оно дает соответствующие директивы. Но занимается ли Политбюро систематически этими вопросами? По природе своей Политбюро не может заниматься вопросами увязки деятельности отдельных частей государственного хозяйства. СТО тоже не может, Совнарком тоже нет, Госплан тоже нет. Нет даже такого учреждения, которое этим делом система-

тически занимается, потому что вопрос этот практически мы даже еще не поставили, — я бы сказал больше: еще необходимость постановки этого вопроса нами не осознана; думаю, что в скором времени будет осознана. (Каменев: „Кто должен заниматься?")

Тов. Каменев задает мне „убийственный" вопрос: „Кто должен заниматься?" Если бы я сейчас имел рецепт, как надо построить государственное хозяйство, а Политбюро этого рецепта не имело, я бы сказал: товарищи, выгоните Политбюро ЦК, дайте мне власть, и я это хозяйство поставлю. Это смешная постановка вопроса. У меня есть свои предположения. Тов. Каменев знает их, если он не забыл того, что примерно полтора года назад я писал. Может-быть, неверны мои личные предположения, как это надо сделать. Поэтому я не хочу рассказывать, как, я лично думаю, надо построить управление государственным хозяйством. (Голоса: „Просим"). Я боюсь, что вы потом мне не дадите закончить мое слово. Я скажу, но прошу не засчитывать мне этого времени, т. к. конференции я свое решение не предлагаю.

Вы спрашиваете, как надо построить государственное хозяйство. Я подчеркиваю со всей силой, что это еще мои очень сырые, необработанные мысли, которые я не предполагал выносить и не выносил еще на широкое партийное собрание и даже на узкое, я о них только в свое время сообщал т. Каменеву. Я считаю, что задача прежде всего должна заключаться в том, чтобы мои предположения и предположения других товарищей собрать и обсудить. Как это сделать? Так, как мы делали с трестами. Тов. Каменев собрал мнения очень многих товарищей, и, в конце-концов, мы состряпали довольно хороший закон. Думаю, что если в тех или иных частях по этому вопросу я ошибаюсь, то при совместном, действительно серьезном, деловом обсуждении и практической постановке этого вопроса мы, в конце-концов, найдем истину.

Теперь, как я себе представляю это дело. Прежде всего нам надо наше государственное хозяйство организационно выделить и соответственную систему органов построить. Я немножко намекал на это. Мы имеем промышленные предприятия центрального значения, республиканского и промышленные предприятия местного значения. Каждая губерния должна иметь свое управление своими предприятиями, республики — свое, Союз Республик — свое. Я буду говорить только о Союзе Республик. Союз Республик имеет 72 треста, эти 72 треста возглавлены центральным управлением государственной промышленности. Дальше мы имеем другие части государственного хозяйства. Мы имеем целиком национализированный транспорт, имеем определенную банковскую систему, имеем некоторые государственные торговые предприятия. Все эти части должны быть объединены специальным органом. Я не знаю, будет ли это реорганизованный СТО, или будет создан для этого специальный орган, который будет ведать специально делом управления государственным хозяйством. Но должен быть некоторый оперативный орган, который будет, с одной стороны, учитывать все наше государственное хозяйство, с другой стороны, давать соответствующее направление деятельности отдельным отраслям хозяйства. Этот орган будет иметь специальную задачу, над решением которой мы будем работать не один год, — задачу управления государственным хозяйством. Не надо придавать ему другие функции, но надо подчинить всю его деятельность правительству. Вот как я рисую себе в самых общих чертах постройку этого дела. Может-быть, этот мой подход неправилен, — я не буду настаивать на нем. Предлагать эту систему мер я не собирался и пока-что не намерен.

Предлагайте другие способы, другие методы. с: „Мы не являемся содокладчиками“). Я не к вам, товарищ Голощекин, обращаюсь, а говорю, что те, кто возражает лишь против моих предложений о способе решения вопроса, пусть предложат другой способ, а не отмахиваются от самого вопроса. Я настаиваю лишь на том, что партия должна в центре своего внимания поставить сейчас задачу организации государственного хозяйства. Это есть задача, через которую нельзя перепрыгнуть,—задача, которая прет на нас из всех углов жизни, а не откуда-то из головы выдумана. И к этой задаче мы должны будем подойти даже, если вы мои поправки, в чем я не сомневаюсь, отклоните. Если мы неверно и в резолюции ЦК, и в последней практике ЦК подошли к этим коренным проблемам, то совершенно ясно, что и в некоторых частных проблемах в резолюции ЦК эти недостатки и недочеты получают свое отражение, и только поэтому я некоторые вопросы здесь затрону в тех поправках, которые буду вносить на голосование конференции нашей партии.

Прежде всего это постановка в резолюции и в последней практике ЦК вопроса о регулировании цен. Каждый из вас понимает, что мы сделали уже некоторый шаг по сравнению с первой, черновой формулировкой тов. Ленина о смычке. Вопрос о смычке есть в значительной мере вопрос о соотношении цен. Последний вопрос есть коренной вопрос нашей текущей экономической действительности. И вот как мы подходим к вопросу о регулировании цен? Это чрезвычайно показательный пример того, как не нужно вести наше государственное хозяйство. Мы думали (и в резолюции это сказано), что просто соответствующим распоряжением мы цены понизим, заставим тресты снизить накладные расходы, снизить прибыль, улучшить производство, и цены падут. Я утверждаю, что так дело не выйдет потому, что дело не только в этом, а и в количестве товаров, поступающих на рынок. Мы имеем уже некоторый опыт регулирования цен и имеем результаты этого опыта, на которые следует обратить внимание. Вот у меня есть справка о движении цен на сахар за последние полтора года, справка о том, как эти цены устанавливались Комиссией Внутренней Торговли, и по каким действительно ценам сахар продавался на московском вольном рынке. И вот подумайте над этими данными, учтя, что не меньше 80% торговли находится в руках частных лиц, при условии того, что частную торговлю указами регулировать мы не можем. Я оглашу эти цифры и прошу подумать над тем, куда идет разница между продажными ценами, по которым трест продает сахар, и той ценой, по которой покупатель покупает этот сахар. (Табл. см. на стр. 26).

Когда я теперь уже, в январе 24 г., спрашивал Ивана Ивановича Радченко, председателя правления Сахаротреста, как обстоит дело теперь, он мне сказал: „Мы продаем в Архангельске сахар по 9 р. 50 к., мы,—государственное промышленное предприятие, а сахар продается там на самом деле покупателю,—к тому же наиболее зажиточному и богатому покупателю, потому что только наиболее зажиточные могут покупать сахар по такой цене,—по 27—28 рублей. 9 р. и 27 р.,—разница в 18 р. Куда идет эта разница? Совершенно ясно, что эта разница идет не в карман Сахаротреста и не в карман покупателя. Мы таким регулированием цен добьемся не смычки крестьянства с нашей промышленностью, а добьемся накопления частного капитала и смычки частного предпринимателя с крестьянством.

Но вы меня спросите: как же нужно регулировать? Если у нас перепроизводство промышленных товаров, нужно заставить продавать товары по более низким ценам, для того, чтобы расширить их сбыт, и даже заставлять торговать в убыток, лишь бы

Цены на сахарный песок.

	Комвнуторг.	Вольный рынок.
1922 г.		
Сентябрь	29 р. 14 к.	31 р. 10 к.
Октябрь	7 „ 10 „	19 „ 20 „
Ноябрь.	7 „ 30 „	11 „ 50 „
Декабрь	6 „ 70 „	7 „ 60 „
1923 г.		
1 января	7 „ 71 „	8 „ 04 „
1 февраля	7 „ 07 „	6 „ 84 „ (ниже цены Комвнуторга!)
1 марта.	8 „ 33 „	9 р. 52 к.
1 апреля	7 „ 61 „	7 „ 23 „
1 мая.	8 „ — „	8 „ 70 „
1 июня.	8 „ — „	9 „ — „
1 июля.	9 „ — „	15 „ 40 „ (!)
1 августа.	9 „ — „	22 „ — „ (!!)
1 сентября	10 „ — „	14 „ — „
1 октября.	10 „ 85 „	15 „ 75 „

найти сбыт для товаров. Но тогда спрашивается, откуда „ножницы“, почему промышленные изделия стоят относительно дороже сельскохозяйственных? Почему „ножницы“ раздвигались так, как мы видели. Не ясно ли, что суть дела заключается в том, что мы имеем недопроизводство промышленных товаров. Мы имеем относительную недостачу промышленных изделий, и относительный избыток сельскохозяйственной продукции, относительный избыток, прежде всего, хлеба. Это можно показать цифрами. На этой почве мы имеем относительное вздорожание промышленных изделий и относительное удешевление сельскохозяйственных изделий. Следовательно, основной метод борьбы с „ножницами“ заключается в расширении производства, в расширении промышленности, прежде всего в расширении государственной промышленности. А из посылки тов. Рыкова вытекает неизбежно вывод: надо снижать цены ниже себестоимости, надо свертывать промышленность, чтобы привести ее в соответствие с сельским хозяйством. Другого вывода из его слов получить нельзя. Значит, первое—это есть расширение нашей государственной промышленности. Второе—расширение государственной промышленности наталкивается на известные затруднения, на недостаток наших капиталов. Для развертывания необходимо известное время и все такое прочее. Мы будем иметь перед собой слишком медленное развитие нашей государственной промышленности по сравнению с потребностями крестьян-

ского рынка. Что в это время делать? Делать ли то, что мы сейчас делаем, т.-е заставляем тресты продавать ниже рыночных цен, или же надо, заставляя тресты продавать ниже рыночных цен, одновременно принимать меры к тому, чтобы рыночные цены снижать. Вот так стоит вопрос. Если бы мы подошли к вопросу не только с точки зрения политической необходимости,—надо снижать цены,—а подошли бы также и с точки зрения экономической необходимости, с точки зрения организации и планомерного развития нашего государственного хозяйства в целом, то мы должны были бы сказать, что снизить цены надо. Надо бы, например, песок сахарный в Архангельске продавать по 9—10 р., а частный торговец продает там сахарный песок не по 10 р., а по 27 р. (голос с места: „Неужели?"), что вполне понятно при недостаточном количестве сахара на рынке. Но при этом, во-первых, покупают все равно лишь наиболее зажиточные слои, которые платят более высокую цену, и благодаря этому цена вздувается до такой степени, что менее зажиточные слои не могут покупать по этой цене, а во-вторых, разница цен идет в карман посредника.

Следовательно, это снижение цен мы должны непременно дополнить некоторой комбинацией экономических мероприятий, имеющих задачей воздействовать на реальное соотношение на рынке, в частности применить ввоз иностранных товаров для того, чтобы частный торговец не получал эту прибыль, эту разницу, а чтобы эта разница шла в карман государственный.

Мне часто приходилось встречаться с указанием, что такая постановка вопроса есть путь разрушения государственной промышленности. А я предлагаю вам подумать над тем, что же может разрушить государственную промышленность. Ввоз иностранных товаров сам по себе? Какой прежде всего ввоз? Я не предлагал и не предлагаю открытие границ. Я предполагаю наличие монополии внешней торговли, ввоз через наши государственные органы, ввоз строго определенных контингентов, в определенные сроки и в совершенно определенные местности. Так что же может разрушить промышленность: ввоз иностранных товаров, или снижение цен? Чем страшна иностранная конкуренция? Вовсе не тем, что иностранные товары появятся, а страшна тем, что цены могут упасть до такого уровня, при котором наша государственная промышленность не сможет работать. В этом суть нашего протекционизма, горячим сторонником коего я являюсь. Предлагаю ли я такое снижение цен? Нет, не предлагаю. Я что говорю? Если цена на рынке высока, а мы заставляем трест продавать ниже рыночной цены, то,—я вам читал таблицу цен Комвнуторга и цен вольного рынка,—мы должны сбить цену вольного рынка, т.-е. сбить не цену треста, а частного торговца. А это значит, что в качестве дополнения к административному регулированию цен нужно проводить соответствующие экономические мероприятия, в частности товарную интервенцию.

Вторая частная ошибка, которая имеется в экономических тезисах ЦК,—это ошибка по вопросу о прибыли. Приказ, который тов. Рыков здесь читал, принадлежит мне. Я его писал и, должен вам признаться, давно его не видел, но я скажу: подписал бы его сегодня от слова до слова, ибо считаю приказ принципиально совершенно правильным; иначе ставить вопрос для хозяйственных коммерческих предприятий нельзя.

Прежде всего маленькая историческая справка, а потом по существу. Справка заключается в том, что когда меня отправляли в ВСНХ, то в Политбюро и во всех наших верхушечных кругах стоном стоял крик: добиться прибыльности наших государственных промышленных предприятий во что бы то ни стало. Это было не только мое настроение, тогда это было всеобщим настроением. Пусть кто-нибудь

решиться выйти и сказать, что в июле 1923 года было другое настроение по вопросу о прибылях! Следовательно, я в этом отношении не выделялся, выделяюсь я только тем, что понимаю суть дела и сейчас, а некоторые перестали понимать суть дела, спутывая проблему „ножниц“ с проблемой прибыли наших трестов.

Вторая историческая справка. Закон о трестах, который мы писали вместе с тов. Каменевым, в статье первой говорит совершенно ясно: трест есть такое государственное предприятие, которое действует на коммерческих началах, т.-е. с целью извлечения прибыли. Этим законом мы ставим определенную задачу тресту,—задачу давать прибыль. Такова его цель. Этот закон был принят ЦК на пленуме, и даже чуть ли не съездом партии (точно не помню). Если мы даем такую задачу трестовику, он должен ее решать. Профсоюзы, партийные наши организации и высшие органы, стоящие над трестами, должны проверять работу этих трестов. Если мы ставим перед трестами задачу получения прибыли, то мы можем судить о качествах этих трестов, смотря по тому, выполняют они или не выполняют данную задачу.

Задача поставлена. Задача должна решаться. Теперь товарищи приходят и говорят: трестовики в погоне за прибылью, во-первых, взвинтили цены, во-вторых, они снижали заработную плату, вообще грабили рабочих и крестьян, и благодаря этому мы получили высокую прибыль. Отсюда вывод: нехорошо получать большую прибыль. Вот тут, товарищи, и проявляется в первую очередь недостаток нашей системы,—я бы не сказал: управления, потому что нет этого управления, а вообще нашей государственно-хозяйственной системы. Если мы трестовику определяем заработную плату,—фактически партийные органы, и в частности ЦК, определенные директивы давали (очевидно, и дальше будет давать) повышать или не повышать заработную плату,—во всяком случае мы сейчас берем известный курс на повышение заработной платы. Это одно условие, в которое мы ставим трестовика: заработную плату повышай. Второе требование, которое мы ставим трестовику: цены снижай. Снижаем цены и повышаем заработную плату. (Голос с места: „А накладные расходы?“) Позвольте, подождите. Вы только затвердили „накладные расходы“, а что к чему, не понимаете. Если мы заработную плату повышаем, цены понижаем и при этом требуем: „давай максимальную прибыль“, что это значит? Это значит, что изволь улучшать производство, изволь снижать накладные расходы, изволь поставить свое дело лучше. Во всяком случае, когда мы тебе определенные условия даем, — повышай заработную плату и снижай цены, — то в этих условиях ты во всяком случае должен дать максимальную прибыль. И если два аналогичных треста, скажем, два текстильных треста, действуют в одних и тех же условиях, все равно летом 23 года или зимой 24 года, то я скажу: если один трест дал много прибыли, больше, чем другой трест, то при прочих равных условиях он работал лучше, потому, что у него дело поставлено лучше. Я по этому признаку буду его судить. А вот вы предпочитаете итти другим путем, который, очевидно, совершенно и окончательно запутает наши тресты и профсоюзы и партийные наши организации, путем таким: мы говорим трестовику: „давай минимальную прибыль, т.-е. наименьшую прибыль“. Я уже не говорю о том, что это скверная формулировка, потому что минимальная прибыль есть нуль. Ставя задачу „давай наименьшую прибыль“, мы ставим задачу вести предприятие без прибыли и убытка, что в корне неправильно. Предполагаю, что товарищи, формулируя эту резолюцию, хотели сказать: „умеренную прибыль“, не „минимальную“, а умеренную, небольшую прибыль давай. К словам придираться не буду. Так

вот мы выставили требование: давай умеренную прибыль. Теперь трестовик, имея коллективный договор, заключенный с профсоюзом, где определяется размер заработной платы, имеет, допустим, регламентированную, регулированную и определенную максимальную продажную цену, выше которой он не смеет продавать, снижает накладные расходы, улучшает производство, нагоняет экономию на торговом аппарате, изгоняет посредников и, всякими путями изворачиваясь, находя новых покупателей, расширяя оборот и пр., увеличивает прибыль. В конце года в балансе у треста получается большая прибыль, и он приходит в ужас: помилуйте, я имел партийную директиву— умеренную прибыль. (Смех). Да, товарищи. (Голос с места: „Стыдно!"). Нет, не стыдно. Стыдно тому, кто не понимает всей связи этих вопросов между собой, а вырывает отдельные вопросы и дает неверные директивы. Что это так, скажу вам: 4 дня тому назад ко мне пришел один из председателей немаленького, довольно хорошего треста, работающего, с моей точки зрения, довольно удовлетворительно. Не плохой председатель треста. Пришел и говорит: „Я закончил свой баланс, и на балансе большая прибыль. Я боюсь ее выводить, потому что это может сейчас вызвать взрыв негодования". И это верно. Может-быть, вы так не понимаете, а партийная и рабочая масса и все, кто читает эти резолюции, будет понимать так. И в речи тов. Рыкова сегодня это также сквозило, что тот, кто дает большую прибыль, делает антигосударственное дело.

Суть же дела, вы видите, заключается не в лозунге „умеренная прибыль", а в правильной политике цен и правильной политике заработной платы. При этих условиях должно и необходимо установить твердую директиву: давай наибольшую прибыль. Иначе вести хозяйство нельзя, иначе мы развращаем наших хозяйственников, дезориентируем партию и низводим тресты до уровня казенных предприятий.

Теперь я перехожу к следующему вопросу, который тоже в резолюции ЦК и в речи тов. Рыкова в достаточной мере запутан,—это вопрос о нашем торговом внешнем балансе. (Шум). Товарищи, я 10 мин. лишних говорил, по вашему требованию, не о том, о чем хотел говорить.

Председательствующий. Вы говорите не 10 мин., а ровно 45.

Пятаков. Вы обещали мне полчаса.

Председательствующий. Я обещал вас не прерывать. Сколько еще вам нужно минут?

Пятаков. Еще минут десять. (Голос: „5 минут").

Председательствующий. Я голосую предложение дать тов. Пятакову еще 10 мин. Возражений нет? Принято.

Пятаков. Насчет активного баланса. Опять-таки благодаря тому, что у нас имеется известная несвязанность в деятельности различных частей государственного хозяйства и вследствие этого выпячивание в значительной степени вопросов финансовых, мы фактически сформулировали в тезисах ЦК то, что мы за последнее время делали. Во всяком случае до моего отъезда из Москвы, три месяца назад, мы имели определенный уклон в сторону зажима ввоза и получения так-называемого активного баланса. Прежде всего надо добиться полной ясности в постановке этого вопроса. Вчера тов. Каменев, как и в Колонном зале, объяснял активный баланс так: активный баланс — это, когда мы так торгуем с заграницей, что разница идет в нашу пользу; пассивный баланс—это, когда мы так торгуем с заграницей, что разница идет в пользу заграницы. Активный баланс — это совершенно определенное понятие, которое тов. Рыков более или менее ясно объяснил, и которое состоит вовсе не в том, в чью пользу идет разница,

а в том, в какой стране соответственно отлагается золото. (Голос: „Это в резолюции ЦК есть“).

Пятаков. В резолюции ЦК это не совсем так выражено. Так вот, товарищи, если мы выставляем требование в важнейшей и решающей, я бы сказал, резолюции ЦК, которая предопределит нашу политику на известный ближайший промежуток времени, — требование добиваться активного баланса, то что это значит? Это значит изо всех сил зажимать ввоз и нажимать на вывоз. Это есть политика активного торгового баланса. (Голос: „А почему изо всех сил?“).

Пятаков. И настолько изо всех сил, что эта разница составляет уже сто миллионов, а в будущем году будет не менее 200 миллионов, — это вещь, о которой стоит говорить, это немалая вещь. Поэтому я ставлю вопрос так: форсировать вывоз надо прежде всего под углом зрения подъема нашего крестьянского сельского хозяйства; с другой стороны — под углом зрения приобретения возможности закупки за границей того, чего нашему народному хозяйству нехватает.

Поэтому политика наша по внешней торговле должна строиться вовсе не по линии активного баланса, а по линии соответствия ввоза с вывозом, т.-е. форсируя вывоз, и по мере форсирования вывоза стараться ввозить то, чего у нас нет, и не добиваться, чтобы разница отлагалась в виде золота. Почему? Потому, что плохо, если мы будем накапливать золото? Конечно, нет. Говоря вообще, хорошо поднакопить немножко золота и даже множко, но своевременно ли это? Нет, не своевременно. Сейчас несвоевременно потому, что мы нуждаемся сейчас не в золоте, а в оживлении нашей промышленности и нашего хозяйства, чего путем отложения золота у Сокольникова или Шейнмана сделать нельзя.

Вместо политики активного баланса мы должны установить политику соответствия ввоза и вывоза. Если при этом мы выставляем требования (это в резолюции сказано и совершенно правильно) добиваться иностранного займа и проводить дальше политику привлечения иностранного капитала в страну, то спрашивается: в товарном выражении что это значит, когда мы заключаем заем? Значит ли это, что мы ввозим золотую или равноценную золоту иностранную валюту? Нет, это значит, что мы хотим ввозить товары на соответствующую сумму, хотя бы мы получили заем золотом. Что значит ввоз иностранного капитала хотя бы в виде концессионного привлечения или в другой форме? Это в конечном счете означает ввоз соответствующего количества иностранных товаров. В этом положительное значение иностранного займа и концессионной политики. Выставляя одновременно в качестве требования или задачи нашей экономической политики заключение иностранных займов и привлечение иностранного капитала, в то же время выставлять требования активного торгового баланса—это значит не связывать промышленность с торговлей и с нашими финансами. Эти некоторые частные ошибки я пытаюсь исправить, внеся сформулированные поправки, которые будут розданы, и которые вы сможете прочитать и продумать. Они возвращают нас к тому же вопросу, с которого я начал. Это вопрос о необходимости проведения плана, о создании системы государственного хозяйства и постановке задачи управления государственным хозяйством для того, чтобы в борьбе двух тенденций, стихии нэп'а, товарно-капиталистической стихии, и стихии государственного социалистического начала победа осталась на стороне государственного социалистического начала. В этом состоит разница между постановкой вопроса в тезисах ЦК и той постановкой вопроса, которую даю я.

Еще два слова. Означает ли это, что этим я противопоставляю

свою линию в экономической политике линии ЦК? Ни в малейшей степени. Это означает только, что Политбюро, проводя правильную линию в области нашего хозяйства, не ставит еще практически тех вопросов, которые уже нужно поставить, которые, так-сказать, жизнь сама выпирает, и которые нужно в ближайшее время поставить обязательно для того, чтобы стихия нэп'а, стихия капиталистическая, нас не захлеснула и не утопила те зачатки социалистического хозяйства, которые мы имеем в виде кооперативного и государственного хозяйства.

Председательствующий. По регламенту мы должны кончать в 10 часов.

Объявляется перерыв до 11 часов утра завтрашнего дня.

Заседание второе.

(17 января 1924 года, дневное).

Каменев (председательствующий). Заседание возобновляется. Переходим к продолжению прений по первому пункту порядка дня. Слово имеет тов. Лутовинов.

Лутовинов. Товарищи, зная экономическое положение страны, а следовательно, и возможности повышения реальной заработной платы, мы не можем себе позволить, несмотря на самое тяжелое экономическое положение рабочего класса, роскоши в данный момент огульного и сколько-нибудь ощутимого повышения зарплаты. Поэтому мы не можем говорить в резолюции о повышении заработной платы в таком виде, как это в ней сказано. В этот абзац экономической резолюции абсолютно необходимо внести совершенно конкретное содержание, без которого эта резолюция о повышении заработной платы будет являться ничего не дающей декларацией. В данный момент мы можем говорить не о повышении зарплаты для всех отраслей промышленных рабочих, а только лишь о подтягивании отдельных отраслей промышленности и отдельных областей, отставших в заработной плате, как, например, Донбасс и Урал. Это является основной и, если хотите, боевой задачей в области политики зарплаты. Вчера тов. Рыков назвал цифру 85 или 86% повышения реальной заработной платы за год и в то же время внес корректив профессионалистов, процент которых сводится к шестидесяти с чем-то. Может-быть, номинально эта цифра и будет соответствовать тому, что сказал Рыков, но фактически в действительности этого повышения нет. Фактически реальная заработная плата, вследствие несвоевременной выплаты, вследствие падения курса рубля, значительно ниже. И поэтому основной задачей в данный момент является укрепление достигнутого уже уровня путем страхования. Вы знаете, что у нас сейчас существуют самые различные исчисления заработной платы: имеется исчисление в так-называемом товарном рубле, имеется исчисление в червонном рубле и просто в советских знаках. Отчего реальная заработная плата снижается,—я покажу вам на примере нескольких отраслей промышленности и нескольких областей.

Мы должны поставить перед собою задачу застраховать от падения и от обесценения реальную заработную плату. Необходимо сейчас, после опыта исчисления зарплаты в червонных рублях, установить товарное исчисление, которое является наиболее правильным и более или менее соответствующим действительности. Ни в коем случае другой метод исчисления заработной платы не пригоден в данный момент. Опыт червонного исчисления показывает, что при падении покупатель-

ной способности червонца заработная плата понижается реально следующим образом: у железнодорожников по всему союзу, в котором имеется 150 тысяч рабочих, понижение это составляет за ноябрь—декабрь 18%. Этот процент повышается для Ростова до 21,7%, а для Киева достигает 37%. Таким образом, если говорить о повышении реальной заработной платы, то наилучшим повышением будет закрепление того уровня, которого мы сейчас уже достигли.

В Донбассе такая же история. В Донбассе, где установлено 6 червонных рублей для 1-го разряда на 1-е ноября, к 22 му декабря, из-за падения покупательной способности червонца на 22%, реальная заработная плата также понизилась. Эти цифры красноречиво говорят, что сейчас необходимо во что бы то ни стало застраховать заработную плату от ее обесценения.

Из-за несвоевременной выплаты зарплаты мы имеем следующую картину: по Уралу в октябре по Челябинским копям причиталось 16,72 товарного рубля, фактически получено—6,81; по Егорьевским копям причиталось 27,34, фактически получено—15,79; по Верхне-Исетскому заводу причиталось 38,14, получено—27,8. Указанная потеря по этой же причине по генеральному договору достигает для ноября и декабря 30%.

Недавно в бюро фракции ВЦСПС этот вопрос обсуждался, и мы решили войти с предложением в Центральный Комитет и сюда, на конференцию, об установлении следующего: 1) учитывая опыт исчисления заработной платы в червонцах, считать этот метод невыгодным для рабочих и в данное время дальнейший переход от исчисления в товарных рублях к исчислению в червонных прекратить; 2) в тех отраслях промышленности, где уже совершен переход на червонное исчисление, в целях сохранения реальной заработной платы, провести ежемесячный пересмотр коллективных договоров на предмет выравнивания заработной платы в зависимости от движения товарного рубля; 3) установить, как общее правило, пересчет заработной платы в червонцы в срок исчисления ее в товарных рублях с выплатой по курсу дня расплаты; 4) немедленно приступить к реальному подтягиванию заработной платы отсталых отраслей промышленности: горной, металлической, текстильной и транспорта и отдельных районов, из них в первую очередь Донбасса и Урала.

Кончая, товарищи, я хотел бы сказать несколько слов о практике наших партийных организаций. Наши организации, например, в Донбассе и на Урале, несмотря на вполне правильные директивы Центрального Комитета и пленума и Политбюро, практику заработной платы понимают совершенно своеобразно. Независимо от переговоров профессионалистов с хозяйственниками, независимо часто от желания хозяйственников, повысить или не повысить заработную плату, они обязывают профессионалистов подписывать те коллективные договоры, которые, по всем признакам, уже в момент заключения снижают реальную заработную плату. У нас было несколько таких фактов, когда мы из Донбасса переносили вопрос о заключении колдоговоров в центр, вызывая сюда представителей обеих сторон. И только здесь мы могли добиться сохранения хотя бы уже установленной раньше реальной заработной платы. На местах добиться этого совершенно невозможно. Я считаю, что и для партии, и для всей нашей работы вообще абсолютно необходимо такую практику уничтожить.

Таковы, по-моему, основные задачи, которые мы сейчас должны перед собой поставить в области политики заработной платы.

Председательствующий. Слово имеет т. Преображенский.

Преображенский. Товарищи, я намерен коснуться трех вопросов: социалистического накопления, нэповского накопления и нашей финансовой реформы.

Тов. Пятаков совершенно правильно подчеркнул здесь, что мы должны отличать законы вытеснения социализмом досоциалистических и докапиталистических форм хозяйства и законы вытеснения капитализмом докапиталистических форм. Между тем, у нас происходят совершенно вульгарные смешения в этом вопросе. Мы не должны, товарищи, принижать теорию в нашей партии, и поэтому мы, вступившие в эпоху строительства социализма, должны осмыслить все тенденции в нашем хозяйстве, которые перед нами проходят. Сила нашей партии всегда была в том, что мы сначала теоретически, по отдельным признакам нащупывали процессы, которые потом полностью развиваются. Уже теперь на опыте нашего советского хозяйства мы можем констатировать различие между законами социалистического накопления и законами капиталистического накопления. Сущность капиталистического накопления заключалась в том, что каждое отдельное предприятие более крупное, технически более высокое, в конкурентной борьбе побивало ремесло и кустарную промышленность. И потребитель-покупатель решал судьбы того и другого способа производства, покупая более дешовые товары. Это происходило в обстановке чаще всего манчестерского отношения государства к этому процессу, хотя оно и поддерживало в других формах промышленность.

У нас, товарищи, другое положение. Наши отдельные предприятия, даже отдельные тресты в обстановке чисто-конкурентной борьбы могут подвергаться всем опасностям постепенного их перерождения и рассасывания в предприятия капиталистической формы. И их сила не в том заключается, что они таким путем могут одержать победу, а в том, что все государственное хозяйство, весь комплекс его будет выступать, как единое целое. И весь в целом окажется сильней нэп'а.

Если взять, как отдельные прутики, наши предприятия и тресты, то конкуренция нэп'а может их в отдельности сломать; когда же мы возьмем их связанными веревкой общегосударственной политики, тогда они в состоянии будут вести борьбу, как единое целое. Мы должны перенести это на наши ж.-д. тарифы, на нашу политику цен, а именно, проводя ее тогда, когда трест продает частному торговцу. С этим надо комбинировать политику налогов. В целом мы должны иметь разработанное твердое плановое наступление. Приходится констатировать непонимание со стороны целого ряда товарищей того, что наше хозяйство сейчас вплотную подошло к тому пункту, когда наша бесплановость в области хозяйства является тормозом для развития производительных сил государственной промышленности и для дальнейшей успешной борьбы с нэповским накоплением.

Все это касается самой формы социалистического накопления; тут должна быть полная внутренняя связанность тезисов ЦК, между тем, ее не только нет по той линии, по которой указывал несвязность тов. Пятаков, но и по той, по которой укажу я.

Вопрос социалистического накопления выдвинут и подчеркнут ЦК партии правильно. Но здесь нужно поставить вопрос: из каких источников мы можем накоплять?

Вообще у нас в стране избыточный продукт накопляется в основном в трех пунктах. Во-первых, крестьянство накопляет оборотный капитал, увеличивая доход, приобретая инвентарь и т. д., накопляет ремесленник, кустарь. Если вычесть из общей суммы того, что в данный год страна накопляет, накопление крестьян и ремесленников, то остальная сумма представит некоторую постоянную величину, которая делится между нэповским и социалистическим накоплением.

Откуда его получает наше государство? Во-первых, за счет рабочего класса, который создает известный прибавочный продукт. Во-вторых, за счет мелкого производства. Поскольку же этот прибавочный

продукт притекает извне, какова форма втягивания этого прибавочного продукта в круг государственного хозяйства? Мы получаем ценности извне путем прямых налогов или путем определенной политики цен. Каждый, конечно, скажет, что путь прямых налогов—путь наиболее опасный, который ведет к размычке с крестьянством. Крестьянство имеет определенную платежеспособность, за пределами которой оказывает сопротивление. Возьмем конкретный пример: если крестьянство дает возможность накопить 300 миллионов путем налогов и, допустим, 200 миллионов путем получения прибыли от госпромышленности, то мы таким образом накопляем всего 500 миллионов.

А не ясно ли, что раз мы имеем эту сумму, как определенно данную сумму, то стоит обсудить, не выгодней ли политически сделать так, чтобы крестьянство, поскольку не вводится еще прогрессивно-подоходный налог, дало 200 миллионов путем налогов и 300 миллионов путем определенной политики цен. Каждый понимает, что нам выгодна такая комбинация, раз сумма не меняется.

С одной стороны, мы боимся размычки с крестьянином. Это правильно. Тогда ставьте ясно перед собой вопрос: если суждено взять определенную сумму с мелкобуржуазного способа производства, то каким путем ее выгоднее взять?

Чтобы сводить концы с концами, мы вынуждены вести такую политику цен, чтобы мы одновременно решали три задачи: понижали бы цены благодаря удешевлению производства, повышали бы заработную плату и одновременно накопляли бы. Вот три проблемы, которые перед нами стоят. Поскольку мы перед собой ставим эти проблемы, надо решать их в конкретном числовом выражении.

Следующий вопрос — относительно нэпмановского накопления. Я должен сказать, что здесь представители ЦК попали во время дискуссии в крайне неприятное положение. Я привел цифры нэпмановского накопления, подсчитанные способом, о котором я скажу после. Они вынуждены были оспаривать эти цифры, не зная других, — a priori, путем голого утверждения, что цифры приведены неверно. Потом же оказалось, что все способы подсчета, которые имеются, приводят к этим цифрам. Я на этом вопросе остановлюсь. Как обстоит дело с нэпмановским накоплением? В Наркомфине вычисление ведется довольно приблизительное: при подоходном налоге сумма прибыли высчитывается с оборота примерно в 3 миллиарда. Это не строго статистическим путем полученная цифра, а некоторая рабочая гипотеза работников НКФина. Как фактически обстоит дело? Я утверждаю, что эту цифру нэпмановского накопления можно вычислить двумя путями. Первый путь. Мы берем сумму ценностей, которые созданы в нашем хозяйстве в течение года; выбрасываем все, что не идет в товарный оборот, а также то, что непосредственно идет от производителя потребителю. Мы берем по отношению к мужику только то, что он выносит на рынок, и все, что идет в торговый оборот со стороны промышленности, кустаря и ремесленника. Затем, зная отпускные цены фабрик или закупные цены спекулянтов, когда они покупают у крестьян на месте товар, и продажные цены тех и других в розничной торговле, на основании процента средней накидки, который более или менее известен на основании данных Комвнуторга, мы вычисляем размер надбавки на сумму ценностей, которые поступают в товарный оборот. Таким путем была получена мною общая сумма надбавки в 900 миллионов. Если вычесть транспортные расходы, сумму налогов на частную торговлю, которая более или менее известна, разницу при потере на курсе от советских знаков, мы получаем на весь торговый аппарат 600 миллионов, в том числе и на коопера-

тивную и государственную торговлю. Это — сумма, в которую обходится народному хозяйству весь торговый аппарат страны.

Кооперативная и государственная торговля в этой сумме занимает скромное место. Точно цифру мы не высчитывали, но приблизительно она равна одной пятой. Дальше, сколько из этой суммы накопил нэп в чистом виде, — отложил в валюте, золотых десятках, червонцах, товаре и т. д.? На этот вопрос мы точного ответа не имеем, но, по одним подсчетам, эта сумма — от 200 до 300 миллионов золотых рублей за год, центральное статистическое управление по отношению к доходам нэп'а опубликовало цифру в 475 милл. руб. Я же всю сумму выводил в размере 600 милл. — не только для частной, но для всей вообще торговли. Следовательно, по данным ЦСУ, мы имеем примерно такую же цифру, которую привел я. Товарищи из большинства ЦК, выступавшие по поводу этой цифры, оказались в неловком положении. Им приходилось высказывать предположение, что цифра эта преувеличена, что нужно было выяснить эту цифру точно, чтобы партия перед своим сознанием эту цифру имела и давала себе ясный отчет, насколько усиливается тот процесс, от которого идет максимальная опасность для диктатуры пролетариата. Об этой опасности предупреждал нас тов. Ленин в своей статье, когда говорил, что основной вопрос заключается в том, установит ли нэпман смычку с крестьянином против рабочего класса, или рабочий класс со своей промышленностью установит смычку против нэпмана. Это—основной вопрос пролетарской диктатуры. И недопустимо, чтобы мы по отношению к нашему классовому врагу, который растет изо дня в день, — и растет как-будто быстрее, чем мы, — чтобы мы не имели элементарной агентурной разведки, которой является цифровое вычисление роста нэповского накопления. Мы к этим вычислениям пришли стихийно, случайно. Почти три года существует нэп, а мы только в результате кризиса, который ударил всех нас по головам, начали подсчитывать, что мы имеем, и пробуем выяснить, сколько нэп за 1922—23 отчетный год накопил.

Теперь относительно того, какое же количество мы имеем торговых заведений, выбравших патенты. На это нам дают ответ некоторые, хотя не полные, данные и цифры Наркомфина.

Мы имеем сведения о выбранных свидетельствах за время январь—март 1923 г.; более поздних данных у нас нет. Государственных торговых заведений по всему Союзу — 7.750, кооперативных— 26.189 и частно-торговых — 374.527. Это данные только по 64 губерниям. Действительную сумму путем мысленной интерполяции вы можете увеличить, применительно к остающимся губерниям. Частноторговых заведений насчитывается около полумиллиона, при чем они самого различного калибра, начиная от лоточников, о которых говорил т. Рыков, и кончая оптовыми торговцами, которые захватили уже 14% торговли оптовой и 50% оптово-розничной. Если мы эту сумму возьмем и прикинем приблизительно, сколько они могли заработать, исходя из самых элементарных — на глаз для нас доступных—вычислений о размерах всего дохода, и в частности накопления мелкой торговли, то вы можете представить себе, какая сумма получится: только 10 червонцев в месяц—сто руб.—дают уже больше тысячи рублей в год на одно предприятие. Тысячу помножить на пятьсот тысяч, будет пятьсот миллионов. Это другой метод, который поможет получить нужную цифру, если Наркомфин закончит подсчет размера оборота, что удается ему с большим трудом.

Вот как обстоит дело с этой стороны. Опасность здесь увеличивается. Мы знаем, что в результате резкого падения цен и частный торговый капитал очень пострадал. Не только Центросоюз потерял

большой убыток, но и многие частно-торговые предприятия. Однако, мы должны ясно представлять себе картину: очень быстрое накопление, огромная живучесть, проявленная капитализмом, смычка с крестьянством, перехват нэп'ом огромного большинства тех ценностей, которые идут от государственной промышленности к крестьянству. При этом вопрос стоит так: либо мы превратим частную торговлю в наш подсобно-распределительный орган,—это наша плановая программная задача,—либо государственная промышленность превратится в поставщика товаров, а смычка будет установлена с деревней буржуазией, и будет усилена ее экономическая мощь и в городе. Подчеркиваю, что мы подошли к учету сил нэп'а без всякого плана, совершенно стихийно, и на будущее время это не должно продолжаться.

Перехожу к вопросу о финансовой реформе. Мы в дискуссии не выступали против финансовой реформы, ибо мы стихийно подошли к необходимости ее проведения. Я объясню, как это случилось. Те товарищи, которые бывали на сессии ВЦИК, знают об этом. Мы предполагали червонец ограничить очень узкой сферой кредитного обращения, но на этой линии мы не удержались. Отсутствие средств для финансирования промышленности и спрос на червонец вынудили увеличить его эмиссию, и червонец стал внедряться в оборот.

Еще летом ЦК был предупрежден целым рядом товарищей относительно того, что подобного сорта существование двух валют несовместимо, что червонец будет выпирать совзнаки, и мы можем стихийно оказаться перед необходимостью перейти на твердую валюту тогда, когда у нас имеется бюджетный дефицит, что ставит под известный риск проведение реформы.

Произошло то, что мы держали курс на стабилизацию советского знака, а стабилизнулся червонец. Я помню разговор с тов. Каменевым весной в финкомитете. Я ему говорил: положение такое, что червонец должен вытеснить совзнак; либо мы должны отойти обратно, прекратив червонную эмиссию, либо пойти вплотную на то, чтобы червонец вытеснил совзнак. И в дальнейшем, по бюджетным соображениям, а также для поддержания Госбанка, кредитования промышленности и для кредитования хлебных заготовок, мы были вынуждены эмиссию советских знаков значительно увеличить. Выпускалось значительно больше 15 миллионов, которые были предусмотрены постановлением сессии ВЦИК. Может случиться, что события на нашем хозяйственном фронте развернутся таким образом, что мы выйдем из этого затруднения, и мы избегнем всех подводных камней. В основном же риск перехода на твердую валюту при дефиците в бюджете остается.

Самый метод проведения денежной реформы показывает всю стихийность, бесплановость в нашем хозяйстве. Мы приступаем к частичному ее проведению раньше, чем весь план реформы окончательно принят. Один за другим вопросы вылезают в порядке спешности, мы их стихийно решаем и, таким образом, принятием решений предопределяем невозможность правильного и целесообразного решения других вопросов.

Теперь по существу валютной реформы. Выпуск серебра—вещь правильная. Серебро у нас лежит зря, и мы должны использовать это серебро с тем, чтобы получить из него соответствующие реальные ценности.

Нам нужно ограничить червонную эмиссию такой суммой, которая должна быть меньше минимума обращения. Остальное поле должны занять твердый казначейский знак и серебро. Только при такой комбинации мы гарантируем червонец от колебаний, которые не исключены, если червонное обращение не будет отделено от бумажно-

денежного. Об этом должно быть сказано ясно и точно. Тов. Рыков как-будто к этому присоединяется. Но тогда вносите подобную поправку в резолюцию ЦК, в тезисы ЦК.

С этим вопросом связан другой вопрос, который здесь товарищи совершенно не затрогивали. Мы имеем бюджетный дефицит. Когда мы будем иметь очень большой актив в торговом балансе, что это будет означать с точки зрения нашей финансовой реформы? Позвольте вам это объяснить. Нужно связать вопрос об активности или равновесии торгового баланса с валютной реформой вот в каком пункте. Мы имеем бюджетный дефицит. Я уже сказал, что трудности здесь для нашей реформы очень большие. Об этом тов. Сокольников знает не меньше меня.

Мы имеем активный баланс. Допустим, дали примерный план экспорта и импорта на следующий год: вывезем, скажем, на 400 миллионов, ввезем на 200 миллионов, 200 миллионов отложим. В какой форме? В твердой иностранной валюте, отчасти в золоте и т. д. А торговая наша прибыль, которую безбожно путают все время с активным балансом, — эта торговая прибыль какую сумму будет составлять? Запросите тов. Красина по этому вопросу. Он докажет, что наша торговая прибыль по крупным операциям (особенно в последнее время по хлебу, когда цены на хлеб растут, а накладные расходы очень медленно сокращаются) весьма и весьма скромная. Положим, из 200 миллионов, которые отложатся, в лучшем случае только 50 миллионов составят торговую прибыль, которой мы будем располагать вполне. А остальные 150 милл.,—что они представляют собой? Они представляют ту доплату, которую мы делаем, поскольку мы платим за заготовляемые и вывозимые продукты, оплачиваем транспортные расходы, платим за расходы тех аппаратов, которые закупают, и т. д. Таким образом, мы имеем следующую операцию: мы вывезли на 400 милл., ввезли на 200 милл. Но чтобы вывезти на 400 милл., мы должны на 350 милл. купить хлеба, леса и др. товаров, израсходовать известные суммы, из коих 150 доплатить на транспорт и пр. Таким образом, в результате мы имеем в бюджете нашего государственного хозяйства определенную сумму, которую мы должны доплачивать. Выходит, что золото, полученное как-будто из внешней торговли, за вычетом торговой прибыли, мы должны покупать на деньги из нашего бюджета. Как же вы, товарищи, не увязываете таких элементарных вещей? С одной стороны, мы хотим иметь предполагаемый архиактивный торговый баланс, а с другой—мы еще имеем бюджетный дефицит, который нам нужно не увеличивать, покупая золото, а уменьшать, раз мы проводим валютную реформу. По карману ли нам такая политика? Говорят о необходимости увеличить золотое обеспечение для валюты. А я вас, товарищи, уверяю, что при правильной политике в области денежного обращения для нас золотое обеспечение играет роль, если хотите, некоторого психологического фактора, не больше. Потому что, поскольку нет золотого размена, постольку роль этого обеспечения является формальной. И если мы будем иметь очень большое обеспечение, пусть даже больше всей стоимости нашего денежного обращения, но будем иметь инфляцию, то у нас будет падающая валюта. Если вы сведете к минимуму обеспечение, к размерам того, что находится сейчас в Государственном банке, вы будете вести правильную валютную политику, вы будете застрахованы от всякой серьезной опасности в области валютного хозяйства. И здесь не увязан один вопрос с другим.

Таким образом и по линии социалистического накопления, и по линии нэп'а, и по линии импортного плана, и по линии политики цен, и по линии кредита и производственных программ мы целиком

упираемся в вопрос о плановом хозяйстве. Миновать его мы не можем, и партия не может допустить, чтобы наша экономическая политика была ниже того типа государственного хозяйства, которым мы призваны сознательно руководить.

Председательствующий. По просьбе редкомиссии президиум объявляет:

„1. Всем присутствующим на конференции корреспондентам предлагается весь материал о конференции (вплоть до заметок, отд. сообщений, телеграмм и пр.) представлять на просмотр редкомиссии. Обращаться просят к секретарю редкомиссии тов. Лядовой.

„2. Категорически воспрещаются какие бы то ни было издания и перепечатки протоколов партконференции, отдельных докладов и сборников постановлений без специального разрешения редкомиссии“.

Председательствующий. Слово имеет тов. Красин.

Красин. По докладу об очередных задачах нашей экономической политики я имею сделать некоторое практическое добавление к программе, доложенной т. Рыковым. Но прежде позвольте мне сделать два-три общих замечания по поводу доклада Алексея Ивановича Рыкова, который мы вчера заслушали. Главной виной или, может-быть, главной бедой нашей экономической политики являются те ошибки и промахи, которые мы делали в области политики внешней. Здесь сейчас не место и не время, я думаю, на эту тему особенно подробно говорить. Поэтому я только подчеркну тот факт, что наша экономическая политика, политика экономического восстановления строилась при чрезвычайно—я бы сказал: вялом, чрезвычайно пассивном использовании тех возможностей, которые в этой области могли дать нам внешние соглашения, соглашения, направленные на привлечение в той или иной форме внешнего капитала. Именно эта безнадежная оценка возможностей внешней политики и применение в этой области почти исключительно тактики лобового удара, в то время как в области внутренней политики мы с большими успехами применяли маневр, тактику обходных движений, были одной из главных причин того, что партия и ее Центральный Комитет строили все восстановление нашего хозяйства исключительно на внутренних силах и ресурсах истощенной войною, блокадой и интервенцией страны. Это обстоятельство является тем основным фактором, который обусловил характерные особенности всей нашей экономической политики. Вследствие этого весь ход нашего экономического восстановления не только замедлен, но и получил характер особой неустойчивости. Она отражается чуть ли не ежедневно всякого рода кризисами, депрессиями, перебоями. Это результат того, что на плечи страны возложено тягло, граничащее с непосильным. И все в области экономики оказывается перегруженным в такой степени, что сплошь и рядом в той или иной отрасли хозяйства мы имеем остановку.

Одной из основных мыслей доклада т. Рыкова было возложение на хозяйственные органы, и в особенности на ВСНХ, большей части ответственности за неправильность нашей экономической политики, в частности за неправильность политики цен. Мне думается, товарищи, что это в значительной степени перекладывание с больной головы на здоровую. Во избежание недоразумений я подчеркиваю, что я не думаю отрицать виновности хозяйственных органов и хозяйственных наркоматов в том, что у нас сплошь и рядом допускались и допускаются безобразия и в области политики цен, и в области накладных расходов, и в области калькуляции, и в области самой постановки производства. Но надо задать себе вопрос: почему же наши хозяйственные органы и наш Высший Совет Народного Хозяйства идут по этому пути? Есть же какая-нибудь причина того, что наши органы,

руководимые лучшими партийными хозяйственниками, идут по этому пути. Я утверждаю, что основной причиной этой неправильной политики цен является именно то обстоятельство, что мы сами постановили, что восстановление нашего хозяйства надо вести исключительно силами и ресурсами внутренними. Результатом этого является определенная финансовая и определенная экономическая политика центральной нашей власти и самого ЦК, которая роковым образом толкает хозяйственные органы на путь и этой неправильной политики цен, и повышения накладных расходов, и неправильной калькуляции.

Совершенно напрасно каялся вчера здесь тов. Рыков по поводу того приказа ВСНХ, который устанавливал для трестов и синдикатов обязательство работать с прибылью. Почему? Да по той простой причине, что работа на коммерческом расчете и обозначает не что иное. как работу с определенной прибылью. И директива ВСНХ своим трестам и синдикатам в этом смысле является директивой совершенно правильной. Совершенно утопичной и неправильной,—я бы сказал: маниловской директивой является директива наименьшей прибыли, ибо наименьшая прибыль, как справедливо было вчера замечено, есть нуль, а с нулевой прибылью на коммерческом расчете работать нельзя,—это отрицание всякой коммерческой работы.

Но в такой же степени несправедливо выставлять и противоположный лозунг, именно работу с максимальной прибылью. Это лозунг частно-капиталистического хозяйства, лозунг, для нас абсолютно неприемлемый. Каков принцип советской работы? Принцип советской работы есть план, регулирование; и, перенося это в область прибыли, мы должны сказать, что нашим принципом должна быть работа с прибылями, регулируемыми в зависимости от условий времени и места. Могут быть отдельные случаи, когда нам целесообразно будет иметь высокую прибыль; могут быть отдельные случаи, когда нам целесообразно будет работать без прибыли и даже с убытком; и, наконец, как средний типичный случай для данного периода, вероятно, мы установим работу с некоторой умеренной прибылью, которая регулируется по указаниям наших государственных плановых органов.

Но почему мы не могли и не можем удержаться на этой умеренной прибыли, почему фактически наши тресты и синдикаты всегда перехватывают в сторону максимальной прибыли? Повторяю, это вызывается, главным образом, нашей финансовой политикой. Процесс отхода от военно-коммунистического хозяйства, переход к хозяйству денежному, введение системы налогов и акцизов, установление государственного бюджета, достижение активного баланса во внешней торговле,— все эти и многие другие реформы, и в особенности реформа дефляции, реформа нашей денежной системы, проводились нами с такой головокружительной быстротой и неукоснительностью, которая при отсутствии ориентировки на какую-нибудь внешнюю финансовую или экономическую поддержку могла достигаться только ценой разрушения хозяйственной работы, ценой постоянного дергания и нарушения всех и всяческих планов и программ. Тем из вас, которые работают в хозяйственной области, великолепно известны хронические сокращения и отмены кредитов, задержки в выплате заработной платы, постоянные изменения курса, пересчеты валюты, непомерно высокие проценты Государственного банка, ряд произвольных и неожиданных для хозяйственных органов, иногда чисто-импрессионистских мер в роде прекращения переводов, прекращения без предупреждения учета векселей и т. д. Все эти меры в совокупности образуют ту своеобразную политику „советского первоначального накопления“, которая несравненно больше, чем отдельные промахи или ошибки хозяйственных органов, повинна в высоких ценах и в высоких накладных расходах

нашей государственной промышленности. Я спрашиваю вас, как можно на обычных европейских основаниях умеренно калькулировать цены в том или другом фабричном, заводском или торговом предприятии, если каждый новый день таит в себе неожиданности, в виде разных мероприятий Наркомфина и Госбанка, каковые мероприятия одним ударом способны изменить всю калькуляцию, и сегодняшнюю прибыль завтра превратить в нуль или даже в убыток? Мы в связи с экспортом хлеба подсчитали, что потеря на одних только переводах из одной валюты в другую составляет около 22%. Я вас спрашиваю: если вы не желаете угодить под суд и быть привлеченными к ответственности за бесхозяйственное ведение предприятия, как можете вы в каждом отдельном предприятии вести дело иначе, как калькулируя на десятки и сотни процентов прибыли. Вот причина, которая автоматически толкает наши хозяйственные органы и производственные предприятия вести нездоровую политику преувеличенных калькуляций в области своего производства и выжимания из операций и продаж максимальной прибыли.

Это в значительной степени усугубляется... (Звонок председателя). Я кончу через 5—7 минут.

Председательствующий. Виноват, товарищ, у нас демократия, разрешите проголосовать. Кто за то, чтобы предоставить 7 минут т. Красину? Большинство.

Красин. Это усугубляется недоверчивым и даже подозрительным отношением со стороны высших и низших партийных органов к хозяйственникам и к их деятельности. Это усиливается в значительной степени еще и далеко не всегда искусно применяемыми судебными репрессиями, которые также, в конце-концов, приводят к тому, что большинство хозяйственников волей-неволей стремится переборщить в сторону превышения прибыли. Таким образом, мы здесь имеем основные причины, без устранения которых мы не в состоянии будем никакой реформой советских органов и никакой репрессией получить достаточные положительные результаты.

Я думаю, товарищи, что выходом из положения, в частности из тех противоречий, в которых мы находимся в области активного баланса, является привлечение более или менее значительного иностранного кредита. Здесь вопрос ставится практически, даже независимо от нашей пассивной политики, в виду того, что сам западный капитал заинтересован в этом, и в последнее время мы имеем определенную уверенность, что вопрос о практическом разрешении заграничных займов и кредитов не за горами. В связи с этим стоит то практическое предложение, которое я хотел сделать конференции. В докладе т. Рыкова совершенно упущен вопрос об использовании заграничных кредитов на хозяйственное восстановление, между тем, мы находимся в таком положении, что, может-быть, уже в течение ближайших недель мы получим прямой запрос из-за границы.

Может-быть, представится возможность получения займа в 300—500 миллионов золотых рублей на 15—20 лет. Какого рода заказы вам угодно поместить в этот заем на такую сумму? Дело в том, что вопрос о предоставлении нам кредита ставится в связь с безработицей за границей, и поэтому мы должны знать уже теперь вполне определенно, какого рода заказы мы будем делать. Я спрашиваю вас: имеется ли у нас такой план? Мне неизвестно, чтобы такой план существовал. Такой план может быть только результатом известной систематической проработки плана восстановления нашего хозяйства,—восстановления не на основе тех ресурсов и весьма незначительных избытков, которые могут дать наше сельское хозяйство и наша промышленность, достаточно разоренные, а на основах привлечения ино-

странного капитала в форме долгосрочного заграничного кредита. Этот вопрос вы должны поставить как практическое задание Центральному Комитету. Нужно или образовать особый орган, или, может-быть, поручить какому - либо из существующих, — например, Госплану, разработать этот план систематического восстановления и нашего сельского хозяйства, и отдельных отраслей промышленности, и отдельных экспортных предприятий, и транспорта для того, чтобы теперь же, в течение самого близкого времени, мы могли иметь план систематических заказов за границей, соответствующий могущему быть нам предоставленным кредиту.

В виду недостатка времени я не могу изложить вам более или менее подробно такой план. Я могу только сказать, что он должен в первую очередь предусматривать восстановление крестьянского хозяйства по принципу кредитования отдельных областей на основах определенного производственного плана, предпочтительно через первичную кооперацию, на строго коммерческих началах, например, под определенные гарантии известной частью избытков урожая. Этот план должен далее предусматривать заем на восстановление тех отраслей нашей промышленности, которые должны избавить нас от покупки за границей таких материалов для нашей промышленности, как хлопок, тонкая шерсть, дубильные экстракты и т. п., за которые мы рассчитываемся золотом или валютными товарами.

Это должен быть план, который предвидит далее восстановление тех отраслей нашей промышленности и тех отраслей сельского хозяйства, которые работают на экспорт, например, развитие сибирского маслоделия, восстановление и расширение предприятий, экспортирующих марганец, расширение нашего льноводства и т. д. Это должен быть план, который предвидит электрификацию, как осуществление общей энергетической и силовой базы для восстановления и подъема нашей промышленности. Нам необходимо также поднять целый ряд отраслей промышленности, вырабатывающих продукты, которые мы получаем сейчас из-за границы. Таковы промышленность целлулозная, бумажная и т. д.

Словом, мы должны здесь пройти по всем статьям нашего государственного экспортно-импортного плана и по всем отраслям нашего хозяйства для того, чтобы теперь же в нескольких вариантах, на различные суммы, могущие быть нам предоставленными в виде кредита, иметь общий план заказов. Мы должны на основе этого плана выработать совершенно конкретные списки тех материалов, тех машин, того оборудования, которые мы будем заказывать за границей. Выработка этого плана,—не только плана руководства нашей расстроенной, разбитой промышленностью, но и плана ее восстановления, систематического восстановления крупнейших отраслей нашей промышленности, сельского хозяйства и транспорта,—это есть настоятельнейшая, очередная задача, добавлением которой мы должны усовершенствовать тот план очередных экономических задач, который был предложен вчера т. Рыковым.

Председательствующий. Слово имеет тов. Молотов.

Молотов. Товарищи, я остановлюсь, главным образом, на речи тов. Пятакова, и в особенности на тех практических предложениях, которые он делает. Вы получили, товарищи, эти поправки т. Пятакова. (Голоса: „Нет, не получили“). В таком случае, я должен буду остановиться более точно на этих поправках и некоторые пункты вам огласить. К поправкам тов. Пятакова можно подойти с двух сторон. Во-первых, может быть чисто-практический подход. Можно поставить перед собой вопрос: что в этих поправках правильного практически? Есть ли какие-нибудь предложения у тов. Пятакова, которые нужно

было бы взять и внести в тезисы Центрального Комитета партии? И, во-вторых, может быть подход общий по существу этих поправок в целом.

Я остановлюсь прежде всего на практической стороне дела. Что есть практического в тех предложениях, которые вносит т. Пятаков? Есть три основных пункта, на которые следует обратить внимание. Главное внимание т. Пятаков сосредоточивает на вопросе об управлении государственным хозяйством. Он даже предлагает в тезисы Центрального Комитета внести новый раздел об управлении государственным хозяйством. Какая основная мысль, которую по этому поводу т. Пятаков развивает в своих предложениях? Он считает, что „задача постепенного и упорного собирания этих единиц и создания из них действительно системы государственного хозяйства, сознательно и планомерно управляемой, не только не разрешена, но даже и не поставлена".

Он дальше говорит: „Управление всем государственным хозяйством, как единой системой... есть основная и коренная очередная задача нашей экономической политики".

Тт., когда на конференции коммунистов говорится, что главная наша задача заключается в том, чтобы управлять гос. хозяйством,— может ли быть возражение с чьей-либо стороны против этого предложения? Конечно, не может, ибо это и есть та основная задача, которую ставит перед собой каждый коммунист. Ведь, в этом, собственно говоря, и заключается социализм—управлять государственным хозяйством. Но если выходят и предлагают в качестве практического предложения поставить о ч е р е д н о й задачей управление гос. хозяйством, то есть ли в этом предложении что-либо новое, конкретное, действительно определяющее нашу работу в данный момент? Ничего нет нового, ничего нет практического или дающего что-либо практическое для нашей работы. Задача управления государственным хозяйством была и останется еще долго нашей главной задачей. Но дело заключается в том, к а к в данный момент надо поставить эту задачу. И если тов. Пятаков говорит, что в его формуле заключается очередная практическая задача, то мне кажется, что он отделывается общими словами, приват-доцентскими фразами (как говорили на пленуме ЦК) и ничего конкретного о наших ближайших задачах не говорит.

Тов. Пятаков пытался набросать здесь, после сделанного ему т. Каменевым вызова, схему того управления гос. хозяйством, которое он себе мыслит. Вы слышали ее все и можете сказать, было ли в этой схеме хоть что-либо серьезное или новое. Нет, ничего нового, серьезного и продуманного в этой схеме т. Пятакова нет. Лучше было бы, если бы тов. Пятаков об этой схеме не говорил. Тогда могли бы быть предположения, что у тов. Пятакова есть невысказанные важные и серьезные мысли. А теперь обнаружилось, что таковых у тов. Пятакова,—по данному вопросу, по крайней мере,—не существует, никто их не заметил. Но если т. Пятаков не мог предложить никакой новой системы у п р а в л е н и я г о с у д а р с т в е н н ы м х о з я й с т в о м, которая бы была для данного момента действительно серьезным шагом вперед, то мы знаем, и об этом говорил здесь тов. Пятаков, что месяца три-четыре назад тов. Пятаков внес вместе с тов. Рыковым предложение в ЦК о реорганизации ВСНХ, о выделении у п р а в л е н и я г о с у д а р с т в е н н о й п р о м ы ш л е н н о с т ь ю в Особое Управление Государственной Промышленности и об отделении этой части хозяйства от Народного Комиссариата Промышленности, регулирующего промышленное хозяйство в целом. И это было, действительно, конкретное, практическое предложение.

Как поступил с этим предложением ЦК? Это предложение, вне-

сенное тт. Пятаковым и Рыковым, было единогласно принято Политбюро ЦК и президиумом ЦКК. Больше того,—во главе управляющего органа государственной промышленности был поставлен сам тов. Пятаков. Таким образом, то, что было практического, реального в предложениях т. Пятакова, было принято и осуществляется. То же, что предлагается сейчас тов. Пятаковым,—пустое теоретизирование, не прибавляющее ни одного слова к тому, что делает ЦК в области реорганизации государственной промышленности и усиления плановости в нашем государственном хозяйстве.

Теперь второй практический вопрос,—важнейший вопрос о прибылях нашей промышленности и государственной торговли.

Тов. Пятаков выдвигает лозунг не минимальной, а максимальной прибыли, и говорит, что приказ ВСНХ, о котором говорил т. Рыков, издал он, и что под этим приказом он и в настоящее время подпишется полностью. В данном случае т. Пятаков доказывает только громаднейшее упрямство, и ничего больше.

Тов. Пятаков говорит, что он подписал бы и теперь приказ о необходимости прибыли во что бы то ни стало по всей нашей государственной промышленности, даже теперь, когда ЦК партии предлагает сделать лозунгом для нашей промышленности минимальную, умеренную прибыль. Как же так? Ведь, и ЦК партии вовсе не отказывается от постановления XII партийного съезда, где дан был твердый курс на то, чтобы наша промышленность покончила с безубыточностью и держала курс на получение прибыли. В чем же дело? Да в том, что в настоящее время мы видим, что лозунг получения прибыли преломился неправильно, что этот лозунг нашими практиками-хозяйственниками (и не только одними ими) не соблюден, искажен. Поэтому-то мало теперь говорить, что нужно проводить политику получения прибыли, а нужно бороться с искажением той линии, которую заняли правильно, но проводили неправильно. Мы знаем работу т. Пятакова в Донбассе. Там он проводил для партии в высшей степени важную и нужную работу. Эту работу высоко ценил ЦК партии, и в частности т. Ленин. Но правильно ли т. Пятаков прозодил там линию партии? Нет, неправильно. Тов. Ленин, который защищал тов. Пятакова, пытаясь всячески его оставить для работы в Донецком бассейне, на XI партийном съезде говорил: тов. Пятаков переадминистрировал, он правильную политику партии исказил, проводил неправильно. Тов. Ленин находил, что тов. Пятаков поправится на этой работе, если останется там дальше. Но если теперь т. Пятаков упрямо говорит нам, что он подписал известный приказ ВСНХ, что и теперь такой же приказ он подпишет, то это говорит только о том, что тов. Пятаков пытается проводить линию партии в области хозяйственной политики, но проводить ее так, что от этой политики получается большой вред. Вы, т. Пятаков, проводите линию на получение прибыли в своем приказе по ВСНХ, но не говорите там, **как** же получить прибыль — путем ли усиления нажима на рабочих, путем ли повышения цен, путем ли других мероприятий. В вашем приказе нет ясного отношения к линии партии в области промышленной политики. Какой же вывод отсюда получается? Я думаю, что вся конференция выскажется против лозунга Пятакова и других трех „экономистов", или, может-быть, лучше сказать: „евангелистов", которые опубликовали свои поправки. Может ли конференция высказаться за лозунг максимальной прибыли? Конечно, нет. Когда мы увидели нашу политику прибылей в области промышленности на практике, то мы должны сказать, что она была неправильной, что она дала при проведении в жизнь отрицательные результаты. Приходится еще раз подчеркнуть, что нужна не максимальная, а минимальная прибыль. Если тт. скажут, что нужна не минимальная, а умеренная прибыль, то

надо разъяснить, что разницы между лозунгом умеренной или минимальной прибыли нет никакой. В этих пределах разногласий так легко договориться, что выступать с особыми содокладами, пугать других и впадать самому в панику не следовало бы; это значит не связывать концов с концами.

Третий вопрос об активном и пассивном балансе внешней торговли. Тов. Пятаков говорит, что надо не так понимать активный и пассивный баланс, как изображали другие товарищи, как в частности объяснял т. Каменев. Но из четырех экономистов по одному и тому же вопросу об активном и пассивном балансе тт. Пятаков и Осинский (писавший большую „разъяснительную", как теперь говорят, статью в „Правде") имеют разные мнения. Все же для мало-мальски грамотного экономически человека ясно, в чем разница между активным и пассивным балансом. Активный баланс это тот, когда наш вывоз больше нашего ввоза. В этом суть активного баланса. Что же нам предлагается по этому вопросу? Теперь нам предлагается говорить об умеренном активном балансе. Против активного баланса уже не говорят, а только об умеренном активном балансе. Но еще неделю тому назад нас учили, что не нужно активного баланса, а нужна „широкая товарная интервенция". Где же этот лозунг? Куда его прячут четыре экономиста, или, если хотите, четыре „евангелиста", подписавшие поправки на московском собрании бюро ячеек? Куда спрятали они один из крупных своих лозунгов — „широкую товарную интервенцию"? Почему тт. Пятаков, Осинский и Преображенский больше этого не повторяют? Да потому, что они очень запутались, а других запутать им не удалось и, я думаю, не удастся. Тов. Пятаков пытался цифрами с сахарными ценами доказать, что нужен ввоз из-за границы сахара: тогда, мол, не будет частный капитал наживаться на этом деле. Но мы имеем громадное количество непроданного керосина, большие запасы соли, до 70 миллионов пудов угля в одном Донбассе, мы имеем, наконец, непроданные сельскохозяйственные машины, мы имеем товары, которых по количеству у нас немного, но и их мы не можем продать на внутреннем рынке. Какие же меры борьбы нужны против этого? Может-быть, широкая товарная интервенция? Так предложите ее в качестве меры борьбы с тем, что мы не можем продать и того количества товаров, которое у нас имеется,—и вас, конечно, по заслугам высмеют. ЦК указывает другие меры—снижение цен, уменьшение прибыли, которую мы до сих пор получали в неумеренном для нас количестве.

Итак, какие здесь практические предложения делает т. Пятаков? Практические предложения т. Пятакова сводятся к тому, что не активный баланс, а умеренный. И это „колоссальное" разногласие между ЦК и т. Пятаковым? У вас, т. Пятаков, и здесь не связаны концы с концами. Итак, все ваши практические предложения ничего приемлемого для партии не содержат.

Но если перейти от практических предложений к существу, к общему духу того, что вносит т. Пятаков, то посмотрим, нет ли здесь чего-нибудь такого, что связывает эти предложения одно с другим. Я думаю, что есть общая связь, на которую нужно указать всей партии, между теми поправками, которые пишет т. Пятаков и другие экономисты или „евангелисты", как их кто-то здесь назвал. В чем эта связь? Критики ЦК выходят с тем, чтобы подчеркнуть, что у нас в настоящее время борются социалистические и капиталистические тенденции в нашем хозяйстве. Эка, какую новость открыли! А мы-то никогда и не слыхали, что борются социалистические и капиталистические элементы в нашем хозяйстве!?

Об этом писали и говорили с самого начала нэп'а. Об этом на-

писано в резолюциях XII партийного съезда, которые должны остаться полностью для нас обязательными. Разве в этом новое заключается? Нет, не в этом. И если вы припомните, как выступают теперь тт. Пятаков, Преображенский, Осинский, Владимир Михайлович Смирнов с критикой ЦК, то можете подумать так: ЦК решил до зарезу Советской республики проводить нэп, ничем не ограничивать этот нэп, давать полный разгул стихии рынка и стихии капиталистических элементов нашего хозяйства. И даже больше того. Тов. Пятаков так и говорит: „Надо решительно отказаться от нэповской точки зрения о регулирующей роли государства в отношении государственного хозяйства вообще и государственной промышленности в частности".

Против кого борется тов. Пятаков? Кто это стоит на „нэповской точке зрения"? Почему не названы те лица в нашей партии, которые защищают „нэповскую", а не коммунистическую точку зрения? Почему тут так неясно говорится? Да потому, что тов. Пятаков изображает из себя коммуниста, который борется с нэповской линией в нашей партии, очевидно, и в нашем ЦК партии, и пытается противопоставить ЦК, который, якобы, проводит какую-то „нэповскую точку зрения", „настоящую" коммунистическую точку зрения. Видели мы, тов. Пятаков, таких „настоящих коммунистов", которые еще в 18-м году говорили: мы настоящие „пролетарские коммунисты", мы—левые коммунисты. Что на это отвечал тов. Ленин? Он отвечал статьями „О левом ребячестве и мелкобуржуазности". Я заканчиваю тем, что настало время по поводу поправок тов. Пятакова написать новую главу о левом ребячестве и о мелкобуржуазности. Хорошо было бы, если бы это сделал тов. Ленин. Я слышал, что тов. Богуславский на Московской конференции говорил, что когда нас, оппозиционеров, шлепал тов. Ленин, нам было только приятно. Вот эту „приятность" очень хорошо им пожелать и сейчас от самого Ленина. Но на основании того, что дал нам тов. Ленин, мы и сами с этим левым ребячеством и мелкобуржуазностью в нашей партии справимся неплохо.

Председательствующий. Слово имеет тов. Евдокимов.

Евдокимов. Товарищи, несмотря на то, что мы уже вошли в полосу внутрипартийной демократии, я все-таки считаю, что когда мы занимаемся обсуждением поправок, предложенных тов. Пятаковым, мы теряем время достаточно-таки бесполезно. Но, поскольку мы уже этим делом занялись, я хочу сделать здесь свой посильный скромный вклад. Тов. Пятаков вчера заявил, что ЦК в вопросах хозяйственного строительства, по его мнению, вел правильную политическую линию. В письме в Политбюро ЦК, подписанном 46-ю (Пятаков подписал это письмо безоговорочно, а некоторые товарищи с оговорками), говорится: „Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство, или, вернее, на отсутствие всякого руководства, не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым общеэкономическим кризисом".

Если т. Пятаков считает политическую линию ЦК в вопросах хозяйственного строительства правильной, то как связать это его вчерашнее заявление с прочитанным мной местом в письме 46-ти, которое (письмо) т. Пятаков подписал. Это, товарищи, один из многочисленнейших примеров того, что товарищи из оппозиции не могут свести концы с концами. В этом мы обвиняем их все время.

Теперь возьмите основное обвинение. Тов. Пятаков говорит, что ЦК нехватает только того, что, ведя правильную политическую линию,

он своевременно не ставит в порядок дня практические вопросы, выдвигаемые жизнью. Тов. Молотов, как мы уже знаем, тут подверг рассмотрению практические предложения т. Пятакова; я тоже займусь этим делом. Что же тов. Пятаков предлагает в области вопросов, по его мнению, практически назревших? Во-первых, все его поправки (вы их получите) в большей своей части являются „рассуждениями" общего характера. Практического там очень и очень мало. А то, что есть практического, очень и очень нежизненно и даже вредно. Первая поправка т. Пятакова говорит о том, что необходимо во вводную часть включить характеристику двух основных взаимно противоречащих тенденций развития хозяйства Союза ССР: развитие частно-хозяйственного начала и развитие государственного и кооперативного начала. Во-первых, товарищ Молотов и товарищ Каменев были совершенно правы, когда на пленуме ЦК указывали товарищу Пятакову, что это партия с достаточно исчерпывающей ясностью сделала уже раньше в ряде своих постановлений, что если т. Пятаков считает непременно нужным включить в резолюции характеристику этих двух противоречащих начал в нашем хозяйстве, то лучше бы он это взял и списал у т. Ленина: у него гораздо лучше это сделано. Характеристика этих двух начал партией дана уже. Что же касается необходимости учитывать соотношение сил на каждом отдельном этапе нашего хозяйства между государственным и частным капиталом и о методах и практических мерах борьбы за рост социалистического начала нашего хозяйства и борьбы против частного капитала, то это в резолюции ЦК есть. Тов. Пятаков ее читал. Пусть возьмет резолюции стр. 38-ю—42-ю; он там найдет в главе о частном капитале общую постановку вопроса, а в главе о государственной торговле и кооперации, т.-е. в вопросе, где наибольшая опасность со стороны частного капитала нам грозит в настоящее время, не только общее задание указано, но и конкретные мероприятия указаны, как бороться за расширение социалистических элементов в нашем хозяйстве, как не давать частному капиталу развиваться в размерах, переходящих определенные грани. Практического в этой первой поправке т. Пятакова ничего нет, зато „страхов" подпущено в пропорции совершенно несоответствующей. И не обошлось также здесь без красноречивых намеков на ЦК партии. Там есть такое место: „только идущая не по линии наименьшего сопротивления политика рабочего государства... может привести... к организации социалистического хозяйства". Опять невязка: правильная политическая линия, а, с другой стороны, намек на то, что ЦК идет „по линии наименьшего сопротивления". Что касается „линии наименьшего сопротивления", то я спрошу т. Пятакова: кто идет по линии наименьшего сопротивления,—ЦК, или т. Пятаков и его сотоварищи, предлагающие широкую товарную интервенцию? ЦК или т. Радек и т. Красин, которые говорят о необходимости больших, чем мы делали до настоящего времени, уступок иностранному капиталу, чтобы иностранный капитал этот привлечь? На т. Красине, если еще хватит времени, я остановлюсь особо. Я имею все основания рассчитывать на то, что конференция согласится с тем, что не ЦК идет по линии наименьшего сопротивления, а т. Пятаков, который воюет против этой линии и хочет толкнуть ЦК и (конечно, безрезультатно) всю партию на эту линию наименьшего сопротивления, когда советует широкую товарную интервенцию.

Вторая поправка—об управлении государственным хозяйством. Тут тоже практического очень и очень мало. Тов. Пятаков так сам и заявил: практически я ничего не предлагаю, у меня еще все это не переварилось в голове. У него самого что-то в голове еще только бродит, и он сердится на ЦК, что ЦК не занимается тем, что „бродит" в голове

т. Пятакова, чего он еще сам толком не понимает. Я, говорит он практически ничего не могу представить. Так нельзя выступать перед партконференцией.

Дальше он говорит, что важнейшая задача—это создание выдержанной системы государственного хозяйства, что эта важнейшая задача не только не разрешена, но и не поставлена. Правильно, что эта задача еще не разрешена, но неправильно, что она даже и не поставлена. Партия все время революции разрешением этой задачи занималась и занимается. Это заявление неправильно, это поклеп на партию и на ЦК. Тов. Пятаков даже сам на себя клевещет, потому что он же сам участвует в работе Совета Труда и Обороны и делами СТО занимается. До сих пор, конечно, была масса недочетов, и долго они еще будут. Систему государственного хозяйства, вполне удовлетворительную, нам придется создавать годами. И пусть тов. Пятаков предпринимает что-нибудь для устранения этих недочетов, пусть делает ряд практических указаний, и партия с удовольствием их примет, но мы будем всячески протестовать против необоснованных требований и против поклепов на ЦК и на партию.

Вообще ошибок такого рода и преувеличений у тов. Пятакова в его поправках хоть отбавляй. Есть, например, у т. Пятакова такое место, где он говорит: „Благодаря целому ряду обстоятельств отдельная государственная единица может быть (а на деле в данный момент большею частью и действительно является) более слабой, чем частное хозяйственное предприятие". В общем это правильно, но то, что в скобках,—это неправильно. Преувеличение страшенное, что на деле в данный момент большая часть наших хозяйственных государственных единиц является слабее частно-хозяйственных. Тов. Пятакову было известно, в каком соотношении находится государственное хозяйство к частному в области промышленности. Может ли он указать хоть одно частно-владельческое предприятие, которое могло бы конкурировать с нашими трестами? Найдет ли он у частно-хозяйственных предпринимателей что-нибудь, напоминающее наш Донбасс и т. д.? Это страшенное преувеличение, совершенно не соответствующее тому, что есть в действительности. Далее т. Пятаков говорит, что надо решительно отказаться от нэповской точки зрения о регулирующей роли государства в отношении государственного хозяйства вообще и государственной промышленности в частности и твердо стать на точку зрения управляющей роли его, что ставит на очередь необходимость принципиального и организационного разрешения проблемы управления государственным хозяйством, как некоторой внутренней объединенной системой, первенствующую роль в которой должна играть государственная промышленность.

Я думаю, что у т. Пятакова и его товарищей сказывается тоска по главкизму. Они перегибают палку в области плановости. У них усиление планового начала получает бюрократическое извращение. Когда они касаются вопроса концентрации, они бюрократически перебарщивают, и когда доходят до вопроса об управлении, мы наблюдаем у них опять отрыжку старой болезни, — тоскуют по главкизму.

Я скажу тов. Пятакову, что не по словам, а по делам его можно доказать, что он в области (хотя это немножко не вяжется с его демократизмом, но что же делать?) хозяйственного строительства страдает большим недостатком того характера, о котором я говорил.

Товарищи, я вам расскажу маленькую историю, которая наделала питерцам много хлопот. У нас вообще обид много, на тов. Пятакова в частности и на московских хозяйственников вообще. Я укажу только на один случай, характеризующий хозяйственные методы тов. Пятакова.

Председательствующий. Ваше время истекло.

Евдокимов. Еще две минуты.

Председательствующий. Сколько вам надо?

Евдокимов. Пять минут.

Председательствующий. Возражений нет? Нет.

Евдокимов. В одно прекрасное время мы получили распоряжение от президиума ВСНХ снять с Путиловского завода два универсальных токарных станка и направить в Москву на орудийный завод. Мы возопили. Эти станки такого типа, которых у нас в России очень немного, всего штук семь-восемь, десять—самое большее. Снятие их означало разрушение лучшей в России мастерской. Мы запротестовали, мотивированное отношение послали, и в ответ получили от тов. Пятакова такую грозную телеграмму: кто вам дал право не подчиняться моим распоряжениям? под личной ответственностью снимите станки и направьте по назначению. Мы опротестовали распоряжение в Политбюро. Пять месяцев мы дрались за эти станки. Нас всячески уверяли, что эти станки можно получить из-за границы только через восемь месяцев, что очень важная работа на заводе страдает. Мы вынуждены были сами через отдел Госторга запросить в Англии, через сколько времени можно получить такие станки, и стоимость их.

Станок всего стоит 10 тысяч руб. зол. Получить его из Англии можно было в три недели, а они пять месяцев боролись из-за станка. Они отказались теперь от этого. Богданов сознавался, что тут стечение обстоятельств, ведомственное самолюбие и т. д. А если бы мы так не дрались, к чему бы это привело? Я на комиссии, созданной Политбюро ЦК, говорил о необходимости передать это дело в контрольную комиссию. Меня не послушали. Думаю, напрасно. Мораль из этого какая? Тов. Пятаков иной раз хочет управлять не только трестами и отдельными заводами, но даже отдельными станками, а когда ему в этом препятствуют местные работники, он шлет грозные телеграммы: „Какое вы имеете право не исполнять мои распоряжения?“ Такова демократия тов. Пятакова. Я думаю, я совершенно прав, когда говорил, что в разговорах товарища Пятакова об усилении направляющей роли государства в хозяйстве и в промышленности имеется большая отрыжка главкизма.

Одно замечание по поводу выступления тов. Преображенского. У него есть одно очень интересное место, где он поучает, как выгоднее получать доходы с крестьянства—путем налогов или путем политики цен. К чему сводится его рассуждение? Налоги сбавить, а цены прибавить. Товарищи, только сумасшедший мог это сказать. Так могут говорить люди, окончательно запутавшиеся в тех поправках, которые выставляют при непременном желании остаться в оппозиции к ЦК.

Товарищ Красин—и на этом я окончу—употребил в своей речи выражение, что мы ведем очень „ленивую работу в деле привлечения иностранного капитала“, что мы вынесли какое-то и где-то постановление восстанавливать наше разрушенное народное хозяйство исключительно за счет внутренних ресурсов, что поэтому восстановление народного хозяйства идет очень медленным темпом. Я должен сказать тов. Красину, что в том месте, где он говорит о существовании какого-то постановления восстанавливать нашу разрушенную промышленность только за счет внутренних ресурсов, он напутал. Нет такого постановления. Но у партии есть определенный курс в вопросе о привлечении иностранного капитала, в стремлении привлечь этот капитал: это—итти на уступки, но с соблюдением определенных границ. И здесь не ленивая работа партии по привлечению иностранного капитала, а стремление к тому, чтобы привлекать иностранный

капитал так, чтобы это было на пользу диктатуре пролетариата, а не на пользу международного капитала. (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, в президиум поступило предложение нескольких товарищей о перерыве на несколько минут. Возражений нет? Принято. Объявляется перерыв на 10 минут.

Председательствующий. Товарищи, прошу занять места. Слово имеет тов. Коссиор В.

Коссиор. Товарищи, нельзя говорить о новых экономических задачах партии, если мы не обратим нашего внимания на то, в какой степени осуществлены нами в течение текущего хозяйственного года старые задачи, и почему они именно таким образом, а не иначе, осуществлены. К сожалению, наша дискуссия, которая имеет место в Москве, слишком мало на эту сторону дела обращает внимания. Представители ЦК, иллюстрируя успехи нашего хозяйства, главным образом, сосредоточивали все внимание партии на росте количества промышленной продукции и на росте производительности труда, а на тех главнейших затруднениях, на тех политических задачах, которые должна разрешить наша советская экономика,—на этих задачах руководители нашей хозяйственной и партийной политики не концентрируют достаточно внимания широких кругов нашей партии.

Тов. Рыков в своем докладе вчера был гораздо более откровенен, чем он бывает обыкновенно на наших партийных собраниях. Он прямо и определенно здесь поставил вопрос о том, что, благодаря нашей ошибочной политике цен, мы, по существу дела, имеем дальнейшее разжатие „ножниц“, которое, по существу, означает, что в области экономической смычки города с деревней, в области союза рабочих и крестьян мы в течение текущего хозяйственного года никаких успехов не сделали. У нас имеется экономическая трещина, которая грозит при известных условиях превратиться в политическое недовольство многомиллионного крестьянского населения.

Тов. Рыков также более, чем когда бы то ни было, но все же недостаточно, останавливался вчера и на другой опасности—на опасности частно-капиталистического накопления. Обыкновенно на этой опасности не концентрируют внимания нашей партии. Товарищи, если бы дело шло действительно только о том, что отдельные члены партии выступают и разводят теорию о том, что у нас борется частно-капиталистическое начало с социалистическим, то мы бы напрасно теряли время. Но дело, ведь, не в повторении теоретических формул, а в том, каким темпом идет это частно-капиталистическое и социалистическое накопление теперь в практике в 1923 году. Те цифры и факты—пусть они недостаточно проверены, но которые все-таки у нас имеются,—говорят за то, что в течение текущего хозяйственного года частно-капиталистическое развитие и накопление сделали огромный успех, и этот успех действительно превышает тот успех, который сделала наша государственная промышленность, т.-е наше социалистическое хозяйство. Нужно же, товарищи, осознать, что вот в этих главнейших областях наша партия в течение текущего хозяйственного года не имеет никаких успехов. Нужно вскрыть причины? Но ни внутри партии, ни здесь, на партийной конференции, ни в тезисах ЦК мы не видим этого.

Какие у нас успехи в области улучшения экономического положения рабочих? Использовано ли поднятие хозяйства для улучшения положения рабочих? Мимо этого вопроса партия проходить не должна. Тов. Рыков приводил цифры роста зарплаты — 87 и 63%. Это астрономические цифры, — они неверны. Тов. Рыков делает две совершенно недопустимых ошибки. Первая ошибка: тов. Рыков считает рост заработной платы, начиная с октября 1922 года и кончая октябрем

1923 года. За 22 год был сильный рост заработной платы, особенно начиная с октября; к январю 1923 года заработная плата выросла на 35—40%. Начиная с января—февраля 1923 г., когда ЦК партии вынес директиву о приостановке роста заработной платы, дальнейший рост зарплаты фактически прекращается. Когда тов. Рыков прибавляет три месяца к 9-ти месяцам 1923 года, получается рост, но рост преувеличенный. Этот прием неправилен: он скрадывает то обстоятельство, что в течение 9-ти месяцев текущего 1923 года фактически экономическое положение рабочих отнюдь не улучшилось, а в отдельных случаях даже ухудшилось.

Тов. Рыков делает вторую ошибку, когда, характеризуя рост заработной платы, дает сведения о месячном росте зарплаты рабочих. Вы знаете, что по месячному заработку рабочего нельзя судить о движении зарплаты вообще, ибо эта величина зависит от двух обстоятельств: от роста заработной платы и от количества выходных дней. Количество же выходных дней в первой половине 22 года составляет в среднем 127 дней на рабочего, в то время как в первой половине 1923 года оно составляет 131 день. Количество выходных дней увеличивает месячный заработок, но это не значит, что улучшается экономическое положение рабочих, и что растет заработная плата. Действительно, настоящим показателем роста заработной платы является дневной заработок рабочего. Если вы возьмете соответствующие данные, вы увидите, что за девять месяцев текущего года, начиная с января по сентябрь, у нас в среднем по промышленности рост заработной платы имеется на 9%, а не на 62%. Эти девять процентов получились, главным образом, за счет роста заработной платы в одной лишь металлопромышленности. Железнодорожников мы считаем особо. В области текстильной промышленности и химической, главное же, в области текстильной, мы имеем понижение дневного заработка, начиная с января по октябрь; а, ведь, текстильная промышленность, как вам известно, в текущем хозяйственном году является прибыльной, это—промышленность с наиболее высокими ценами.

Спрашивается: чем же объяснить, что рост хозяйства и увеличение производительных сил сопровождались в текущем году улучшением экономического положения рабочего класса?

Тов. Рыков делает еще ошибку: он судит об экономическом положении рабочих только на основании заработной платы. А мы знаем, что не только заработной платой определяется экономическое положение рабочего. Обратите внимание на вторую половину вопроса, как росла за это же время производительность труда рабочего. Если мы возьмем январь за 100, то к сентябрю мы имеем увеличение суточной выработки рабочего на 15%. Таким образом, производительность труда в текущем году опять обогнала рост заработной платы. Если мы обратим внимание на абсолютную величину этой заработной платы, то увидим, что 72% рабочих получили в первой половине 1923 года не более 14 товарных рублей. Это, товарищи, настолько низкая заработная плата, что при существующей производительности труда она, несомненно, ведет не к культурному росту и не к восстановлению рабочего класса, а к его по существу дела истощению, ибо при такой заработной плате рабочий не может восстанавливать ту рабочую силу, которую он теряет в процессе производства. Это очень серьезный вопрос. Этим обстоятельством объясняются и те забастовки, которые имели место летом текущего года и носили экономический характер. Мы должны на этой стороне дела остановить самое серьезное внимание. Здесь директивы Центрального Комитета неясны. Центральный Комитет говорит: держать курс на повышение

заработной платы. Что это значит? Разве наша партия когда-нибудь не держала курса на повышение заработной платы?

Резолюцию ЦК в этом пункте нужно дополнить конкретным указанием, что именно в данный момент надо повышать зарплату.

Я не имею времени и не могу сейчас доказывать, что политика повышения заработной платы выгодна нам не только политически, но и экономически. Главной причиной наших неуспехов я считаю безалаберное, стихийное ведение нашего хозяйства. И поэтому нужно смотреть в корень вещей, нужно поставить вопрос о системе хозяйственного управления, которая гарантировала бы нас от дальнейших ошибок. Нельзя к вопросу подходить так, как подходит т. Молотов: „Раз вы не можете вынуть из кармана определенный план в столбиках и линиях, то мы не желаем с вами разговаривать. Вы занимаете партию всякими пустяками. Мы уже, мол, не раз это писали“. Писали-то—писали, но практически и до сих пор не осознали и в проводимой на практике линии ничего не сделали. Если у т. Пятакова или кого-либо другого нет сейчас конкретной системы управления, этим вопросом должна заняться партия в целом, чтобы разработать его. Только так мы сможем подойти к этому вопросу и создать систему нашего хозяйства; эта система облегчит нам действительное регулирование цен, действительно создаст условия, при которых прибыль нашей промышленности, сейчас неизвестно куда девающаяся, будет направлена на расширение хозяйства и на дальнейшее улучшение экономического положения рабочего класса.

Председательствующий. Слово имеет т. Каменев.

Каменев. Товарищи, партия поставлена в такое положение, когда к обвинениям т. Пятакова, его поправкам и его речи мы должны отнестись с особым вниманием. При других обстоятельствах эти поправки или поправочки могли бы быть поставлены перед нами, как отдельные частности, которые мы в какой-нибудь комиссии разобрали бы и, как я надеюсь, отвергли бы. Но сейчас мы не в таком положении. Тов. Пятаков и вся его группа поставили партию в такое положение, когда мы должны в этой группе поправок искать определенную политико-экономическую линию. Мы с вами спорили два месяца о демократии. Ведь, никогда для большевиков демократия, даже внутрипартийная демократия, не была целью сама по себе,—для нас это форма, для нас это, прежде всего, возможность обсуждать основы партийной политики. И поэтому, казалось бы, что товарищи, которые особенно настаивают на необходимости обсудить целиком всю деятельность партии почти за два года, могут партии предъявить при этом свободном обсуждении некоторую линию, некоторую систему, которая изменила бы неправильное направление предшествующей политики Центрального Комитета. Вот почему, когда появилась резолюция Центрального Комитета об экономической политике, мы, признаться, с особым вниманием, как,—надеюсь, и вся партия,—с особым волнением ожидали,—ну, что же скажут те товарищи, которые со страстностью добивались свободного обсуждения, ведь, не ради того, чтобы обсуждать свободу обсуждений, а ради того, чтобы выправить все неправильности, чтобы иметь возможность выявить свою собственную линию.

Мы, ведь, не можем забывать, что тов. Пятаков и его группа, которая почти сплошь состоит из членов наших руководящих партийных учреждений и из членов правительства, предъявили нам обвинение, которое здесь т. Евдокимов очень кстати вам напомнил. Три месяца тому назад со стороны т. Пятакова, члена Центрального Комитета, члена правительства, было предъявлено обвинение в том, что экономическая политика Центрального Комитета противодействовала всем

успехам, достигнутым нами в области хозяйства, что она ставит партию перед перспективой приостановки этих успехов и перед тяжелым экономическим кризисом. Ведь, это обвинение не снято. Прошло только три месяца после того, как не только Центральному Комитету партии, но и советскому правительству рядом ответственных работников было предъявлено обвинение, которое кратко можно формулировать так: политика Центрального Комитета в области хозяйства ведет страну к гибели.

Ответственные члены партии имели право предъявить это обвинение, если они действительно готовы были перед партией это свое обвинение поддерживать, и если сами они обдумали те средства, при помощи которых от этой гибели партию можно спасти. Они ввергли партию в лихорадку, партия была больна три месяца, и мы, естественно, ожидали на нашей партийной конференции объяснений всего этого. Центральный Комитет представил партии итоги своей политики, и в его резолюции указана линия, по которой он пойдет. Где же ваши итоги? Где же ваша линия? Партия обязана потребовать у вас ответа, потому что демократия не только дает права, она накладывает и обязанности, и этих обязанностей перед партией тов. Пятаков и его группа не выполнили, потому что они явились к нам не с какой-нибудь определенной линией, а с какими-то поправочками, которые, разобранные по существу, представляют из себя только отдельные поправочки, да к тому же еще неправильные.

Когда резолюция ЦК была напечатана, тт. Пятаков, Осинский, Преображенский и Смирнов ответили на эту резолюцию своей резолюцией, которую они написали в виде общей характеристики нашей линии: „Резолюция Политбюро ЦК об очередных задачах экономической политики представляет в большей своей части изложение постановлений XII Съезда РКП, с добавлением, однако, некоторых сомнительных новых положений и с пробелами в отношении некоторых назревших вопросов“.

Вот как они реагировали на нашу резолюцию. Если нести ответственность за свои слова, если понимать, что эти четыре экономиста, четыре члена правительства, по поводу общей линии ЦК 1?-го октября сказали, что эта общая линия гибельна для страны, для революции, для наших международных успехов, и если затем они приходят и говорят: „что же сделало Политбюро,—оно переписало резолюции XII Съезда (в этом оно право), но оно добавило вещи сомнительные, а назревшие вопросы прозевало“,—если так, то эту резолюцию надо отвергнуть. Резолюцию XII Съезда мы писали в марте, до кризиса, до раздвижения „ножниц“, до тяжелого экономического и политического кризиса, в который мы попали осенью. Если ЦК нашей партии с марта по декабрь не научился ничему, кризис прозевал, а выводы, которые сделал из кризиса, сомнительны, если нас хватило только на то, чтобы переписать резолюцию XII Съезда, то такой ЦК не заслуживает нашего доверия. Вы не можете доверить такому ЦК, который может отписываться только жалкой перепиской прежних резолюций. Такому ЦК вы не можете доверить руководство партией.

Но в том-то и беда, что эти товарищи, грозные на словах, не смогли ни подтвердить, ни поддержать то, что говорил Пятаков и другие, перед лицом тех запросов, которые партия имеет право предъявить такому жалкому политическому банкротству (это не полемический оборот, а выражение тревоги). Я понимаю, что большевик может признать, что линия ЦК ведет к гибели,—раз так, он должен выступить против ЦК,—и они выступили. Ведь, когда они написали заявление, что мы ведем страну к гибели, когда они пустили это заявление по ячейкам, когда оно распространилось по низовым партий-

ным (в том числе и гарнизонным ячейкам), когда там это заявление переделывалось на простецкие ячейковые постановления (относительно этого я еще потом скажу), когда на этих ячейках говорили, что ЦК не только не заметил кризиса, но что он сам виноват в нем, что он сам позволил наживаться нэпманам,—это было решительное выступление против ЦК. Если ты уверен, что перед тобой задача спасения партии, спасения революции, что ты прав, то ты не должен тогда убегать в кусты после первого отпора, а должен держать знамя восстания крепко в руках. А на деле достаточно было маленького отпора, небольшого предъявления фактов, чтобы тт.. предъявившие ЦК свои обвинения, сбежали в кусты. Да, они сбежали. А что же с теми рабочими, с теми красноармейцами, которые остались и которые им верили? Ведь, тов. Пятаков имел возможность притти и здесь сказать, что линия ЦК правильна. Ну, а как же насчет тех рабочих, к которым вы посылали Биткеров, Сапроновых, Дробнисов и прочих? Им-то вы не сказали, что ваши обвинения ЦК были неправильны!

Вот в чем главная политическая ошибка этой оппозиции, которая в области определения основ нашей экономической политики оказалась полным банкротом. Короли действительно оказались голенькими.

И мы теперь принуждены созерцать голеньких тт. Преображенского и Пятакова. Но это—зрелище, которое не очень приятно для партии.

Я перейду к рассмотрению того, что же эти товарищи могли тут нам предложить. Они делают попытку построить свою оппозицию на том, что мы недостаточно отдаем себе отчет в борьбе между нэповской стихией и социалистической стихией. Но это действительно ребячество. Мы предложили вам резолюцию, которая исходит из необходимости такой борьбы, как из совершенно абсолютно аксиоматического положения. Мы не желаем оставаться в приготовительном классе. То, что тт. говорят, есть борьба нэп'а и социализма. Да, это три года назад, когда мы вводили нэп, мы уже сказали. Ведь, в том, что мы развязали буржуазную стихию, и заключается весь нэп. И наша задача состоит в том, чтобы противопоставить этой буржуазной стихии, мелкобуржуазной стихии, организованное социалистическое хозяйство и шаг за шагом оттеснять частный капитал, который мы с вами развязали. И вот через три года приходят и хотят партию перевести в этот приготовительный класс. Мы должны из этого сделать выводы. Из кризиса мы научились не тому, что у нас есть нэп. Из кризиса мы научились другому. Вот в чем суть. Вся трагедия заключается в том, что наша промышленность, поднявшись только на 35% довоенной, уперлась в неплатежеспособность и узость крестьянского рынка, а для нашей социалистической промышленности нет заграничной базы, нет и базы в городе, ибо город не представляет собою ту широкую базу, на которой социалистическая промышленность будет развиваться. Мы должны нашу социалистическую промышленность опереть на широкий крестьянский рынок. И вот оказалось, что на третий год нэп'а, имея только 35% довоенной выработки продукции, мы не можем эту продукцию на внутреннем рынке реализовать. А если мы завтра достигнем того, чего мы все хотим,—не 35%, а 40%—50%, то будет, очевидно, еще хуже. Тогда мы должны будем свертывать эту промышленность, ибо мужик продуктов ее купить не может. Вот в чем основа проблемы. Здесь не обманете словами, что у нас есть нэп, и, кроме того, есть социалистическое хозяйство. Еще до всякого кризиса тов. Ленин писал,—и мы можем вписать в резолюцию это, а не школярские упражнения тов. Пятакова,—тов. Ленин написал год назад: „Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов—рабочих и крестьян, к которому теперь

допущены на известных условиях и нэпманы, т.-е. буржуазия. В последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст нэпманам, т.-е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, разделить себя с ними". Перед нами двоякий исход. Зачем нам нужно, чтобы эти ясные, точные, классовым образом сформулированные слова повторял тов. Пятаков через год после кризиса, вместо практических предложений, и повторял не в чеканной классовой формулировке, когда речь идет о борьбе классов, когда ясно вырисовываются три класса,—чтобы он эти слова повторял в школярной, в расплывчатой форме о системе организованного социалистического хозяйства. Не этим болеет партия, не об этом идет речь. Это положение тов. Ленина есть исходный пункт, а мы должны переходить к практике, ибо общими положениями ничему не поможешь. Если к этим общим положениям, как делают тт. Пятаков и Преображенский, мы добавим здоровую дозу паники, тогда совершенно испортим себе перспективу.

Что общего у тт. Красина, Пятакова и Преображенского? Внешность как-будто различна. Тов. Преображенский выступает против нэп'а. Тов. Красин приходит к нам и говорит: вся беда только в том, что вы недостаточно привлекали иностранный капитал, что вы недостаточно расширяли сферу нэп'а. Ибо иностранный капитал—это капиталистический способ производства, которому мы уступаем известную арену из того, что принадлежит нам. Тов. Красин говорит: в этом ошибка—недостаточно привлекали иностранный капитал. Я не знаю, это ошибка или нет, но я бы хотел услышать от т. Красина заявление о том, что этот иностранный капитал к нам лез, просился, а мы его отталкивали. Нельзя же в самом деле так представлять дело партии. Но пройдем мимо этого. Что говорит т. Преображенский? Вы слишком много отдаете нэп'у. А что общего у т. Преображенского и т. Красина? Общее у них—паника, неверие в то, что элементы социалистического хозяйства действительно растут в нашей бедной, нищей, ограбленной России. Может-быть, нам придется вести это восстановление и без иностранного капитала, но нам не нужно читать лекции, что хорошо впрыснуть в народное хозяйства хорошую дозу иностранного капитала. Да, конечно, если бы это было нам выгодно, если бы прибыль от этого иностранного капитала для нашего социалистического государства была больше, чем те платежи, которые мы за это должны заплатить. Но представил ли т. Красин такие предложения иностранного капитала на рассмотрение, относительно которых мы бы сказали: да, это выгодно для нас... А что пишет т. Пятаков: „Зародыш товарной капиталистической системы значительно вырос, окреп и грозит в дальнейшем своем развитии неисчислимыми опасностями только еще складывающимся зачаткам социалистической системы хозяйства". Это т. Пятаков предлагает партийной конференции принять и тем самым сказать перед лицом всего мира, что на 7-й год существования нашей республики у нас еще имеются только складывающиеся зачатки социалистического хозяйства. То, что у нас промышленность национализирована, транспорт национализирован, внешняя торговля тоже, вся кредитная система в наших руках, земля социализирована,—это „еще только складывающиеся зачатки социалистического хозяйства"?

Что мы плохо хозяйничали,—это мы знаем лучше т. Пятакова. Тов. Ленин на каждом съезде выходил и говорил, что плохо умеют коммунисты торговать, производить, доказывать крестьянину на деле, что ему выгоднее коммунистический способ производства, чем частно-капиталистический. И т. Пятаков от этой плохой будничной работы,

которую надо все время исправлять, переходит к словам о „только еще складывающихся зачатках социалистической системы хозяйства“. И это он предлагает принять не в дискуссионном клубе, ни в Соц. Академии, ни на собрании школяров от социализма, а от имени правительственной партии, и объявить всему миру. Ведь, вы этого хотите, для этого вносите поправки. Но это же полное политическое банкротство, отсутствие живого чутья. Вы вычитали это из книжек немецких профессоров и преподносите правящей партии. Что мы будем годами завоевывать крестьянский рынок,—это абсолютная правда. Вы должны помогать завоевывать этот рынок, а не подносить плоды собственной паники.

Вот основные проблемы, которые перед нами стоят. Мы в своей резолюции говорим: „Вопрос о соотношении между государственным и частным капиталом в области хозяйства является в данный момент важнейшим вопросом, ибо он предрешает вопрос о соотношении классовых сил пролетариата, базирующегося на национализированной промышленности, и новой буржуазии, базирующейся на стихии вольного рынка“.

Как видите, тов. Пятаков, мы тоже не забыли, что мы строим не что-либо иное, а коммунистическую систему, и что темп построения этой коммунистической системы зависит от соотношения национализированной промышленности и частного капитала. Но выводы отсюда какие? „Всякое усиление кооперации (читаю из резолюции ЦК) и государственной торговли и расширение поля их деятельности представляют расширение сферы социалистического хозяйства. Всякое же ослабление позиции кооперации, государственной торговли и промышленности и усиление позиции частного посредника, скупщика и торговца представляют расширение сферы господства буржуазных капиталистических отношений“. Что вам нужно еще, кроме того, чтобы попытаться уязвить ЦК и внести элементы паники, которых нет у всей нашей партии, потому что для этого нет объективных условий? Вопрос, по-моему, совершенно ясен и прост. Попытка тт. Пятакова и Преображенского запугать партию, убедить ее, что наши задачи социализма погребаются этим наступлением частного капитала,—эти элементы паники должны быть отвергнуты целиком. Но что они предлагают? План. Выступление тов. Пятакова было бы смешно, если бы не было так грустно. Грустно потому, что людей мало, ответственных людей еще меньше, и что при таких условиях некоторые из товарищей, которых мы поставили на самые ответственные посты, приходят сюда с такими смешными, детскими, ребяческими представлениями. Перехожу к вопросу о плане. Теперь модно повторять: нужен план, план и план. Неужели партия считает ЦК таким наивным, что он, имея в виду управление громаднейшими богатствами, не понимает, что нужен план? За кого нас считают, за кого нас считает т. Пятаков? Мы знаем, что когда посылаем человека приказчиком в ГУМ, мы говорим ему, что он должен составить план. Когда мы ставим человека во главе треста, мы тоже ему говорим, что нужен план. А мы, по отношению к управлению громадным государством, мы-де не поставили себе задачей, что нужно иметь план, и тов. Пятаков пишет: „вы скептически относитесь к плану“. Нет, не к плану, а к бюрократическому извращению плана скептически относимся мы, к такому пониманию плана, когда он выражается в попытке военного командования промышленностью. К этому бюрократическому наскоку и к попытке военного командования мы относимся скептически и будем здесь бороться. Мы знаем, что есть лихие наездники, и опасаемся, что если таких лихих наездников посадить на мужицкую клячу, на которой мы едем, то и эту клячонку загонят, и телегу разобьют, а нам на ней надо ехать. (Аплодисменты). Тов. Пятаков говорит: „Не подошли еще к по-

становке задачи об управлении государственной промышленностью, государственным хозяйством". Я вспоминаю, как тов. Пятаков сам говорил: „В апреле этого года мы создали закон о трестах". Подумайте, в апреля 23 года Советская Россия дошла до того, что написала закон и определила права и обязанности треста. Через несколько месяцев после этого мы реорганизовали СТО и из междуведомственной комиссии превратили его в орган управления и т. д. Мы шаг за шагом идем вперед к тому, чтобы действительно иметь план не бюрократический, не такой, который был бы пустым командованием, который обрекает нас на провал; чтобы наш план не был пустышкой, нужны предварительные элементы этого плана. Какой план мог быть, когда у нас не было твердой мерки для хозяйства? Давно ли мы создали с вами эту мерку в виде червонца? Сколько времени она у нас? Давно ли мы с вами установили систему государственного кредита? А как же вы без кредита, без возможности в определенные моменты бросать определенные суммы денег в те или иные отрасли народного хозяйства, как вы будете планировать? Не будет ли это часто смешной вещью. Когда создали мы государственный банк? Когда он смог стать регулятором кредита? Все это надо исчислять месяцами. Когда мы с вами дошли до того, что не только ваш губернский бюджет хотя бы на полгода дает вам план для вашего управления, но когда мы с вами у себя в центре можем сказать, что мы на 3 месяца вперед столько-то расходуем на Наркомпрод, столько-то на Наркомпрос, и т. д.? Все это завоевания последних дней. Ведь, без этого все разговоры о плане были бы безусловно школярством, которое только и знает: нужен план, но которое не представляет реальных жизненных условий осуществления этого плана. Когда я, немножко провоцировав т. Пятакова, спросил его: скажите, ну как же нужно управлять государством,—он сказал (я это прочту по его стенограмме):

„Мы имеем целиком национализированный транспорт, имеем определенную банковскую систему, имеем некоторые государственные торговые предприятия. Все эти части должны быть объединены специальным органом. Я не знаю, будет ли это реорганизованный СТО, или будет создан для этого специальный орган, который будет ведать специально делом управления государственным хозяйством. Но должен быть некоторый оперативный орган, который будет, с одной стороны, учитывать все наше государственное хозяйство, с другой стороны, давать соответствующее направление деятельности отдельным отраслям хозяйства. Этот орган будет иметь специальную задачу, над решением которой мы будем работать не один год,—задачу управления государственным хозяйством. Не надо придавать ему другие функции, но надо подчинить всю его деятельность правительству. Вот как я рисую себе в самых общих чертах постройку этого дела. Может-быть, этот мой подход неправилен".

Да, правилен, правилен, что же сказать? Когда, как вы видите, у нас есть транспорт, финансы, банк, внешняя, внутренняя торговля, промышленность, так надо, чтобы было одно место, где все бы это увязывалось. Так это место и называется: советское правительство, и больше ничего. (Аплодисменты). „Может-быть, мой подход неправилен?" Правильный подход, но детски-школярский подход. Такой, за который совестно, когда тов. Пятаков это говорит. Да, конечно, все это есть, и всем этим нужно управлять, и все это нужно согласовать, и для этого сидит советское правительство, которое законы, общие нормы пишет в Совнаркоме, а чтобы увязывать все эти народно-хозяйственные процессы—и финансы, и транспорт, и торговлю, и промышленность—создано СТО, который мы пару месяцев тому назад реорганизовали. Что же, тов. Пятаков, вы член СТО,

постоянный участник Совнаркома, придите и скажите нам: надо СТО реорганизовать, ввести таких-то людей (Пятаков с места: „Вы этого не делаете“). Вот, когда я еще не знал, какой у тов. Пятакова есть план, я еще думал, что у него что-то есть, а все свелось, оказывается, к тому, что СТО работает плоховато. Верно, товарищи: и СТО, и Совнарком, и все остальные наши государственные учреждения работают еще плоховато. Если только это хотел сказать тов. Пятаков, какое же право вы имели поднимать на этой почве лихорадку в партии? Мы знаем сами, что за 6 лет мы не научились еще как следует управлять. Это факт. И тов. Ленин, открывая каждый съезд, говорил: „Мы наделали кучу ошибок, которые нужно лечить“. Но только всегда он прибавлял: „Не лечите эти ошибки по тем рецептам, которые предлагают тт. Осинский, Преображенский и Сапронов“... Теперь надо прибавить еще: „и тов. Пятаков“. Ошибки эти несомненны. Но по этим школярским прописям, которые предлагает тов. Пятаков, лечить их нельзя.

Теперь перейду к некоторым практическим предложениям оппозиции. Я буду очень краток. Это общие соображения тт. Пятакова и Преображенского. Что они конкретно нам предлагают?

Вопрос о ценах. Мы говорим: т. к. на 35% поднявшаяся промышленность не может опереться на крестьянский рынок, то вот директива: снижай цены, учись производить дешевле, умей продавать так, чтобы крестьянин мог купить. Просто, очень просто, товарищи, но все-таки мы с вами, товарищи, будем над этим работать годами. Если мы не научимся производить дешевле, продавать гибким аппаратом, без чертовских накладных расходов, и давать цены, приемлемые для крестьянского рынка, мы в аграрной стране социализма не построим. Вот факт, и поэтому тов. Ленин был прав. Теперь только мы начинаем понимать, как гениально был прав тов. Ленин, когда два года назад сказал: очередная задача коммуниста — учиться торговать. А что сказал кризис? О неумении торговать. Этому надо учиться не на этих самых широких декларациях и декламациях, которыми нас занимают, а на практике.

Товарищи Преображенский и Пятаков делают вывод: нэп наживается. Да, конечно, на наших ошибках учится нэп. Теперь не такое положение, что если копейка упадет с государственного стола, то она поднимется под небеса. Если она с нашего стола упала, она отложилась в кармане нэповской буржуазии, и не только, как экономическое накопление, а как базис для политического капитала. Это факт. Мы на это шли, когда открывали нэп. Ведь, нэп не в том, что у нас шикарные рестораны в Москве, а в том, что в нашем общем производстве крестьянство дает три миллиарда рублей, а промышленность дает два миллиарда. Два миллиарда, которые производятся в сфере социалистического хозяйства. Мы тут хозяева, управляем и говорим: столько-то производи, столько-то отложи в запас, столько-то продай, такую-то прибыль возьми и т. д. А три миллиарда, бо́льшая доля всего национального производства, она обращается в условиях частной конкуренции вольного рынка. Вот в чем штука.

Если у вас нет смелости сказать: надо прекратить свободное обращение продуктов сельского хозяйства и вернуться к военному коммунизму, к продразверстке, к пайку,— тогда не путайте вопроса о свободе крестьянина располагать своим трудом, с тем, что на этой базе развертываются, конечно, капиталистические отношения. Это верно. Но как с ними бороться? Мы говорим в своей революции: усиливай позиции государственной торговли, кооперации, промышленности, выжимай частный капитал, овладевай частным рынком. Вот здесь помогите нам, вот здесь придите, тов. Пятаков, но не с приват-доцентскими лекциями, а скажите деловым образом: не пугайте

нас частным капиталом, который зарабатывает. Да, он зарабатывает и будет зарабатывать, поскольку мы не будем укреплять свои позиции.

А вот вам обвинительный акт не против частного капиталиста, а против обвинительного акта т. Преображенского и тов. Пятакова— только-что розданная книжка, которая называется „Кооперация в деревне, как она есть“, с предисловием Микояна, написанная т. Дейчманом на основе работ Юго-Вост. Бюро ЦК. Вот перед нами картина. Она рисует движение спички от фабрики к крестьянину, и вот посмотрите как.

Если принять за сто цену спички, как она с фабрики выходит, то из следующего этапа — из треста, синдиката, когда она выходит, она уже стоит не сто, а сто девяносто шесть. Следующий этап— Центросоюз; оттуда она выходит стоимостью в двести семь. Из Центросоюза она идет в Ростовскую контору Центросоюза и выходит стоимостью в двести пятнадцать. Затем идет в Донобсоюз и оттуда выходит стоимостью триста тринадцать. Затем идет в Миллеровское отделение (это, товарищи, практика, жизнь) и по выходе оттуда стоит четыреста семь. Оттуда она попадает в Чертковский пункт и стоит четыреста пятьдесят пять и, наконец, попадает в сельское ЕПО, где крестьянин ее получает за пятьсот семнадцать.

Вот обвинительный акт против нашего неуменья торговать. Тут мы не видели ни одного частного посредника вовсе. Все идет по нашему государственному аппарату, все идет в пределах нашего социалистического хозяйства: фабрика и кооперация, и то, что стоило на фабрике сто, крестьянин получает за пятьсот семнадцать. И вот эта работа, которая дает ощущение практической жизни, она во сто раз драгоценнее для партии, чем декларации и декламации, которые мы здесь слышали. Если мы не сосредоточим всех усилий партии, чтобы производить дешевле, продавать дешевле и делать так, чтобы крестьянин не получал этих спичек в пять раз дороже, чем они обошлись нам самим, то мы ничего не сделаем. Здесь начало всей премудрости для установления действительной смычки с крестьянином. Смычка перешла из области профессорских рассуждений и деклараций в область чистой экономики. До этого мы дошли: экономика стала политикой, и цена аршина ситца стала политической проблемой. Разве эти люди это понимают? Разве эти товарищи имеют какой-нибудь нюх к этому? Мы, говорят, не понимаем, что такое максимум и что такое минимум прибыли. Минимум прибыли, говорят, равен нулю. Бедненький т. Преображенский! А я ему скажу: возьмите, т. Преображенский, резолюцию ЦК, где говорится о минимуме прибыли, и прочтите (и вам советую, товарищи, прочесть), чтобы у вас не осталось ни малейшего сомнения в том, что здесь говорится: „однако, ошибочно с точки зрения социалистического строительства, — пишем мы,—когда в цены продуктов сверх себестоимости и необходимой минимальной прибыли вклю'аются расходы на такое быстрое восстановление и расширение основного капитала, которое явно не под-силу в данный момент основной массе населения страны“. Что же тов. Пятаков такой непонятливый, что не понимает, о чем идет речь, что мы говорим о темпе восстановления основного капитала и говорим: восстанавливай так, чтобы мужик перед этим темпом не сложил руки и не сказал: „я коммунистического производства не приемлю“. Ведь, мы недаром написали на той же странице, что „мы должны добиваться того, чтобы каждый массовый потребитель, рабочий и крестьянин, ясно сознавал преимущества кооперативной и государственной торговли, государственной организации перед ее организацией на началах частного капитала“. Что же, мы мужика убедим

резолюцией? Нисколько не убедим. Этим мы дискредитируем только государственное хозяйство перед мужиком. И если частный капиталист, кустарь, даст ему эту спичку вместо 517 за 300, конечно, каждый крестьянин скажет: „коммунист организует хозяйство плохо, а частный капиталист хорошо". А если мы примем поправку т. Пятакова, дадим крестьянину дешовый иностранный товар, то мы дадим ему подтверждение этого. Рядом с нашей спичкой и сахаром т. Пятаков предлагает дать заграничный и частный сахар и спичку, по еще более дешовой цене, для того, чтобы устроить смычку между верхушкой крестьянства и заграничным капиталистом, для того, чтобы крестьянин получал не наш коммунистический продукт, но продукт заграничного рынка, который производит дешевле, конечно, потому, что он производит в более массовом масштабе, на более высокой технической базе и т. д., потому, что у него мировой рынок, и он может для того, чтобы нас убить, чтобы дискредитировать коммунистическую организацию производства, может дать бросовые цены, дешовые цены. Международный капитал достаточно богат, чтобы это сделать, ибо он будет учитывать политические последствия. А здесь выходят, не понимая ни этой таблицы, ни реального соотношения классов в деревне, и предлагают товарную интервенцию вместо политики снижения цен.

Политика снижения цен не есть панацея. Мы ее даем, как политическую директиву, чтобы мужик видел, что мы, коммунисты, учимся и хотим учиться производить для него дешевле и хотим научиться эти 55 ступеней, которые проходит товар от фабрики до деревни, уничтожить и довести продукцию непосредственно до него. Когда мужик читает эту резолюцию, он говорит: „коммунисты думают, как построить хозяйство для меня выгоднее", и союз с крестьянством укрепляется. А когда тов. Пятаков говорит: „цены не снижай, что такое максимальная и минимальная прибыль,—я не знаю, ввози заграничные товары",—он устраивает смычку между иностранным капиталистом и верхушкой крестьянства. А, между прочим, он против нэп'а, он пишет, как быть социалистом, а как строить социализм в аграрной стране,—этого он не знает. Когда нам нужно послать куда-нибудь человека, который должен иметь твердую руку, чтобы подобрать разлетевшихся птичек,—Пятаков хорош. Но когда ему на минуточку дать руководство, дать такой пост, который требует понимания классовых отношений,—тут полное банкротство. Что же нам делать? Мы должны один из итогов этой дискуссии, грустных итогов, сделать твердо: хороший администратор иногда бывает очень плохим политиком, что здесь перед нами и засвидетельствовано.

Что значит, если мы пишем: „не включай в цены такой прибыли, которая дает тебе возможность восстанавливать промышленность темпом, невыносимым для крестьянства"?

Я вам приведу фактический пример. К нам пришли месяца три тому назад наши работники по нефти и заявили: просим разрешения поднять цену на пуд нефти и вместо 34 коп. брать 54 копейки. Мы спрашиваем: как слагается эта цена? Они отвечают: половина—это есть себестоимость нефти, а еще половину мы кладем на восстановление и расширение производства. Первый вопрос, который я задал, был естественный: позвольте, а вы подсчитали, может ли наша страна в 23 году на каждом пуде нефти давать 100% на восстановление нефтяных промыслов, или не может? Ведь, это, казалось бы, естественный вопрос. И на этот вопрос мы ответа не получаем, и мы говорим: не продавайте так, не стройте промышленность нашу так,—этого мужик наш не вынесет. Это есть превращение данной отрасли промышленности в насос, который выкачивает все средства из народного хозяйства. Посмотрите, какая любопытная классовая картина разыгры-

вается на этой почве: мы произвели 300 милл. пудов нефти, из них 90 миллионов мы не можем реализовать. И вот, имея производство в 300 милл. пудов и удовлетворив все потребности государственной промышленности, транспорта и т. д., мы имеем 90 милл. нереализованных, а к нам приходят и говорят: дай мне себестоимость нефти и столько же на восстановление и на дальнейшее расширение. Кто же должен подумать о том, что это надо увязать с состоянием нашего крестьянского рынка? Конечно, не тот коммунист, которого мы послали на нефть. Мы там имеем несколько очень хороших коммунистов: тов. Серебровского, тов. Коссиора,—не того, который здесь выступал, а другого,—которые действительно восстановили эту промышленность, и которые положили все силы своего коммунистического энтузиазма, чтобы ее поднять. Но когда мы спрашиваем: сколько определить—40 или 50 коп.? они говорят: „нам бы 55, мы разовьем эту промышленность, построим дома, проведем дороги и т. д.“. Мы спрашиваем спеца, спеца в данном случае добросовестного. Мы все убеждены, что этот спец видит только одну нефть, а мы можем подозревать и другую игру. Например, если бы этот спец оказался недобросовестным, и если бы этот человек состоял на службе у какого-нибудь Ротшильда или Нобеля, не мог ли бы он рассуждать так: чорт их знает, этих коммунистов, сколько они будут сидеть, а я вздую цены на нефть и заставлю этих коммунистов содрать с крестьянина столько, чтобы восстановить эти промысла, для того, чтобы, когда они через 2—3 года свалятся, я мог Нобелю совершенно развитые промысла преподнести. За чей счет? За счет тех лишних 20 коп., которые мы должны брать с мужика. Потому мы и говорили: не бери этих 54 коп., потому что такие расходы на такое быстрое расширение основного капитала не под-силу в данный момент основной массе населения. Правильно это или нет? Имеет это отношение к максимальной или минимальной прибыли? Конечно. Понимает это тов. Пятаков или не понимает? Не понимает. Этого даже Красин не понимает, потому что нет понимания классовых отношений, нет чутья политического.

Последнее, что я хотел бы сказать, — это насчет активного баланса. Передо мной табличка вывоза и ввоза. Посмотрим наш экспорт с 21 года. Вы посмотрите, как он идет: сначала почти ничего, потом он поднимается чуточку и, начиная приблизительно с июня или июля 23 г., идет вверх. А посмотрите на наш ввоз. Только в середине 23 г. наш вывоз мы стали чуть-чуть повышать, только несколько месяцев тому назад, и в это время приходят к нам товарищи и говорят: бога ради, не увеличивайте вашего вывоза, бога ради, не накопляйте денег.

Да разве мы находимся в таком положении, что в продолжение года ввозили м е н ь ш е, чем вывозили, и вот, наконец, у нас скопилась громадная сумма денег, и товарищи приходят и говорят: это непроизводительное употребление, зачем в банке лежат эти деньги? Мы только-только начали небольшое накопление, мы только перестали ввозить предметы потребления, только начали ввозить предметы производства, и в это время приходят и предупреждают: „не обращайтесь, пожалуйста, в Витте“ (это я слышал от тов. Преображенского на собрании). Витте накопил два миллиарда золотых рублей. Разве мы в таком положении, что нам надо бояться, что мы слишком много накопим? Что говорит резолюция по этому вопросу? Она говорит ясно: „провести связанный с основными хозяйственными проблемами экспортно-импортный план, обеспечивающий учет торгового баланса и снабжение советской промышленности дешовым сырьевым материалом и получением фабрикатов“. Что это значит? Использовать монополию внешней торговли для того, чтобы не ввозить к нам то,

что мы можем произвести сами, обеспечить ввоз сырья, фабрикатов, сельскохозяйственных машин, и этот ввоз покрывать вывозом хлеба, леса, нефти, при чем вывозить и ввозить так, чтобы разница отлагалась у нас. Зачем? Потому, что могут быть неурожаи или войны, потому, что нам необходимо провести валютную реформу, а для этого надо иметь кое-что, потому, что мы золото истратили в годы разрухи и блокады, потому, что у нас ничего нет. Если к нам приходят люди, вычитавшие из приват-доцентских книжек, что есть эпохи, когда бедная страна не может себе позволить накопление золота, мы говорим: это правильно, но идите с этим на профессорские кафедры, а не на кафедру государственной партии, которая должна строить диктатуру пролетариата в аграрной стране. Ни в одной книжке не написано, как строить диктатуру пролетариата, когда у нас 5—6 миллионов пролетариев и 130 миллионов мужиков, когда мы дали возможность и право мужику жить на основе свободного рынка, на основе купли и продажи. Вот тут извольте строить социализм. Это труднее, чем написать план. Конечно, нэпманы наживаются и, вероятно, будут наживаться. Мы предлагаем практические меры, которые будут эту наживу сводить к минимуму. Когда Преображенский говорил: „я назвал цифру 600 миллионов, потом свел к 200 миллионам", я спрашиваю: хорошо, будем говорить о цифрах, но позвольте спросить: чему вы учили рабочих? Вот „Правда", рассылаемая по всей России („Правда" увеличила вдвое свой тираж за время дискуссии, потому что ее стала читать буржуазия), в ней резолюция Преображенского и Сапронова, принятая общим собранием ячейки РКП строительных рабочих, и не где-нибудь, а в Кремле. Интересно узнать, чему Преображенский и Сапронов учат строительных рабочих в Кремле. Насчет демократии они учат, что партия состоит из карьеристов, прислужников и т. д. Но насчет экономики вот что: „Политика ЦК способствовала усилению хозяйственного кризиса (это ничего, это еще прилично) и беспрепятственному быстрому росту частного капитала за счет социалистического накопления".

Я спрашиваю вас: можем ли мы позволить кому бы то ни было от имени нашей партии учить рабочих, что политика Центрального Комитета способствовала беспрепятственному росту частного капитала за счет социализма? Я утверждаю, что от имени партии мы учить этому рабочих никому не позволим, мы будем их учить другому. (Аплодисменты). И когда учат рабочих этому, а потом приходят с жалкими поправочками, когда сначала обвиняют Центральный Комитет, что он ведет к гибели страну, а потом приходят сюда и заявляют, что линия Центрального Комитета правильна, то можно ли говорить спокойно, наблюдая за идейной борьбой этих товарищей? Есть фракции идейные, есть фракции безыдейные, беспринципные. Если партии суждено иметь фракцию, то лучше иметь фракцию идейную, которая борется на идейной почве, чем ту беспринципную оппозицию, которую мы имели в течение 2-х месяцев.

Мы имели оппозицию абсолютно беспринципную, которая не свела концов с концами, не свела обвинений с имеющимися материалами, не свела возмущения против Центрального Комитета с тем, что они имеют предъявить партии. Тов. Молотов здесь превосходно напомнил то, что говорил т. Ленин о левом ребячестве и мелкобуржуазных настроениях. Мы знаем, что эти „левые" часто одевают буржуазные одежды. Товарищи, цитаты и выступления тов. Красина показали нам, что сущность их, несмотря на любую одежду, заключается в том, что они отражают мелкобуржуазные настроения, расшатывают авторитет партии и экономическую ее линию и, в конце-концов, фигурируют перед нами, как полные политические банкроты.

Мы должны сказать: мы разобрали политическую линию оппозиции, мы серьезно отнеслись к ней. За ней ничего нет идейного, никаких данных, которыми можно было бы исправить ошибки партии. Это политические банкроты, и больше ничего.

Председательствующий. Товарищи, сейчас около трех часов. По регламенту мы должны кончать. В президиум поступили предложения продолжить сегодняшнее заседание до 4-х часов и дать высказаться нескольким ораторам, а вечером будет заключительное слово т. Рыкова. Нет возражений? Слово имеет т. Ларин.

Ларин. Я постараюсь, говоря о том же самом, говорить все-таки нечто свежее, чтобы не утомлять вас повторением того, что уже было сказано. Вы, товарищи, приехавшие из провинции, видите перед собою оппозицию уже в причесанном виде. (Смех). В своих выступлениях товарищи из оппозиции не выставляют теперь так остро свои возражения, те острые углы, то храброе развертывание своей линии, которые мы от них слышали, когда вопрос об экономической резолюции ЦК был впервые поставлен на обсуждение Московской организации. Тт. из оппозиции, как в случае с широкой интервенцией, теперь как бы хотят ослабить, спрятать то, что их „чернит" в партийном мнении, как та же интервенция, — они вопреки Гоголю говорят партии: полюбите нас беленькими. Чтобы разобраться в этих разногласиях, нужно вращаться не только в области узко экономической постановки дискуссии, а нужно отдавать себе отчет в общественно-политическом значении этих выступлений, в той общественно-политической перегруппировке внутри партии, которая фактически произошла за последнее время.

Когда вы, товарищи из провинции, приезжаете периодически сюда в Москву и наблюдаете наши более или менее постоянные московские группировки, то в этот свой приезд вы не в малой степени удивлены, как многие уже высказывали, совершенно непривычной картиной. Лутовинов, Ларин и некоторые другие, часто ярко нападавшие на Центральный Комитет, вовсе на него теперь яро не нападают, а, наоборот, сравнительно мирно державшийся Преображенский присоединяется к оппозиционеру Осинскому. Я помню, как на последнем партийном съезде тов. Калинин, выступая против меня, дал очень меткую характеристику. Он сказал примерно так: „Оппозиция против Центрального Комитета, которую мы теперь на XII Съезде выслушиваем, идет по двум руслам. С одной стороны, это такие фигуры, как Ларин и Лутовинов, которые выражают оппозицию некоторых слоев рабочих, недовольных осторожностью Центрального Комитета в борьбе против отрицательных сторон нэп'а, а, с другой стороны, мы видим русло тов. Осинского и т. п., который выражает давление крестьянских масс на советский аппарат, на Советскую власть". Сравнительно с этой характеристикой прежних разногласий теперь произошла такая перегруппировка, что такие элементы, как Лутовинов и Ларин, которые отражали настроения некоторой части рабочих, теперь стоят почему-то за экономические (а значит, и политические) позиции Центрального Комитета, а крестьянское давление, выраженное через тов. Осинского, находит себе поддержку в выступлениях тов. Пятакова и тов. Преображенского. ЦК, учитывая происшедший кризис и уроки жизни, занял такую позицию, что такая перегруппировка стала возможна лишь для меня и т. п. А тт. Пятаков и Преображенский настолько поддались давлению крестьянской стихии, что сдвинулись к тов. Осинскому. И что они являются действительно бессознательными выразителями этого непролетарского давления, я берусь показать по пяти основным моментам речей тов. Пятакова и др.

Во-первых, что было в его речи основного? План, проповедь плана. Он взял заявление Рыкова о дождичке, как о важном факторе нашей экономической жизни, и в частности кризисов при нэп'е,—и с насмешкой говорил: дождичек—это пустяки, о дождичке Рыков говорит от своего экономического невежества, потому что он хороший администратор, организатор, но не экономист, а нужно вот о чем говорить: нужно взять план организации государственного хозяйства, и тогда все будет хорошо. Иметь план внутри государственного хозяйства, конечно, необходимо, и я, который, можно сказать, тысячу номеров „Правды“ занял проповедью о необходимости плана в государственном хозяйстве, я был бы последним, который не понимал бы, что порядок внутри госхозяйства лучше хаоса. Но насколько вы читали резолюцию Центрального Комитета, насколько вы слышали выступление его представителей, вы знаете, что в этом пункте разногласий нет. Центральный Комитет перечисляет по пальцам разные меры по усилению планового начала в государственном хозяйстве: подчинение кредита плану, подчинение цен плану и т. д. Но этого мало. Товарищ Пятаков забывает, что вне нашего государственного хозяйства существует грандиозное хозяйство частное—и крестьянское, и буржуазное, и дождичек, о котором говорил Рыков, мочит не наши фабрики, которые покрыты железными крышами, а дождичек мочит поля крестьян, и когда он мочит крестьян, то размеры урожая бывают больше или меньше, а это создает и другую конъюнктуру для государственного хозяйства—для финансового и промышленного. Если бы партия, следуя мнению Пятакова и моему и ЦК, вводила бы в государственное хозяйство все лучший и лучший план (а она это постепенно делает), то и это никоим образом не устранило бы возможности кризисов при нэп'е, не устранило бы влияния дождичка, как это написано еще в учебниках о влиянии природы и прочего на жизнь человеческую при определенном типе хозяйства. Тут ничего не поделаешь.

Что означает и откуда проистекает такое понимание плана? Такое понимание нужно характеризовать не как марксистское строительство социализма, а как переход к прудоновским концепциям. Был Прудон, идеолог мелкой буржуазии, он считал себя очень убежденным социалистом, но ставил себе задачей сделать так, чтобы рынок сохранился, чтобы мелкое производство, мелкое частное хозяйство остались, но в то же время, чтобы не было кризисов, чтобы не было бедности и т. п. И вот тов. Пятаков отражает сейчас недовольство нашего крестьянства, которое хотело бы, чтобы рынок был, чтобы нэп был, но чтобы при этом его не обдувал посредник, не надувал торговец, чтобы не обижала государственная промышленность крестьянство, чтобы плохие стороны рынка не били по крестьянству. Вот эта мелкобуржуазная утопия,—сохраняя рынок, уничтожить для мелкого хозяйства его отрицательные стороны,—нам сейчас т. Пятаковым преподносится. А нам, тт., нужен действительно план в госуд. хозяйстве, но не для этих утопий, а для того, чтобы через госхозяйство легче и тверже воздействовать и на широкое частное крестьянское хозяйство. Напр., когда я развиваю определенные отрасли промышленности и подымаю спрос на крестьянское сырье, то этим я определяю и характер, и направление крестьянского посева и т. п.

Это первое—о плане.

Значит, выводы таковы: у тов. Пятакова момент формальный, т.-е. момент формального понимания плана, заслоняет классовое содержание. Мы же строим план государственного хозяйства и говорим, что это не исключает кризисов и всех соответственных отрицательных

сторон нэп'а. Тем, что т. Пятаков в связи с планом возражает против дождичка т. Рыкова, он показывает внутреннее желание самую возможность кризиса планом внутригосударственного хозяйства устранить. И если не говорит об этом прямо, то лишь из скромности или непоследовательности.

Второй пункт. Передо мной доклад т. Преображенского на Краснопресненской конференции, бывшей в начале января. Чем объяснить то, что т. Преображенский на стороне товарной интервенции, на стороне ввоза предметов широкого потребления крестьян для их удешевления? Он считает, что при создавшемся положении мы теперь, в январе 1924 г., можем предвидеть такие условия, когда „придется всем бороться с крестьянской стихией, если на почве недостаточной смычки и „ножниц“ что-нибудь случится“.

Тут в печатном отчете мягко сказано: „что-нибудь“. Если не ошибаюсь, т. Преображенский на словах говорил об этом яснее, чем „что-нибудь“. Вот эта паника совершенно не обоснована, совершенно не соответствует современной экономике и тем мерам, которые фактически приняты по снижению цен промышленных фабрикатов, по подъему хлебных цен и т. д. Вот эта паника и заставляет тов. Преображенского становиться на сторону широкой товарной интервенции, на сторону ввоза предметов широкого потребления из-за границы для доставления их крестьянскому потребителю по более дешовым ценам. Здесь ясен самый механизм давления извне на него. Между тем, что это значило бы на практике?

Мне вот сейчас в перерыве т. Малютин, один из участников пересмотра нашего таможенного тарифа, сообщил,—и в „Финансовой Газете“ это тоже напечатано,—что при пересмотре таможенного тарифа, согласно проекта, доставленного из ВСНХ, комиссия Совнаркома изменила сейчас, в январе, таможенный тариф таким образом, что значительно понизила пошлину на ситец и на бумажную пряжу, оставила сверх разницы себестоимости только 10% на протекционизм, вместо громадной запретительной пошлины, которая была до сих пор. Что это значит? Если эта штука войдет в силу, то начнут к нам ввозить бумажную пряжу из Лодзи, начнут ввозить заграничный ситец, и тов. Ногину, руководителю нашей текстильной промышленности, когда он вернется из Америки, лучше всего будет в Америку обратно и уехать, так как здесь ему делать будет нечего. Когда т. Красин говорил о заграничном кредите, который нам на что-нибудь будет нужен, то я должен заметить, что это не может служить поводом в пользу товарной интервенции. Во-первых, потому, что Макдональда, вероятно, сбросят в Англии раньше, чем он успеет что-нибудь одолжить нам. А во-вторых, потому, что т. Красин привел такой длинный список подлежащих выписке из-за границы предметов оборудования промышленности и крестьянского хозяйства, что на их закупку никакого займа нехватит. Во всяком случае, это доводом в пользу товарной интервенции предметов широкого потребления не может служить.

Третий пункт — наибольшая прибыль от промышленности для усиления государственного бюджета. Так было сказано в резолюции четверки, внесенной 29-го декабря на собрание московской организации. Тов. Преображенский сказал: нам выгоднее брать с крестьян более высокими ценами, чем налогами. Позвольте вскрыть всю кулацкую подоплеку этой программы. Что она значит на практике? Соль нужна всем. Если за соль мы будем здорово драть, то за эту соль будут много платить и бедный, и средний, и богатый крестьянин. Что касается налогов, то у нас существует единый сельскохозяйственный налог, и 25% крестьянства, т.-е. почти все беднейшее крестьянство, от этого налога освобождено. Предлагаемая вам резолюция ЦК

говорит об этой практике, чтобы, во-первых, ее закрепить и расширить, во-вторых, усилить классовый момент в налоговом обложении, т.-е. еще в большей мере брать с богатых больше, а с бедных меньше. На съезд Советов Наркомфин вносит предложение усилить классовый момент в подоходном налоге. Значит, при системе налогов мы больше облагаем верхушки и освобождаем бедноту. При системе же т. Преображенского мы уменьшаем тяжесть бремени для кулацкой верхушки и устанавливаем налоговую демократию—со всех берем поровну. (Аплодисменты). Я, между прочим, должен заметить, что при экономическом разуме у крестьян для них было бы выгоднее платить определенный налог, а не высокие цены за промышленные продукты. Если промышленность увеличит цены, то в дальнейшем торговом обороте на это увеличение накидывается еще неизбежно торговая прибавка. Наоборот, на величину налога не бывает накидок, а благодаря практике Наркомфина бывает еще иногда скидка, как вы знаете, по примеру эквивалента по сел. хоз. налогу. Теперь 4-й момент—это истеричность в проповеди демократии. Истеричностью я называю то, когда во имя организационных требований товарищи замалчивают, заглушают и скрывают экономические разногласия, имеющиеся между ними. Мы, марксисты, привыкли к тому, что люди организуются прежде всего по своей основной экономической линии. А тут перед нами выходят товарищи, из которых один за интервенцию, другой—против, один за то, чтобы ценами драть, другой согласен лучше налог с кулака брать и т. д., и от партии скрывают эти экономические разногласия, которые на деле внутри оппозиции существуют, основную экономическую платформу отодвигают таким образом на задний план для объединения на почве особенно усиленной проповеди о демократии,—то я говорю, что объединение такого типа должно иметь под собой какую-то другую классовую подпочву, отражающую настроение не рабочего класса. Почему? Потому что требование, поскольку оно остается на почве защиты интересов рабочего класса, должно быть принципиальным, т.-е. прежде всего экономически однородным. Если же ради более усиленного подчеркивания демократии объединяются разногласия экономические, и даже замалчиваются, то значит, тут нет подхода с точки зрения рабочего класса, для которого экономическая линия первенствует, а проявляются интересы какой-то другой общественной группы, не рабочей, для которой подчеркивание демократии важнее данной экономической разноголосицы. И тут мы найдем объяснение. На Московской конференции было указано, и я повторяю это здесь, что одним из основных фактов жизни нашей страны является политический рост деревни, которому мы немало послужили, и хорошо делали. Но в чем выражается, между прочим, этот рост деревни? В большей активности крестьянства, в том, что крестьянство желает больше вмешиваться в общественную жизнь и проводить свою линию. Я приводил в „Правде“ цифры, как из года в год по нашим официальным отчетам растет количество беспартийных крестьян, выбираемых на уездные съезды советов и в уисполкомы. Когда беспартийный крестьянин сидит на уездном съезде советов или приходит в уисполком по своему делу и видит, как председатель уисполкома по каждому более серьезному вопросу бегает в уком и спрашивает партию,—тогда со стороны крестьян подымается такое же недовольство, какое в Москве на районных конференциях выражал тов. Сапронов. Мы видим давление политически растущей крестьянской массы в сторону ослабления зависимости советского аппарата от партии. Крестьянская масса участвует в нашей дискуссии не статьями в „Правде“, но большим вниманием к ней, которое тов. Преображенского так напугало, что он говорит о стихийном движении по случаю „ножниц“.

Теперь пятый пункт—шила в мешке не утаишь,—это социальный состав групп, которые поддерживают нынешнюю оппозицию. Я не отрицаю ни на минуту, что товарищи из оппозиции проводят свои резолюции и на фабриках. Но нельзя скрыть, что все-таки большее количество их резолюций проходит или в советских ячейках, представляющих служилый элемент, или в ячейках красноармейских, наполненных, главным образом, крестьянским элементом, или в ячейках вузовских, а в наши вуз'ы, по официальным данным Наркомпроса, опубликованным до дискуссии, было принято даже в этом году рабочих только 25%, а остальной процент не рабочих. Что все это означает? Это означает, что, поскольку тт. Пятаков, Преображенский и Осинский выражают бессознательно для себя давление на партию непролетарской стихии, постольку идет и обратный процесс. Именно, вокруг них начинают собираться непролетарские элементы и внутри партии, подобно тому, как вокруг новой политики ЦК, когда ясно стало, что он правильно учел опыт кризиса и беспокойство рабочих, выразившееся в летних стачках, после этого вокруг линии ЦК стали собираться Ларин, Лутовинов и т. п. Наоборот, вокруг тт. Преображенского, Осинского и Пятакова стали группироваться элементы, социально связанные с непролетарскими классами населения. Я утверждаю, что служащий, который по своим семейным связям, знакомствам, среде, служебным отношениям связан с мелкобуржуазной средой, приносит в нашу партию другие настроения, чем члены рабочих ячеек, которые находятся в рабочей среде, ибо даже беспартийные рабочие самым положением в производстве гонятся в сторону социализма и классовой политики. Я утверждаю, что из этой характеристики общественно-политического значения оппозиции с неизбежностью должен вытечь совершенно особый характер ее выявления внутри партии. Почему? Потому что, если это есть проявление классового давления на нас мелкобуржуазных слоев, то вы знаете, что сами мелкобуржуазные слои обычно организованно на политическую арену не выступают, а за них обычно выступают представители служилого сословия. Как когда-то говорил Плеханов, что царизм строился на распыленной крестьянской массе, так и у нас, если эта струя оппозиции шла с крестьянской стороны,—она должна была выступить не как оппозиция рабочих, а как оппозиция высоких должностных лиц. Этот свой характер оппозиция превосходно понимает. Разрешите прочесть вам такой заключительный момент из речи Осинского 11-го января этого года на Московской губернской конференции, где он говорит, что ЦК предстоит дальше управлять партией и Россией, каково же ему придется, если он создал такие условия, что, во-первых, в Москве ✓ треть организации против ЦК, а, во-вторых, вы, члены ЦК,—читаю дословно,—„сделали также стоящими против вас очень значительную часть партийных идеологов и понимаете, как реальные политики, что это важно“. Экономическая позиция ЦК, которая так искажается и замалчивается оппозицией, дает партии ясные и точные линии поворота налево в нашем хозяйственном курсе. Одна из главных провинностей оппозиции заключается не только в том, что она сама путает, но что она, отвлекая внимание партии от тех линий, которые на деле протянуты в резолюции ЦК, при этом запутывала, вбивала в голову партии, что не стоит, пожалуй, и читать подробно резолюцию ЦК, так как ничего там нового нет. Между тем, по существу, товарищи, вы найдете там в полной мере учет опыта кризиса и настроений, шедших с рабочих низов. Отмечу и тут пять пунктов. Первый пункт касается особенно любезного товарищу Пятакову декрета 10-го апреля о трестах, в основу которого был положен принцип полной коммерческой свободы. Вот в этой резолюции от 25-го дека-

бря эту полную коммерческую свободу ЦК отвергает, и практически декрет от 10-го апреля отменяет. Во-первых, у трестов отнята свобода политики цен, отнято право наивысшей прибыли, подчиняется плану кредитная политика. Это есть определенная перемена, определенный положительный шаг в ограничении отрицательных сторон нэп'а внутри госхозяйства.

Второй пункт. Раньше у нас при переходе к нэп'у частная торговая деятельность не регулировалась. Теперь ЦК ставит решительно на очередь оттеснение и ограничение частно-торгового капитала мерами государственной политики, а также и налоговым регулированием. Это есть крупное развитие прежних позиций по правильной линии против буржуазии.

Третий пункт. В течение последнего года был принят и профсоюзными съездами, и партийными инстанциями курс на приостановку роста заработной платы. В этой резолюции ЦК вы имеете курс на рост заработной платы. Дело советских съездов и соответствующих советских и прочих инстанций дать деловую разработку соответственных предложений, по поводу чего выступали уже здесь тт. Коссиор и Лутовинов, но принципиальное значение перемены ясное: речь идет о повышении доли пролетариата в национальном доходе.

Четвертый пункт. У нас был курс на некоторое отстранение профсоюзов от непосредственного влияния на производственный процесс. Теперь в резолюции ЦК говорится: контроль профсоюзов над трестами, усиление их участия в руководстве производством, усиленное выдвигание рабочих на директорские места. Ничего этого оппозиция не замечает. Все это она замалчивает.

Теперь пятый пункт—относительно деревни. На последнем партийном съезде, помнится, выступил тов. Сафаров и предупреждал: тов. Ларин ведет к комбедам, так можно договориться и до комбедов, он пугал этим,—такое это было тогда „страшное". А теперь в резолюции ЦК вы видите не только ясное, твердое выявление бедняцкого курса в деревне, но даже и это самое слово „комитеты бедноты": там сказано, что надо покровительствовать организациям бедняцким, как, например, комитетам незаможных селян на Украине. (Голос с места: „Это не по-ларински"). Я не буду спорить, по-ларински это или не по-ларински. Я не брал монополию за полгода предугадывать вперед резолюции ЦК, каждый своим умом дошел. Но для меня важно, что эта резолюция ЦК идет по тому руслу, который я считаю правильным и потому, вопреки истерике т. Преображенского о сальто-мортале, который я будто выделываю тем, что поддерживаю резолюцию ЦК,—я буду не только идейно поддерживать эту линию, но, если и насколько позволит здоровье, и практически пойду работать для того, чтобы провести те правильные линии, которые там есть. И этому примеру призываю следовать и всех: не уклоняться в сторону давления непролетарских классов как в теории, как тут развивал тов. Пятаков, так и в практике о товарных интервенциях и т. п. Ибо теперь создались такие условия, при которых все оппозиционно настроенные элементы, стоящие на почве рабочего класса, могут итти по тому руслу, которое ЦК предлагает без оглядок на старые споры и без принципиальных оговорок,—если только оставаться верными тому, чего хотели и чего требовали, а не впадать в беспринципность или в переход на принципиальные позиции, не в пролетарской линии коренящиеся.

Председательствующий. Слово предоставляется тов. Смирнову Владимиру.

Смирнов В. Несмотря на то, что тов. Ларину здесь продолжено время, не думаю, чтобы его авторитет в партии значительно повы-

сился после того, как он занял линию защиты ЦК. Поэтому на его выступлении я останавливаться не буду.

Я остановлюсь на том обвинении, которое выдвигал тов. Каменев против оппозиции. Он говорил, что оппозиция, выдвинувшая с большой настойчивостью вопрос о демократии,—в тот момент, когда эту демократию надо было осуществить, и осуществить на дискуссии по экономической платформе,—оказалась полным банкротом и никакой своей линии не выставила.

Во избежание всяких недоразумений я должен заявить, что если мы добиваемся внутрипартийной демократии, то вовсе не для того, чтобы внутри партии повести какую-то особую линию, отличную от линии всей партии. Наша задача, когда мы добивались внутрипартийной демократии, заключалась в том, чтобы обеспечить правильное проведение партийной линии. Поэтому, товарищи, резолюция ЦК не может быть понята и не может быть достаточно оценена вне связи с вопросом о том, как проводились Центральным Комитетом те директивы, которые нашим предыдущим Съездом были установлены.

В то время, как XII Съезд партии совершенно ясно и недвусмысленно подчеркнул необходимость проведения планового начала в области нашей хозяйственной политики, резолюция ЦК, которую мы имеем сейчас, и которую мы обсуждаем, вопрос о плановом хозяйстве начинает с вопроса о неизбежности кризисов.

Я думаю, товарищи, что такая постановка является чрезвычайно симптоматичной, ибо ежели, говоря о плановом хозяйстве, прежде всего начинают с перечисления препятствий, стоящих на пути планового ведения хозяйства, что мы находимся в крестьянской стихии, что весь наш план может разрушить дождик и всякие другие неприятные обстоятельства, то это показывает, что ту позицию, которую мы, казалось, твердо заняли на XII Съезде по вопросу о плановом хозяйстве, сейчас пытаются ослабить.

Чрезвычайно характерно, что вся резолюция ЦК, целиком написанная под впечатлением того кризиса, который мы сейчас переживаем, не дает никакого сколько-нибудь конкретного анализа кризиса. Тов. Рыков в своем выступлении заявил нам, что настоящий кризис является кризисом перепроизводства, что мы, дескать, не разочли платежеспособности крестьян, произвели слишком много и теперь не в состоянии сбыть той продукции, которую мы произвели.

Товарищи, положение это, по меньшей мере, должно быть подвергнуто величайшему сомнению. В этом году мы произвели около трех миллиардов пудов хлеба. Из этих трех миллиардов пудов хлеба мы 200 или 250 миллионов вывезем за границу. В довоенное время все внутреннее потребление России составляло примерно $3^1/_2$ миллиарда пудов.

Но тогда мы имели населения приблизительно процентов на 20 больше, чем имеем в настоящее время, когда от нас отошли Польша и западные губернии. Так что если мы сделаем соответствующую скидку, то получим, что внутреннее потребление хлеба современной России по довоенным нормам определяется приблизительно в 2.800 милл. пудов. Иначе говоря, крестьянское хозяйство достигло у нас такой степени развития, когда оно полностью уже удовлетворяет всю внутреннюю потребность страны хлебом и может вывозить его также за границу.

Таково положение сельского хозяйства. Каково же положение промышленности? Тов. Рыков неоднократно уже приводил данные, что наша промышленность достигла приблизительно 35 процентов, одной трети довоенного производства. Это вся промышленность в целом. Но если вы возьмете не всю промышленность в целом, а только

те предметы, которые мы даем крестьянину, то она составляет $^1/_4$, $^1/_6$ часть довоенного производства. И вот, товарищи, при таком соотношении, когда мы имеем на одной стороне примерно довоенную продукцию крестьянского хозяйства, а на другой стороне—$^1/_4$, и даже меньше, продукции промышленности, спрашивается: о каком перепроизводстве товаров при этих условиях может быть разговор? Это, конечно, совершенные пустяки. И не случайно, что сторонники резолюции ЦК не решаются сделать из своей теории перепроизводства соответствующих выводов, не желают дать определенного ответа на вопрос о том, что же в будущем году они собираются развивать промышленность дальше, или же на основании опыта кризиса ее свертывать. (Голос с места: „Развивать дальше"). Тогда каким же образом вы говорите о перепроизводстве в данном году? Секрет, товарищи, заключается именно в том, что тот кризис, который у нас произошел, отнюдь не был связан таким тесным образом с проблемой „ножниц", как сейчас говорят об этом. Кризис создался у нас в результате неправильной кредитной политики, не согласованной с другими сторонами хозяйственной деятельности, при которой в течение лета мы усиленнейшим образом кредитовали операции по продаже товаров легкой индустрии, а с октября, когда наш червонец несколько пошатнулся, резко зажали этот кредит и заставили наши торговые органы выбросить на рынок всю массу товара, которая скопилась за лето, выбросить как-раз в тот момент, когда крестьянин сдавал максимальное количество сельскохозяйственного налога. За эти четыре месяца (сентябрь—декабрь) крестьянство сдало сельскохозяйственного налога около 180 мил. руб. Максимально этот налог приходился как-раз на октябрь, когда сдача его была максимальной—около 70 мил. Естественно, что сжатием в этот момент кредита сразу же создалась закупорка рынка, и в результате мы получили временный кризис, который в настоящее время (в этом нет никакого сомнения) благополучно изживается, и после которого (это надо будет проверить на протяжении ближайших двух-трех месяцев) то сдвижение „ножниц", которое за время кризиса произошло, сменится новым расхождением. Вот как обстоит дело, и для того, чтобы понять экономическую обстановку данного момента, нужно совершенно твердо усвоить, что вопрос о кризисе и вопрос о „ножницах"—два разных вопроса. В то время, как первое явление—расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты имеет глубочайшие корни в нашей экономической действительности и, несомненно, будет весьма и весьма нескоро изжито, вопрос о кризисе является просто результатом нашей бессистемной, несогласованной хозяйственной работы. Он целиком подходит под ту характеристику, которую подобным явлениям дал XII Съезд партии, назвав их „кризисами торговой беспомощности".

Я, товарищи, не имею возможности остановиться более подробно на остальных вопросах. Я хотел бы указать еще только на одно: в течение этого лета, несмотря на то, что XII Съезд партии определенно постановил провести плановое начало в области хозяйственной работы, эта директива не была проведена даже в такой важнейшей отрасли государственного хозяйства, как государственный кредит и политика государственного банка. В результате именно этой операции у нас произошел кризис, и теперь резолюция ЦК, вместо того, чтоб после этого опыта, который нагляднейшим образом показал, к чему ведет неплановая работа, вместо того, чтобы после этого опыта пожестче и порезче поставить вопрос о плановом хозяйстве, ставит этот вопрос в самой неопределенной форме и тем самым закрепляет принципиально в резолюции нашу плохую хозяйственную практику. ЦК ставит вопрос о том, что сейчас кризис произошел по-

мимо нашей воли, что кризисы вообще совершенно неизбежны, и выносит такую резолюцию, которая подходит к плохой практике ЦК за это время.

Вот в чем заключаются наши конкретные разногласия: не в том, во-первых, что линия X и XI партийных Съездов была неправильна, а в том, как эта линия проведена, и что ее провести не сумели, а во-вторых, что эту плохую практику последние резолюции ЦК возводят уже в принцип. (Голос с места: „Какую практику вы предлагаете?").

Смирнов. К величайшему сожалению я не являюсь содокладчиком и имею в своем распоряжении только 10 мин., в течение которых я развивать эту тему не могу. Я говорю, что когда резолюции ЦК подводят принципиальные основания под плохую практику ЦК, в результате которой директива XII Съезда партии не была выполнена, то здесь уже такую постановку дела ни в коем случае нельзя одобрить. Она является уже не дальнейшим развитием правильной линии партии, которая была намечена, а шагом назад, и против этого мы должны возражать всяческими способами.

Председатель. Слово принадлежит тов. Сокольникову.

Сокольников. Товарищи, я думаю прежде всего ответить на возражения, выдвинутые сегодня тов. Преображенским против той финансовой политики, которую вела наша партия, и на обвинение в том, что эта партийная линия в области финансовой неизвестно куда шла, и, в конце-концов, мы попали совсем, якобы, не в ту комнату, в которую хотели притти. Тов. Преображенский, повторяя здесь то, что на других собраниях говорилось им и другими ораторами оппозиции по финансовому вопросу, говорил, что мы хотели стабилизнуться на совзнаке, а совершенно случайно стабилизнулись на банкноте. Если бы это было так, то действительно нужно было бы сказать, что наша партия и ее ЦК не знают, куда идут. Но тов. Преображенский, к сожалению, не знает, повидимому, самых основ и самых азов нашей финансовой политики, и мы с удивлением должны разводить руками, когда в этой дискуссии раскрывается то убожество понимания финансово-экономической политики, которое проявляют тов. Преображенский и другие солидарные с ним. Резолюция XI партийного Съезда, которая определила нашу финансовую политику на годы, формулирует дело так (я цитирую на-память резолюцию, которая была мною предложена тогда и принята съездом): „Не ставя своей задачей быстрое возвращение к системе золотого обращения, необходимо стремиться к восстановлению золотого обеспечения денег". Мы поставили задачу вместо денег падающих установить систему денег, обеспеченных золотом. Повидимому, тов. Преображенский таких простых вещей не понимает, не понимает разницы между системой золотого обращения и золотого обеспечения. Партийный съезд в резолюции говорит, что задача нашей партии—это стремиться установить систему золотого обеспечения, и именно так и построен червонец, а тов. Преображенский через два года приходит и говорит, что партия совсем не в ту комнату пришла, в которую хотела. Насчет того, как вопрос ставился после XII Съезда, позвольте мне процитировать печатный документ—мой доклад на съезде финансовых работников, сделанный за месяц до выпуска банкнот в обращение, на тему „Хозяйство и деньги". На стр. 18-й я читаю: „Платежные функции банковых билетов постепенно будут становиться все больше. и если одновременно нам удастся преодолеть наш административный дефицит, если начнет удовлетворительно работать наш налоговый аппарат, тогда одновременно может быть прекращен выпуск бумажных денег, и мы сможем перейти целиком на бумажно-денежную

валюту Государственного банка". (Сокольников, „Хозяйство и деньги", стр. 18).

Вот что писалось полтора года назад, а вот что я говорил летом 1923 г. на совещании финансовых работников, следовательно, через несколько месяцев после выпуска банкнот. Поскольку „положение банкноты, развитие банковской эмиссии характеризуются примерно такими цифрами: в обороте находится банковых билетов примерно на 40—50 милл. руб. Таким образом, около $^1/_3$ нашего бумажного обращения занимают банкноты. Что это обозначает? Поскольку банкноты, составляющие $^1/_3$ нашего денежного обращения, имеют устойчивый курс, постольку они представляют собою решение на $^1/_3$ задачи стабилизации советской валюты".

Тов. Преображенский, повидимому, не понимал таких простых и элементарных вещей, что после того, как мы перешли к выпуску червонцев и перевели все цены на золотое исчисление, после того, как мы перевели все налоги, все платежи на транспорте и т. д. на золотое исчисление, мы тем самым превратили советские знаки в курсовую ценность, играющую роль только подсобной валюты при валюте, выраженной в золоте. Мы приступаем теперь даже не к тому, как я говорил в своем докладе перед выпуском червонца, чтобы полностью перейти на валюту Госбанка, а мы переходим на стадию стабилизованных казначейских денег, то-есть денег, стабилизованных в золоте, государственных казначейских билетов, выписанных в золоте, играющих роль разменных денег по отношению к червонцу. Я позволил себе углубиться в этот несколько технический вопрос для того, чтобы показать, что когда тов. Преображенский пробует строить программу экономической политики на вещах, на которых он претендует вас учить, то мы видим, что он выступает перед нами поистине, как профессор путаницы.

Перед партией при проведении денежной реформы, конечно, стоят громадные трудности, но необходимо понять, что после семи лет существования Советской власти в настоящее время у нас нет больше отсрочки по части проведения денежной реформы.

В течение двух лет, с весны 1922 по 1924 год, мы с величайшим усилием удерживаем советский знак. Я напомню вам, что весной 1922 года, когда мы ставили еще задачу сохранения советского знака, темп его обесценения был 130% в месяц. Вот что было тогда, когда т. Преображенский только составил свой знаменитый бюджет. А теперь, через два года, мы подошли к такому же темпу обесценения, но теперь мы имеем возможность поставить совершенно иначе всю финансовую работу вследствие всеобщего перехода на золотое исчисление. Задача денежной реформы ставится не потому, что эта задача интересна для Наркомфина или для Центрального Комитета партии. Нужно создать валютный мост между городом и деревней, дать возможность осуществить всеми призываемую смычку крестьянского хозяйства с городом. Если наша промышленность заинтересована в увеличении эмиссии, хотя бы банкнот, если из кругов нашей промышленности раздавались голоса, хотя и неразумные, что неважно, если и погибнет червонец, это означало, что эти голоса ставят пресловутую диктатуру промышленности вне учета связи через упроченный денежный оборот с крестьянским хозяйством. Против этой „диктатуры", которая означала бы разрыв наш с крестьянским хозяйством, мы должны решительно предостерегать и на почве урегулирования денежного обращения урегулировать крестьянский и городской оборот. Здесь мы должны решить сейчас вопрос о создании базы для дальнейшего хозяйственного подъема. Это мы сделаем в порядке осуществления линии, которую намечает наша партия. Осуще-

ствлением денежной реформы мы сделаем громадный шаг по пути удовлетворения здоровых нужд крестьянского хозяйства.

Я хочу от этого специального вопроса перейти к общим вопросам хозяйственной политики. Тов. Пятаков и другие, выступавшие здесь, не понимают, что мы сейчас решаем вопрос об общем направлении всей нашей хозяйственной деятельности. После нескольких лет гражданской войны советская страна изголодалась по товарам. Наша промышленность и торговля начинают восстанавливаться, нельзя ли тут ударить во-всю, нельзя ли довести цены до максимального предела, а прибыль до максимальной прибыли?

Страна изголадалась, рабочие и крестьяне, которые во время гражданской войны, во время блокады ничего не получали, готовы, пожалуй, любую цену платить. И наша промышленность стихийно пошла по этой линии. В этом заключается ее ошибка. Разве действительно в задачи нашей промышленности входит получение не меньшей прибыли, чем получали лавочник и спекулянт? Разве в самой природе социалистического хозяйства не лежит то, что оно должно быть хозяйством для удовлетворения потребностей трудящихся масс? Разве не для этого мы взяли в руки промышленность? И если бы мы повели дело таким образом, что использовали рыночную конъюнктуру и превратились сами в спекулянтско-хозяйственную организацию, использовали, что можно было использовать, что всякий синдикатчик бы использовал, то мы отошли бы от дела социалистического регулирования хозяйства. А оно должно состоять в том, что, если крестьянин, если рабочий изголодались по товарам, то государственное хозяйство должно суметь эту потребность удовлетворить с большей выгодой для рабочего и крестьянина, чем это сделал бы частный капитал. Так мы должны поставить вопрос, и только при этом условии мы докажем рабочим и крестьянам, что то социалистическое хозяйство, которое мы создаем, отличается от спекулянтского, что это рабоче-крестьянское, а не синдикатско-спекулянтское хозяйство. Когда т. Пятаков выступает против урегулирования цен, против „административного вмешательства“ в политику цен, то это означает, что наша промышленность в этом случае оторвалась бы от государства, что она сомкнулась бы с агентурой частного капитала, которая сидит внутри нашей промышленности, сомкнулась бы на общей линии, которая называется „диктатура промышленности“, но на самом деле была бы линия отрыва нашей промышленности от крестьянского хозяйства, разрыва рабочего класса и крестьянства.

Еще несколько слов по поводу речи т. Красина. Я должен сказать, что и в области внешней торговли мы также должны поставить себе задачу осуществления монополии внешней торговли не для того, чтобы получать наибольшую прибыль. Это есть капиталистические извращения основ социалистической хозяйственной политики, это та же погоня за максимальной прибылью, и из этой погони ничего хорошего выйти не может. Если мы, организуя государственную торговлю, поставим своей задачей возможно дешевле покупать здесь и потом, ввозя из-за границы, наиболее дорого продавать, это и создаст „ножницы“ в той мере, в которой они получаются не только объективными условиями нашего хозяйства, а вследствие недочетов нашей хозяйственной политики. Тов. Красин говорит, что наши перспективы в смысле развития государственной промышленности очень мрачны. Мне кажется, что тов. Красин ошибается. Мы, конечно, не станем спорить о том, что если бы в нашем распоряжении был иностранный капитал, то было бы лучше. Но иностранный капитал отличается тем свойством, что он не находится в нашем распоряжении. Когда тов. Красин убеждает, что нам

нужен иностранный капитал, то разве кому-нибудь приходит в голову отказываться от того, чтобы он был в нашем распоряжении? Но т. Красин не договаривает того, что условием предоставления нам иностранного капитала является, прежде всего, возвращение всем бывшим собственникам заводов и фабрик и т. д. Тов. Красин не должен был бы расхваливать привлечение иностранного капитала, как способ спасения, потому что это может вызвать у рабочих и крестьянских масс такое настроение, что из-за неправильной политики нашей партии, которая не хочет привлечь иностранный капитал, мы переживаем кризисы. Тов. Красин должен был бы поставить перед партийной конференцией такой вопрос: правильно ли для того, чтобы привлечь иностранный капитал, вернуть частным собственникам бывшую их собственность? Не думает ли тов. Красин, что это нужно сделать, что этой ценой выгодно привлечь иностранный капитал, что нужно вернуть частным предпринимателям их бывшую собственность, чтобы получить кредит, концессии и т. д.? Я думаю, что на такую постановку вопроса наша партия должна ответить решительно: нет. Имеются другие пути для нашего хозяйственного подъема. Мы должны поставить ставку на подъем крестьянского хозяйства; мы должны поставить ставку на это, потому что в связи с этим будет расти и наша промышленность. Мы должны организовать государственные финансы в целях подъема нашей промышленности и сельского хозяйства. И тогда, отвергнув путь, предлагаемый тов. Красиным, мы с каждым годом будем становиться сильнее. Спасение не в иностранном капитале, и, наоборот, счастье наше может быть в том, что в Генуе и Гааге мы кредита не получили, потому что тогда еще мы были слишком слабы, чтобы без огромного риска надеть на себя это кредитное ярмо. Между тем по мере того, как мы крепнем, набираем больше сил, мы в действительности получаем возможность более выгодных условий привлечения иностранного капитала. Нет, мы не должны поддаваться панике, мы не должны думать, как т. Пятаков, что наше спасение в бюрократическом плане; мы не должны думать, как т. Красин, что наше спасение в том, чтобы нас выручил иностранный капитал. Линия, намеченная ЦК, правильна, и по этому пути нам и нужно итти.

Председательствующий. Раньше, чем закрыть заседание, оглашу несколько заявлений. Во-первых, получено приветствие от ЦК итальянской компартии следующего содержания:

Приветствие конференции РКП от итальянской партии.

„Славному авангарду революционной армии итальянские коммунисты шлют братский привет. От РКП, которая с непоколебимой верой и несокрушимой волей уже 7 лет, несмотря на все трудности, стоит твердым фронтом против всех врагов пролетарской революции, итальянский пролетариат ждет нового примера дисциплинированности и революционной воли.

Уверены, что ваша дискуссия, за которой мы следим с огромным интересом, и резолюции, которые будут приняты вашей конференцией, еще больше укрепят вашу партию—это могучее орудие революционной борьбы, служащей угрозой для международного капитализма, поддержкой и надеждой для мирового пролетариата в его борьбе за коммунизм.

ЦК итальянской компартии“.

Председательствующий. Слово для заявления тов. Харитонову.

Харитонов. В своем слове тов. Лутовинов говорил о неправильном применении местными парторганизациями, конкретно в Донбассе и на Урале, политики зарплаты. Утверждаем, что тов. Лутовинов извращает истину, когда он представляет дело так, как-будто парторганизации сопротивляются повышению зарплаты при наличии возможности такого повышения. Вот доказательство:

„У нас на Урале в Пермском тресте договор заключен на 9 руб. червонных для первого разряда, в то время как Югосталь платит 8 руб. 50 коп. А всем известно, что уральская металлургия значительно отстала по сравнению с южной. По другому тресту—„Гормет“—хозяйственники согласны платить 8 руб. 50 коп. По Кизелкопям договор заключен на 9 р. 20 коп., в то время как Донбасс пока платит только 6 руб.

Не парторганизация, а вмешательство ЦК металлистов в установление высоты зарплаты на местах для отдельных трестов мешает правильному применению политики партии в области зарплаты. Тов. Лутовинов прекрасно знает, что нами вопрос о вмешательстве ЦК металлистов перенесен в Политбюро ЦК, и что, по предложению тов. Томского, мы согласились предварительно этот вопрос обсудить в президиуме ВЦСПС. Тов. Лутовинову, стало-быть, не следовало затрогивать вопроса на конференции, не объяснив сущности спора. В виду закрытия прений мы, к сожалению, лишены возможности высказаться подробно и вынуждены ограничиться этим заявлением.

По поручению делегатов на партконференции с Урала
М. Харитонов.
Д. Сулимов.
И. Румянцев“.

Председательствующий. Слово для заявления имеет тов. Криницкий.

Криницкий. Тов. Лутовинов в своем выступлении неверно изложил линию Донецкой партийной организации в вопросах зарплаты.

1. Никогда Донецкий Губком не брал на себя задачу устанавливать коллективные договоры в порядке партийной дисциплины; не было случая, когда Донецкий Губком пытался устанавливать размеры зарплаты. Никогда Донецкий Губком не занимал линию на срезание зарплаты в коллективных договорах.

2. Наоборот, Донецкий Губком не один раз ставил вопрос о повышении зарплаты, ее реального уровня, в первую очередь по Союзу горняков, наиболее отставшему. Только в конце октября 23 года Донуголь получает, после неоднократных настояний Донецкого Губкома, дотацию в 8 милл. золотых рублей, что создает реальную возможность повышать зарплату.

3. Вопрос о решении арбитра по Химуглю Губком должен был рассматривать (конец ноября—начало декабря) потому, что оно установило ставку 1 разряда по Химуглю в 8,25 черв. руб. при 6,80 по Югостали. Донецкий Губком поставил вопрос перед ЦК о необходимости пересмотра такого решения арбитра и ликвидации глубокого прорыва тарифного фронта. И комиссия ЦК по Донбассу (т. Ярославского), и ЦК поддержали Донецкий Губком, высказавшись за установление зарплаты по Химуглю на уровне Югостали.

Председательствующий. Объявляю заседание закрытым.

Заседание третье.

(17 января 1924 года, вечернее).

Лашевич (председательствующий). Объявляю заседание открытым. Слово в порядке прений имеет тов. Микоян.

Микоян. Товарищи, мне кажется, что все эти попытки пересмотреть политику партии, этот панический тон в речах нашей оппозиции, особенно у т. Пятакова, имеют корни свои во временных неудачах германской революции, в том, что новый подъем революционной волны отодвинут на некоторое время, в отсутствии у этих товарищей веры в наши силы. От этого и ряд предложений относительно больших уступок иностранному капиталу, относительно товарной интервенции и др., которые диктуются только паникой. Действительно, во всех предложениях тов. Пятакова левые, непрактичные, чересчур „принципиальные“ фразы прикрывают вполне практичные мероприятия иного, отнюдь не левого характера. Возьмите хотя бы товарную интервенцию, уступки капиталу и слова т. Осинского о том, что экспорт и импорт должны являться средством смычки русского крестьянина с иностранным рынком. Если взять также предложение т. Преображенского о том, чтобы прямые налоги заменить косвенными, которые будут брать не только с беднейших крестьян, но и с рабочих в немалой степени,—все это составляет элементы другой политики, которую наша оппозиция отстаивает робко, нерешительно, непоследовательно, беспринципно. Тов. Пятаков пытается повторить в партии ошибки, которые делались несколько лет назад. Вспомните IX Съезд, который происходил под знаком планового единства и всеобщего планирования по-книжному, без наличия элементов этих планов в жизни. Вы знаете, чем закончились эти планы. Прочитайте протоколы IX Съезда, приказ № 1042. Вы не можете на них ссылаться, ибо эти планы были верхом утопии. Тов. Пятаков, — спрашиваем мы, местные работники,—как может ЦК иметь хороший единый план, если у нас в уездах, в губерниях, на заводах нет еще точного, действительного плана хозяйственного строительства? И если ЦК при таких условиях будет иметь план, то это будет пятаковский бумажный план, который может в хорошем случае быть бумажкой, а в плохом — тормозом хозяйственного восстановления. Тов. Пятаков говорит, что надо собрать все государственное хозяйство в одну систему, все тресты и т. д. и подчинить одному центральному управлению. Это пахнет тем, что мы будем проводить централизм больше, чем когда бы то ни было, это поведет к бюрократизму, нами уже пережитому. Я считаю, что весь этот плановый разговор ведет к бюрократическому дерганью промыш-

ленности и хозяйства. Как связать этот бюрократический централизм с демократией внутри партии, проповедуемой т. Пятаковым и его фракцией? Для чего же эта демократия? Эта демократия для того, чтобы через нее осуществлять волю партии в делах хозяйственного строительства. Если мы будем управлять всем хозяйством из одного центра, то где же будет самодеятельность партии? Неувязка противоречий между демократией внутри партии и бюрократическим централизмом ясна. Затем, как можно говорить об едином плане всего государственного хозяйства и управлении им из одного центра, когда мы имеем не одну республику и не одну губернию? Как можно из Москвы управлять всем хозяйством страны? Следовательно, идут на-смарку все решения партии по национальному вопросу и о самодеятельности мест. Надо, чтобы уезды, губернии, республики взялись за увязку в плановом порядке отдельных частей нашего хозяйства.

Только этим путем мы подойдем к составлению ориентировочного, приблизительного плана, который послужит развитию нашего хозяйства. Всякая другая постановка на деле является бюрократическим дерганьем и разрушением. Дальше товарищи из оппозиции, Пятаков, Преображенский и другие, выступающие по поводу денежной реформы, не говорят, что они за или против денежной реформы, потому что если сказать против, то не могут сказать, за что же они стоят. Этого они сказать не могут. Они говорят, что мы молчим из всяких соображений, и этим самым они внедряют сомнение и недоверие к денежной реформе и вместе с тем ничего дельного не говорят. Если вы видите, что неправильна наша финансовая политика, вы обязаны вскрывать перед партией опасности, которые таятся в денежной реформе. Если это гибельная реформа,—скажите прямо. Для чего же эти темные намеки, внедряющие недоверие и сомнение? Эти же товарищи говорят о смычке с крестьянством. Я скажу, что никакой борьбы с „ножницами“, никакой смычки с крестьянством не будет, пока не будет твердых денежных знаков для деревни. По данным Госплана о растворе „ножниц“ мы имели к 1-му октября раздвижку „ножниц“ на 3,2, в декабре—на 2,2, а на деле в деревне 6—7 целых, потому что в деревне на товар накидывается большой процент сверх цены во избежание потери на курсе. Почему кооперация не может развиваться в деревне? Не только по всем понятным причинам, но и потому, что нет твердых денег. В городе кооперация и государственные органы вносят свои деньги в тот же банк или меняют на червонцы, а в деревне они этого сделать не могут. Там нет червонцев, и нет банка. Ежедневная выручка накапливается до поездки в город, из-за чего их стоимость падает тем больше, чем дальше деревня и реже связь с городом. В этих условиях только частные торговцы могут существовать и конкурировать успешно с нами. Только при денежной реформе мы можем поставить в деревне нашу государственную торговлю и кооперацию. Без этого не может быть смычки на деле. Товарищи выступают как-будто защитниками рабочих и крестьян, но на кого ложится денежная эмиссия? На буржуазию? Вовсе нет. Когда вы идете по Москве, то вы везде слышите, как черная биржа предлагает червонцы. Буржуазия не держит в карманах советских знаков, а превращает их в червонцы, а рабочие и крестьяне теряют на этом. Этот вопрос нужно выдвинуть. Без денежной реформы нельзя изжить то положение, которое имеется. Выступающие против денежной реформы показывают свою беспочвенность. Со стороны „четырех экономистов“, в частности тов. Смирнова и Пятакова, поступает заявление, что причиной кризиса было не перепроизводство, а несогласованность на основе недопроизводства. Я думаю, что можно не принадлежать к почтенному сословию „четырех экономистов“ для того, чтобы понять

абсурдность этого заявления. Тов. Смирнов выходит с выкладками сравнения урожая и проч., вычисляет, сколько у крестьян должно быть средств на покупку, и говорит, что товаров меньше, чем нуждаются в этом крестьяне. Но он не берет цен, которые имеются. Все вопросы о перепроизводстве должны быть поставлены в зависимость от данных цен, существующих сейчас, и от платежеспособности крестьянства при этих ценах. Ясно, понизив цены на крестьянские товары, мы увеличиваем способность крестьян на покупку этих товаров: расширяем рынок и ликвидируем кризис без закрытия заводов. Товарищи выступают с паническими положениями, что мы, мол, идем к гибели, что частная торговля занимает 84% и прочее, но ни один из виднейших экономистов, подписавших эти положения, не может привести данных о том, что было до этого, и к какому времени эти данные относятся. Нет сравнительных данных, а без них нельзя судить о развитии хозяйства. Хозяйство не есть нечто неподвижное, хозяйство есть живой процесс. Покажите этот процесс борьбы государственного начала с частным. У вас есть вырванные данные за январь—март 1923 года. Но что это показывает, товарищи? Это ровно ничего не показывает. Мы торговлю начали с нуля. В 1921 году мы совсем не торговали. В 1923 г. за январь—март мы имеем 16% всей торговли, а возьмите вы конец 1923 г., и вы получите еще больший процент государственной и кооперативной торговли по отношению к частной. Я не взял с собой специальных данных. Но под рукой есть некоторые данные, которые говорят о том, что, например, в Ростове у нас из всего числа частно-торговых предприятий крупного типа было за первый квартал 1923 г.—278, а за второй квартал стало 191, значит, стало меньше. Дальше кооперация. У нее было 28 торговых предприятий, стало 37,— увеличилось; дальше госорганы,—имели 99, стало 176; за один квартал произошли такие изменения, я не имею цифр за последний квартал, но знаю, что дело обстоит лучше. Это по вопросу о количестве торговых учреждений. А оборот, который гораздо характернее, чем число торговых предприятий, оборот, имеющий решающее экономическое значение в хозяйстве? Грош цена таким экономическим выкладкам т. Преображенского, которые не обращают внимание на оборот. Если мы посмотрим одновременно на оборот, мы также увидим, что госорганы и кооперация увеличивают свой оборот. Подробных данных у меня нет, но по биржевым сделкам мы можем это видеть. За второе полугодие 1922 г. в биржевых сделках участие частных лиц выразилось в сумме 30 милл. 583 т. зол. рублей, а за первое полугодие 1923 г. только в 19 милл. 779 т. зол. рубл.; а государственных сделок было за второе полугодие 1922 г. на 13 милл. 875 т., а за первое полугодие 1923 г. на 16 милл. 653 т. р. Кооперация за второе полугодие 1922 г. участвовала в сумме 2 милл. 495 т. рубл., а за первое полугодие 1923 г.—4 милл. 958 тысяч зол. рубл. Возьмите другие данные, они вам скажут то же самое. В Ростове городское ЕПО довело свою ежедневную выручку до 5.000 черв.—50.000 зол. рублей Это никак не показывает того, что можно приходить в паническое состояние и кричать: крах, мы гибнем, спасайте нас интервенцией и пр. Надо же иметь революционную перспективу, надо знать куда мы движемся. Мы идем не к гибели, а к социализму, хотя, правда, очень медленно, плохо и с кучей ошибок. Теперь несколько слов о частном вопросе, который мало имеет отношения к нашей дискуссии. Это тот факт, который не обнаружили, но который мы считаем важным фактом. Он связан с вопросом о спецах. Отношение нашей партии к спецам ясно. Мы их использовывали и ставили на очень высокие посты, в общем эта наша политика оправдала себя. Отбросив худших спецов, мы подбираем лучших. И впредь партия должна твердо

держаться своей прежней политики по отношению к спецам. Но это не значит, что мы должны терпеть то, что я расскажу, и то, что составляет не единичный случай, а распространенное явление. Правление одного из наших кооперативов для постановки работы на неособенно большом кожевенном заводе хотело пригласить из Москвы спеца. Этот спец предложил следующие условия:

1. Оклад содержания—ставка по 17-му разряду плюс дополнительное вознаграждение за нагрузку и ответственность, в общей сумме 500 тов. руб., с гарантией полной выдачи на руки.

2. Квартира при заводе с отоплением и освещением в 4 комнаты, вполне оборудованных, с ванной.

3. Лошадь с экипажем для меня и моей семьи.

4. Два месяца в году отпускных.

5. Одна деловая командировка в Москву в год.

6. Стоимость переезда за счет союза моей семьи в 6 человек в скором поезде и перевозка вещей за счет союза, а также гарантия обратной поездки, т.-е. переезда в Москву за счет союза.

7. Предоставить для моей семьи помещение в две комнаты в летнее время в одном из курортных мест на побережье Черного моря.

8. Возможность держать корову на территории завода.

9. Компенсация за переход на службу в Кубсоюз в форме подъемных в размере трехмесячного оклада.

500 товарных рублей я должен получить чистыми на руки, все налоги с меня за высший оклад должны компенсироваться Кубсоюзом; в случае отказа мне от службы Кубсоюз платит мне неустойку в размере трехмесячного оклада сверх всего полагающегося по кодексу труда...

Правление кооператива пишет резолюцию: „согласны“ и подпись. И товарищи, люди не плохие, подписывая это, не понимают, что это недопустимое безобразие. Мы их вызывали и говорили с ними. Они нам сказали, что иначе не получишь спеца, так как московские тресты сплошь и рядом практикуют такие оклады спецам. Я вижу, что товарищи-москвичи возмущаются, а у них худшие дела творятся. Вызванный нами товарищ сказал, что тот спец вдруг отказался ехать, ибо в Москве ему предложили на тех же условиях другую службу. Мне здесь говорили хозяйственники, что здесь, в Москве, масса таких случаев и фактов. Как же так можно? Спец—спецом, но не может он быть паразитом на нашем хозяйственном теле. Я считаю, что надо бороться с такими явлениями, что надо положить конец этим безобразиям. Надо хозяйство поставить на реальную здоровую основу, но без борьбы с такими явлениями мы не сможем этого сделать.

Председательствующий. Товарищи, нам предстоит еще разрешить вопрос, будем ли мы продолжать прения, или предоставим заключительное слово тов. Рыкову. Записано человек до 30-ти. Слово к порядку имеет тов. Фрунзе.

Фрунзе. Товарищи, я думаю, что нам нужно будет заслушать еще нескольких товарищей. Голосов с мест мы слышали очень мало. В списке имеется ряд товарищей-хозяйственников. Президиум предполагал работу вести дальше таким образом: в 8 час., примерно, закончить с этим вопросом. Тов. Рыков полагает, что его заключительное слово возьмет около часа, а последнюю часть сегодняшнего заседания мы думали посвятить заслушанию доклада тов. Сталина. Прения по докладу тов. Сталина открывать не придется. Поэтому, по тому распорядку, который намечается, есть возможность заслушать нескольких товарищей, и я поэтому предлагаю этот порядок принять: двух или трех товарищей заслушать, а затем прекратить прения и перейти к заключительному слову тов. Рыкова.

Голощекин. Я высказываюсь против этого. Если бы Президиум хотел быть таким демократичным, он мог бы дать возможность местам высказаться в самом начале.

Председательствующий. Высказывались в порядке записей.

Голощекин. Это не так: вы найдете мою запись раньше многих выступавших ораторов. Но я думаю, товарищи, что для нас этот вопрос выяснен. Мы должны иметь в виду, что мы имеем около тысячи делегатов, которые ждут съезда Советов, и нам продолжать прения, когда перед нами стоят еще два вопроса, я думаю, никакого смысла нет. Те, которые имеют практические предложения,—а таковые имеются,—они могут их внести в комиссию. Поэтому я предлагаю сейчас прекратить прения и дать тов. Рыкову заключительное слово.

Председательствующий. Я должен сказать, что тов. Голощекин не прав.

Одна только передвижка была: я предоставил слово тов. Смирнову, как представителю оппозиции, для того, чтобы не было разговоров, что им не дали говорить. Все оппозиционеры высказались. Больше никаких передвижек не было. Теперь позвольте голосовать. Кто за то, чтобы прекратить прения? Кто за продолжение прений? Меньше. Прения прекращены. Заключительное слово тов. Рыкова.

Рыков. Я бы просил из моего времени уделить тов. Пятакову. Он является моим заместителем (смех). Предоставим ему четверть часа. Я согласен соответственно уменьшить мое время.

Председательствующий. Товарищи, я должен только установить, что т. Пятаков не является содокладчиком. Поэтому по регламенту он никакого права на слово не имеет. Мы решим голосованием. Кто за то, чтобы предоставить слово тов. Пятакову? Кто против? Меньше. Сколько времени? (Голоса: „15, 20 минут“). Тов. Пятаков просит 15 минут.

Пятаков. Товарищи, я не предполагал выступать с заключительным словом, т. к. не являлся содокладчиком, но охотно воспользуюсь тем, что вы мне предоставили 15 минут для того, чтобы сказать несколько слов. Прежде всего, возражения т. Каменева против моих предложений. Товарищ Каменев как возражал? Он упрекает меня в том, что я не противопоставил никакой линии против линии ЦК в то время, как подписал заявление 46-ти, в котором-де сказано, что ЦК привел страну на край гибели. Прежде всего, в заявлении 46-ти этого сказано не было, а говорилось совершенно определенно, что бессистемность и отсутствие руководства со стороны ЦК нашим хозяйством приведут к тяжелым экономическим потрясениям. Вот я теперь вас и спрашиваю: те поправки, тот доклад, который я вам здесь делал, соответствуют ли они этой центральной экономической идее 46-ти или не соответствуют? В другой форме, но по существу сказано то же самое. Теперь соответствовала ли эта характеристика действительности или не соответствовала? Я вам в более или менее схематической форме постарался изобразить здесь, как у нас на самом деле отсутствовало руководство нашим государственным хозяйством, и делал из этого практические выводы. Теперь возьмем опыт нашей экономической деятельности за последнее время, в особенности за период конца лета 1923 г. и осени 1923 г.,—что он показал? Показал, что отсутствие согласованности, прежде всего, в деятельности различных наших экономических органов, привело к чрезвычайно тяжелому экономическому потрясению, к тому экономическому кризису, который мы переживаем. И вот поэтому-то я свое заключительное слово хочу, прежде всего, использовать для характеристики этого экономического кризиса. Тов. Каменев и тов. Рыков все время в этом вопросе не связывают концы с концами, именно вот в чем: если изображать кризис

так, как изображает тов. Рыков или тов. Каменев, т.-е. говорить, что это есть кризис перепроизводства, то мы должны отсюда сделать практически неизбежный вывод, что мы имеем чрезмерно раздувшуюся промышленность, и прежде всего государственную промышленность, что на этой почве имеется перепроизводство промышленных изделий. Отсюда застопорился сбыт промышленных изделий. Отсюда вывод: с одной стороны, снижение цен, с другой стороны, свертывание промышленности. Другого вывода нельзя сделать, потому что всякий кризис перепроизводства сопровождается и должен сопровождаться соответствующим сокращением производства. Но на деле это не так. Не так потому, что именно „ножницы", т.-е. расхождение цен на промышленность и сельское хозяйство, показывают, что мы имеем не перепроизводство в области промышленности, а недопроизводство. Это есть гвоздь и центр тяжести проблемы „ножниц". Поэтому кризис объяснить перепроизводством промышленных изделий нельзя. Кризис должен быть и может быть объяснен совершенно другими причинами и другими обстоятельствами. Прежде всего это есть не кризис производства, не кризис промышленности, а товарный, торговый кризис, кризис торгового оборота. Как протекал этот кризис? Это надо себе представить конкретно. Он протекал следующим образом: прежде всего в течение лета 1923 года, благодаря известной валютной реформе, именно внедрению червонца, Государственный банк усиленно развивал эмиссию червонца. Как это происходит конкретно в действительности? Государственный банк усиленно кредитует, с одной стороны, промышленные предприятия, с другой стороны—Центросоюз, центральный орган нашей кооперации. Это факты, которые могут быть подтверждены определенными цифровыми данными, и всякий, кто был в то время в курсе этого дела, знает, как это происходило. На почве усиленного кредитования Центросоюза мы имеем значительное расширение посреднического спроса. На почве кредитования Центросоюза мы имеем значительное расширение спроса на промышленные изделия со стороны Центросоюза. Кооперативные органы развертывают за счет усиления кредита Государственного банка покупку товаров и усиленно выдают, кроме того, векселя тем же промышленным предприятиям. Векселя учитываются Госбанком и др. банками, имеющими значительный свободный кредит, и потому охотно принимаются. Мы имели некоторый период общего оживления. Между тем, это оживление есть оживление правлений трестов, Центросоюза и самых верхних торговых организаций.

Что наступает дальше,—примерно, к концу августа 1923 года? Эмиссия червонцев Государственным банком начинает подходить к пределу, и в это время одним ударом, не согласуя ни с одним государственным учреждением, этим предприятиям без всякого предупреждения резко и внезапно сокращает кредит Государственный банк. На этой почве мы имеем внезапное сокращение покупательной способности со стороны этих торговых органов, с другой стороны, векселя этих предприятий банк не учитывает.

Это—вторая фаза, на этой почве тяжелое положение Центросоюза, который, накупив товаров за счет Государственного банка, не успел эти товары еще продвинуть до покупателя. Для этого требуется известное время, а при громоздкости наших предприятий—тем большее. Тов. Каменев останавливался на действительно интересной брошюре наших юго-восточных товарищей, которая показывает, как это происходит.

Кризис Центросоюза вместе с сокращением кредитования Государственного банка приводит к всеобщему товарному затору. Осенью этот процесс обостряется проведением с. х. налога и недостаточно ин-

тенсивным проведением скупки хлеба, что задержало развитие покупательных возможностей со стороны крестьян. Затор становится действительно всеобщим. Если вы спросите, есть ли это единственная причина кризиса, я скажу, конечно, здесь имеются более глубокие причины, о которых можно и должно говорить. Сюда относится скверная еще наша торговая организация, недостаточное еще торговое проникновение в гущу крестьянского хозяйства,—словом, целый ряд причин, скрывать которые нам не приходится.

Но вопрос не в этом, а в данной связи в том, что упомянутые действия центральных органов, которые имели место, привели во всяком случае, я скажу, к чрезвычайному обострению этого кризиса. Верно это или неверно? Виновата ли здесь несогласованность наших хозяйственных действий или нет? Есть ли это чрезвычайная ошибка нашей экономической деятельности, которая грозит срыву в области государственной промышленности? Грозит потому, что этот торговый кризис перекинулся отчасти на промышленность в том смысле, что некоторые наши предприятия вынуждены отчасти сокращать свое производство. Если бы эта дополнительная характеристика кризиса была неверна, если бы дело заключалось не в этой несогласованности и не в торговом кризисе, а кое в чем гораздо большем, прежде всего в перепроизводстве, то совершенно ясно, что мы в ближайшее время из этого кризиса не вышли бы. Вот теперь я прошу вас в течение ближайших месяцев следить за нашей экономической жизнью и проверить, будет это или не будет. С одной стороны, мы в ближайшее время получим некоторое усиление нашего торгового оборота. На этой почве мы начнем вылезать из кризиса торговли. Затем, то сдвижение „ножниц“, которое мы теперь получили, которое изображено в „Экономической Жизни“ графически, это сдвижение „ножниц“ прекратится, и лезвея „ножниц“ снова начнут раздвигаться. Отчасти это покажет, что в основе этого кризиса лежит не промышленное перепроизводство, а известная дезорганизация нашего хозяйства, которая отчасти, — подчеркиваю: отчасти,—объясняется несогласованностью действий наших центральных хозяйственных органов. Поэтому и сейчас я считаю, что тот тезис, который мы выставили в письме 46-ти, и который гласит, что в верхушках наших, партийных и советских, наблюдается несогласованность действий в области хозяйства, несогласованность, которая неизбежно приводит к экономическим потрясениям, оправдался на фактах, и эту же проблему я пытался вам здесь осветить по мере своих сил и возможности в противоположной форме, в форме постановки перед партией и перед Центральным Комитетом партии конкретной, вполне определенной и крайне острой задачи, — организации нашего государственного хозяйства. Тов. Каменев пытался отвергнуть ругательским способом мое предложение; я в отношении ругательств с тов. Каменевым тягаться не стану. Моя задача заключалась не в том, чтобы полемическими штучками отмахнуться от тех проблем, которые перед нами стоят, а в том, чтобы перед вами поставить эту задачу. И я уверен, что до известной степени я перед Центральным Комитетом эту задачу поставил, и в речи т. Каменева я уже видел подходы к постановке пред собой этой задачи. Я думаю, что в течение некоторого времени партия подойдет к разрешению этой задачи, вернее, должна будет подойти. И именно под этим углом зрения я предлагаю некоторые принципиальные дополнения к вводной части резолюции Центрального Комитета, которая говорит о двух тенденциях в развитии народного хозяйства. Почему я это предлагаю? Тов. Каменев говорит: „Помилуйте, вы повторяете то, что говорил т. Ленин, зачем же об этом говорить“. Я и спрашиваю: а вводная часть резолюции Центрального Комитета о

смычке, есть ли это что-нибудь новое или нет, говорил ли об этом т. Ленин на XI Съезде? Говорил. Но резолюция Центрального Комитета повторяет постановку проблемы смычки. Почему? Потому, что проблема смычки с порядка дня нашего не сошла, потому что нужно эту проблему поставить и практически ее разрешить. Поэтому я и говорю, что и другая проблема, на которую в своей практической работе Центральный Комитет не обращает достаточного внимания, с порядка дня не сошла. Наоборот, жизнь поставила ее с большей остротой, чем тогда, когда только теоретически об этом говорил т. Ленин на XI Съезде нашей партии.

Почему? Потому, что отсутствие организованности государственного хозяйства, с одной стороны, отсутствие, так-сказать, увязки работы отдельных частей государственного хозяйства между собой и укрепление его в борьбе с частными, связывая его с крестьянским хозяйством, а с другой стороны, развитие частно-капиталистического начала ставят нас лицом к лицу с этими задачами. Мы не можем этого ни на секунду упускать. Если думать, что мы справимся с частным капиталом путем определенных мероприятий в области торговли или в области налоговой политики, то это есть глубочайшая ошибка. Если пойдем по этому пути, то мы придем к тому, что частно-капиталистическое хозяйство будет бить нас тем рублем, о котором говорил Владимир Ильич на XI съезде. Эти принципиальные поправки имеют глубочайшее практическое значение в качестве ориентировки нашей экономической деятельности на ближайший период.

Я заканчиваю и считаю необходимым предложить ряд принципиальных поправок, которые по моему глубочайшему убеждению, несмотря на то, что они не средактированы в виде законченной организационной схемы государственного хозяйства (что не подлежит и не будет подлежать, очевидно, обсуждению конференции), имеет в виде постановки определенно конкретных злободневных задач перед партией настолько большое значение, что я предлагаю конференции их проголосовать и зафиксировать в своем внимании, и на будущих съездах посмотрим, правильна ли была постановка этих задач перед партией.

Орджоникидзе (с места). Следовательно, вы не предлагаете их принимать.

Пятаков. Я достаточно политически опытный человек, чтобы знать, что при данном составе конференции они не будут приняты (смех).

Председатель. Заключительное слово имеет тов. Рыков.

Рыков. Товарищи, таким тоном, каким только-что говорил тов. Пятаков на конференции коммунистической партии, оппозиция говорит за все время дискуссии по этим вопросам в Москве впервые. Неоднократно он получал, к сожалению, большинство по своей резолюции. Последняя моя дискуссия с тов. Преображенским была в таком духе, что тов. Преображенский милостиво уступал нам ЦК и даже давал секретарство Сталину и говорил, что они возьмут губернский комитет, и секретарем у них будет, повидимому, Рафаил. Он говорил, что, дескать, мы обижать вас не хотим, что вы люди хорошие, старые революционеры, ну, и будьте в ЦК, а мы, молодые, посидим в губернском комитете, вот и будет разделение труда. Сталин—там, Рафаил—здесь. И такое же разделение в Петрограде, Харькове и т. д. Так они говорили на тех собраниях, где рассчитывали получить большинство. И срам в том, что на некоторых собраниях они это большинство получили. Среди людей, воспитанных в политической борьбе, тов. Пятаков заявляет, что он на это не претендует.

Прежде чем перейти к тов. Пятакову, я постараюсь вкратце оста-

новиться на тов. Коссиоре и т. Лутовинове, которые говорили по вопросу о зарплате с двух различных точек зрения. Во-первых, я не хочу скрывать того, что пленум ЦК, по моему предложению, вынес однажды решение о том, что необходимо приостановить рост заработной платы наиболее выдвинувшихся категорий рабочих в легкой промышленности и подтянуть заработную плату в тяжелой индустрии, то-есть по углю, металлу и транспорту. Мы вынесли это решение в тот период, когда на табачных фабриках девушки-работницы, обклеивающие бандеролью папиросы, получали больше забойщика и монтера. ЦК решил, что так не годится. И такая директива была дана ЦК. Она является совершенно правильной, потому что наиболее ответственные категории рабочих, квалифицированных рабочих, оказались на заднем плане. Мы выработали специальную директиву по подтягиванию зарплаты рабочих транспорта и металлистов и т. д. Цифры, которые я привел, я брал у профсоюзов. Тов. Коссиор говорит, что ему не нравится мой календарный срок. Я теперь изменил его и взял 9 месяцев—январь—сентябрь 1922 г. и 9 месяцев—январь—сентябрь 1923 г. Средняя зарплата в 22 г. была 6 р. 88 к. Примем ее за 100. В 1923 г.—12 р. 30 к., т.-е. 179 по статистике профсоюзов. У металлистов зарплата увеличилась за этот же период со 100 до 182. У текстильщиков со 100 до 175. Прав т. Коссиор, что мы ликвидировали в значительной части скрытые виды зарплаты. Относительно того, что нужно дальше увеличивать зарплату, мы и говорим, что нужно, но сказать теперь, в каких размерах, в какой срок, где и как, я думаю, партконференция не может. Надо взять карандаш и увязывать цифры. Никакого точного цифрового решения по этому поводу мы выносить не можем. Более точное решение должно выноситься в соответствии с положением хозяйственных органов, с производительностью труда, успехами промышленности и т. д. Партия не может давать обещания в том, относительно чего она еще не знает, сможет ли она их выполнить. Относительно роста производительности труда я должен внести поправку. Я пытался проследить, как возрастает производительность рабочих и почему. Установить это оказалось невозможным ни в Госплане, ни в какой-либо другой организации, потому что рост этот выводится из общей статистики производства на заводах. Меняется отношение вспомогательных рабочих и производительных, количество вспомогательных, например, понизилось, продукции стало на каждого рабочего больше, не потому, что он сделал больше, а потому, что часть подсобных рабочих рассчитана. Улучшение в организации производства, в технике дела также увеличивает количество продукции на рабочего. В результате в этих подсчетах имеется целый ряд моментов, которые мешают подсчитать точно соотношение роста производительности труда и роста заработной платы. В общем и целом можно констатировать с полной ясностью, что то повышение заработной платы, которое мы сделали, с коммерческой точки зрения оказалось выгодным потому, что рабочие стали делать больше.

Я перехожу теперь к тов. Пятакову и начну с его последней заключительной речи. Действительно, расхождение у ЦК и тов. Пятакова в анализе кризиса и причин его есть расхождение величайшей важности. Перед нами—первый кризис, который положил серьезную трещину между рабочими и крестьянами. Этот кризис отличается принципиально от старых. В чем разница в анализе кризиса, который делает тов. Пятаков, от того, который делает ЦК? Тов. Пятаков делает его как бухгалтер и счетовод, а мы делаем экономический анализ. Вот в чем дело. У него ошибка в подходе. Когда он оперировал с Центросоюзом, он не пытался доказать, что неверно мое утверждение,

что кризис разразился в тот период, когда товар был подвезен крестьянам в деревню, и крестьяне его не взяли. Нашу кредитную политику перед кризисом тов. Пятаков излагает совершенно правильно. Я сейчас оглашу главнейшие цифры по кредиту с марта по сентябрь, т.-е. в тот период, который захватывает кризис. Ни в один из этих месяцев не было ни одного случая, чтобы промышленность не имела увеличения кредита. Все время кредит ей увеличивался, изменялся только темп этого увеличения. Я оглашу цифру превышения выдачи кредитных средств над погашением, т.-е. насколько промышленность получала больше: в марте на 18 милл. червонных руб, в апреле на 18, в мае на 19, в июне на 19, в июле на 18, в августе на 13, в сентябре на 6. Нет ни одного месяца, в котором бы промышленности не были увеличены кредиты. Но начиная с сентября мы темп увеличения снизили, и, вероятно, в дальнейшем был один или два месяца, когда кредит остался неподвижным, и расширения не было. Если возьмете кредит на закупку хлеба и кредитование крестьян, то вы увидите обратные столбцы цифр, т.-е. за июль, август, сентябрь, октябрь кредиты увеличиваются для „Хлебопродукта“ и других организаций, которые покупают хлеб у крестьян. Эта политика проводилась вполне сознательно. Правильна ли она? По-моему, она совершенно правильна. Самое лучшее, конечно, было бы и промышленности ни в чем не отказывать, и сельскому хозяйству все давать. Все время всем давать досыта мы не могли с теми кредитными средствами, которые у нас есть. Весной и летом производство расширилось, и товар перевезли в деревню. Осенью, когда крестьяне собрали хлеб, необходимо было кредитовать покупку хлеба и выручить деньги за доставленный летом, под предоставленный кредит, товар. Тут-то и должна была произойти „смычка“, если бы крестьянин товар покупал, но он его не покупал. Вот где кризис. Именно в тот период, когда этот план должен был окончательно осуществиться и ситец из-за прилавка сельской кооперации перейти к крестьянам, он не перешел благодаря „ножницам“. Вот в этом главная экономическая причина этого кризиса. Какой можно было выработать другой кредитный план при наличных средствах Государственного банка? Невозможно было выработать никакого другого плана. И будущий год мы будем поступать также: летом и весной финансировать торговлю, а с осени финансировать хлебные закупки, чтобы реализовать товар, который привезен туда, в деревню. И то, что т. Пятаков ставит в минус нам, нужно поставить нам в плюс, потому что в сельскохозяйственной стране иной политики быть не может. Тов. Пятаков ведал банковским делом и знает, что в старое время было всегда так же. Когда громадные массы хлеба выкидываются на рынок, государство должно в это время давать деньги на покупку хлеба. До этого оно должно финансировать торговые и промышленные органы, чтобы в деревне против хлеба в лавке были ситец, железо и т. д. Это мы сделали и сделали совершенно правильно. И кризис произошел потому, что крестьянин ситца этого самого не купил. Тов. Пятаков дальше доказывает, что у нас вовсе не было кризиса сбыта, а был кризис недопроизводства. Я оглашу цифры относительно биржевого оборота, и как этот биржевой оборот сокращался. Сокращаться он начал за несколько недель до того, как тов. Пятаков составил и издал ту платформу ВСНХ и трестов относительно прибыли, которую я огласил. Так, оборот бирж составил, если считать первую половину сентября за 100%, во второй половине сентября—66%, в первой половине октября—53%, во второй половине октября немного увеличивается—80%, с половины ноября—83%. Все время, начиная с сен-

тября, продажи товаров все время сокращаются. Кризис это сбыта или нет? Я уж не знаю, как назвать, если текстильный трест на протяжении месяцев не продает товаров. Для него это кризис сбыта. А тов. Пятаков выходит и говорит: это не кризис сбыта, это недопроизводство. Давайте из-за границы ввозить, тогда будет легче. Для чего это нужно? Мы вместе с ним сидим в президиуме ВСНХ или нет? Ведь, в прошлом году у нас в октябре на складах текстильных фабрик было товаров на 20 — 30 милл. рублей, а теперь на 80 милл. рублей. А он говорит, чтобы ввозом из-за границы к этим 80-ти еще прибавить заграничных товаров. А тов. Осинский еще прибавляет: и продавать по тем же ценам. И на каждой дискуссии я спрашивал: почему нашего ситца по нашим ценам не покупают, а польский ситец по тем же ценам купят,—за прекрасные глаза, что ли, купят? Оппозиция говорит: дело в том, что частный торговец разницу берет в свой карман. Я просил тов. Преображенского: назовите мне список товаров, которых у нас на складах нет, но которые можно продать,—ведь, не могут его назвать, а ввоза из-за границы требуют! Так. в их резолюции сказано: дескать, теперь, во время кризиса сбыта, когда фабрично-заводские предприятия не могут продавать товар, необходимо широко применять товарную интервенцию.

Я считаю совершенно и абсолютно доказанным, что кризис сбыта почти по всем отраслям промышленности был, есть и продолжается до сих пор. Но, чтобы не преуменьшить опасности, я должен сказать, что я на дело смотрю несколько хуже, чем тов. Пятаков.

Как я вам сказал, промышленность за прошлый год развивалась из месяца в месяц. Она развивалась на основе городского рынка, с большей емкостью, чем крестьянский рынок. Емкость эта определяется тем, что заработная плата главного потребителя, массового потребителя, рабочих и служащих, устанавливалась в товарных рублях, т.-е. вместе с ростом дороговизны автоматически увеличивалась покупательная способность этого рынка. Вот на этих колесах и выезжала в гору цена, на основе этого городского рынка развилась наша промышленность.

Теперь емкость городского рынка исчерпана. Запасов в торговых предприятиях есть на несколько месяцев, и для того, чтобы нам удержать промышленность на том уровне, которого она достигла в конце 1923 года, нам нужно расширить рынок. Если мы рынок не расширим, тогда она должна будет спуститься назад. Поэтому завоевание крестьянского рынка необходимо не только для того, чтобы промышленность расширить, но необходимо и для того, чтобы удержать ее на том уровне, которого она уже достигла. Но так как тов. Пятаков читал все и всяческие ученые книги, и Осинский точно так же, так они по вопросу о ценах путаются; действительно для них это какие-то непонятные вещи. Во всех политических экономиях объяснено, что в условиях капиталистического общества, когда предложение товаров превышает спрос на них, цены на эти товары падают. Это написано везде. Ведь, об этом поучали и в популярных, и в непопулярных учебниках, а у нас это не совсем так. Они вместо того, чтобы действительность изучить, хотят факты изменить согласно тому, что они в популярных книжках вычитали. Это не только в этом случае, это и есть в тезисе о средней цене. В этом их тезисе буквально сказано: „достижение наибольшей прибыли при данной средней цене“. Кто ее „дал“, чорт возьми? Кто вам цены эти дал? Ведь, в политических экономиях, в популярных и в непопулярных, сказано, что в условиях свободной конкуренции, борьбы и проч. рынком устанавливается средняя цена. А у нас монополия, государственные тресты! Мы ее, цену, сами даем, а потом ее в этаком отвлеченном фетише, в роде „вещи в себе“,

рассматриваем, т.-е. т. Ногин выводит цену на ситец, а потом говорит: это, видите ли, „данная средняя цена“.

Вот до чего некоторых людей могут путать ученые книги! Вместо того, чтобы изучать то, что у нас делается, они по этим ученым книжкам действительность искажают. И это по всей резолюции. Там, где мы говорим об активном балансе, люди вспомнили: а, ведь, бывают такие случаи, когда имеют место положительные платежные балансы, если есть заем,—ведь, об этом тоже в книжках сказано! Всяких случаев было в истории очень много, но необходимо изучить случай, какой у нас теперь есть, а не писать резолюцию о том, что написано в книжках всех веков, времен и народов. Везде и всюду ходят и бегают: „А как вы будете поступать, если заем получите?“. Милый, дай бог получить, а пока не дают. (Смех). Тов. Пятаков серьезно говорит: „а что бы вы стали делать, если бы нам 7 миллиардов займа дали?“. Я тогда в ЦК заявил: „столько не брать“, потому что пока дело с организацией хозяйства обстоит так, как это было в то время, таких кредитов нам не переварить. Нужно меньше. Но меньше мы получить, конечно, согласны. Когда мы этот заем получим? За шесть лет мы не получили ни копейки. И тут люди вспомнили: может-быть, кто-нибудь даст заем. Да, ведь, не по гроб жизни эта резолюция написана. Она написана на 1923—24 год. Если будет большой заем, многое изменится. А если у нас будет голод? Он пренебрежительно говорит относительно урожая. Убил меня, понимаете ли! Когда я его слушал, я не знал, где т. Пятаков был во время голода в Поволжье. Ведь, самое тяжелое, я бы сказал, положение партии и Советской власти было, когда в громадной области развернулся небывалый голод. Он уже забыл, когда это было. Это было вчера и может повториться, ведь, гарантии тут никакой нет. И после этого говорит, что нельзя ссылаться на стихийность нашего сельского хозяйства! Потому, вероятно, что в книжках, в популярных учебниках этого не сказано. Вот, ведь, до чего люди доходят! Можно ли это терпеть дальше?

На этой конференции они, представители оппозиции, выступали с маленькими поправками, очень мирно и даже ласково. Я напомню, что они говорили раньше, например, в заявлении 46-ти. Ведь, в нем сказано в одном абзаце, что „мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними политическими осложнениями и с полным прекращением нашей внешней активности и дееспособности“. Ведь, вот что сказано членом Центрального Комитета, одним из лидеров оппозиции; ведь, этот документ разошелся везде и всюду. Как же после этого притти сюда и сказать, что я за резолюцию ЦК, а там говорить, что насчет активного баланса вышла неправильность. Мы, говорит, тоже за активность, но за умеренную, в роде того, как одна девица говорила: я за ребеночка, только за самого маленького. (Смех). Ведь, после того как так написали не по чьему-нибудь адресу, а по адресу ЦК господствующей партии в гигантской стране, которая играет громадную роль в Коминтерне и в международной политике,—ведь, после этого они внесли резолюцию относительно интервенции. Что ни абзац в этой резолюции, то ни к селу, ни к городу. Взяли какую-то популярную политическую экономию и как-раз не туда и не так ее распланировали и распубликовали на всю Россию, а потом стали сдавать пункт за пунктом. Вот первый основной пункт: „в объяснении нашего кризиса нельзя ссылаться на возникающее, якобы, объективное несоответствие между промышленным и сельскохозяйственным производством“,—у нас, видите ли, такого несоответствия раньше не было; теперь „возникать“ стало! Возьмите любую популярную книжку по истории развития хозяйства России, и вы увидите, что только безграмотные

люди могут говорить, что у нас только „возникает“ несоответствие между сельским хозяйством и фабрикой. Во всех книгах написано, что страна наша самая отсталая. Я не знаю, проделал ли у нас капитализм хоть одну четверть той работы, которую он проделал во всей Европе и Америке. Это несоответствие дано нам всей предыдущей историей.

Дальше тов. Пятаков говорит: мне зря возражал тов. Каменев, что я ставил вопрос об организации промышленности. Ведь, в резолюции оппозиции, опубликованной в „Правде“, написано: „В резолюции Политбюро совершенно не затрогивается вопрос об управлении промышленностью“, — по-русски написано, за подписью Пятакова. На том же русском языке тем же Пятаковым с этой трибуны было заявлено, что он вопрос об этом не ставит. Ведь, буквально так! Когда, знаете, полтора месяца гоняешься за людьми и за руку ловишь и каждый раз тебе подносят что-то новое, „кота в мешке“, то разве же это можно? (Смех).

Печатается из такой, извините за выражение, дискуссии $^1/_{1000}$ часть, а что говорится,—объяснять совершенно невозможно! Если будете здесь, походите по собраниям,—тогда узнаете.

Выступили „с данной ценой и средней прибылью“ печатно, и на другой же день от этого отказались. Относительно интервенции у них сказано: „необходимо приступить к выработке рационального плана и широко применить товарную интервенцию в части ввоза из-за границы недостающих и особенно вздорожавших товаров“. Это программа „широко применять интервенцию“; дальше: „частный ввоз предметов широкого потребления может быть главным и весьма прибыльным для государства в борьбе с товарной спекуляцией“, и еще: „ввоз предметов крестьянского потребления есть важный способ развития экспорта“.

Теперь, что от этого остается? Вы прочитайте абзацы об импорте у т. Пятакова, ведь, там уже ничего не осталось. В опубликованной резолюции дается экономическая характеристика того, что называется товарной интервенцией. В наших условиях, как Ларин доказал с совершенной точностью, эти поправки обозначали смычку крестьянского сельского хозяйства с западно-европейским буржуазным капиталом. Хлеб вывозить в буржуазные страны, а оттуда ввозить крестьянам продукты буржуазной промышленности. Защищать это было совершенно невозможно, печатать тоже. Что от этой программы осталось? Я просил как-то указать т. Преображенского, где, кто и когда отказал во ввозе того, чего у нас нет. Не мог указать ни разу!

В настоящее время товарная интервенция из-за границы не может играть никакой положительной роли, потому что у нас скопились запасы товаров, и мы имеем кризис сбыта. В такой период говорить об интервенции — все равно, что во время наводнения в городе говорить о поливке улиц. Взяли из какой-то книжки товарную интервенцию и приплели ее не туда и не во-время. Итак, от 46-ти — к тому, что опубликовано в „Правде“, а от того, что опубликовано в „Правде“,—к этим самым поправкам. Ступенька за ступенькой люди начинают отступать, но отступают, зная, в чем тут дело. Это люди вовсе не среднего масштаба. Во всяком случае мы считали многих из них людьми с большими способностями. Когда я слушал т. Пятакова, мне казалось, что нужно объяснить партии, что если люди говорят так невнятно, это вовсе не потому, что у них за душой ничего нет или способностей нет, а потому, что запутались безнадежно. Самая большая опасность из того, что происходит в последнее время, заключается в том упорстве, с каким люди с величайшей легкостью, отказываясь от того, что сказали вчера, выдумывают все новые и новые предложения, которые стоят и в противоречии с логикой мысли и в противоречии с логикой

фактов. Сегодня, ведь, это был кульминационный пункт, когда главный директор всей нашей трестированной промышленности выходит на трибуну Общесоюзной Партийной Конференции Коммунистической партии, 6 лет стоящей у власти, и предлагает внести в ее экономическую платформу 22—23 года пожелания о том, чтобы были проведены изменения в организации хозяйства и правительства, а какие именно, я, говорит, Пятаков, не знаю, и никто не знает, но хочу, чтобы об этом думали. Ведь, взрослый человек говорит это на всероссийской конференции! (Смех).

Ведь, так буквально и сказано: я ничего не выдумал, но надо, чтобы кто-нибудь выдумал, и хочу в резолюции правящей партии указать на то, чтобы об этом думали.

Что у нас — дискуссионный клуб? А здесь оно вносится, и при этом человек говорит, что никакого предложения у него нет, что он ничего по этому поводу не выдумал. Ведь, после того, как сказано, что страну довели до края гибели, что привели к полному бессилию и внешнюю, и внутреннюю политику, после этого хотят улучшить резолюцию партии с тем, чтобы люди выдумали то, чего он сам не знает. (Аплодисменты и смех).

И я откровенно говорю, что, может-быть, новым людям и можно все это терпеть, но нам это буквально невмоготу. Ведь, сил никаких нет!

Я считаю чрезвычайно опасным, что совершенно правильную предпосылку о том, что наша промышленность, наше государственное хозяйство сильны своей организованностью, Пятаков и Преображенский всегда сопровождают дополнением: „хотя каждая отдельная ячейка хуже и слабее, чем капиталистическая“. Откуда взято второе,—я не знаю, и, по-моему, присоединяться к этому невозможно, ибо, если каждый кооператив торгует хуже и дороже, чем частная лавка, то и сумма кооперативов тоже будет торговать хуже и дороже, чем сумма разрозненных частных лавок. Если каждая из фабрик будет делать ситец дороже, чем делают частные фабрики, то и в сумме ситец государственный будет дороже ситца частного. Если т. Пятаков всем трестам внедрит в сознание, что они сильны не тем, что работают хорошо и должны работать не хуже частных предприятий, а, наоборот, убедит их, что каждый трест или фабрика в отдельности, так сказать, „от природы“ хуже, а сильны только тем, что объединены вместе, то это будет опасно. Ведь, в теории нигде не доказано, что государственные фабрики и государственные лавки должны-быть обязательно хуже частных; если они хуже теперь, то это, может быть, и потому, что мы торговать еще не умеем и управлять не умеем. Когда же люди возводят это в теорию и из „беды“ делают закон, это является уже опасностью. Мы должны хорошо организовать и всячески поддерживать все наше национализированное хозяйство, нашу государственную торговлю и промышленность и банками, и тарифами и т. д. И мы должны требовать работы от них не хуже, а лучше частных капиталистов. Почему закон социалистического накопления должен обязательно покоиться на том, что каждое отдельное предприятие в руках государства и коммунистической партии обязательно, по природе своей, должно быть хуже частного? Это не доказано, да и доказать это невозможно.

Я коротенько коснусь вопроса о ценах. Вопрос о ценах, как он поставлен т. Пятаковым, совершенно неправилен. Я уже указывал, и это ясно всякому, что у нас имеется теперь кризис сбыта.

Дальнейшее увеличение товаров на складах фабрики, может-быть, нам непосильно из-за отсутствия оборотных средств. Мы накопили запас в 4 месяца; денег у предприятий и трестов нет,—может-быть,

продержимся еще месяца два с расширением кредита, но выход только в расширении рынка. А крестьянин покупать сможет только тогда, когда разница в ценах на хлеб и ситец будет меньше. Поэтому директива о ценах ясна для каждого и для настоящего времени совершенно необходима. А они говорят: за снижением цен должно итти сокращение производства. И это, ведь, взято из старых буржуазных Туган-Барановских и других книг и учебников, и т. д.: „при кризисе сбыта цены снижаются, производство сокращается",—заучили и твердят... А у нас, наоборот: цены снижаются, а производство не сокращается. И поставлен вопрос о том, чтобы сейчас расширить производство на основе завоевания крестьянского рынка. Происходит это потому, что мы—рабоче-крестьянская власть, что у нас государственный капитализм, а не частный. У меня на этой почве происходят частые дискуссии с специалистами, которые проводят в чистом виде идеологию буржуазно-капиталистическую. Тов. Пятаков все, что происходит при буржуазных кризисах, полностью и целиком переносит на послеоктябрьскую Россию и предсказывает, что так и дальше будет. Но, тт., до сих пор так не было. То, что до сих пор с июля по январь ни одна фабрика не закрылась, зарплата не понизилась, а рынок начинает расширяться,—в этом заключается спасение промышленности. Если рынок расширится настолько, что товары рассосутся, то производство будет усиливаться. Но для того, чтобы происходило рассасывание, нужно сбавить цены, потому что та обувь, те галоши, которые продаются,—их никто не покупает, никто не носит в силу их дороговизны.

Это, повторяю, настолько элементарно, что возражения, которые вносятся тт. Осинским, Пятаковым и Преображенским, покоятся на основе другого „факта", о котором вам будет докладывать здесь тов. Сталин. Дело в том, что когда мы дискутировали эту самую демократическую платформу, то бой был у нас совершенно невиданный: с 10-ти утра одного дня до 10-ти утра следующего дня люди доказывали, что нам рабочая демократия нужна, чтобы доказать, что ошибки, которые сделал ЦК, совершенно невиданны. Демократия,—говорили они, — обеспечит нам возможность на основе хозяйственной платформы доказать банкротство линии большинства ЦК РКП. Это заставило нас ускорить выработку нашей резолюции, чтобы скорее дать им эту возможность. Что из этого вышло,—вы видите сами. Но когда начали дискуссию в районах, то картина стала совершенно такая же, какая бывает в период или накануне раскола. Когда все аргументы бывали разбиты, и никакой логики на стороне противника не было, у них оставалась только сплоченность фракции, но она заставляла их возражать или голосовать за ту или иную платформу с большим единодушием.

Это значит, что логика фракции, логика смычки между собою у них выше логики фактов и логики мысли. Здесь обижаются, когда я назвал приказ т. Пятакова слишком резко. Я должен сказать, что я приказ этот привел в подтверждение параграфа первого резолюции Осинского и Пятакова, в которой сказано: „Упрекая ряд хозорганов в неправильном применении директив XII Съезда и в чрезмерном поднятии цен, резолюция упускает из виду, что такой упрек именно и предполагает отсутствие руководства высших инстанций коммерческой деятельностью хозорганов". Тов. Пятаков составил и издал приказ, который я прочитал уже после того, когда кризис начался, когда никто с этим приказом считаться не мог. Тов. Пятаков вышел на трибуну и говорит, подпишу и издам еще раз, даже после того, как сами предложили решение в своей резолюции, „при данной средней цене максимум прибыли", а приказ требует максимум прибыли при всех условиях. Вместо того, чтобы признаться в ошибке, которая теперь для всех ясна и точно выявлена в приказе Пятакова, хотят ошибки Пятаковых подсунуть ЦК

партии. Мы в СТО давали противоположные директивы. Я с т. Лежавой боролся за понижение цен, мы создали Комвнуторг против этой политики. Мы добились понижения цен, а политика приказа шла наперерез. Вы знаете, что ситец входит в такой-то ассортимент в количестве 25%, 75% ассортимента составляют остальные ткани, и после понижения цены на ситец синдикаты и тресты потеряли то, что они наверстали на ценах остальных сортов этого ассортимента. На этой почве была борьба. Ошибка ЦК была, как я указал в начале своего доклада. Она заключается в том, что мы общую директиву дали правильно, а досмотреть за проведением в жизнь этой директивы не досмотрели, в частности я не досмотрел за поведением своего заместителя в президиуме ВСНХ.

Признаю, ошибку сделал. Теперь, когда в дискуссии все карты раскрыты, мы будем досматривать тщательней, но сумеем ли полностью и везде досмотреть,—обещать не могу.

Если бы не было такой ожесточенной борьбы, если бы фракционная борьба не поставила Московскую организацию на грань чуть ли не раскола, по совести оппозицию нужно было бы пожалеть и отпустить, т. к. после того банкротства, которое они потерпели с экономической платформой, большего наказания для людей выдумать невозможно. Но имеется другая сторона дела, которая заключается в том, что за последние полтора-два месяца оппозиция этой же группы лиц всю организацию поставила, как я уже говорил, на грань чуть ли не раскола, и всю партию поставила перед опасностью фракционной борьбы. Поэтому я предлагаю ни одну из поправок, которые вносит тов. Пятаков не принимать, и в комиссию, если будет таковая избрана, тов. Пятакова, за отклонением поправок оппозиции, не включать. В вопросе второго пункта порядка дня сделать больше и предостеречь товарищей, чтобы когда у них нет ничего за душой, чтобы так не играли партией, как это они сделали за последние полтора-два месяца. (Аплодисменты, голоса: „Правильно!").

Председательствующий. Прения по первому пункту дня исчерпаны. Переходим к голосованию. Итак, ЦК вносит на утверждение партийной конференции свою резолюцию, которая всем известна и напечатана, а затем для обсуждения конкретных предложений, идущих с мест, которые в президиуме есть, мы предложим создать комиссию, которая эти практические предложения обсудит. Голосую в основе резолюцию ЦК. Кто за нее, прошу поднять карточки. Кто против? Ни одного. Кто воздержался? Ни одного. (Аплодисменты).

Разрешите перейти к голосованию поправок тов. Пятакова. Тов. Пятаков предлагает сам голосовать его поправки целиком, что правильно. Кто за поправки тов. Пятакова, прошу поднять карточки. Три. Кто против? Большинство. Кто воздержался? Один.

Председательствующий. Итак, против трех при одном воздержавшемся поправки т. Пятакова все отвергнуты. Теперь, товарищи, мы условились, и не было протестов против того, чтобы все остальные поправки переданы были в комиссию. Сейчас мы должны перейти к выбору комиссии, которая предлагается в следующем составе: тт. Рыков, Лутовинов, Середа, Микоян, Рухимович, Сулимов, Муралов (из Нижнего-Новгорода), Евдокимов, Киселев, Ларин и Молотов.

Врачев. Дополнение. Предлагаю дополнить комиссию тт. Коссиором и Пятаковым.

Голос с места. Предлагаю включить т. Голощекина.

Председательствующий. Предложение включить т. Голощекина принимается, и теперь у нас остается только предложение т. Врачева—дополнить этот список тт. Коссиором и Пятаковым. Голосую раньше основной список, включая т. Голощекина. Большинство—за. Кто за то, чтобы ввести т. Коссиора? Два. Кто против? Большинство.

Кто за то, чтобы ввести т. Пятакова? Кто против? Большинство против. Итак, комиссия утверждена. Теперь, товарищи, покончив с первым пунктом порядка дня, прежде чем перейти к следующему докладу, предварительно я прошу у вас пять минут внимания для доклада организационной комиссии о составе конференции, а затем объявлю 10-минутный перерыв для доклада т. Сталина. Слово имеет тов. Охлопков.

Охлопков. На конференции присутствует 128 делегатов с решающим голосом и 222 с совещательным голосом. Все организации, кроме Карачаево-Черкесской, имеют своих представителей на конференции. Таких организаций 124, из них 111 гражданских, 13 военных. Все организации, кроме Московской и Питерской, получили по одному решающему голосу. Питер и Москва, по примеру всех прошлых конференций, получили по 3 решающих голоса. Мы имели возможность сравнить состав конференции с составом августовской конференции 1922 г. На этой конференции присутствует подпольщиков 61,7%, тогда как на августовской конференции было 56% подпольщиков, выходцев из других партий на августовской конференции присутствовало 22,4%, на этой конференции присутствует 7,6%, на 14,8% меньше.

По социальному положению: рабочих на августовской конференции 39,2%; на этой конференции присутствует 47%; крестьян почти одинаковое количество, т.-е. на августовской конференции 10,4%, на этой конференции 10,1%; интеллигентов на августовской конференции 50,4%, на этой конференции 42,9%.

Вот, товарищи, те сведения, которые можно сообщить о составе конференции в части, касающейся решающих голосов.

Из 222 совещательных голосов 66 голосов получили местные организации, остальные совещательные голоса распределены между центральными учреждениями. Из них главное место занимают члены ЦК, кандидаты в члены ЦК, члены ЦКК и кандидаты в члены ЦКК, а затем ЦК РКСМ, наркоматы, президиум ВЦСПС, Коминтерн, Президиум ЦИК Союза ССР и ВЦИК, президиум Профинтерна, редакторы газет и отдельные ответственные работники.

Председательствующий. Разрешите принять доклад к сведению. Объявляется перерыв ровно на десять минут.

Председательствующий. (П о с л е п е р е р ы в а). При составлении списка комиссии по первому пункту, к сожалению, я упустил из вида ряд записок, которые предлагали включить в этот список т. Кржижановского. Я думаю, не будет возражений, если включим 13-го. Теперь мы переходим к обсуждению 2-го пункта порядка дня—„Об очередных задачах партстроительства". Слово для доклада имеет тов. Сталин. (А п л о д и с м е н т ы).

Сталин. Товарищи, обычно наши ораторы на дискуссионных собраниях начинают с истории вопроса: как возник вопрос о внутрипартийной демократии, кто первый сказал а, кто после вымолвил б и пр. Я думаю, этот метод непригоден для нас, потому что он вносит элемент склоки и взаимных обвинений и ничего путного не дает. Я думаю, что будет гораздо лучше, если мы начнем с вопроса о том, как встретила партия резолюцию Политбюро о демократии, подтвержденную потом пленумом ЦК. Я должен установить, что эта резолюция, кажется, единственная во всей истории нашей партии, которая, после ожесточенной дискуссии по вопросу о демократии, нашла полное,—я бы сказал: буквально единодушное одобрение всей партии. Даже оппозиционные организации и ячейки, которые вообще настроены были против большинства партии и против ЦК оппозиционно, даже они, при всем желании придраться к чему-либо, не нашли повода

и основания придраться, и обычно в своих резолюциях эти организации и эти ячейки, признавая правильность основных положений резолюции Политбюро о внутрипартийной демократии, старались чем-либо отличиться от других организаций, прибавив к ней некий хвостик, скажем, такой: да, все у вас хорошо, но не обижайте тов. Троцкого; или еще так: все у вас правильно, но маленечко опоздали, хорошо бы раньше все это сделать. Я не поднимаю здесь вопроса о том, кто кого обижает. Я думаю, что если хорошенько разобраться, то может оказаться, что известное изречение о Тите Титыче довольно близко подходит к тов. Троцкому: „Кто тебя, Тит Титыч, обидит? Ты сам всякого обидишь“. (Смех). Но я сказал, что в этот вопрос я вдаваться не буду. Я даже допускаю, что на самом деле Троцкого кое-кто обижает, но разве в этом вопрос? Что же тут принципиального в вопросе об обиде? Ведь, речь-то идет о принципиальной стороне резолюции, а не о том, кто кого обидел. Этим я хочу сказать, что даже резко и грубо оппозиционные ячейки и организации, даже они не решались что-либо принципиально возразить против резолюции, данной Политбюро ЦК и президиумом ЦКК. Я это устанавливаю, как факт, для того, чтобы отметить еще раз, что трудно найти во всей истории нашей партии другой подобный факт, когда бы резолюция, прошедшая сквозь огонь и воду ожесточенной дискуссии, имела не только у большинства, но и буквально во всей партии такое единодушное одобрение.

Из этого я делаю два вывода. Первый вывод о том, что, стало-быть, резолюция Политбюро и ЦКК вполне отвечает потребностям и запросам партии в данный момент. И второй вывод о том, что, стало-быть, партия выйдет из этой дискуссии по вопросу о внутрипартийной демократии окрепшей и более сплоченной. Это вывод, так-сказать, не в бровь, а в глаз тем заграничным нашим недоброжелателям, которые давно потирают руки в связи с нашей дискуссией, думая, что партия наша ослабнет в результате дискуссии, а власть разложится.

Я не буду распространяться о сущности внутрипартийной демократии. Основы этой демократии изложены в резолюции, резолюция продискутирована вдоль и поперек всей партией, — зачем же мне тут еще повторяться? Скажу лишь одно, что демократии развернутой, полной демократии, очевидно, не будет, очевидно, эта демократия будет демократией в рамках, очерченных X, XI и XII Съездами. В чем состоят эти рамки,— вам хорошо известно, и я здесь повторяться не буду. Не буду также распространяться о том, что основная гарантия того, что внутрипартийная демократия войдет в плоть и кровь нашей партии, — это усилить активность и сознательность партийных масс. Об этом также довольно подробно сказано в нашей резолюции.

Я перехожу к вопросу о том, как у нас некоторые товарищи и некоторые организации фетишизируют вопрос о демократии, рассматривая его как нечто абсолютное, вне времени и пространства. Я этим хочу сказать, что демократия не есть нечто данное для всех времен и условий, ибо бывают моменты, когда нет возможности и смысла проводить ее. Для того, чтобы она, эта внутрипартийная демократия стала возможной, нужны два условия, или две группы условий, внутренних и внешних, без которых всуе говорить о демократии.

Необходимо, во-первых, чтобы индустрия развивалась, чтобы материальное положение рабочего класса не ухудшалось, чтобы рабочий класс рос количественно, чтобы культурность рабочего класса поднималась, и чтобы рабочий класс рос также качественно. Необходимо, чтобы партия, как авангард рабочего класса, также росла, прежде всего, качественно, и прежде всего за счет пролетарских эле-

ментов страны. Эти условия внутреннего характера абсолютно необходимы для того, чтобы можно было поставить вопрос о действительном, а не о бумажном проведении внутрипартийной демократии.

Но одних этих условий недостаточно. Я уже говорил, что есть еще вторая группа условий, условий внешнего характера, без наличия которых демократия внутри партии невозможна. Я имею в виду известные международные условия, более или менее обеспечивающие мир, мирное развитие, без чего демократия в партии немыслима. Иначе говоря, если на нас нападут, и нам придется защищать страну с оружием в руках, то о демократии не может быть и речи, ибо придется ее свернуть. Партия мобилизуется, мы ее, должно-быть, милитаризуем, и вопрос о внутрипартийной демократии отпадет сам собой.

Вот почему я думаю, что демократия должна рассматриваться в зависимости от условий, что фетишизма в вопросах внутрипартийной демократии быть не должно, ибо проведение внутрипартийной демократии, как видите, зависит от конкретных условий времени и места в каждый данный момент.

Чтобы не было далее лишних увлечении и необоснованных обвинений, я должен также напомнить о тех препятствиях, которые стоят перед партией в деле проведения демократии,—препятствий, мешающих проведению демократии даже при наличии очерченных выше двух основных благоприятных условий, внутренних и внешних. Товарищи, эти препятствия существуют, они глубоко влияют на нашу партийную работу, и я не имею права умалчивать о них. В чем состоят эти препятствия?

Эти препятствия, товарищи, состоят, во-первых, в том, что в головах одной части наших работников живут еще пережитки старого военного периода, когда у нас партия была милитаризирована,—пережитки, которые порождают некоторые немарксистские взгляды о том, что партия наша является, якобы, не самодеятельным организмом, живущим самостоятельной идейной и практической жизнью, а чем-то в роде системы учреждений, низших, средних и высших. Этот абсолютно немарксистский взгляд, правда, законченного вида нигде еще не получил, законченно нигде не высказывался, но элементы этого взгляда живут в головах одной части наших работников, несущих партийные обязанности, и они мешают им последовательно провести внутрипартийную демократию. Вот почему борьба с такими взглядами, борьба с пережитками военного периода как в центре, так и на местах является очередной задачей партии.

Вторым препятствием, стоящим на пути проведения демократии в партии, является наличие давления бюрократического государственного аппарата на аппарат партийный, на наших партийных работников. Давление этого громоздкого аппарата на наших партийных работников не всегда заметно и не всегда бьет в глаза, но оно ни на одну секунду не прекращается. Это давление громоздкого государственного бюрократического аппарата, в конце концов, сказывается в том, что целый ряд наших работников и в центре, и на местах, нередко помимо своей воли и совершенно бессознательно, отклоняется от внутрипартийной демократии, от той линии, в правоту которой они верят, но которую они нередко не в силах провести до конца. Вы можете себе представить имеющий не менее миллиона служащих бюрократический государственный аппарат, состоящий из элементов, большей частью чуждых партии, и наш партийный аппарат, имеющий не больше 20—30 тысяч человек, призванных подчинить партии государственный аппарат, призванных социализировать его. Чего стоит наш государственный аппарат без поддержки партии? Без помощи, без поддержки нашего партийного аппарата он мало

чего, к сожалению, стоит. И вот каждый раз, когда наш партийный аппарат вдвигает свои щупальца во все отрасли государственного управления, ему приходится нередко свою партийную работу в этих органах равнять по линии государственных аппаратов. Конкретно: партия должна вести работу по политическому просвещению рабочего класса, по углублению сознания рабочего класса, а в это время требуется собрать продналог, провести такую-то кампанию, ибо без кампании, без помощи со стороны партии, госаппараты не в силах выполнить свое задание. И здесь наши работники попадают между двух огней, между необходимостью исправления линии работы госаппаратов, действующих по старинке, и между необходимостью сохранить связи с рабочими. И они часто сами здесь бюрократизируются. Таково второе препятствие, которое преодолеть трудно, но которое нужно преодолеть во что бы то ни стало для того, чтобы облегчить проведение внутрипартийной демократии.

Наконец, существует еще третье препятствие, стоящее на пути осуществления демократии,—это низкий культурный уровень целого ряда наших организаций, наших ячеек, особенно на окраинах (не в обиду им будь сказано), мешающий нашим парторганизациям провести внутрипартийную демократию до конца. Вы знаете, что демократия требует некоторого минимума культурности членов ячейки и организации в целом и наличия некоторого минимума активных работников, которых можно выбирать и ставить на посты. А если такового минимума активных работников не имеется в организации, если культурный уровень самой организации низок,—как быть? Естественно, что здесь приходится отступать от демократии, прибегать к назначению должностных лиц и пр.

Таковы препятствия, которые перед нами стояли, которые будут еще стоять, и которые мы должны преодолеть, чтобы честно и до конца провести внутрипартийную демократию.

Я напомнил вам об этих препятствиях, стоящих перед нами, и о тех внешних и внутренних условиях, без которых демократия превращается в пустую демагогическую фразу, потому, что некоторые товарищи фетишизируют, абсолютизируют вопрос о демократии, думая, что демократия всегда и при всяких условиях возможна, и что проведению ее мешает, якобы, лишь злая воля „аппаратчиков". Вот против этого идеалистического взгляда, взгляда не нашего, не марксистского, не ленинского, напомнил я вам, товарищи, об условиях проведения демократии и о препятствиях, стоящих в данный момент перед нами.

Я бы мог, товарищи, на этом закончить свой доклад, но я считаю, что мы обязаны подвести итоги дискуссии, и сделать из этих итогов некоторые выводы, могущие иметь для нас серьезное значение. Я бы мог разделить всю нашу борьбу по линии дискуссии, по вопросу о демократии, на три периода.

Первый период, когда оппозиция напала на ЦК и обвиняла его в том, что за последние два года, за период нэп'а вообще, вся линия ЦК была, якобы, неправильной. Это был период до опубликования резолюции Политбюро и президиума ЦКК. Я не буду здесь касаться того, кто был тут прав, и кто неправ. Нападки были жестокие и невсегда, как вы знаете, обоснованные. Но одно ясно, что период этот можно характеризовать как период наибольших нападков на ЦК со стороны оппозиции.

Второй период начался с момента, когда резолюция Политбюро и ЦКК была опубликована, когда оппозиция была поставлена в необходимость противопоставить резолюции ЦК что-либо цельное, конкретное, и когда у оппозиции не оказалось ничего ни цельного, ни

конкретного. Это был период наибольшего сближения между ЦК и оппозициею. Дело, повидимому, кончалось, или могло кончиться, тем, что произойдет некоторое примирение оппозиции с линией ЦК. Помню хорошо, как в Москве, в центре дискуссионной борьбы, кажется, 12-го декабря на заседании в Колонном зале т. Преображенский внес резолюцию, которую почему-то отвергли, но которая мало чем отличалась от резолюции ЦК. В основе эта резолюция, даже в некоторых второстепенных пунктах, совершенно не расходилась с резолюцией ЦК. И тогда мне казалось, что собственно не о чем драться дальше: есть резолюция ЦК, она всех удовлетворяет, по крайней мере, на девять десятых, сама оппозиция, видимо, это чувствует, идет навстречу, и мы, может-быть, на этом покончим с разногласиями. Это был второй, примиренческий период.

Но затем наступил третий период. Этот период открылся выступлением т. Троцкого, его обращением к районам, выступлением, которое мигом ликвидировало примиренческие тенденции и перевернуло все вверх дном. За этим выступлением т. Троцкого начался период жесточайшей внутрипартийной борьбы,—борьбы, которая не имела бы места, если бы т. Троцкий не выступил со своим письмом на другой день после того, как он голосовал за резолюцию Политбюро. Вам известно, что за первым выступлением т. Троцкого последовало второе, за вторым третье, и борьба в связи с этим еще больше обострилась.

Я думаю, товарищи, что в этих выступлениях тов. Троцкий допустил шесть серьезных ошибок. Эти ошибки привели к обострению внутрипартийной борьбы. Я перехожу к анализу этих ошибок.

Первая ошибка тов. Троцкого выразилась в самом факте выступления со статьей на другой день после опубликования резолюции Политбюро ЦК и ЦКК, со статьей, которую нельзя иначе расценивать, как платформу, противопоставленную резолюции ЦК. Я повторяю и подчеркиваю, что это была статья, которую нельзя рассматривать иначе, как новую платформу, противопоставленную резолюции ЦК, принятой единогласно. Подумайте только, товарищи: такого-то числа собирается Политбюро и президиум ЦКК и ставится вопрос о резолюции о внутрипартийной демократии, резолюция принимается единогласно, и всего только через день после этого, независимо от ЦК, помимо воли ЦК, через голову ЦК, рассылается районам статья тов. Троцкого,—новая платформа, ставящая заново вопрос об аппарате и партии, о кадрах и молодежи, о фракциях и единстве партии и проч. и проч., платформа, которую вся оппозиция подхватывает и противопоставляет резолюции ЦК. Это есть противопоставление себя Центральному Комитету. Это есть открытое и резкое противопоставление себя со стороны тов. Троцкого всему ЦК. Перед партией встал вопрос: есть ли у нас ЦК, как руководящий орган, или нет его больше, существует ли ЦК, единогласные решения которого уважаются членами этого ЦК, или существует лишь сверхчеловек, стоящий над ЦК, сверхчеловек, для которого законы не писаны, который может себе позволить сегодня голосовать за резолюцию ЦК, а завтра публиковать и выставлять новую платформу против этой резолюции? Товарищи, нельзя требовать от рабочих подчинения партдисциплине, если один из членов ЦК открыто, на глазах у всех игнорирует Центральный Комитет и его единогласно принятое решение. Нельзя проводить две дисциплины, одну для рабочих, а другую—для вельмож; дисциплина должна быть одна.

Ошибка т. Троцкого в том и состоит, что он противопоставил себя ЦК и возмнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его

законами, над его решениями, дав тем самым повод известной части партии повести работу в сторону подрыва доверия к этому ЦК.

Некоторые товарищи выражали недовольство, что этот антипартийный акт т. Троцкого был отмечен в некоторых статьях редакции „Правды“ и отдельных членов ЦК. Товарищи, я должен сказать в ответ этим товарищам, что никакая партия не может уважать такой ЦК, который в такой трудный момент не проявит способности отстоять достоинство партии, когда один член ЦК пытается стать выше всего ЦК. ЦК убил бы себя морально, если бы он прошел мимо этой попытки т. Троцкого.

Вторая ошибка, допущенная т. Троцким, состоит в том, что за весь период дискуссии т. Троцкий вел себя двойственно, грубо игнорируя волю партии, желающей узнать его действительную позицию, и дипломатически увертываясь от вопроса, в упор поставленного целым рядом организаций: за кого же, в конце-концов, стоит т. Троцкий,—за ЦК или за оппозицию? Дискуссия ведется не для увертож, а для того, чтобы прямо и честно выложить всю правду перед партиею, так, как умеет это делать Ильич, так, как обязан это сделать каждый большевик. Говорят, что т. Троцкий серьезно болен. Допустим, что он серьезно болен. Но за время своей болезни он написал три статьи и четыре новые главы сегодня вышедшей его брошюры. Разве не ясно, что т. Троцкий имеет полную возможность написать в удовлетворение запрашивающих его организаций две строчки о том, что он — за оппозицию, или против оппозиции? Нужно ли доказывать, что это игнорирование воли ряда организаций не могло не обострить внутрипартийную борьбу?

Третья ошибка, допущенная т. Троцким, состоит в том, что он в своих выступлениях противопоставил аппарат партии, дав лозунг борьбы с „аппаратчиками“ и подчинения аппарата партии. Большевизм не может принять противопоставления партии аппарату. Из чего состоит наш аппарат реально? Аппарат партии—это ЦК, областные комитеты, губернские комитеты, уездные комитеты. Подчинены ли они партии? Конечно, подчинены, ибо они на 90% выбираются партией. Не правы те, которые говорят, что губкомы назначались. Не правы. Вы знаете, товарищи, что губкомы выбираются у нас, так же, как и укомы, как и ЦК. Они подчинены партии, но после того как они избраны, они должны руководить работою,— вот в чем дело. Мыслима ли партийная работа без того, чтобы, после того как избран съездом ЦК, после того как избран губком губернской конференцией, чтобы ЦК и губкомы не руководили работой? Ведь, без этого у нас партийная работа немыслима совершенно. Ведь, это какой-то бесшабашный анархо-меньшевистский взгляд, отрицающий самый принцип руководства партийной работой. Я боюсь, что тов. Троцкий, которого я, конечно, ни на одну минуту не решусь поставить на одну доску с меньшевиками, таким противопоставлением аппарата партии дает толчок некоторым неискушенным элементам нашей партии встать на точку зрения анархо-меньшевистской расхлябанности и организационной распущенности. Я боюсь, что эта ошибка тов. Троцкого поставит под удар неискушенных членов партии весь наш партийный аппарат, аппарат, без которого партия немыслима.

Четвертая ошибка, допущенная тов. Троцким, состоит в том, что он противопоставил молодежь кадрам нашей партии, что он бросил голословное обвинение в перерождении наших кадров. Тов. Троцкий поставил нашу партию на одну доску с партией с.-д. в Германии, сослался на примеры о том, как некоторые ученики Маркса, старые социал-демократы, перерождались, и он сделал из этого вывод, что перед такой же опасностью перерождения стоят наши партийные

кадры. Следовало бы, собственно, посмеяться над тем, как один из членов ЦК, вчера еще боровшийся с большевизмом рука-об-руку с оппортунистами и меньшевиками, как он теперь, на 7-м году существования Советской власти, пытается хотя бы и в предположительной форме утверждать, что кадры нашей партии, родившиеся, выросшие и окрепшие в борьбе с меньшевизмом и оппортунизмом, что, будто бы, эти кадры стоят перед перерождением. Следовало бы, повторяю, над такой попыткой посмеяться. Но так как это утверждение высказано не в обычное время, а во время дискуссии, и так как мы здесь имеем дело с некоторым противопоставлением кадров, могущих переродиться, молодежи, которая свободна, якобы, от такой опасности или почти свободна, то тут это предположение, по существу своему смешное и несерьезное, может приобрести и уже приобрело известное практическое значение. Вот почему я думаю, что мы на этом вопросе должны остановиться.

Говорят иногда, что стариков надо уважать, так как они дольше жили, чем молодые, больше знают и лучше укажут. Я, товарищи, должен сказать, что этот взгляд совершенно неправилен. Не всякого старика надо уважать, и не всякий опыт нам важен. Какой опыт,—в этом все дело. В германской социал-демократии имеются свои кадры, очень опытные: Шейдеман, Носке, Вельс и др., кадры в высшей степени опытные, съевшие собаку на борьбе... Но на борьбе с чем? на борьбе с кем? Какой опыт,—в этом все дело. Там кадры выросли в борьбе с революционностью, в борьбе не за диктатуру пролетариата, а против диктатуры пролетариата. Это громадный опыт, но этот опыт есть опыт отрицательный. Громить этот опыт, товарищи, разрушать его и изгонять таких стариков молодежь обязана. Там, в германской социал-демократии, где молодежь свободна от опыта борьбы с революционностью, там эта молодежь ближе к революционности или ближе к марксизму, чем старые кадры, которые обременены опытом борьбы с революционным духом пролетариата, которые обременены опытом борьбы за оппортунизм против революционизма. Этакие кадры громить надо, и все наши симпатии должны быть на стороне той молодежи, которая, повторяю, свободна от этого опыта по борьбе с революционностью, и которая в виду этого тем легче усвоивает новые приемы и новые методы борьбы за диктатуру пролетариата против оппортунизма. Там, в Германии, эта постановка вопроса мне понятна. Если бы тов. Троцкий говорил о социал-демократии Германии и о кадрах такой партии, я бы двумя руками подписался под его заявлением. Но у нас, ведь, идет дело о другой партии—о партии коммунистической, о партии большевиков, кадры которой родились в борьбе с оппортунизмом, которые окрепли в борьбе с оппортунизмом, которые выросли, взяли власть в борьбе с империализмом, в борьбе со всякими оппортунистическими прихвостнями империализма. Разве не ясно, что мы имеем тут дело с принципиальной разницей? Как можно ставить на одну доску кадры, выросшие в борьбе за революционность, кадры, проведшие борьбу за революционность, кадры, пришедшие к власти в боях с империализмом, кадры, потрясающие основы мирового империализма, как можно эти кадры, если говорить по совести, не кривя душой,—как можно эти кадры ставить на одну доску с такими кадрами, как германская социал-демократия, которая якшалась раньше с Вильгельмом против рабочего класса и якшается теперь с Сектом, которая окрепла и сложилась в боях с революционным духом пролетариата,—как можно эти принципиально разнородные кадры ставить на одну доску, как можно их спутывать? Разве трудно понять, что пропасть между этими двумя кадрами непроходимая? Разве трудно понять, что эта грубая передержка,

это грубое смешение, допущенные т. Троцким, рассчитаны на подрыв авторитета наших революционных кадров, ядра нашей партии? Разве не ясно, что эта передержка могла лишь разжечь страсти и обострить внутрипартийную борьбу?

Пятая ошибка, допущенная тов. Троцким, состоит в том, что он в своих письмах дал повод и дал лозунг равняться по учащейся молодежи, по этому „вернейшему барометру нашей партии". „Молодежь—вернейший барометр партии, резче всего реагирует на партийный бюрократизм",—говорит он в своей первой статье. И чтобы не было сомнений, о какой молодежи идет речь, т. Троцкий во втором письме добавляет: „Особенно остро, как мы видели, реагирует на бюрократизм учащаяся молодежь". Если исходить из этого положения, абсолютно неправильного, теоретически неверного, практически вредного, то надо итти дальше, дав лозунг: „Побольше учащейся молодежи в нашей партии, шире двери для учащейся молодежи в нашей партии".

До сих пор дело обстояло так, что мы ориентировались на пролетарский сектор нашей партии и говорили: шире двери партии для пролетарских элементов, да растет наша партия за счет пролетарской части. Теперь у т. Троцкого эта формула переворачивается вверх ногами.

Вопрос об интеллигенции и о рабочих в нашей партии для нас не нов. Он стоял еще на II Съезде нашей партии, когда речь шла о формулировке первого параграфа устава о членстве партии. Известно, что Мартов требовал тогда расширения рамок партии для непролетарских элементов, вопреки т. Ленину, требовавшему решительного ограничения доступа в партию непролетарских элементов. В дальнейшем, на III Съезде нашей партии этот вопрос встает вновь с новой силой. Я помню, как там т. Ленин резко поставил вопрос о рабочих и интеллигентах в нашей партии. Вот что говорил тогда тов. Ленин:

„Указывают на то, что во главе расколов стояли обыкновенно интеллигенты. Это указание очень важно, но оно не решает всего вопроса. Я думаю, что надо взглянуть на дело шире. Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие очень скоро делаются выдержанными социалистами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых двух интеллигентов было 8 рабочих".

Так стоял вопрос еще в 1905 г. С тех пор это указание т. Ленина служило для нас руководящей идеей в деле партийного строительства. А теперь т. Троцкий предлагает нам, по сути дела, порвать с организационной линией большевизма.

И, наконец, шестая ошибка т. Троцкого, выразившаяся в провозглашении им свободы группировок. Да, свободы группировок. Я помню, как еще в подкомиссии, вырабатывавшей проект резолюции о демократии, спорили мы с тов. Троцким о группировках и фракциях. Тов. Троцкий, не возражая против запрещения фракций, решительно отстаивал идею допущения группировок внутри партии. На этой же позиции стоит оппозиция. Эти люди, видимо, не понимают, что допущением свободы группировок они открывают щелочку для мясниковских элементов, облегчая им возможность обманывать партию и выдавать фракцию за группировку. Ибо какая разница между группировкой и фракцией? Только внешняя. Вот как определяет тов. Ленин фракционность, подводя ее под группировку:

„Еще до общепартийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружились некоторые признаки фракционности, т.-е. возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину".

Как видите, по существу тут нет разницы между фракцией и группой. Когда здесь в Москве оппозиция создала особое бюро, во главе с т. Серебряковым, и когда она рассылала своих ораторов, обязуя их выступать на таких-то собраниях, возражать так-то, и когда оппозиционеры в ходе борьбы вынуждены были отступать и меняли свои резолюции по команде, тут была, конечно, и группировка, и групповая дисциплина. Это, говорят, не фракция, но что такое тогда фракция, пусть объяснит т. Преображенский. (Преображенский с места: „Я скажу это в своем содокладе"). Выступления т. Троцкого, его письма, его статьи по вопросу о поколениях и фракциях толкают партию на то, чтобы партия терпела в своих недрах группировки. Это есть попытка легализовать фракции и, прежде всего, фракцию тов. Троцкого.

Тов. Троцкий утверждает, что группировки возникают благодаря бюрократическому режиму Центрального Комитета, что если бы у нас не было бюрократического режима, не было бы и группировок. Это немарксистский подход, товарищи. Группировки у нас возникают и будут возникать потому, что мы имеем в стране наличие самых разнообразных форм хозяйства — от зародышевых форм социализма до средневековья. Это, во-первых. Затем мы имеем нэп, т.-е. допустили капитализм, возрождение частного капитализма, и возрождение соответствующих идей, которые проникают в партию. Это, во-вторых. И, в-третьих, потому, что партия у нас трехсоставная: есть рабочие, есть крестьяне, есть интеллигенты в партии. Вот причины, если подойти к вопросу марксистски, причины, вытягивающие из недр партии целые элементы для создания группировок, которые мы должны иногда хирургическими мерами обрезать, а иногда в порядке дискуссии рассасывать их идейным путем. Тут не в режиме дело. Если бы у нас был максимально свободный режим, то группировок было бы гораздо больше. Так что не режим виноват, а виноваты условия, в рамках которых мы живем, условия, которые имеем в нашей стране, условия развития самой партии. Если при таком положении, при такой сложности да еще допустить группировки, мы загубим партию, превратим ее из монолитной, сплоченной единой организации в союз групп и фракций, между собой договаривающихся и устраивающих временные объединения и соглашения. Это будет не партия, это будет развал партии. Никогда, ни на одну минуту большевики не мыслили партию иначе, как монолитной организацией, высеченной из одного куска, имеющей одну волю и объединяющей в своей работе все оттенки мысли в одном потоке практических действий.

То же, что предлагает тов. Троцкий, глубоко ошибочно, идет вразрез с большевистскими организационными принципами и поведет к неизбежному разложению партии, к разрыхлению ее, к размягчению ее, превращению единой партии в федерацию групп. Нам в нашей обстановке капиталистического окружения нужна даже не только единая, не только сколоченная, но настоящая стальная партия, способная выдержать натиск врагов пролетариата, способная повести рабочих на решительный бой.

Каковы итоги? Первый итог в том, чтобы мы дали конкретную определенную резолюцию по итогам этой дискуссии, чтобы мы сказали: терпеть группировок и фракций мы не можем, партия должна быть единой, монолитной, нельзя противопоставлять партию аппарату, нельзя болтать об опасности перерождения кадров, ибо эти кадры революционны, нельзя искать щелей между этими революционными кадрами и молодежью, которая идет нога в ногу с этими кадрами и пойдет далее нога в ногу.

Тут есть также некоторые положительные выводы. Первый и основ-

ной вывод состоит в том, чтобы впредь партия решительно ориентировалась и равнялась по пролетарскому сектору нашей партии, чтобы зажать, сузить вход для непролетарских элементов или закрыть его вовсе, шире открыв двери для пролетарских элементов.

Что касается группировок и фракций, я думаю, что пришло время, когда мы должны предать гласности тот пункт резолюции об единстве, который, по предложению тов. Ленина, был принят X Съездом нашей партии и который не подлежал оглашению. Члены партии забыли об этом пункте. Боюсь, что не все помнят. Этот пункт, остававшийся до сих пор в секрете, должен стать явным и найти место в той резолюции, которую мы примем по вопросу об итогах дискуссии. Если вы позволите, я прочитаю. Он гласит:

„Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, Съезд дает ЦК полномочия применять в случае (—ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий, вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК—перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Условием применения (к членам ЦК, кандидатам ЦК и членам Контр. Ком.) такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК с приглашением всех кандидатов ЦК и всех членов Контрольной Комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым (перевод члена ЦК в кандидаты или) исключение из партии, то такая мера должна быть осуществляема немедленно".

Я думаю, что мы этот пункт должны внести в резолюцию об итогах дискуссии и сделать его открытым.

Наконец, один вопрос, который все время задается оппозицей и на который они не всегда, видимо, получают удовлетворительный ответ. Чьи, дескать, настроения мы, оппозиция, выражаем?—часто спрашивают они. Я думаю, что оппозиция выражает настроение непролетарского сектора нашей партии. Я думаю, что оппозиция, сама, бытьможет, того не сознавая, помимо своей воли, является невольным проводником настроений непролетарского элемента нашей партии. Я думаю, что оппозиция в своей безудержной агитации за демократию, которую она часто абсолютизирует и фетишизирует, развязывает мелкобуржуазную стихию. Знакомы ли вы с настроениями таких товарищей, как учащиеся Мартынов, Казарьян и пр.? Читали ли вы фельетон т. Ходоровского в „Правде", где он передал цитаты из речей этих товарищей? Вот, например, речь тов. Мартынова (он, оказывается, член партии): „наше дело постановлять, а дело ЦК исполнять и поменьше рассуждать". Речь идет здесь об ячейке вуз'а при НКПС. Но, товарищи, у нас всего ячеек в партии не менее 50 тыс.; ежели каждая ячейка будет так обращаться с ЦК, что дело ячеек решать, а дело ЦК не рассуждать, я боюсь, что мы никакого решения не получим никогда. Откуда это настроение у Мартыновых? Что тут пролетарского? А Мартыновы за оппозицию,—имейте это в виду. Есть ли разница между т. Мартыновым и т. Троцким? Разница лишь в том, что т. Троцкий открыл атаку на аппарат, а Мартынов его добивает. А вот вам другой вузист, т. Казарьян, тоже, оказывается, член партии. „Что у нас,—спрашивает он,—диктатура пролетариата или диктатура компартии над пролетариатом?" Это говорит, товарищи, не меньшевик Мартов, а „коммунист" Казарьян. Разница между т. Троцким и т. Казарьяном в том, что, по Троцкому, кадры перерождаются, а по Казарьяну, нужно прогнать кадры, ибо они сидят, по его мнению, на шее у пролета-

риата. Я спрашиваю: чьи настроения выражают тт. Мартыновы и Казарьяны? Пролетарские? Конечно, нет. Чьи же? Настроения непролетарских элементов партии и страны. Случайно ли то, что эти выразители непролетарских настроений голосуют за оппозицию? Нет, не случайно. (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, сейчас без четверти 10. Мы могли бы еще продолжать занятия. Первый записавшийся тов. Преображенский. Думаю, что т. Преображенскому придется продлить несколько время, поэтому проголосую. Кто за то, чтобы сегодня продлить заседание и дать высказаться т. Преображенскому, прошу поднять карточки. Кто против? Кто за немедленное закрытие собрания? Меньше. Тов. Преображенский имеет слово.

Преображенский. В виду того, что я не могу в 15 мин. сколько-нибудь связно изложить все то, что я имею сказать конференции, и в виду, как вы сами понимаете, архиважности этого вопроса, я очень просил бы вас о следующем: дать слово следующему товарищу, который будет говорить, и разрешить мне выступить с утра. Я не могу в 15 мин. сказать все. Иначе я должен буду отказаться.

Врачев. Я предлагаю дать т. Преображенскому слово в качестве содокладчика.

Председательствующий. Тов. Преображенский, как и тов. Пятаков, содоклада у президиума не просил. По статуту нашего съезда, 40 тов. имеют право просить содоклада. Тов. Врачев представляет, вероятно, большую оппозицию, но на конференции он только один, так что думаю, что мнение конференции такое, чтобы дать возможность т. Преображенскому высказаться. Сколько вам нужно?

Преображенский. Я прошу дать мне слово завтра утром. Товарищи, я же прекрасно понимаю, в каком положении мне приходится говорить, когда вся конференция устала.

Председательствующий. Сначала давайте решим о количестве времени, а потом хоть послезавтра. Сколько времени?

Преображенский. Я прошу 40 мин. завтра утром.

Председатель. 40 мин. Кто за 40 мин., прошу поднять карточки. Большинство. Теперь тов. Преображенский просит дать ему слово завтра. Голосую. Кто за то, чтобы сейчас т. Преображенский говорил? Кто за то, чтобы перенести его слово на завтра? Прошу голосовать карточками. Если большинство выскажется за то, чтобы тов. Преображенский говорил завтра, то мы должны будем сейчас закрыть заседание. Итак, голосую. Кто за то, чтобы т. Преображенский сегодня говорил? Кто за то, чтобы говорил завтра? Большинство.

Перед закрытием заседания оглашаю заявление т. Лутовинова, поступившее в президиум конференции:

В президиум Всесоюзной партийной конференции.

Сегодня тов. Харитонов перед перерывом заседания партконференции огласил от имени Уральской делегации заявление, в котором сообщил, что Лутовинов в своем выступлении исказил истину в области политики заработной платы на Урале.

Не желая полемизировать с тов. Харитоновым, привожу фактическую справку:

1. Областком партии на Урале своим постановлением воспретил всем хозорганам и союзам Урала заключать колдоговоры с двумя сроками исчисления зарплаты.

2. В отдельном случае (Пермский трест) договор был заключен в Москве и с участием ресурсов треста дал возможность установить

два срока исчисления зарплаты. Областком постановил отменить этот договор.

3. В связи с конфликтом в Гормете ВЦСПС, по соглашению с ВСНХ, вызвал представителей треста и союза для заключения договора в Москве. Областком выезд делегации в Москву запретил, даже после указаний, данных в телеграмме секретаря ЦК РКП. Лишь повторное категорическое предложение Областкому со стороны ЦК дало возможность представителям треста и союза выехать в Москву (процесс переговоров и переписка затянулись на 2 месяца, в течение которых договора в предприятиях не существовало); до отъезда в Москву Областком обязал в порядке партийной дисциплины подписать тарифное соглашение в червонном исчислении.

4. В то время, как исчисление заработной платы в товарном рубле было признано единственно правильным исчислением как пленумом ВЦСПС, так и тарифным совещанием и утверждено Центральным Комитетом,—Уральский Областком постановил обязать все союзы и хозорганы по всей промышленности Урала перейти на червонное исчисление.

Из этого может каждый сделать заключение,—кто извратил истину и ввел в заблуждение всю партконференцию.

С товарищеским приветом *Ю. Лутовинов.*

17/I—24 г.

Заседание закрывается.

Заседание четвертое.

(18 января 1924 года, дневное).

Лашевич (председательствующий). Объявляю заседание открытым. Слово имеет тов. Преображенский.

Преображенский. Товарищи, мы ничего не поймем в тех процессах, которые происходят в настоящий момент внутри нашей партии, если откажемся с самого начала поставить в связь все эти процессы с теми явлениями, которые происходят в нашей социально-экономической среде, происходят в междуклассовых отношениях. Наша партия имела очень хорошие традиции в этом деле,—она обыкновенно всегда, при каждом новом, сколько-нибудь крупном повороте, при каждом сколько-нибудь крупном событии внутри или вне нашей партии всегда ставила в первую очередь, на первый план оценку общего положения и после этого подходила уже по-марксистски к оценке положения внутри партии. Я поэтому не могу присоединиться к предложению т. Сталина—не касаться истории возникновения наших разногласий, потому что эта история тесно переплетена, тесно должна переплетаться с анализом всех тех процессов, которые у нас происходили в стране и прежде всего, в первую голову, в рабочем классе, т. е. в том классе, авангардом которого мы являемся. Поэтому я начну с этого конца свой доклад.

Товарищи, мы вступили в период нэп'а в 1921 г. Мы сделали совершенно единодушный поворот к новой экономической политике. Под руководством товарища Ленина мы прошли первый этап нэп'а, но с 1923 г. мы вступили в новый период нэп'а, относительно которого в нашей партии не должно быть никаких сомнений. В чем он заключается? Какие влияния он неизбежно будет развивать в дальнейшем в нашей партии из месяца в месяц, из года в год все больше и больше? В чем сущность этого нового периода? Сущность заключается в следующем: если раньше мы развертывали совершенно стихийно производительные силы в нашем хозяйстве, если мы распустили вожжи в нашей государственной промышленности, предоставили нашим трестам в рыночных условиях самим вывертываться из затруднений, в которых они очутились, если мы вообще стали на точку зрения развития производительных сил во всех формах хозяйства, так как было много простора для развития и нэповского капитала, и государственной промышленности, и мелкой промышленности и т. д., поскольку не сталкивались эти враждебные типы хозяйства—в этот период все дело шло в значительной степени самотеком. Но, тт., 1923 год является поворотным в этом смысле. Мы имели весной пер-

вые предвестники кризиса сбыта, мы имели весной, в марте—апреле 1923 года, совершенно ясные уже признаки расхождения „ножниц", исходя из которых т. Троцкий на XII Съезде и построил часть своего доклада. Таким образом, здесь мы вступили в новый период, и задача нашей партии состояла в том, чтобы во-время понять все тенденции этого нового периода и соответственно приспособить к ним нашу внутреннюю политику и политику внутри партии. И что же мы видим, какие отражения в партийных решениях это получило? Мы видим, что на XI партийном Съезде была принята резолюция о промышленности, которая учитывала этот процесс, учитывала своевременно. И что произошло дальше? Учли ли мы все те изменения, которые должны произойти в области внутрипартийной? Нет, не учли. Тов. Ленин както сказал, в связи с вопросом об единстве партии, что когда пройдет год-два после перехода на новую экономическую политику, тогда создастся новая обстановка. Я думаю, что т. Ленин, когда употребил выражение „год-два", правильно оценил положение, когда сказал: год, не два. А большинство из Политбюро ЦК понимает, что правильней было сказать: $2^1/_2$ года. Я думаю, что и т. Ленин не мог предвидеть те быстрые успехи, которые мы сделали в области промышленности. С этого момента растет постепенное расхождение внутрипартийной политики с задачами партии в обстановке нэп'а. Начал прекращаться процесс деклассирования, начал расти рабочий класс, на основе этого процесса мы должны были ослабить бюрократические тенденции во внутрипартийной работе, а не усиливать их. Мы расходились с процессом, который происходил в рабочем классе, и теми задачами, которые новая обстановка ставила перед нами. И в этом заключается основная ошибка, которая была допущена ЦК. Я об этих ошибках ЦК скажу несколько слов и дам их общую характеристику. С тех пор, как т. Ленин вышел из работы, ЦК сделал несколько ошибок, в том числе и крупных. Эти ошибки имеют одну общую черту, им можно дать одну общую характеристику. Эта общая характеристика в ошибках ЦК заключается в том, что ЦК не в состоянии был,—как он был в состоянии, когда в его среде был т. Ленин,—гораздо раньше предвидеть ряд тех или других процессов, стихийно назревающих, не мог раньше на них реагировать, делая нужные повороты. И делал повороты не таким образом, чтобы на полдороге не останавливаться. На ряде примеров я покажу это. Мы видим, что, в концеконцов, из состояния этой дремоты, бюрократического уюта внутри аппарата, этих единогласно принимаемых без обсуждения резолюций, которые идут сверху предрешенными, о чем писал т. Зиновьев, выводит нас окрепший рабочий класс своими забастовками. Иными словами, партия стихийно подталкивается к изменению своего курса. Это значит, что ЦК в этом основном вопросе, о рабочей демократии, извините за слишком избитое выражение, поступил несколько „хвостистски". Старые большевики знают, что это такое. Партию подталкивают стихийные процессы, а нужно, чтобы она их по возможности предвидела. Ведь, в этом состоит руководство. ЦК только в результате назревающего и появляющегося кризиса, который в нашей партии выявился, между прочим, и в форме нарывов (группа „Рабочей Правды", „рабочая группа"). ЦК только в результате этих процессов приходит к мысли о необходимости пересмотреть методы работы внутри нашей партии, не особенно торопясь с этим делом.

Что касается хозяйственных вопросов, дело обстоит совершенно так же. На XII Съезде мы приняли резолюцию по вопросу о промышленности, которая предвидела те процессы, которые потом обнаружились, она предвидела необходимость перехода на плановость. Однако, в области руководства дело осталось так же, как было до

этого времени, и лишь после кризиса, стихийного движения, ЦК партии пришел к необходимости уже более энергично стать на путь планирования в нашем хозяйстве. По крайней мере, об этом формально заявляется в резолюции, которая вчера принята конференцией.

Разрешите мне, товарищи, перейти к следующей ошибке ЦК, которую он допустил как-раз на пленуме ЦК и ЦКК в октябре. Я, товарищи, должен сказать, что для нас, подписывавших документ 46-ти, положение было уже совершенно ясно значительно раньше того момента, когда мы подписали этот документ. Мы считаем ошибкой, что не выступили раньше. Это могло бы иметь некоторые полезные последствия для нашей партии, если бы мы сделали это раньше. Во всяком случае, мы сделали ошибку, что выступили с этим документом только в октябре. Но при оценке этого документа вы должны были помнить, в каких условиях мы тогда находились,— в условиях растущего кризиса, пределов которого никто не мог предвидеть,—раз, при явном отрыве наших партийных организаций от рабочих низовых масс, что было вскрыто безжалостно этими забастовками, и, в частности, было с полной безжалостностью вскрыто в Москве. Все эти факты показали, какую цену имеет для партии законопослушный комитет, который прозевывает основные процессы, происходящие подчас в широких рабочих массах, который не дерется с Центральным Комитетом за свои предложения, если ЦК ошибается, и который не является сигнализатором надвигающихся осложнений.

Выступая с документом 46-ти, мы ясно и определенно ставили два основных вопроса: вопрос о переходе на рабочую демократию—раз, и вопрос о переходе к большей плановости в системе нашего хозяйства—два. Прежде всего я должен категорически протестовать против одного совершенно недопустимого искажения, которое в связи с этим документом было допущено не только на московских собраниях, но и в официальном документе Политбюро. На 34-й странице розданной вам брошюры вы читаете: „Заявление 46-ти, повторявшее в общем „письмо" тов. Троцкого и известное тов. Троцкому до внесения его в ЦК, говорило, что ЦК „ведет партию и страну к гибели". Приведена цитата в кавычках. Этих слов нет в нашем документе. Нельзя же в официальном документе допускать такие искажения! На собраниях члены ЦК везде приводили эти слова, как слова из нашего документа. Мы на собраниях выступали и не могли прочесть этот документ потому, что его было запрещено читать (смех), и не могли опровергнуть, что в нашем документе этого нет. В документе 46-ти мы ставили два вопроса: о рабочей демократии—раз, и о переходе на плановость—два. Мы по вопросу о рабочей демократии внесли определенную резолюцию на пленум. Для того, чтобы было ясно, о чем шел разговор на пленуме ЦК и ЦКК в октябре, если рассуждать политически, а не формально, дело шло вот о чем. По вопросу о рабочей демократии мы предлагали ЦК и пленуму ЦКК принять резолюцию, шесть пунктов которой я вам сейчас прочту. Вот что гласит эта резолюция:

„Для проведения в жизнь резолюции X Партсъезда о партийной работе и для действительного осуществления принципов рабочей демократии в нашей партийной жизни необходимо провести в жизнь следующие меры:

1) Необходимо реальное проведение в жизнь ряда резолюций о вовлечении в активную работу партийной периферии, которая должна стать не только передаточным аппаратом от высших партийных органов к рабочим массам, но и той средой, где на основе связи с последними, вырабатывается партийное и общественное мнение.

Необходимо широкое обсуждение всех важнейших вопросов

внутрипартийной, политической и хозяйственной жизни во всех партийных организациях с допущением постановки на обсуждение волнующих партию вопросов не только по рекомендации парткомов, но и по инициативе самих ячеек, а также отдельных товарищей.

2) Необходимо обеспечить свободу выражения партийного мнения, как индивидуального, так и коллективного.

Необходимо снять фактический запрет на дискуссию, являющуюся основной формой внутрипартийной критики, в частности оживить в этом направлении партклубы и партийную прессу.

3) Необходимо обеспечить действительный постоянный контроль со стороны общественного мнения партии над работой руководящих органов путем систематической отчетности парткомов перед низовыми ячейками и общепартийными собраниями.

4) Необходимо прекратить практику назначения сверху руководителей парторганов и восстановить всегда существовавший в партии принцип выборности исполнительных партийных органов и должностных лиц.

5) Необходимо прекращение существующей системы подбора работников не только по степени их пригодности на ту или иную работу, но по степени их законопослушания, что порождает в партии отрицательные явления в роде прислужничества и карьеризма.

В целях борьбы с теми же нежелательными явлениями необходимо в корне изменить работу аттестационных комиссий.

6) Необходимо пересмотреть те переброски, которые были совершены по соображениям борьбы с инакомыслящими товарищами, и отмена тех из этих перебросок, которые были и остаются особенно вредными для дела".

Вот, товарищи, шесть пунктов, которые мы внесли на пленум ЦКК и ЦК. Я вас спрашиваю: разве эти пункты в более полной, в более определенной, в более резкой формулировке не внесены в документ от 5-го декабря? Почему же надо было при голосовании этого документа отвергнуть его всеми голосами против одного или двух, при 5—6 воздержавшихся? В чем дело? Почему пленум ЦК и ЦКК не принял нашего предложения? Оно заключалось в чем? Мы, подписавши документ 46-ти, выразили наши опасения в связи с политикой ЦК. Мы говорили ЦК: давайте обсудим создавшееся положение, выслушайте нас, выслушайте наши предложения. Нас пригласили, 12 человек, выслушали, и цитированное предложение подавляющим большинством, почти единогласно, было отклонено, и вынесена была длинная резолюция всяческого осуждения нас. Разве, товарищи, таким образом должен был реагировать ЦК партии на предложение, которое исходит от ряда ответственных товарищей, большевистский партийный стаж которых, этих „46", не меньше, чем партийный стаж всего Центрального Комитета? Разве можно таким образом относиться к предложениям ответственных членов партии, когда в партии происходит волнение, когда назревают кризисы, когда всякий уважающий себя большевик, если он видит их и действительно хочет быть достойным звания коммуниста и большевика, должен притти в ЦК и сказать: вот у меня какая тревога, вот в чем я вижу выход из создавшегося порядка. Когда в октябре пленум ЦК и ЦКК отверг резолюцию и вынес резолюцию, осуждающую нас, отверг наше основное предложение, которое мы тогда внесли, то он отказался от возможности провести весь переход к новому курсу без взбудораживания партии путем дискуссии сверху. Это была основная мысль всех наших речей. Мы говорили на этом пленуме, что положение такое, что мы не можем отсрочить этой меры, потому что мы не будем достаточно боеспособными в этих архитрудных условиях. А с другой стороны,

не могли тогда допустить дискуссии по этому поводу, потому что это несвоевременно. ЦК отвергает такую постановку вопроса, и это была вторая ошибка.

Дальше ЦК отверг и самую постановку вопроса относительно усиления плановости в хозяйстве, называя выступление наше академическим, гимназическим и т. п., с тем, чтобы потом то, что мы предлагали, на три четверти принять в своей резолюции,— тоже в порядке кризиса и хвостизма.

Мы предлагали ЦК не в порядке паники, не под давлением снизу проделать этот переход, а проделать его сверху наиболее организованно и быстро. ЦК отверг такую постановку вопроса тогда, и дальше события развивались стихийно, совсем так, как мы об этом говорили и об этом предупреждали ЦК нашей партии.

В ответе членов Политбюро тов. Троцкому есть следующее место: „Мы переживаем „быстро нарастающий кризис партии". Это т. Троцкий считает уже чем-то само собой разумеющимся и не нуждающимся в доказательствах". Это, товарищи, писалось в то время, когда мы предупреждали, что кризис партии при старом курсе неизбежен, а товарищи из ЦК с оптимизмом, который у нас с уходом тов. Ленина прогрессирует в ЦК и при оценке положения,—с оптимизмом, который является очень опасным для нашей партии, утверждали, что ни о каком кризисе не может быть и речи. А во время этой дискуссии мы слышали целый ряд заявлений от членов ЦК: партия переживает кризис, партию треплет лихорадка и т. д. Это говорилось в декабре, а в октябре категорически отрицалась и самая мысль об этом. Можно ли такую степень непредвидения допускать?

Как пошло дело дальше? Выступает тов. Зиновьев со своей статьей, которая кладет начало дискуссии в нашей партии. После этого появляется целый ряд откликов с мест на эту статью. С другой стороны в Москве начинается обсуждение этого вопроса по районам. Тов. Зиновьев в Свердловском университете мог убедиться совершенно неожиданно в росте оппозиции против старого курса.

Тов. Каменев выступает в Баумановском районе с докладом, а резолюция, которую мы предлагали, собирает все голоса собрания против шести.

Тов. Сталин убедился в наличии тех же настроений. Таким образом, товарищи из Центрального Комитета убедились в том, что дело серьезное, и дальше все начало развиваться стихийным образом. Члены ЦК находят момент абсолютно назревшим, чтобы на волны начавшего уже в столице бушевать партийного общественного мнения выбросить документ от 5-го декабря. Это решение могло бы быть принято еще раньше, оно могло быть принято в октябре, когда можно было произвести весь этот переход с гораздо меньшими потрясениями. Но благодаря тому, что и здесь ЦК дожидался толчка снизу, и здесь в связи с этой дискуссией обострилось положение. Как происходит дальнейшее развитие событий? Здесь, в Москве, мы могли выступать и за, и против всех предложений, и Московская организация в максимальной степени имела возможность услышать все точки зрения и дать оценку всех предложений и мнений. Но что касается провинции, этого не было. А в отношении к провинции огромное значение играли информация „Правды" и те лозунги, которые с самого начала дискуссии были выброшены центральным органом нашей партии. Здесь огромное значение имеет вот какой вопрос. Когда возникает дискуссия, ЦК несет огромную ответственность в одном отношении, какие лозунги даст он этой дискуссии, как определить положение, как охарактеризовать начавшееся внутри партии движение. От этого зависит все в дальнейшем. И вот мы видели, что Центральный Ко-

митет партии, который находился в порядочной панике по поводу того, что произошло в Московской организации, выбрасывает лозунг, который в дальнейшем сыграл архиотрицательную роль во всем обсуждении, который запугал партию, который не дал возможности совершенно объективно разобраться во всем том, что в партии случилось, и который в сущности сам по себе повлек за собою ряд второстепенных ошибок, которые наделаны внутри нашего ЦО и внутри наших партийных провинциальных органов. Это был очень большой, важный, ответственный момент, как оцените нас вы. По вопросу о том, как определить социальную подпочву того, что называется оппозицией, существует большая путаница мнений. Поскольку же дело идет об основном полемическом лозунге, Центральный Комитет выбросил лозунг, что оппозиция — это есть меньшевистский уклон, и этот самый полемический лозунг был выброшен для того, чтобы как можно легче и скорей разбить оппозиционное настроение внутри партии. Этот лозунг, который не имеет ничего общего с тем, что фактически происходит, который представляет собою совершенно недопустимый полемический прием,—этот самый лозунг потом воспринимался так, как воспринимаются все директивы Центрального Комитета внутри нашей партии. Я считаю, что в этот момент, в момент паники, которая была внутри Центрального Комитета, ЦО подвергал артиллерийскому обстрелу оппозицию в совершенно недопустимых формах, которые ни перед одним съездом нашей партии не практиковались. Все это повлекло за собой обострение борьбы. И совсем не так развиваются дальнейшие события, как т. Сталин изобразил. Он заявил, что после издания документа 5-го декабря почти никаких расхождений с оппозицией не осталось. Я совершенно к этому не присоединяюсь. Если брать документ от 5-го декабря, у нас почти-что никаких разногласий нет, если не считать пункта об утверждении секретарей, который формулирован не совсем в духе рабочей демократии. Но основное, конечно, заключалось в том, каким образом мы дальше будем работать вместе. Тов. Сталин здесь приводил в качестве примера мою резолюцию, которая была предложена в Колонном зале, и выразил здесь удивление (не знаю, всерьез или в шутку), почему она не была принята. Я должен сказать, что это как-раз и характеризует создавшееся положение вещей. Ибо после этого документа уже имелось, — вследствие директивы, данной центральным органом,—такое отношение к товарищам из оппозиции, которое их сразу поставило, как другую сторону в этом споре, т.-е. это называется постепенным загонянием в группировку со стороны Центрального Комитета части партии, не желающей туда итти. Вот что произошло. И вот, товарищи, все дальнейшее, что произошло, было только логическим развертыванием этого начала.

Общая характеристика ошибок Центрального Комитета такова: в отсутствие т. Ленина Центральный Комитет партии проявляет очень большую консервативность, недостаточный учет назревающих в партии процессов и в то же время некоторую робость в своевременном принятии тех или других назревающих решений.

Основное в политике Центрального Комитета—его консервативность, боязнь новых постановок вопросов, его боязнь провести новый назревший поворот раньше, чем стихия заставит это сделать. А потом неизбежно проведение поворотов стихийным порядком, т.-е. в порядке некоторого беспорядка. Такие обстоятельства сопровождали переход к новому курсу.

Следующий вопрос, который вы должны рассмотреть,—это вопрос о том, как дальше складывались отношения в нашей дискуссии

Итак, был брошен лозунг: „уклон к меньшевизму“. Потом этот лозунг был развит.

Дальше появляется открытое письмо тов. Троцкого. По этому вопросу ЦК должен был делать не то, что он делал. Здесь он сделал ошибку, вредную для партии, — ошибку, последствия которой мы в настоящее время недостаточно еще можем учесть. Если ЦК считал, что тов. Троцкий нарушил соглашение, выступив с таким комментарием резолюции от 5-го декабря, то ЦК должен был чисто-формально выйти из создавшегося положения, собрать Политбюро и вынести формально решение по этому вопросу и поставить об этом в известность партию. Мы видим, как события здесь развертываются стихийно. Выступает с письмом тов. Сталин. Никто не знает, выступает ли он в качестве секретаря ЦК, или просто как старый большевик. Далее, начался процесс известного совлечения одежд заслуг со многих членов ЦК, накопленных на протяжении последних 6—7 лет. Вслед за выступлением тов. Сталина стали совлекать одежды с других членов ЦК, напоминать им Октябрь и т. д. В результате получилось общее дискредитирование членов ЦК поодиночке. Зачем это надо было делать? Разве вы не могли решить этот вопрос в порядке формального постановления со стороны ЦК? Вы должны были это сделать, а вы вместо этого пошли в рукопашную — один член ЦК с другим — и поставили партию перед серьезными осложнениями в этой дискуссии. То, что было сделано со стороны ЦК, было ошибкой; последствий и здесь он не предвидел.

Перехожу к основной ошибке, которую Политбюро допустило персонально по отношению к т. Троцкому. У меня мало времени, чтобы ответить по существу целого ряда других вопросов, которые здесь возникают. Я считаю основной ошибкой, допущенной Политбюро персонально по отношению к т. Троцкому, то, что ЦК в нашей большевистской среде третирует т. Троцкого, как чужака. При таком отношении невозможна совместная работа. Это надо ясно и твердо понять, потому что в нашей партии по отношению к товарищам, которые играют исключительную роль, и которые нужны для нашей партии, должно поступать, не как членам Истпарта, а как политическим деятелям, руководителям партии, поступать так, как поступал в аналогичных случаях т. Ленин. Здесь мы видим в гораздо большей степени стихию чувств и воспоминаний, чем политический расчет вождей партии, которые должны знать, что они в этом вопросе должны ставить на первый план политический интерес. Тов. Ленин в письме (почему-то до сих пор неизвестном партии) относительно нац. вопроса сказал, что озлобление в политике является самым последним делом. И здесь мы имели перед собой стихию, породившую тот тон, которым проникнута розданная вам брошюра. Он на рядовых членов партии должен был бы произвести тяжкое впечатление. Создавшееся здесь положение привело к тому, что товарищи делают основную, грубейшую ошибку, которой не допустил бы тов. Ленин.

Следующий вопрос, затронутый дискуссией, — это вопрос относительно большевизма и меньшевистского уклона в организационном вопросе. Здесь должна быть полная ясность. То, что было предпринято с полемическими целями, идет целиком вразрез с историей всей нашей партии. Мы должны ясно поставить вопрос: для чего мы в настоящий момент апеллируем к партийному прошлому в полемических целях? Товарищи силятся повторением слова „ленинизм“ доказать, что бюрократизм в нашем аппарате в 1923 г. можно оправдать ссылкой на историю нашей партии. А я говорю, что история нашей партии является решительным осуждением всякого бюрократизма. Какой бюрократизм мы имели в подпольных организациях? Никакого. Когда

начал нарастать бюрократизм? В период военный—раз, и расцвел вполне в период нэп'а—два. И этот короткий период в истории нашей партии многие из товарищей, консервативно мыслящих и действующих, возводят в идеал в смысле внутренней организации нашей партии, совершая тем самым полное извращение исторических перспектив. Мы должны отвергнуть все это, как клевету на большевистскую партию, как проявление аппаратного консерватизма, с которым необходима решительная борьба. Оставить вопрос на уровне этой политики совершенно невозможно. Подойдем глубже к вопросу, поставим вопрос об истории нашей партии в действительном ее освещении,—и мы, старые большевики, не стоящие за бюрократизм в 1923 году, докажем, какое здесь противоречие. Большевизм по самой своей природе противоречит бюрократизму. Он связан с массами, он активен и действенен, часто меняет тактику, он не может допустить того постепенного окостенения, которое начало намечаться в аппарате партии. Аппарат прекрасно налажен в смысле выполнения предписаний сверху и т. д.

Коссиор. А Кронштадт?

Преображенский. Тов. Коссиор, нельзя делать такие сравнения! Таким образом, бюрократизм антибольшевичен, противоречит существу структуры нашей партии. А когда с нами ведут борьбу при помощи такой аргументации, то все это имеет только один смысл: вы приводите всю историю нашей большевистской партии для того, чтобы оправдать и защитить несколько десятков или сотен бюрократов в нашем аппарате. Так вы ставите вопрос.

Тов. Ленин учил нас: ни одной истины не бери отдельно, изолированно от остального. А применительно к вам теперь это значит: то, что является истиной в ваших утверждениях, взятых самих по себе, то может защищать неверную позицию практически. Вот пример. Мы костяк нашей партии подбирали одновременно и сверху, и снизу. Это совершенно правильно. Был двойственный процесс. Но когда его извлекают с тем, чтобы в 23 году оправдать несколько сот бюрократов, а тем самым и усилить разрыв с массами, мы выступаем против такого способа проведения нового курса. Я утверждаю, что вся провинция была запугана насчет единства партии, насчет раскола, который на самом деле грозит партии гораздо больше со стороны большинства ЦК, чем со стороны кого бы то ни было другого. За 6 лет в нашей партии ни одна группа из партии не выходила. И совершенное безумие думать, что кто-то может выйти из партии. Вопрос об единстве партии поставлен таким образом, как-будто мы собой представляем раскольников. Такой постановкой вопроса вы, в сущности говоря, ввели в заблуждение всю нашу провинцию, напугали всю нашу партию.

Теперь я перехожу к последнему вопросу, к вопросу относительно партийных перспектив. И здесь для нас совершенно ясно, что назревает новая ошибка, которую хочет сделать ЦК и к которой конференция *ни в коем случае не должна присоединяться*. Ошибка эта заключается в следующем. Почему произошел процесс нашего отрыва от рабочей массы? Потому, что мы в процессе развития нэп'а имели самотеком развивающееся хозяйство, а внутри наших партийных организаций нарастал бюрократизм, — тот бюрократизм, то постепенное приспособление нашей партии и наших партийных организаций к советскому государственному аппарату, о котором говорил и т. Сталин. И если т. Сталин настаивает здесь на том, что он сказал здесь (против первой части его доклада почти нечего возразить), а именно, что наша партия, которая создала из своего партийного централизма централизм государственного аппарата, а потом

сама подверглась постепенному перерождению под давлением этого аппарата, — а это абсолютно верно, — то я предупреждаю вас, что та политика, которую вы в настоящий момент ведете по отношению к так называемой оппозиции, вас снова приведет к тому самому положению, из которого мы вышли. Это совершенно неизбежно по логике всех крупных массовых движений. Почему так произойдет? Это произойдет вот почему. Если конференция согласится опубликовать тот пункт в резолюции, о котором говорил т. Сталин, если она согласится выдвинуть эту пушку, которая будет формально направлена против оппозиции, а по существу против документа 5-го декабря, против действительных усилий сделать поворот к новому курсу и к внутрипартийной демократии, которую, разумеется, никто из нас не фетишизирует, тогда получится то, что мы снова загоним партию в обстановку молчания и в мертвый штиль. Когда каждый выступающий будет расцениваться как оппозиционер, хотя бы он никакой связи — даже идейной — не имел с оппозицией, когда он будет квалифицироваться с точки зрения того, подходит ли или не подходит к нему в той или иной форме этот документ, то мы загоним партию в обстановку мертвого штиля, а осуществление тех задач, которые поставлены перед партией резолюцией 5-го декабря, будет отодвинуто на неопределенный срок. Отрыв от рабочих масс и рабочих низов нашей партии, который произошел, не будет ослабевать, наоборот, он будет усиливаться. Тов. Зиновьев на ряде собраний анализировал состав нашей партии, указывая на огромную специализацию и на слишком пестрый ее состав в разных отношениях. За предыдущий период создалось такое положение, при котором 18.000 членов нашей партии, — товарищей, входящих в аппарат, минус те, которые не играют ответственной роли, в порядке этой самой специализации оказались ответственными за всю партию, за все организации. В результате получился их отрыв от остальной массы не только рядовых, но и ответственных членов партии, которые работают в других областях. Это — вреднейший процесс, который будет усиливаться, а не ослабевать, потому что линия, которую вы наметили для борьбы с оппозицией, неизбежно, автоматически к этому ведет. Мы имели целый ряд фактов, которые показывают, что ЦК вступил на тот путь, который ведет неизбежно, к срыву нового курса.

Сталин. Этот пункт принят на X Съезде.

Преображенский. Я не возражаю против того, что он принят на X Съезде, и что партия этот пункт должна принять к сведению. (Смех). Я возражаю против того, что вы опубликовываете этот пункт в определенный момент — в январе 1924 года — с определенной целью. Тов. Сталин, вы — искусный политик, вы должны прекрасно понимать, какой смысл это имеет против определенной части нашей партии, которая выполняла необходимые функции в партии, предупреждая от опасностей старого курса. Это — определенное орудие, и им вы запугиваете всю партию целиком. Вы отбрасываете партию на старые позиции. Я на партийных собраниях многое вижу, много выступаю, получаю много записок от рабочих от станка; пишут люди, наблюдающие процессы в партии, а вы, если их и видите, то неправильно оцениваете положение внутри партии. ЦК партии, выдвигая артиллерийское орудие, начинает политику смещения в тот момент, когда это смещение носит характер исключительно механического подавления общественного мнения известной части партии. Вы снимаете товарища Мрачковского из Самары, вы снимаете Антонова-Овсеенко. Это есть признак, что вы начинаете с конца, с перебросок; это — то самое „оздоровление“, которое поставило нас перед стачками в июле и в августе, и поставит перед новыми пар-

тийными кризисами. Мы говорим об этом совершенно открыто. Резолюция от 5/XII не сможет быть проведена в партии при этом режиме. Мы должны иметь перед собою ясную перспективу. (Ломинадзе: „Что же вы предлагаете?“). Мы предлагаем выполнить резолюцию от 5-го декабря. Кроме этого, мы предлагаем осуждение всех методов борьбы, проявленных во время этой дискуссии, которые означают борьбу бюрократов в нашем аппарате с ростом и развитием нашей партии.

Председательствующий. Слово имеет тов. Ломинадзе.

Ломинадзе. Товарищи, перед X Съездом партии у нас также развернулась широкая дискуссия по вопросу о профсоюзах и партстроительстве. Тогда, три года тому назад, мы имели, по крайней мере, в Москве тринадцать платформ, если не ошибаюсь. Тогда тов. Ленин говорил: столько платформ, что я не успеваю ознакомиться с ними. На X Съезде партии мы сумели определить социальную подпочву каждой платформы, сумели дать характеристику каждой платформе, ее политическое и социальное содержание. Так, например, одна платформа о профсоюзах была охарактеризована, как бюрократическое дергание союзов. Платформа демократического централизма получила неприятный ярлык от тов Ленина: „Самая беспринципная платформа“. Платформа т. Шляпникова получила ярлык анархосиндикалистского уклона. И партия здесь могла определить, какое место занимает в нашей партийной системе та или другая платформа. Сейчас не то. Теперь мы не слышим никаких определенных предложений, которые защищались бы до конца. И сегодняшняя речь тов. Преображенского кончилась тем, что он предлагает проводить резолюцию от 5-го декабря и осудить кого-то, кто не хочет ее проводить. Это говорит за то, что у нас нет оппозиции с ясными, определенными предложениями. Тов. Преображенский жаловался, что существует порядочный разброд в определении социальной подпочвы оппозиции. Конечно, он будет существовать, если сегодня вы предлагаете товарную интервенцию и максимальную прибыль, и это определяется, как кулацкая эсеровская позиция или младо-эсеровская, как говорил т. Ларин, если завтра вы выдумываете что-нибудь новое, и тогда выдвигается новая характеристика этого нового положения. Оппозиция характеризуется чрезвычайным разбродом в своих предложениях. По экономическим вопросам, как уже говорилось здесь, между различными представителями существуют разногласия. Но они, во всяком случае, друг против друга не выступают, хотя и имеют кардинальные принципиальные разногласия. Зато нет ни одного антипартийного выступления, которое встретило бы отпор со стороны кого-либо из оппозиционных групп. В Одессе, при участии грузинских уклонистов, было принято предложение о выборности политсостава и чуть ли не о выборности командного состава в армии. Встретило ли это предложение, которое официально зафиксировано, отпор со стороны хотя бы тов Преображенского или тов. Антонова-Овсеенко, как военного работника? Нет, мы не слыхали этих возражений. Выступление тов. Мартынова и целый ряд антипартийных выступлений, которые имели место и которые отрицать никто не может, не встретили осуждения со стороны хотя бы одного из главарей оппозиции. Единственно тов. Троцкий обмолвился в письме насчет вульгарного демократизма, при чем сразу нельзя было понять, к кому это относится. Но никто из вождей оппозиции против грязи и помоев, которыми обливают партию, ни единым словом не обмолвился. И получается такая вещь, что, не имея собственных предложений, тт. Сапронов, Преображенский, Пятаков и другие объединяют все течения и группы, которые подымаются сейчас против руководящего органа нашей партии. Возможно, что-нибудь здоровое имеется в предложениях той или другой группировки. Но

когда все виды оппозиции объединяются под руководством Сапронова, Преображенского и др., то мы имеем дело с новой формой внутрипартийной борьбы. До революции этого не было. Да и во время революции это небывалая вещь, чтобы оппозиция не сумела выдвинуть ясной платформы, а просто объединяла бы всех, кто идет на разгром партийного аппарата, на реорганизацию партии в меньшевистском стиле.

Характернейшим примером в этом отношении является выступление грузинских уклонистов. Товарищи, если Питер считается как бы рабочей обсерваторией, если по Питеру можно определять, каково настроение рабочего класса в России, то я думаю, что Грузия становится обсерваторией для определения состояния мелкобуржуазного населения в нашей стране. В Союзе Республик мы имеем только отдельные рабочие центры. А остальное что такое?—Это Грузия, Армения, Азербейджан, Туркестан,—вот что является для этого Союза наиболее характерным. Там не пролетарский уклад Питера. Что у нас случилось в Грузии?—А то, что явно националистическое, мелкобуржуазное течение в нашей партии выступило в дискуссии и целиком подписывается под любыми антипартийными выступлениями оппозиции. Вначале оппозиция ухватилась за тов. Преображенского. Первая статья тов. Преображенского послужила для нашей грузинской оппозиции платформой. После выступления тов. Сапронова—ухватились за Сапронова; после выступления тов. Троцкого—организовались вокруг Троцкого и т. д. Помещались отдельные демагогические письма в первые недели дискуссии в „Правде", присоединялись к этим заявлениям, лишь бы только выступления были направлены против линии нашей партии. Наши грузинские уклонисты целиком с ними солидаризируются, и для нас не могло быть сомнения в том, что Буду Мдивани—„известный демократ"—будет здесь выступать в Москве защитником демократии. (Смех). Товарищ Буду Мдивани вам всем очень хорошо известен здесь, в Москве, по своим выступлениям, а провинциальным делегатам известен по рисункам в „Крокодиле", где он изображен с тремя ручками в кармане жилета.

Разрешите, товарищи, мне несколько слов сказать о грузинских уклонистах. Тов. Ленин определял уклон, как неособенно опасное явление. Он говорит, что это—только попытка встать на внепартийную линию; но если эта попытка продолжается два года, то это уже превращается из уклона в определенную внепартийную линию.

Наши грузинские уклонисты имеют свою совершенно определенную линию во всех вопросах политики. По вопросу об иностранной политике они держатся такого же взгляда, как и здесь некоторые из оппозиции,—ориентация на дешовый товар. Когда в Грузии шел спор о том, объединить ли нам наш рынок с российским, или нет, они тогда заявили: „Мы ориентируемся на дешовый товар",—это означало ориентацию на константинопольский рынок. По вопросу о меньшевиках они отличаются необыкновенной мягкостью в тактике, они были против террористических способов борьбы с меньшевиками, против жестоких репрессий. По вопросу о земельной политике они говорят: „Не смейте плебейски отбирать землю у помещиков", и потому в продолжение полутора лет крестьяне не получили помещичьей земли, так что нам потом, на втором и третьем году Сов. власти, пришлось по-мужицки всех дворян и князей вышвырнуть вон. По национальному вопросу—за самостоятельность Грузии без всякого союза, и только потом делается уступка в том смысле, что необходимо войти в Союз Республик, разрушив, однако, предварительно Закавказскую федерацию. Если вы возьмете какой-угодно политический вопрос, хотя бы вопрос идеологии, то вы увидите, что идеология грузинских уклонистов носит

явно эсеровский оттенок. Они утверждают, что грузинские крестьяне ничуть не хуже пролетариев, и что можно, опираясь только на грузинских крестьян, строить партию и проводить партийную политику. Это явно выраженная националистическая мелкобуржуазная группа, и она целиком и полностью растворяется в оппозиции Преображенского, Сапронова и других. Но спрашивается: что общего между т. Сапроновым и Буду Мдивани, между их требованиями хотя бы в национальном вопросе? Я думаю, что ничего общего нет, и если будет режим Сапронова в партии, то первый Буду Мдивани завоет от этого режима так, как ему никогда еще выть не приходилось, потому что знаем мы и товарища Сапронова и других вождей оппозиции, как они смотрят на национальный вопрос, когда приходится в дело претворять этот вопрос, а не только говорить о нем во фракционной дискуссии. Так вот, товарищи, это слияние всех антипартийных течений в один поток и представляет новое в нашей партии,—это есть бунт мелкобуржуазных слоев в нашей партии против пролетарской политики, против пролетарского ядра в нашей партии.

Иначе никоим образом эту оппозицию понять нельзя. Иначе, если мы будем брать отдельные положения, отдельные выступления,—один смотрит так, другой этак, но все сливается в одно цельное движение, направленное против партии.

Здесь товарищи вышучивали заявление Бухарина о том, что в 18 году левые эсеры предлагали левым коммунистам совместно свергнуть правительство Ленина, вышучивали,—это, дескать, анекдот и никакого правдоподобия здесь нет. Но, товарищи, теперь мы имеем свежие факты, к чему приводит фракционная борьба. За последние годы у нас идет разложение меньшевиков необычайно быстрым темпом. Вся рабочая часть меньшевистской партии давно ушла от меньшевиков, даже ее мелкобуржуазная часть разлагается. И вот один из сидящих в Суздальском монастыре меньшевиков пишет бывшим своим товарищам письмо, в котором он убеждает их вернуться в лоно меньшевизма. В письме мы читаем: „Кроме того, тень сомнения на вашу искренность накладывает то обстоятельство, что вы сделались такими правоверными коммунистами, при невероятно жестокой диктатуре монопольной коммунистической партии, да еще уже в то время, когда спор между марксизмом и большевизмом окончательно решился в пользу первого; когда другой спор, или вернее тот же спор, но в маленьком масштабе и, так-сказать, в грузинском национальном разрезе, тоже с такой очевидностью оправдал правильность социал-демократического прогноза, что вся, даже грузинская компартия, вся ее так-наз. старая гвардия с ужасом прозрела. И вот со стороны трудно верится, уважаемый Арчил, что именно в тот момент, когда Махарадзе, Мдивани, Кавтарадзе, Цинцадзе, Сванидзе, Квиркелия, Окуджаве, Торошелидзе, Цивцивадзе, Тодрия, Калантадзе и т. д. (словом, подавляющее большинство грузинских коммунистов) „националистически“ ослепли, чтобы как-раз в этот момент вы прозрели коммунистически и увидели те блага национального освобождения, которыми наделило Грузию русское коммунистическое правительство“.

В другом месте письма говорится, что эта часть—лучшая в компартии. Меньшевики прямо называют их лучшими коммунистами, но, товарищи, это еще ничего. Нам могут сказать, что мы не имеем права к этому придраться, как говорили тогда, когда оппозицию начали расхваливать в „Руле“. Но имеется еще документ, который гораздо более убедителен, чем другой. Он принадлежит перу виднейшего меньшевика Девдариани. Его должны здесь многие знать: он работал на Украине под кличкой „Сан“.

Кстати сказать, если мы были оторваны от рабочей массы,—а

в Грузии, я должен сказать, мы особенной демократии в сравнении с тем, что имеется здесь, никогда не имели,—если бы наша партийная линия, не отличавшаяся от той, которая проводилась здесь, была бы в корне неправильна, каким образом могли бы мы отвоевать от меньшевиков 12-тысячную рабочую массу? Почему не произошло обратного? Товарищи, как это могло случиться, если бы наш аппарат был сплошь бюрократический, а партполитика никуда не годной?

Но вот что пишет Девдариани: „Для укрепления позиции в этом вопросе (в вопросе о борьбе против федерации) еще до приезда тов. Хомерики наш ЦК получил сведения, что грузинские коммунисты, так-наз. уклонисты, сильно боролись против федерации. Мы сочли нужным войти в переговоры с уклонистами, подослав к ним какого-либо общественного деятеля. Тов. Хомерики, по приезде узнав об этом, заявил, что нужно найти общий язык с уклонистами и итти на большие уступки".

Вот заявление члена Центрального Комитета меньшевиков, заявление председателя этого ЦК, который говорит в то же время, что этот ЦК меньшевиков, который должен был итти на соглашение с уклонистами, подготовлял против нас офицерско-дворянское восстание и одновременно готовил интервенцию из-за границы. Вот какова логика фракционной борьбы. Наиболее контр-революционная бандитская партия пытается найти общий язык с фракцией в нашей партии. Мы пока не слыхали от уклонистов, чтобы к ним приходили какие-нибудь „общественные деятели", мы, конечно, в ЧК за сведениями об этом не рылись, и во всяком случае думаем, что со стороны уклонистов предложение меньшевиков вызовет решительный отпор. Вот почему мы думаем, что заявление Бухарина, смысл его, остается в полной силе. Разрешите теперь оставить грузинских уклонистов и перейти к другому вопросу, который и меня интересует, как „родового аппаратчика".

Товарищи, тут сборник тов. Троцкого „Новый курс" со статьей о бюрократизме. В тезисах о бюрократизме имеются заявления, которые пока еще не встретили никакого отклика в нашей партийной печати, но которые, например, мне лично представляются совершенно неправильными. Здесь говорится следующее относительно фабрично-заводских ячеек:

„Фабрично-заводские ячейки по классовому составу своему являются, разумеется, коренными. Но тот факт, что они составляют одну шестую часть партии, и что наиболее активные элементы партии изъемлются из них и вводятся в партийный или государственный аппарат, не позволяет партии пока еще, к несчастию, опираться только, или даже преимущественно, на производственные ячейки. Рост этих последних будет надежнейшим измерителем успехов партии в области промышленности и вообще хозяйства и, вместе с тем, лучшей гарантией сохранения ее пролетарского характера. Но вряд ли можно надеяться на их быстрый рост уже в ближайшее время. Партии придется, следовательно, в ближайший период обеспечить свое внутреннее равновесие и свою революционную линию, опираясь на ячейки разного состава".

Товарищи, я, признаться, в нашей партийной литературе не встречался с такой мыслью. Если здесь имеется в виду указание, что у нас, кроме рабочих ячеек, которые немногочисленны, имеются ячейки советские, крестьянские и армейские, так это и без того ясно, здесь говорится о том, что так как рабочие ячейки немногочисленны, то преимущественно на рабочие ячейки мы опираться не можем. Я должен из своей практики „аппаратчика" сказать, что если бы мы проводили эту политику, то мы давно бы растеряли и рабочих, и нашу партию. Возьмите Грузию, возьмите тот же самый Петроград, у нас имеются

рабочие ячейки, они являются ядром нашей партии, и вокруг этих ячеек обволакиваются другие слои. Центр партии—это рабочие ячейки, есть другие слои, если они не группируются вокруг этих ячеек, то получается, что как-будто в партии есть различные классовые группировки, и мы будем поровну делить нашу партийную политику—в интересах рабочего класса надо сделать то-то, в интересах интеллигенции—то-то, а в интересах крестьян—то-то. Это неправильная постановка вопроса. Никто не признает за придирку, что мы не можем этого пункта ввести в нашу практику. Тов. Троцкий не занимался партийной работой, он только хаял нас, секретарей, „всезнайками", „губкомовской обломовщиной" и пр. Он партийной работы не несет, а если бы он вел партийную работу, то он увидел бы, что опираться на ячейки разного состава, не выделяя рабочего ядра, невозможно. Затем эта формула о бюрократизме страдает некоторой неискренностью, во всяком случае, непоследовательностью. Посмотрите, что там сказано: „Советские ячейки при всех своих отрицательных сторонах обеспечивают партии руководство государственным аппаратом, чем и определяется большой удельный вес этих ячеек. Высокий процент старых работников участвует в партийной жизни через посредство этих советских ячеек". Следовательно, большой удельный вес—в советских ячейках. А дальше другой пункт говорит: „Величайшим источником бюрократизма является государственный аппарат. С одной стороны, он поглощает и впитывает в себя огромное количество наиболее активных элементов партии и приучает наиболее ответственных из них к методам администрирования людьми и вещами вместо политического руководства массами. С другой стороны, он требует львиной доли внимания к себе со стороны партаппарата, воздействуя на этот последний своими методами администрирования. Отсюда уже в значительной мере вытекает бюрократизация партаппарата, грозяшая отрывом партии от масс. Именно эта опасность является сейчас наиболее оформившейся, непосредственной, явной. Борьба со всеми другими опасностями должна в настоящих условиях начаться с борьбы против бюрократизма". Товарищ Троцкий в одном пункте говорит о том, что бюрократизм в нашей партии порождается государственным аппаратом, передается через советские ячейки, и что советские ячейки вырабатывают административные навыки, бюрократизм и пр., а дальше тов. Троцкий говорит, что мы будем опираться на эти советские ячейки наравне с рабочими потому, что они имеют „большой удельный вес". Между прочим, относительно бюрократизма тов. Троцкий говорит в одной своей статье. Я ее помню, я не мог ее, к сожалению, достать в Москве, она была написана в 1920 году перед профсоюзной дискуссией, кажется, статья называлась: „О едином хозяйственном плане". Там тов. Троцкий говорит, что мы страдаем не столько от избытка, сколько от недостатка бюрократизма. Нам надо бы побольше хорошего бюрократизма. Давайте нам хороший бюрократизм. А теперь т. Троцкий говорит, что всякий бюрократизм плох, и даже тот, который он считал в свое время очень хорошим.

Мои предложения следующие. Прежде всего относительно дискуссии. Тов. Сталин в докладе заявил, что ЦК предлагает опубликовать пункт об исключении из партии и т. д. Этот пункт большинству членов партии известен. Что же получится от опубликования этого пункта? — Демонстрация, что ли? ЦК должен предложить и конференция—обсудить, как быть дальше. У нас получается не дискуссия, а борьба внутри партии, которая принимает политический характер. Такое положение оставить дальше нельзя. Что касается опубликования этого пункта об исключении, — я, конечно, за него, но он и до этого времени, как я сказал, был известен большинству членов партии и

никого не пугал. Я думаю, что надо принять здесь более радикальные меры. Если есть решение о роспуске фракций, немедленной ликвидации их, то надо это решение применить к жизни. Я думаю, что конференция должна сказать: пусть дискуссия продолжается, но — я повторяю слова тов. Ленина, сказанные на X Съезде, — в таких формах, как полагается дискуссию вести; теперь у нас не простая дискуссия, а идет борьба внутри партии, принимающая политический характер, — этого не должно быть. Для дискуссии — пожалуйста — сборники, дискуссионные листки, дискуссионные клубы; сколько-угодно определяйте, как говорил т. Ленин, что Энгельс думает по тому или другому вопросу, но не разжигайте политической борьбы внутри партии. А т. Преображенский обещает политическую борьбу против партийной линии продолжать. Я считаю, что здесь необходимо принять радикальные решения; иначе у нас от конференции останутся только слова, которые ни до чего хорошего не доведут.

Председательствующий. Слово имеет тов. Яковлев.

Яковлев. Основная задача, стоящая перед нашей партией, была определена тов. Лениным перед его болезнью с необычайной ясностью. И я думаю, что именно сейчас нам надо вспомнить как об опасностях, так и о задачах, о которых писал и говорил тов. Ленин. Он говорил, что главная задача ЦК и ЦКК, так же, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их. И теперь, когда тт. из оппозиции говорят, что в разговорах о расколе имеется запугивание, что этой опасности на самом деле нет, что достаточно доброй воли т. Преображенского или еще кого-либо, чтобы раскола избежать, я думаю, что они делают огромную ошибку, недооценивая трудности нашего положения, когда на стыке двух классов, рабочих и крестьян, уже имеется буржуазия, пытающаяся взять в свои руки связь с крестьянством. Расколы бывают и создаются в процессе развития фракции при таком соотношении классов. И иногда мало доброй воли того или другого члена партии, чтобы раскола избежать. Поэтому, когда мы ставим вопрос, как действительно исполнять заветы тов. Ленина, мы должны сказать, что прав тов. Сталин, когда он говорит: фракций и группировок допускать нельзя, это зародыш новых партий, это та почка, из которой при неблагоприятных условиях, в случае обострения отношений между рабочими и крестьянами, не может не вырасти другая партия. Чтобы раскола не допустить, надо принять все меры, чтобы фракции и группировки не могли развиться в такого рода почку.

Но этим ограничиться нельзя. Нельзя выпустить из поля зрения те несколько десятков тысяч членов партии, у которых соответствующее оппозиционное настроение к настоящему времени имеется, в том числе значительная доля нашей рабоче-крестьянской интеллигенции, которую мы готовим на командные посты в советском хозяйстве и в советском государстве вообще. К ним надо суметь подойти. Это та задача, которую конференция обязана поставить. Каждый, кто в работе с этой молодежью сталкивается, должен это осознать, и я думаю, что с этим согласятся все, — что наша задача суметь к ним подойти, наша задача должна заключаться в борьбе большевистского кадра за влияние в этих слоях. Это задача, которая стоит перед каждым работником на месте и перед партией в целом. Тут мне представляется, что нам нужно действовать по четырем направлениям.

Первое — мероприятия политико-организационного порядка по вовлечению этой молодежи, среди которой имеются элементы наиболее чувствительные к недостаткам наших аппаратов,

в общеполитическую работу, в работу по исправлению советского аппарата, по исправлению бюрократизма и борьбе с ним. Это первое. Второе — это метод обучения. Нужно прямо сказать, в нашем методе обучения молодежи имеется целый ряд ошибок. Нужно в основу обучения молодежи положить Ленина. Ленин дает нам и историю партии, и историю революции, и аграрный вопрос, и отношение классов. По Ленину нужно и можно воспитать десятки тысяч нашей молодежи и сделать из них настоящих большевиков. Это— одна линия воспитания. Другая линия, которую мы должны здесь, мне кажется, сформулировать,—это в отношении молодежи к деревне. В прошлом году, когда ЦК целая группа была направлена в деревню для обследования, у приехавших товарищей был один пункт, на котором они сошлись,—это, что нужно повернуть партию, и в частности советско-партийную школу, в сторону обслуживания деревни. Было принято соответствующее постановление на съезде, но была инерция, которая не дала возможности провести этот пункт по-настоящему. Между тем роль коммуниста-учителя в селе—это роль огромного политического значения, и тут нужен поворот подготовки нашего молодняка в сторону создания соответствующего кадра в деревне. И третье— вопрос о передаче традиций большевистской партии этой молодежи. Тов. Троцкий в своей книжке дает свою постановку вопросу о традиции. Я боюсь, что эта постановка не учитывает условий времени и момента. Когда тов. Троцкий видит сейчас основу большевистской традиции в умении, марксистски учитывая обстоятельства, менять политику, он забывает, что для молодежи, которая настоящего капитализма не видела, для молодежи, у которой политический опыт ограничивается двумя, тремя, четырьмя годами (и это главное), нужна передача и целого ряда других традиций, в первую очередь—традиции борьбы с капитализмом. Эта традиция не могла возникнуть у молодежи, которая настоящего капитализма не видела. Далее— традиция подчинения меньшинства большинству партии, и затем традиция объединения вокруг ЦК в тех условиях, когда ЦК ведет партию; эти традиции еще нужно передавать той молодежи, которая не могла их получить, придя в условиях советских к активной политическо жизни в последние годы, при наличии Советской власти. Этот вопро о передаче большевистских традиций молодежи—один из важнейших вопросов, мимо которых мы пройти не можем. И, наконец, четвертое в отношении молодежи—это соответствующий умелый политический подход к ней. Когда некоторые члены партии, в том числе и старики, образец чего мы имеем в настоящее время, подходят к этой молодежи, взяв за пуговицу члена партии, вступившего в последние три года в партию, и говорят ему: ты не годен, потому что ты молод,—то это может дать отрицательный результат. Так мы не подчиним молодежь большевистским традициям, а должна быть проведена политически-воспитательная и политико-организационная работа.

И затем вопрос, который с этим связан. Мы сможем опасность раскола уменьшить, если сможем ввести новый слой партии в службу, работу связи с массами. Этот вопрос задет и поставлен в последней части резолюции Политбюро о демократии. Это не случайная часть резолюции Политбюро, но она прошла пока мимо партии, а, между тем, в ней огромная часть вопроса об избежании раскола. Для того, чтобы резолюцию эту выполнить, нужно перейти к новым способам связи с беспартийными, на эту работу нужно поставить новую часть партии. Тут нужно новые сотни и тысячи связей через советы, через профсоюзы создать. Если мы эти новые способы связи найдем, если мы новые способы увязки беспартийных через работу наших

советов и профсоюзов найдем, то тут мы найдем также гарантии против раскола, которые будут крепче действовать, чем какие бы то ни было другие. И в этой связи мы должны сказать, что резолюция Политбюро правильно связывала вопрос о внутрипартийной демократии с рядом действий по отношению к беспартийным массам. И этот пункт необходимо выпятить, если мы хотим действительно увязать работу нашей партии таким образом, чтобы опасность раскола уменьшить; надо пересмотреть работу и советов, и профсоюзов, чтобы новые десятки и сотни тысяч пролетариев вовлечь, втянуть в работу советской общественности и тем самым в круг влияния нашей партии. И, наконец, последний вопрос в этой связи, который нужно осветить. Мы стоим в настоящее время перед начинающимся политическим оформлением крестьянского недовольства. Надо прямо сказать: „ножницы" начинают находить политическое выражение. Когда из одного места нам передают о том, что крестьяне говорят о необходимости создания крестьянского союза, а в другом месте говорят о том, что крестьяне объясняют понижение цен воздействием крестьянского интернационала, заседавшего в Кремле, когда с этой стороны мы имеем десятки, сотни данных о том, что крестьяне после выборов в советы начинают говорить о том: „даешь демократию нам", то нужно сказать, что здесь имеется, несомненно, начало политического выражения „ножниц". Это требует максимального политического воздействия и работы партии в деревне. И в том, что мы найдем через рабочий класс новые сотни и тысячи связей с крестьянством, в том, что мы сможем связаться с крестьянством через рабочий класс и выдвинуть новые организационно-политические задачи в деревне,— новая гарантия против раскола. Конечно, основное в том, чтобы дать деревне дешовый керосин, соль, ситец и плуг. Но не нужно преуменьшать значение задачи политической. Какая задача здесь основная?—Честный советский аппарат в деревне,— это наш политический лозунг, с которым мы должны двинуться. Это тот лозунг, который требует от нас немедленной практической деятельности. Крестьянин судит о Советской власти не потому, что постановляет партийная конференция, а по тому, чем является председатель волисполкома, секретарь волисполкома и секретарь ячейки. Это каждый из вас, работников с мест, знает. И тут нужен новый поворот в сторону перегруппировки партийных сил и вовлечения в эту работу десятков тысяч членов партии. Я уверен, что если мы на-ряду с недопущением фракций, на-ряду с недопущением группировок, как зародышей новых партий, сможем работу среди молодежи повернуть так, чтобы в центре внимания этой молодежи поставить задачу политической связи с рабочими массами через все аппараты связи коммунистов с беспартийными, а через рабочий класс и партию задачу осуществления на деле руководства крестьянством, то наша партия выйдет из этого кризиса более крепкой и будет действительно единой, большевистской, стальной, ленинской партией.

Председательствующий. Слово имеет т. Рязанов.

Рязанов. Я надеюсь, что вы мне дадите столько же времени, или будете следить по кавказским часам, как было во время речи Ломинадзе. Тт., я не старый большевик, я не ленинец, но знаю, что даже и питерские товарищи чувствуют... (Лашевич: „Любовь к вам"). Не любовь к вам, а чувствуют, т. Лашевич, что я с ними теснее связан, чем многие старые большевики, которые от Ленина получили название старых дураков. И вот, товарищи, только вчера я имел возможность познакомиться с документами, розданными на этой конференции.

Должен сказать, что впервые я, старый член партии, получил некоторые из этих документов от свердловцев и от студентов Московского университета.

По документам этим видно, что в ЦК атмосфера крайне нездоровая. Когда читаешь эту переписку, напоминающую переписку миргородского периода между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем о „план-гусе", то говоришь себе, как необходимо было еще год назад осуществить внутрипартийную демократию, чтобы не застаивалась эта атмосфера в этой маленькой коллегии.

Нам придется (теперь слишком мало времени для этого) на партийном съезде поговорить и о структуре, и об организации ЦК, но сегодня я хочу остановиться на новом объяснении, которое дал товарищ Сталин.

Тов. Сталин нам вчера указал, что для осуществления демократии необходимы два условия: во-первых, внутренние—это расцветающая промышленность, расцветающий рабочий класс, развивающаяся партия. Если этих условий нет,—демократию в шкап. Нужны также внешние условия—мир и спокойствие. Отсутствуют они, начинаются всякие осложнения, война, мобилизация,—демократию в шкап.

Такая перемещающаяся демократия, линия колебания которой или кривая может определяться только на основании данных конъюнктурного института при Наркомфине или конъюнктурного института при Наркоминделе, уже показывает, что в постановке этого вопроса имеется коренной дефект. Тут, товарищи, я не могу подробно развивать эту мысль, но скажу: на X Съезде тов. Бухарин, по натуре своей сплошной паникер, когда создавалась резолюция о демократии, под напором рабочей оппозиции шляпниковского и игнатовского толка, дал невыполнимые обещания: он обещал, что в партии отныне будет господствовать только рабочая демократия.

Я повторяю, товарищи, то, что говорил на X Съезде: „Говорить о рабочей демократии внутри коммунистической партии могут только люди, не имеющие никакого представления о марксизме, забывшие азбуку его. В коммунистической партии в эпоху диктатуры пролетариата не может быть никакой рабочей демократии. Нельзя говорить о рабочей демократии уже в силу той обстановки, в которой мы находимся. Рабочая демократия напоминает крестьянскую демократию". Нельзя искажать того, что имеется у нас в партии. Основная задача, основное требование внутрипартийной демократии—это право и обязанность члена партии высказывать свои мнения, свои суждения по всем вопросам партийной жизни. Это его основное право. Что касается выборности, то это — право, не имеющее особенного значения, и мы никогда его не выпирали. Мы прекрасно знаем, и вам, уездным и губернским работникам, известно,— знаем это и в пределах столичных городов,—что наше избирательное право всегда являлось шестистепенным, семистепенным, и тот, кто не забыл школу марксизма, не требовал „всеобщего, прямого и равного избирательного права" в партии. Мы знаем, что во время диктатуры пролетариата говорить о таких вещах—значит слишком напрягать внимание тех беспартийных и околопартийных масс, которые имеются у нас, и всегда мы им это заявляем на разных собраниях.

Тов. Каменев знает, что я отличаюсь от оппозиции тем, что никогда не молчал и привык к свободному языку и на партийных, и на беспартийных собраниях. И вот, товарищи, во избежание всяких недоразумений, для того, чтобы не давать материала ни „Социалистическому Вестнику", ни „Дням", мы заявляем: без этого принципа внутрипартийной демократии, без права и обязанности высказывать свое мнение нет коммунистической партии. Партия знает, что верховной инстан-

цией является партийный съезд и выбираемый им Центральный Комитет.

Пример с т. Лениным показывает, что задачи, ложащиеся на партию,—сверхчеловеческие, тяжелые задачи, что под тяжестью этих задач, если их навалить на одного человека, ломается, заболевает и такой гигант. И Центральный Комитет должен сказать себе: дело мирское, дело партийное, с ним может справиться только коллектив, только партийная организация, учитывающая и собирающая всю энергию, всю умственную интеллектуальную энергию, которая рассеяна в рабочем классе, которая сконцентрирована в коммунистической партии. Только партийный коллектив может справиться с этой задачей. Да здравствует верховная инстанция партии—съезд и исполнитель ее воли и руководитель партии согласно директивам, намеченным партийным съездом,—ЦК. (Голоса: „Правильно").

Позвольте мне перейти к одному практическому вопросу. Товарищи, есть целый ряд практических вопросов, которые нам нужно решить. Все согласны,—и демократы питерские, и демократы московские, и демократы „ломательского" настроения, которые только-что говорили, т.-е. кавказские, — все согласны, что резолюцию надо осуществить, но надо подумать о том, как ее осуществлять. И вот я, который всегда предупреждал против рабочей демократии,—я позволю себе предупредить опять партию против одного, страшно опасного уклона. ЦК обнаруживает слишком большую нервозность перед рабочей частью партии, — он дает авансы рабочей демократии. На X Съезде партии он дал аванс ячейкам. В духе той речи, которую т. Сталин держал приблизительно в начале декабря в такой огромной организации, как Московская, принимаются следующие постановления: „Партийные, советские и хозяйственные органы недостаточно реагируют на постановления ячейки по тем или иным вопросам. Необходимо добиться того, чтобы постановления ячейки, содержащие практические предложения, касающиеся того или иного органа, получали свое разрешение и ни в коем случае не оставались без ответа со стороны администрации учреждения". Партийным, советским, хозяйственным органам, действительно реагирующим на постановления ячеек по тем или другим вопросам, предлагалось добиться того, чтобы постановления ячеек, содержащие практические предложения, касающиеся тех или других органов, получали себе разрешение и ни в коем случае не оставались без ответа со стороны администрации учреждения о принятых мерах. (Голоса: „Правильно"). Вы говорите: „правильно"—ах, это Преображенский! (Смех). Преображенский— интеллигент „с душою прямо геттингенской", он не имеет никакого понятия о том, в каком положении находятся ячейки на разных предприятиях. Он не имеет никакого понятия о том, какие конфликты развиваются на этой почве. Он не знает, что завтра, послезавтра в целом ряде предприятий будут говорить на этих ячейках, и знал бы это, если бы читал декрет Хамовнического райкома. (Смех).

Надо употребить все меры борьбы со страшной опасностью, которая выражается в цифрах следующим образом. В московском промышленном округе, который является самым промышленным округом Советской республики, приходится в губернии менее 5% членов партии на промышленный пролетариат, а в уездах меньше 2%. И теперь, когда нам нужно во что бы то ни стало употребить все силы, включая и силы оппозиции тоже,—ибо я стою на точке зрения, что по взаимному мордобою надо дело прекратить примирением,—когда нам нужно все силы употребить на эту организацию рабочих, нам нужно взвешивать каждый шаг, который отчуждает от нас квалифицированных, высокоразвитых рабочих, употребить все силы, чтобы путем внутрипар-

тийной демократии оживить жизнь партии, сделать для каждого рабочего беспартийного и околопартийного вопросом чести вхождение в партию, внушить ему, что если он не входит в коммунистическую партию, то он превращается в беспартийную слякоть, которую нам нечего встречать приветственными речами на партийных съездах, которую нужно гнать в три шеи и которой нужно доказать, что преступники по отношению к своему классу—те, которые не входят в партию в период разгорающейся революции.

Председательствующий. Слово имеет тов. Ярославский.

Ярославский. Товарищи, я прежде всего должен сказать, что за время этой партийной дискуссии, пожалуй, немало досталось и Центральной Контрольной Комиссии, и больше всего ей досталось за то, что она, якобы, не заняла беспристрастной или бесстрастной роли по отношению к той борьбе, которая у нас происходит в партии. Мы все в этом отношении,—все члены Центральной Контрольной Комиссии, за исключением одного-двух товарищей, из которых один подписался под заявлением 46-ти, а другой голосовал против нашей резолюции на последнем пленуме ЦКК,—мы все сходимся на том, что Центральная Контрольная Комиссия о б я з а н а была занять определенную позицию в этом споре, она о б я з а н а была защищать Центральный Комитет, защищать большинство Центрального Комитета против тех неслыханных нападок, которые практиковала оппозиция. Я заявляю, товарищи, и я прошу обратить на это особое внимание, что оппозиция с самого начала делала такой вид, что она, дескать, хочет только исправить отдельные ошибки. На деле же она выступала на военных собраниях, на вузовских собраниях, на рабочих собраниях таким образом, что старалась подорвать авторитет одного за другим наших руководящих органов партии. Она вела поход против Центрального Комитета, позволяла себе неслыханные выступления против членов Центрального Комитета. То, что они говорят о статьях тов. Сталина и о наших речах и статьях по поводу тов. Троцкого, является невинной вещью по сравнению с тем, что они говорили в своих выступлениях по адресу ЦК и его членов. Я вам процитирую маленький отрывок из речи Биткера, который говорит, что мы из-за фракционных соображений исключили его из партии. Этот Биткер на XVIII Сергиевской уездной конференции заявляет: „Главконцесском получил директиву распродавать Россию". Какой отклик это производит в массах, когда говорят, что Политбюро дает директиву Главконцесскому распродать Россию? И это еще не худшее из всех выступлений, которые мы имели. Я вам дам еще почище выступление. Товарищи из оппозиции выступают и с радостью, с удовлетворением констатируют, что в Москве одна третья часть военных ячеек поддерживает линию против Центрального Комитета. Что это такое? Когда я в присутствии товарищей из оппозиции говорю: товарищи, мы должны выразить доверие Центральному Комитету в тот момент, когда стараются поколебать это доверие к Центральному Комитету, то в ячейках, военных ячейках выступает товарищ Иван Никитич Смирнов и говорит: „Как, зачем выражать доверие Центральному Комитету? Это совершенно не нужно". А вот сеять недоверие—это нужно, и потом радоваться, что третья часть воинских наших ячеек против Центрального Комитета. Это хорошо? Эту работу, которую они проделали, я бы в другое время назвал предательской работой, если бы я не знал, что эти товарищи—все преданные нашей партии товарищи. Это есть совершенно недопустимая работа, которая восстанавливает третью часть воинских ячеек против Центрального Комитета. Ее нельзя характеризовать иначе, как развал.

А тов. Антонов-Овсеенко уже недвусмысленно бросает угрозы

ЦК, когда он приводит письмо, частно полученное им, где говорится, что „среди военных коммунистов уже есть разговоры о том, что надо поддержать всем, как один, т. Троцкого“. Вся армия должна выступить, как один, в этом направлении. Кто такое настроение создает? Товарищи, начиная такую работу, думают пожать в армии особенно большие плоды и культивируют во время этой дискуссии культ вождя. Когда тот же т. Овсеенко, начальник ПУР'а, обращается в ЦК, он говорит о тов. Троцком так, что, мол, „бесшабашные и безыдейные нападки на того (это вся-то наша работа по выяснению действительных разногласий называется „безыдейными и бесшабашными нападками“),—на того, кто в глазах самых широких масс является вождем, организатором и вдохновителем побед революции“. Остальные члены ЦК именуются вождями в кавычках. Нам не надо „вождей“ в кавычках и без кавычек. Поскольку мы говорим о ЦК в целом,—это есть наш вождь, но не отдельные товарищи. А здесь нам подсовывают культ вождя, а потом, когда мы ведем борьбу против такой линии, нам говорят, что это „бесшабашные и безыдейные нападки“. Ту работу, которую тт. проделали в этом направлении в армии, надо считать опасной работой.

Затем начался поход против центрального органа партии. По розданным вам документам вы можете судить, каковы были нападки в этом отношении. Тов. Радек на пленуме Центрального Комитета должен был признать, что это ошибка с их стороны. А какие выводы вы тогда сделали?—Вы признали эту ошибку на пленуме ЦК? Нет, идите теперь на собрания и скажите, что вы допустили неслыханную вещь, подрывая авторитет центрального органа. Ведь, как разгорячили они вуз'ы? Девчонки 19 лет, не выстрадавшие ни единого дня прошлого нашей партии, не знавшие как следует революционной борьбы, выступали и говорили: „Ах, эта гнусная „Правда“!“ Говорили, что наш ЦО—не „Правда“, а кривда. И вы поддерживали это настроение своими инсинуациями, выдумками и т. д. Дальше, созывается Всероссийская Партийная Конференция. И вот эти тт., ведущие работу в армии, выносят резолюцию в ячейке МВО, которая заранее опорочивает эту конференцию, заявляя, что так как она состоит из людей, которые боролись против демократизма, то она и не в состоянии и не правомочна решать действительное проведение этой нашей внутрипартийной демократии в жизнь. Возьмите письмо т. Троцкого, где он говорит о подтасовке XII Съезда. Боюсь и предостерегаю, тт., когда начнется работа по подготовке XIII Съезда, они будут вести ту же демагогическую работу. (Голоса: „Уже и начали“). Здесь говорят, что эта работа—по подрыву авторитетности решений XIII Съезда уже началась. Это — работа по разрушению партии, тт. из оппозиции. Вы должны себе отдать в этом отчет. (Преображенский: „А вы себе отдаете отчет в том, что вы делаете?“). Да, отдаем, тов. Преображенский. Началась попытка т. Преображенского и других завоевать Москву. Вы здесь себе голову сломали не совсем еще, и вы пытаетесь теперь перенести дело в широкую провинцию. Конечно, вы сосредоточили свои силы здесь потому, что знали, что надо взять Москву,—это главное место, здесь и шла главная борьба. А теперь, когда вы знаете, что Москву взять нельзя, вы переносите свою работу в провинцию. Первые успехи — Рязань, Пенза, Калуга, Симбирск, Челябинск, это крестьянские центры. Пусть они будут предостережением, на какую почву вы опираетесь, какую среду вы привлекаете к себе, что является вашей базой. Я должен сказать на основании документов, что худшие антипартийные элементы ищут опоры в этой не рабочей, а интеллигентской оппозиции. Я приведу заявления меньшевиков из ссылки, заявления в ЦК Мейтона и Машкина, находящихся в Вотской

области. Они вносят, между прочим, „поправку“ к дискуссии: „Не входя в обсуждение существа этого партийного вопроса, все же, по нужде и по убеждению своему, считаем необходимым из своей ссылки внести одну небольшую поправку или дополнение к обсуждаемому нашей партией вопросу. Вопрос этот мы формулируем следующим образом: не пора ли во имя рабочего демократизма распространить этот, именуемый „демократизмом“, вопрос так, как его объясняет в своих докладах член РКП Сапронов, на все социальные группировки внутри рабочего класса, прекратив административные репрессии против инако-мыслящих“.

Преображенский. Вздор, он о Мясникове писал, а не о Сапронове.

Ярославский. Нет, не о Мясникове, а о Сапронове. Я должен привести еще два документа, которые во мне и, думаю, во всех вас вызывают чувство величайшей тревоги. Это писали исключенные из нашей партии члены „Рабочей Правды“ Шульман и Хайкевич в письмах, адресованных Троцкому. Шульман пишет: „Мы обращаемся к вам, тов. Троцкий, как к вождю РКП и Коминтерна, революционная мысль которого остается чуждой кастовой замкнутости и безнадежной ограниченности“. И второе письмо, написанное Вернером Хайкевичем: „Я обращаюсь к вам, тов. Троцкий, как к одному из вождей Советской России, которому чужды соображения политической мести и т. д.“ Я заявляю, вся переписка „Рабочей Правды“ (партийная, а не личная) проходила через ЦКК. Эти люди питают глубочайшую ненависть к ЦК, вообще ко всей партии и к ЦКК особенно, но они чувствуют, у них создается представление, что здесь, у оппозиции, для них имеется опора. Все антипартийные худшие элементы ищут здесь опоры. Тов. Преображенский и другие, мы вас предостерегаем от этого, чтобы вы не стали центром всех (а вы уже становитесь) антипартийных элементов в нашей стране и худшего, что есть в нашей партии. Затем, товарищи, я должен сказать, что кроме всей этой работы, которую они проделали, они сейчас ставят ЦКК и все органы КК в такое положение, что мы в значительной степени находимся со связанными руками. Всякие наши попытки сейчас проводить действительную партийную дисциплину так, как мы понимаем эту дисциплину и как каждый большевик должен ее понимать, встречают такое толкование, что это есть расправа с инако-мыслящими. Снятие Антонова-Овсеенко и других характеризуется как снятие инако-мыслящих и расправа с ними. Я приводил пример с Биткером, а нам приписывают, что его сняли за оппозиционность. Члены оппозиции приходят в ЦКК и говорят: мы вас просим расследовать такой-то и такой-то факт, но чтобы никто решительно не пострадал после этого расследования. А после расследования мы узнаем, что один из партийных товарищей сидит в редакции „Правды“ и занимается выкрадыванием документов, систематически не выполняя распоряжений, которые могли бы оздоровить самую постановку дискуссии, и делает это с тем, чтобы создать факты, дискредитирующие центральный орган партии. Затем, когда мы должны этого товарища поставить на должное место, говорят: вы не выполняете условий и расправляетесь с товарищем. Когда нас спрашивают: как же с Рафаилом, вы, что же, будете его судить? Да, будем судить Рафаила за то, что, когда конференция Краснопресненского района закончилась, он, будучи несогласен с решениями партконференции, не только устроил скандальчик на два с половиной часа, но предлагал устроить отдельное собрание, произвести отдельные выборы от меньшинства на конференцию, другими словами, предлагал оформить раскол партии. (Рафаил: „Это ложь“). Тов. Рафаил кричит, что это ложь, и я думаю, что будет говорить: „ложь“ тем десяткам рабочих, заявления которых имеются в ЦКК. Он будет им говорить: „ложь“, и мы должны

верить Рафаилу и не верить этим рабочим, которые возмущаются и говорят: почему вы не преследуете этих товарищей, которые раскалывают партию? Если в чем действительно можно упрекнуть ЦКК, то в том, что она была за весь этот период дискуссии слишком мягкой по отношению к тем, которые сеяли клевету на партию, которые разлагали ее и раскалывали.

Я заканчиваю и хотел два слова сказать по поводу того, как не сведены концы с концами у оппозиции. Выступает тов. Преображенский и говорит: „Я думаю, что и тов. Ленин тогда просто не мог предвидеть те особенно быстрые успехи, которые мы сделали в области промышленности. И с этого момента растет постепенное расхождение внутрипартийной политики с задачами партии в обстановке нэп'а, потому что начал прекращаться процесс деклассирования, начал расти рабочий класс; на основе этого процесса мы должны были ослабить бюрократические тенденции, а не усиливать их".

Только-что он так сказал—и уже забыл. Уже забыл и говорит: „С тех пор, как тов. Ленин вышел из работы, ЦК сделал несколько ошибок, в том числе и крупных; эти ошибки имеют одну общую черту, им можно дать одну общую характеристику. Эта общая характеристика ошибок ЦК заключается в том, что он не в состоянии был,—как он был в состоянии, когда в его среде был тов. Ленин,—гораздо раньше предвидеть ряд тех или других процессов, стихийно назревающих, раньше на них реагировать..." Только-что тов. Преображенский сказал нам, что тов. Ленин не мог предвидеть; теперь говорит: ЦК не мог предвидеть. Дальше говорит, что ЦК плелся за событиями в хвосте, что „ЦК в этом основном вопросе, который связан с поворотом на новый курс,—извините за несколько историческое сравнение,—поступил несколько хвостистски", и забывает, что когда мы решили на X Съезде вопрос о переходе от продразверстки к продналогу, то мы решили так в значительной степени под давлением ряда крестьянских восстаний. И если он обвиняет ЦК в этих ошибках, то с таким же правом он мог бы бросить упрек и тов Ленину в хвостизме. Это—пустяки чистейшие. Задача заключается в том, чтобы во-время повернуть руль. И мы спрашиваем: во-время это сделали? Товарищи обвиняют нас в том, что немножко с опозданием. И пытались доказать это. А когда мы спрашиваем, когда это можно было сделать, то они колеблются и отвечают: на две недели позже ЦК это сделал. Речь идет о двух неделях, и это есть „величайшая ошибка", что будто бы на две-три недели позже ЦК это сказал. Это яркий пример того, как т. Преображенский всего на расстоянии 5-ти минут не свел концов с концами. Это характерно для всей оппозиции.

Мы живем в тягчайших условиях. Партия перенесла большие потрясения. Оппозиция внесла много нездорового в наши ячейки, и нам, в Москве, придется проделать большую работу по части оздоровления этих самых ячеек, в которых посеяна нездоровая атмосфера. В частности, я говорю о вузовских ячейках. Ячейки вуз'ов в большинстве своем голосовали за линию оппозиции. Хотя надо сказать, что в числе этих голосовавших за линию оппозиции все-таки добрая половина была за линию ЦК. Оппозиция получила сравнительно незначительное число голосов. Они смогли это сделать, только пользуясь самыми демагогическими средствами против ЦК, только потому, что мы не могли вооружить наших тт. документами, которые они распространяли на собраниях, как письмо т. Троцкого, письмо 46-ти и т. д., которые были пущены во множестве экземпляров всюду и довели до того, что мы наблюдали противопоставление учащихся рабочим. На собраниях ячеек вуз'ов выступали с такого рода речами: тт., вам говорят, что рабочие ячейки за линию ЦК. Почему рабочие голосуют

за ЦК?—Потому, что боятся, что если будут голосовать против ЦК, так их уволят с работы. А вы—революционное студенчество, вы—революционная часть нашей партии, вы не боитесь, и вы голосуете за оппозицию. Тов. Микоян был свидетелем этой речи. Вот какую работу проделала оппозиция в вузовской среде. Все понимают правильность нашего постановления ЦКК, когда мы говорим, что нужно громадную работу проделать в этой среде вместо демагогической работы, которая была проделана оппозицией. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет т. Врачев.

Врачев. Докладчик Центрального Комитета, т. Сталин, вчера дал в общем правильную оценку нашего внутрипартийного положения и тех общих условий, которые определяют состояние партии. Все было правильно до того момента, когда он с веселым настроением сказал: „На этом я бы мог кончить, но надо еще поговорить". А дальше в его оценке было много ошибок. На ряде этих ошибок достаточно ярко останавливался т. Преображенский. Я хочу свое слово начать с указания еще на одну из этих ошибок.

Тов. Сталин сказал, что у нас не было бы такой борьбы (которая за последнее время развилась всюду, а в особенности в Москве), если бы не выступление т. Троцкого. Я думаю, это неправильно. Если бы в нашей партии все было благополучно, если бы в нашей партии не было того состояния „мертвого штиля", которое мы наблюдали до дискуссии, тогда бы никакое выступление т. Троцкого не могло всколыхнуть так партию, как всколыхнуло в действительности. Отчего это все произошло? Это произошло благодаря тому состоянию партии, которое прекрасно характеризуется отнюдь не словами, какие произносятся оппозицией, а характеризуется той резолюцией, которая утверждена теперь пленумом ЦК и будет утверждена сегодня конференцией.

Товарищ Троцкий в своем известном выступлении говорил о двух этажах в партии. В верхнем, говорит он, решают, а в нижнем—узнают. Это правильно, но не совсем. Было еще хуже. Было такое положение, когда верхний этаж решал, а нижний даже и не узнавал о решении. Я сужу по опыту своей работы. (Голос с места: „Это правильно"). Да, да, правильно. Волей партии я поставлен на довольно большую и ответственную работу. Я тоже аппаратчик. Мне приходится руководить тремя тысячами коммунистов и вести политическую работу, направлять ее среди нескольких десятков тысяч красноармейцев. Так вот я и говорю: у нас было положение, когда такие члены партии, как я и мне подобные, не знают о руководящих решениях партии, а, ведь, мы должны передавать эти решения другим активным руководящим партийным работникам, которые вместе с нами должны передавать это рядовым членам партии и беспартийной массе красноармейцев.

Летом мы чувствовали „ножницы" на каждом шагу, по каждому письму красноармейца, по каждой красноармейской корреспонденции, беседам с красноармейцами, мы чувствовали, как затрудняется наше общение с беспартийными и даже с рядовыми членами партии именно по этим больным вопросам нашей действительности, потому что ЦК установил такой внутрипартийный режим, при котором нельзя даже было быть правильно осведомленным о линии партии, которую мы по воле нашей партии должны были проводить всюду, а я—в армии. Достаточно много здесь говорилось и об отсутствии системы в руководстве ЦК, и никто этого не опровергал. Я только могу вскользь заметить, что эта линия целиком применима и к армии, потому что не чувствовалось постоянного, систематического планового руководства армией со стороны ЦК. Руководство было от случая к случаю. Не по-

тому... (Голоса: „Правильно. Сама себя раба бьет"). Вы говорите: „правильно", не опровергаете моего заявления; это хорошо, это надо запомнить. Не потому, говорю я, не было систематического руководства, что военное ведомство плохо работало,—плохим было, а потому, что партия не давала общих постоянных систематических директив для работы в армии. Эти директивы мы улавливали в отдельных статьях Троцкого, которые в последнее время были очень редки, к сожалению.

Тут уже говорилось, товарищи, о тех методах борьбы с оппозицией, которые сейчас вошли в практику, и которые, по моему, трудно сочетать с тем курсом на рабочую демократию, за который сейчас все так распинаются. Я хочу только обратить внимание вот на что. Сегодня, когда выступал тов. Преображенский и задал вопрос о том, в чем же разногласия, тов. Сталин ему с места ответил: разногласий у нас почти не осталось, чуть-чуть осталось.

Сталин. Тогда не оставалось.

Врачев. Так в чем же дело? Нет разногласий, а почему же вы обвиняете оппозицию в уклоне к меньшевизму, к оппортунизму? Почему же вы говорите, что нынешняя оппозиция представляет собою мелкобуржуазную стихию в партии? Почему же вы травите отдельных наиболее ярких представителей этой оппозиции? Как это сочетать с репликой тов. Сталина? Пусть он нам ответит. Вот вам блестящий пример тех методов, которыми борются отдельные члены ЦК с оппозицией.

Вопрос о Биткере. Биткер ЦКК исключен из партиии с достаточно веской мотивировкой. В 1 м пункте он прямо обвиняется в уголовных деяниях. Об исключении из партии 13-го января опубликовано в „Правде" 13-го января, а 12-го т. Каменев, делая доклад на Московской Конференции, всячески пристегивал этого Биткера к оппозиции. Он говорил: „Оппозиция Сапронова, Преображенского и Биткера". Я скромный провинциал, я не знаю, кто такой Биткер. Но неужели допустимо ставить его имя на-ряду с заслуженными и известными товарищами? Тов. Каменев, разве вы не знали, что ЦКК вынесла решение об исключении Биткера из партии, а вы не только упоминаете его имя в своей речи на-ряду с виднейшими представителями оппозиции, но и вписываете в свою резолюцию. В резолюции Московской Губконференции так прямо и сказано: оппозиция, возглавляемая Преображенским, Сапроновым, Биткером.

Далее, чтобы с наибольшим успехом справиться с оппозицией, противопоставляют друг другу отдельные части нашей партии и хотят представить дело в таком свете, будто оппозиция против приема в партию рабочих. Тов. Сталин сказал, что, может-быть, нам придется отказаться от приема в партию непролетарских элементов, а принимать в партию только рабочих. Тов. Сталин, просмотрите брошюру Троцкого: „Новый курс". На странице 15-й черным по белому говорится о „постоянном притоке рабочих, остающихся у станка, в партию". Кто возражает против этого? Разве Преображенский, Сапронов и другие против этого? А что касается ограничения приема непролетарских элементов, то я вношу предложение, чтобы совершенно не принимать непролетарские элементы в партию, и буду голосовать за это обеими руками. (Смех, голоса: „А как же с барометром?"). Не беспокойтесь, на все ответим, найдется кому ответить.

Вопрос о фракциях. Фракции, фракции! Фракциями запугали партию, это один из методов запугивания, применяемых в борьбе с оппозицией. Где же фракции или фракция? Поведение наше на конференции—блестящий пример того, что нет в партии не только фракций или фракции, но нет и более или менее организованных групп. Когда предлагался список президиума, разве вы слышали в противовес

другой список? (Голос: „Ты не успел его огласить“). Я внес добавление об увеличении президиума, но т. Каменев перехитрил меня,—он сначала поставил вопрос о числе и этим лишил меня возможности дополнительно выставить три кандидатуры в президиум. Мы...

Лашевич. А кто это мы?

Врачев. Тов. Лашевич, вы прекрасно знаете, кто вы и кто мы. (Смех). Товарищи, может-быть, у нас осталось всего несколько часов полной демократии, так разрешите нам этими часами воспользоваться... Где фракции? Фракций нет. До сих пор я знал об этом, как о слухе, будто оппозиция действует организованно, что у нее есть даже бюро. А вчера т. Сталин заявил, что у оппозиции есть бюро, и что секретарем этого бюро является т. Серебряков. По поводу этого заявления я вношу предложение,—это очень важно,—избрать специальную авторитетную комиссию, которая должна будет тщательно проверить сообщение т. Сталина. (Голоса: „Есть ЦКК“). И если это сообщение подтвердится, тогда всех виновных в организации фракции надо будет привлечь к строжайшей партийной ответственности. Я это заявление внесу в письменной форме и буду настаивать на голосовании его.

Вопрос об единстве. Конечно, единство партии нам необходимо. Никто из нас не выступает против этого единства; но, товарищи, каким путем можно достичь этого единства? Тов. Сталин вчера внес здесь свое предложение,—полностью подтвердить пункт 10-й резолюции и секретный пункт опубликовать для сведения всех членов партии. Что это такое? Во-первых, как возник этот секретный пункт резолюции, предложенный на X Съезде т. Лениным, когда он возник и в каких условиях? На X Съезде партии, происходившем в чрезвычайно сложной обстановке, о которой все помнят, против кого был направлен этот пункт?

Ворошилов. Против вас.

Врачев. Не против нас, тов. Ворошилов, а прежде всего против группы рабочей оппозиции, которая представляла уклон не только от тактики нашей партии, но и от основных принципов коммунизма в сторону анархо-синдикализма. Затем он был направлен против группы демократического централизма. (Голос с места: „И других фракций“). Больше фракций я не знаю... (Голоса: „Фракция Троцкого“). Никакой фракции Троцкого на X Съезде не было. Я на X Съезде по вопросам о профсоюзах голосовал за предложение Троцкого, и я утверждаю.

Орджоникидзе (с места): А фракционное совещание у вас было?

Врачев. Если пошло на то, то давайте говорить на-чистоту, давайте скажем правду до конца, и я вам скажу, т. Орджоникидзе, что на X Съезде партии, выборы на который происходили по платформам, когда была полная свобода дискуссий, обсуждений, и были даже ходом вещей допущены группировки, у нас—тогдашних сторонников Троцкого... (Голос: „И теперешних“). Не совсем теперешних... Во время съезда было маленькое частное совещаньице. (Смех, шум). Я вам сейчас скажу все, немножко терпения... Не всех делегатов съезда,—сторонников Троцкого, — их было тогда на съезде человек пятьдесят, а на частном совещании только человек пятнадцать — восемнадцать; многие из участников этого частного совещания и сейчас присутствуют в этом зале, большинство из них, во всяком случае, присутствует здесь. Естественно, мы обменялись мнениями, да и как не обменяться, когда съезд разбился на фракции, когда рабочая оппозиция вела себя явно фракционно, группа „демократическаго централизма“ — то же самое, и когда собралась фракция десяти. Но мы не собирались, как фракция, ибо мы сказали, что мы за

единство партии. (Голос с места: „Вам это сказали"). Мы сами сказали это, мы сами пришли к такому убеждению, мы сказали: нет, мы на этот путь, на путь фракционной обособленности не станем. Я вам даже больше скажу. Некоторые из нас, из тогдашних сторонников Троцкого, видя, что все собираются, думали, почему бы и нам не собраться, раз речь будет итти о том, как нас бить; почему нам не посоветоваться, как нам обороняться? Я помню происшедший с Львом Давидовичем, который только-что приехал из-под Кронштадта, разговор на эту тему. К нему кто-то обратился около стола президиума съезда в тот день, когда собрались все фракции: „Нам бы надо собраться". Он ответил: „Зачем? Фракция? Нет,—не надо". Он это решительно заявил и никакого собрания у нас не было. (Голоса: „Довольно"). Я закончу только свою мысль. Тов. Серго (Орджоникидзе), если бы это было у нас на Кавказе, вы бы меня, надеюсь, не ограничивали... На Х Съезде было поименное голосование, и я голосовал за резолюцию об единстве партии с секретным пунктом потому, что я понимал, для чего она принимается и против кого она направляется. Теперь же вы опять воскрешаете этот пункт, который тогда не был опубликован. К чему это? Какой смысл в этом? Сейчас у нас нет такой оппозиции, у которой были бы разногласия глубоко принципиального, программного характера, с уклоном от основной позиции нашей партии, против которых направлялась резолюция Владимира Ильича.

Ведь, нет этого! Не для чего и выдумывать. А выдумываете вы для того, чтобы получить возможность расправы с оппозицией. Принять этот пункт—значит перейти на старый курс,—это очевидно. Может-быть, я не так понимаю, тогда пусть тов. Сталин разъяснит.

Заканчивая свое слово, я задаю несколько вопросов докладчику ЦК, уважаемому тов. Сталину,—пусть он на них ответит: 1) Как ЦК думает проводить резолюцию, которая объединяет всю партию,—все с ней согласны,—резолюцию, которую партия приняла восторженно и с приветствиями,—как ЦК будет ее выполнять? 2) Будет ли ЦК и дальше продолжать борьбу со всяким, кто не одобряет целиком и полностью линии ЦК, теми методами, которые определились в последнее время, или от них откажется? 3) Будет ли ЦК, опираясь на те решения, которые будут сегодня приняты на конференции, держать курс на изоляцию представителей оппозиции? 4) Будет ли ЦК применять систему смещения с советской и партийной работы представителей оппозиции, симптомы чего мы теперь уже видим? И в частности (а эта частность имеет громадное значение для всей нашей партии, для нашей страны и для мирового рабочего движения)— какой тактики ЦК думает держаться по отношению к тов. Троцкому,—станет ли он и здесь на путь изоляции этого выдающегося деятеля нашей партии, или нет?

Пусть тов. Сталин даст на эти простые и ясные вопросы простые и ясные ответы. А на XIII Съезде партии мы посмотрим, выполнит ли ЦК то, что скажет сегодня его генеральный секретарь. (Ломинадзе: „Тебе не придется слышать"). Возможно, что не придется, я в этом даже не сомневаюсь.

Председательствующий. Слово имеет тов. Сапронов.

Сапронов. Тт., обсуждение вопроса о внутрипартийной демократии сегодня хотят подменить судом над так-наз. оппозицией. Речь тов. Ярославского была построена, как речь обвинителя; процесс начинается с тов. Рафаила. Речь тов. Сталина внешне была построена как-будто довольно мирно, в особенности—первая часть. Но все содержание этой речи обещает—и особенно заключительный аккорд—начать ту работу, которую т. Ярославский назвал чисткой. Тов. Зелен-

ский это говорил еще в Замоскворецком районе. (Залуцкий: „И не мешает“). Тов. Залуцкий говорит, что не мешает почистить. Я знаю, т. Залуцкий, что с вами согласных на этой Конференции много. Они скажут тоже: „Не мешает почистить“. И это „не мешает“ будет направлено против выступающей оппозиции в этой дискуссии. Я не подхожу к этому вопросу с точки зрения человеколюбия т. Залуцкого или кого-либо другого, а в данном случае я буду подходить к вопросу, как политик. Политик, принимающий те или другие меры, должен учитывать соотношение сил. У тов. Сталина и у других постановка такая, что они имеют дело с небольшою группой антипартийцев. А многие другие товарищи выступают, расшифровывают это и говорят, что мы дело имеем со стихией мелкой буржуазии внутри нашей партии. Предположим, что это так. С точки зрения тов. Сталина, тогда, само собою разумеется, нужно начать борьбу путем немедленного исключения целого ряда товарищей из партии. И как-будто к этому многие склоняются, по крайней мере, пускают эти угрозы в ход. Правда, может-быть, это—угрозы ради угроз.

Предлагающие хирургические меры товарищи основываются на том, как и тов. Ярославский, что оппозиция себе сломала голову в Москве, что за оппозицию никого нет, и проч. Я смотрю на это, как на казенный оптимизм. Говорить о том, что оппозиция сломала себе шею, может только слепой оптимист и не видящий действительности. Действительность же такова. Не буду останавливаться на каждой районной конференции в отдельности, а приведу цифры всех районных конференций в целом. Голосовало за резолюцию оппозиции на всех районных конференциях города Москвы 36%. (Вардин с места: „А в рабочих ячейках сколько процентов?“). Прошу не перебивать. Здесь один из товарищей сказал, что осталось демократии несколько часов, а для меня осталось несколько минут. Поэтому прошу мне не мешать, тов. Вардин. Само собой разумеется, что если оценивать победу с точки зрения т. Ярославского, то еще одна такая победа, и т. Ярославский останется без армии.

Оппозиция имела 36% голосов на районных конференциях; на губернской она имела только 18%. Если от районных конференций до губернской конференции при помощи нажима партийного аппарата оппозиция лишилась 18%, то я задаю вопрос: скольких же голосов нажим аппарата лишил оппозицию в рабочих ячейках, пока эти голоса дошли до районных конференций? Если брать такую же цифру потери, как от районных конференций до губернской,—18%, то получится, что оппозиция имеет в Москве больше 50%. (Голос с места: „Плохая математика“). Вы, товарищи, конечно, можете какие-угодно реплики подавать, но я называю это казенным оптимизмом. При таком соотношении подходить к разрешению вопроса при помощи хирургии—это значит быть политическим слепцом. Начать операцию, которую вы выдвигаете,—это начать разрушать нашу партию. В час добрый, если вы хотите это делать, но мы вас предупреждаем, товарищи, что эта позиция довольно шаткая, эта позиция наносит тягчайший удар и нашей партии, и нашей революции.

Тов. Сталин отмечал здесь этапы в развитии дискуссии. Первый этап—это наступление на ЦК, второй этап — это примирение с ЦК и третий этап — письмо тов. Троцкого, которое обострило дискуссию. Правда, тов. Сталин перепутал даты. Письмо тов. Троцкого появилось девятого декабря на одном из районов, а в печати появилось, кажется, двенадцатого. Тезисы вышли пятого, резолюция же т. Преображенского, о которой говорит т. Сталин, как о резолюции примирительной, была предложена одиннадцатого,—значит после письма т. Троцкого. (Сталин с места: „Письмо 8-го было оглашено в районах“). Ну, если восьмого, тем паче, обостренный период должен бы начаться

с 8-го, а тот примирительный этап, о котором он говорит, т. е. резолюция т. Преображенского, начался 11-го. (Сталин с места: „Напечатано: 12-го"). Письмо было оглашено при вас, т. Сталин, в Краснопресненском районе в субботу 8-го или 9-го, а в воскресенье—в Замоскворецком и Рогожском районах. Следовательно, в трех районах оно было оглашено в присутствии тт. Сталина, Зиновьева, Каменева и др. товарищей, т.-е. всего Политбюро целиком. Значит, эти этапы перепутаны и неверны. С моей точки зрения, этапы развивались следующим путем. Первый этап—это когда членам Политбюро не давали говорить на собраниях, этап растерянности ЦК и Московского Комитета, этап уступок, выразившийся в тезисах от 5-го декабря. Этот этап я называю растерянностью и ЦК, и МК, когда они были готовы написать в тезисах все, что угодно, лишь бы овладеть дискуссией. Второй этап—это когда, действительно, оппозиция сказала, что по вопросам тезисов в данном случае разногласий нет. Есть разногласия в вопросах проведения этих тезисов. Начинается второй этап, когда ЦК и МК начинают овладевать движением, и начинается резкое сопротивление аппаратов проведению этих тезисов, выразившееся (как т. Ярославскому ни неприятно слушать) в определенной тенденциозности освещения фактов в центральном органе „Правда", выразившееся в запрете собраний отдельных ячеек и кустовых собраний. На этой почве развивается борьба. Оппозиция—за проведение тезисов, а аппарат сопротивляется их проведению. Этот вопрос является вопросом практическим. „Правда" освещала тот или другой вопрос не очень беспристрастно. (Голос с места: „Беспристрастный суд"). Беспристрастный суд,—здесь сейчас сказали. Беспристрастного суда вообще не бывает тогда, когда этот суд применяется к классовому противнику, но когда речь идет о внутрипартийной дискуссии, здесь такой „беспристрастности", которую мы применяем к нашему классовому противнику, применять нельзя. А эта беспристрастность целиком и полностью, как к классовому противнику, в „Правде" была проявлена по отношению к оппозиции.

Товарищ, выступавший впереди меня, кажется, Врачев, наивно заявляет: создать комиссию и расследовать—есть фракция, или нет фракции. Раздаются голоса: ЦКК расследует. Мы думаем, что ЦКК разрешит и расследует дело не по существу, а придираясь к каждому пустяку. (Голощекин: „Вам нужно создать свой ЦК и ЦКК"). Тов. Голощекин, говорите то, что вам нужно, а что нужно нам, я здесь сам скажу без вашего подсказа. В Краснопресненском районе была попытка со стороны меньшинства протестовать против тенденциозных выборов на конференцию: не выборы на конференцию, а протест. Тов. Ярославский, если вы за эту попытку хотите привлекать т. Рафаила, так почему же вы ни словом не обмолвились о Хамовниках? Когда кончились выборы в Хамовническом районе, меньшинство сторонников т. Ярославского созвало совещание, и большинство ему не мешало. В список на конференцию было введено 18 человек из меньшинства. При последнем голосовании сторонников тов. Каменева осталось 30 человек. По вопросу о резолюции у Каменева было на 30 голосов больше. Это по вопросу о резолюции по партийному строительству. По вопросу же о докладе райкома у оппозиции было на 50 голосов больше. Когда меньшинство стало срывать выборы, и когда окончательно стали голосовать, то тов. Каменев остался в меньшинстве в 30 голосов. Значит, 30-ти голосам меньшинства в списке Хамовнического района было предоставлено на Губконференции 17—18 мест. Несмотря на это, все-таки меньшинство собралось и обсуждало вопрос о протесте. Что же т. Ярославский не судит их за фракционность? Вы можете переоценивать силы, но я повторяю, что каждый

революционер, если хочет разрешить вопрос правильно, должен подойти к разрешению его с правильной оценкой соотношения сил. Само собою разумеется, на Всесоюзной Конференции у оппозиции голосов мало. Но было бы большой ошибкой тов. Голощекину, судя по Самаре, сказать, что на этой конференции—правильное отражение соответствия сил во всей партии.

Выступавший здесь т. Ярославский начал перечислять крестьянские губернии: вот, мол, где вы победили. Тов. Ярославский, эту победу я не отношу за счет крестьянских элементов, а за счет так называемых переброшенных.

Почему не освещается правильно вопрос о дискуссии? Например, в Юзовке на целом ряде ячеек принята резолюция оппозиции. В Иваново-Вознесенске дискуссия происходила под нажимом и угрозой. Конечно, при нажиме можно какое угодно единство создавать. Я боюсь, что большинство Конференции, упоенное мыслью об единстве, в том числе и т. Сталин, по существу демонстрирует казенно-оптимистическое единство, которое может принести новую волну, разрушающую партию, которое обещает Кронштадт и пр. Это явится громаднейшей политической ошибкой, которую впоследствии будет поправить трудно. Бойтесь, товарищи, такого единства и не делайте непоправимых ошибок.

Председательствующий. Товарищи, в президиум поступило коллективное заявление с предложением предрешить, что мы сегодня вечером, а если понадобится и ночью, закончим конференцию в виду того, что завтра открывается Съезд Советов. Президиум это поддерживает. Позвольте голосовать предложение: сегодня ночью закрыть Конференцию в виду того, что завтра открывается съезд. Кто за это предложение — прошу поднять руки. Явное большинство.

Из этого, товарищи, надо сделать выводы, которые сводятся к тому, что нам надо пункт порядка дня о партстроительстве кончить до обеденного перерыва, а вечернее заседание начать с доклада т. Зиновьева о международном положении. Придется нам еще голосовать резолюцию об экономическом строительстве,—все это придется отложить на вечер. Для того, чтобы провести этот порядок, нам придется затянуть заседание и сейчас просидеть еще часа два с таким расчетом, чтобы дать высказаться 5 — 6 товарищам и заслушать заключительное слово т. Сталина. Если, товарищи, у вас нет возражений, то поручите президиуму из списка приблизительно в 40 или 50 товарищей, которые записались, выбрать товарищей 5—6. Возражений нет? Тогда сейчас слово имеет тов. Мельничанский. Я буду строго соблюдать регламент.

Мельничанский. Товарищи, я хочу сказать, что тов. Преображенский зря ссылается на то, что ЦК не делал попытки приостановить острые формы дискуссии. На пленуме ЦК в присутствии представителей 10-ти организаций и представителей оппозиции была сделана такая формальная попытка, когда громадное большинство приняло определенное постановление о письмах Троцкого и 46-ти. В Политбюро тоже такие попытки были, потому что резолюция согласована с тов. Троцким.

Все товарищи ссылаются на Московскую организацию. Характерно, как выступают тов. Преображенский и тов. Сапронов здесь и как они выступали на губернской партийной конференции, на районных конференциях и в ячейках. Совсем не то, не тот тон, не та музыка. Я полагаю, что тт. Преображенский и Сапронов должны были иметь гражданское мужество выступать здесь, на Всесоюзной Конференции, с тем материалом и в том тоне, в каком они выступали на наших низовых ячейках.

Прежде всего, об обстановке в нашей Московской организации. У нас, в Московской организации, создалось особое положение, при котором наибольшее влияние оппозиция имеет в наших вузовских ячейках (теперь говорят, что ячейки не „бузят“, а „вузят“).

Если вы припомните то, что происходило в нашей партии, те склоки, которые имели место на местах, то вы вспомните, сколько пришлось ЦК снять работников рядовых и не-рядовых, маленьких и больших с работы. Вы знаете, что значительная часть этой публики приютилась в Москве. Мдивани и многие другие из этой публики приобрели оседлость в Москве, и если Москва переживала особенно лихорадочные дискуссии, то этим она обязана этой публике. В вуз'ы, в наши учебные заведения, попадают иногда снятые за непригодность к работе, обиженные люди. Я полагаю, что нужно было бы туда направить наиболее толковых и лучших наших людей, которые действительно могли бы там поучиться. Рабочие ячейки в громадном большинстве идут за линией ЦК. Из 346-ти рабочих ячеек только 67 высказались за оппозицию.

Теперь по поводу речи, с которой выступал т. Сапронов. Тов. Сапронов предупреждает конференцию о том, что здесь думают предпринять чистку, что предполагается хирургия в отношении товарищей из оппозиции. Тов. Сапронов ссылался на Хамовническую конференцию. Позвольте мне также напомнить вам кое-что насчет чистки, хирургии и Хамовнической конференции. На этой конференции большинство голосовало за резолюцию т. Каменева. Отношение голосов, когда намечались делегаты на губконференцию, было человек на 20 в пользу оппозиции. Оппозиция шумела о пропорциональности выборов на всех конференциях, но не говорила о пропорциональности выборов в Хамовническом районе, и послали 11 сторонников ЦК на 56 делегатов на губернскую конференцию. Характерно, что в этом районе мало рабочих ячеек—всего 29, и большинство из них не получило места на губернской конференции. Когда стали протестовать, что выборы происходят по фракционному признаку, им не дали слова. Райком был выбран оппозиционный, и интересно, какие мероприятия начинает проводить этот райком. Туда вошел в качестве секретаря Максимовский и зав. агитпропом Жаков. С первых дней начался отбор, началась чистка и при просмотре списков тт., которых нужно было послать на доклады, отбирались стоящие за линию ЦК и отбрасывались, а стоящие на линии оппозиции посылались. А попытка Жакова уволить старого работника—завагитотделом—потому, что он стоял на линии ЦК, что, это не чистка? Товарищи всячески внушают, что нет фракции, нет фракционных группировок. Надо сказать, что, кто наблюдал борьбу, которая происходила в Московской организации, кто имел в старое время дело с фракциями, тот должен сказать, что более острой фракционной борьбы мы не имели никогда. Та демагогия, которую оппозиционеры разводили в ячейках, не имела места в старых склоках. Здесь товарищи выступали и заявляли, что линия ЦК в общем правильна, но когда они приходили в ячейки, они не говорили этого, а пытались всячески компрометировать ЦК и партию.

Я хотел бы еще указать ко всей этой истории, как линия, которую проводила наша оппозиция, отражается в той работе, которую мне приходится вести. Я работаю в профессиональном движении. Какая здесь проявляется линия, как преломляется линия оппозиции? Тов. Коссиор выступил со статьей о демократии в профессиональном движении, в которой сделал указание, что в прежнее время ячейки партии и райкомы должны были намечать кандидатов в завкомы, а теперь пусть беспартийные сами (они идут за коммунистами) намечают

и выбирают тех коммунистов, которые больше всего нравятся этим беспартийным. Интересно, как эта линия Коссиора понимается в низах. На Балашевской мануфактуре ячейка намечает кандидатов в фабзавком. На общем собрании присутствует несколько сот рабочих и все спецы потому, что они чувствовали, что здесь что-то произойдет. Выступают два члена оппозиции и заявляют товарищам, что теперь демократия, что не нужно слушаться ячейки,—этой кучки людей, не нужно считаться с их списком, что общее собрание должно наметить список завкома, что нужно освободиться от опеки ячейки. Это показывает, куда нас ведут товарищи из оппозиции, какую атмосферу они создали в нашей работе. Я укажу еще на пример из области заработной платы. В вопросе о заработной плате у нас имеются некоторые расхождения. Мы, профессионалисты, проводили в Центральном Комитете свою линию. Правильно или неправильно решение ЦК по этому вопросу,—это скажет партийный съезд, партийная конференция. Собирается собрание коммунистов—членов союза—по вопросу о заработной плате. Когда товарищи из правления союза выступают и указывают, что по вопросу о заработной плате мы не можем принять предложений, которые расходятся с директивой Политбюро Центрального Комитета, раздаются возгласы и заявления со стороны оппозиции: „Точка! Теперь демократия, и мы должны направить нашу общую линию в отношении к политике заработной платы, не признавая никаких директив ЦК“. Эта пара примеров, которые я вам указал, являются примерами нашей работы среди беспартийных, и они указывают, как преломляется в нашей работе линия, которую проводит оппозиции. Оппозиция здесь, в Москве, не выступала с принципиальной линией, как идейная группа, а выступала, как группа демагогов, дезорганизующая нашу партию. Я думаю, что партийная конференция должна раз навсегда этой публике указать ее место.

Председательствующий. Слово имеет тов. Радек.

Радек. Товарищи, я имею только 10 минут, поэтому я не буду здесь изображать и перечислять шесть ошибок тов. Сталина и щесть ошибок большинства Центрального Комитета. Я задержусь только на 3-х пунктах, которые из этой дискуссии являются для меня самыми важными, при чем нельзя отделять дискуссию по экономическим вопросам и ее итоги от дискуссии по политическим вопросам.

Первый вопрос.—Вы помните, товарищи, борьбу с рабочей оппозицией на X Съезде партии. Владимир Ильич после самой жестокой критики рабочей оппозиции вышел и заявил, что она все-таки помогла нам в борьбе с бюрократизмом, и что мы дальше будем пользоваться ее помощью в этой борьбе. Это сказал Владимир Ильич. Мерилом того, насколько большинство Центрального Комитета умеет учесть результаты нашей дискуссии, является для меня то, что в вопросах экономической политики Центральный Комитет пришел к убеждению, что все обстоит благополучно, а то, что выдвигают Пятаков, Смирнов, Преображенский и др.,—это есть только результат того, что они еще зелены, по-студенчески ставят вопросы и т. д. Это выступление Центрального Комитета является самым важным и позволяет делать самые мрачные предсказания. Основой всей дискуссии, основой всех беспокойств, без которых нельзя себе представить эту дискуссию, являются экономические процессы в стране, направленные против нас. Кто же такой итог из этой дискуссии не делает, как большинство ЦК, тот доказывает, что он этих опасностей или не видит, или хочет на них закрыть глаза. Это первый итог дискуссии.

Второй итог есть та система взглядов на внутрипартийное положение, которая здесь развита тт. из большинства. Тт., откуда взялся документ 5-го декабря? Представляет ли он результат внутрипартий-

ной дипломатии, или результат чего-то другого, чего-то нового в положении партии? Я считаю, что он представляет собою результат именно этого второго, результат того факта, что в обстановке противоречий нэп'а, при 400 тысячах членов партии, партия не в состоянии ни правильно наметить линию, ни провести ее без помощи низовых своих органов, без работы местных парторганизаций. Опасен ли путь, по которому мы пошли? Опасен. Я согласен с аргументами, которые выдвигал тов. Сталин для доказательства, что этот путь опасен. Он опасен по двум причинам: во-первых, мы—диктаторская партия в мелкобуржуазной стране, мелкая буржуазия может подхватить лозунг демократии и попытаться вырвать его из наших рук. Опасен он и потому, что мы имеем мелкобуржуазный элемент в нашей партии. Но это ЦК знал, когда принимал резолюцию, и поэтому теперь не может выдвигать этих опасностей, как аргумент против внутрипартийной демократии. Теперь стоит вопрос: можем ли мы в данной обстановке не демократическим путем вести партию? Опыт доказал, что не можем. Задушение оппозиции в партии привело к таким опасным явлениям, как появление нелегальных групп в партии. Это доказывает, что мы не можем старыми методами руководить партией. Если так обстоит дело, то встает вопрос—что же дальше? И тут, в этом вопросе, итог дискуссии состоит в том, что была дискуссия, тт. в ней выступали, целый ряд ошибок делали, ибо если бы без демократии мы могли научиться так, чтобы не бить посуды, то демократия не была бы нужна. И, как итог этого, начинается в партии период преследования оппозиции. Мы имеем пока-что дело Мрачковского и Антонова-Овсеенко, снятие Богуславского с поста. (Голос: „На демократических началах"). Это делают пока-что из деловых соображений. Тов. Каменев в своей речи, когда снимали Богуславского, сказал: хороший хозяйственник, большая заслуга его в возрождении Москвы, но плохо ведет политическую линию. Вы ставите вопрос о снятии тт. из оппозиции с постов. Этот пример, данный партией наверху, пойдет по всей партии до низовых ее ячеек. И вы доиграетесь или до того, что люди будут через край хватать, что мы будем иметь ожесточенную борьбу в наших низовых ячейках, или вы доиграетесь до лицемерия в партии, когда люди будут прятать мысли для того, чтобы избегнуть таких последствий.

Перехожу к третьему вопросу—о положении в ЦК.

Когда я выдвигал в дискуссии вопрос о тов. Троцком, то некоторые марксистски-образованные товарищи говорили мне, что я становлюсь на субъективную точку в социологии, говоря о Троцком. Тов. Сталин вчера посвятил половину своей речи шести ошибкам тов. Троцкого и кончил анализ этой своей речи тем, что вытянул из кармана резолюцию, которую Х Съезд партии считал тайной резолюцией. Ни ЦК, ни Политбюро не решали, чтобы Сталин это сделал, и не могли решать потому, что предложение тов. Сталина противоречит закону партии. Только съезд партии может решить, что документ, объявленный съездом тайным, становится для партии явным. Никто не возражает против этого документа. Съезд партии принял в обстановке Кронштадта это решение. Если вы считаете, что положение теперь так опасно, что это решение должно быть принято и поставлено, как гильотина в помещении ЦК, и что этим надо кому-то грозить, то вы имеете право это сделать, но тогда пусть партия отнесется к этому более серьезно, чем к простой угрозе. Товарищи, я считаю эту угрозу опасной,—опасной не потому, что думаю, что Сталин завтра предложит вопрос о применении этой угрозы по отношению к членам ЦК, а потому, что эта угроза будет иметь последствия не в ЦК, а в низовых ячейках партии.

Товарищи, эта дискуссия была лихорадкой, ибо после трех лет молчания в партии не обойтись и без уродливых явлений. Демократия—это не такая невинная вещь, и мы не могли это иначе пережить, чем пережили, но партия могла выйти с таким решением: большинство решило — меньшинство подчиняется. (Голос: „Вы подчинитесь"). Я подчинюсь всякому решению партии по той простой причине, что не имею ни малейшего желания сделать кому-нибудь удовольствие и дать себя выбросить из партии. Поэтому, если бы я и остался с возражениями, то я все-таки подчинился бы решению. Но я не ручаюсь, что в том положении, в котором мы находимся, все товарищи будут иметь столько хладнокровия, чтобы перед этим напором уступить и подождать, пока вы сами убедитесь в том, что тот путь, на который вы встали, не есть путь, которым Ленин лечил болезни партии, а есть путь запугивания со стороны людей, которые сами запуганы. Тов. Ленин это предложение сделал; но именно для того, чтобы его не толкали к его применению, не публиковал его.

Дискуссия доказала, по-моему, что партия находится в тяжелом положении, что назревает целый ряд и в партии, и в стране процессов, которые нельзя решить на основании только цитат и традиций. Вся партия должна будет мозгом поработать.

Я хочу кончить только тем, что верю, что в партии будет достаточно и спокойствия, и мужества, чтобы помочь большинству ЦК исправить те ошибки, которые он делает. Я считал, что большинство ЦК будет иметь столько разума, что хладнокровно отнесется к своей победе. Теперь я боюсь, что столько хладнокровия оно не будет иметь. Но я уверен, что когда дело дойдет до партии (наша дискуссия кончена, но демократия в партии еще не кончена), то партия сумеет очень спокойно сказать ЦК, когда будет надо, стать немножко менее круто на повороте; если оппозиция брала очень круто (и это есть ее ошибка), то от того, что вы—большинство, вы в первую очередь ответственны за то, что будет дальше, и повторять ошибок оппозиции не надо.

Лашевич. Некоторое разделение ролей среди тт. из оппозиции мы наблюдаем здесь сегодня. Преображенский сбавил достаточно тону, не нападал, а защищался. (Преображенский с места: „Наоборот"). Нет, не наоборот. Те, которые присутствовали на московских выступлениях, и те, которые читали в газетах ваши речи, все знают, что вы говорили там и что говорили сегодня. Сапронов пророчествовал перед вами и грозил, а Радек представлял казанскую сироту, плакался и предупреждал о тех последствиях, которые партии грозят. Все это, тов. Радек, задним умом. Об этом надо было думать раньше.

Преображенский представлял дело таким образом, что в ЦК царила паника, которая явилась следствием нажима низов и 46-ти, и что вследствие этой паники ЦК бросался из одной крайности в другую. Если бы это соответствовало действительности, то такой ЦК нужно было бы гнать в три шеи. ЦК, который не мог вынести маленького нажима и впал в панику! Мало того,—он таких бедняжек, как Преображенский, Серебряков, Сапронов, загнал в группировку. Они не хотели группировок, а ЦК,—все эти Сталины, Зиновьевы, Каменевы,—силой загнал их туда. Кого хотите вы удивить такими пустячками? Ведь, мы знаем, что у вас были совещания, разделение ролей. Тут тов. Врачев выступал и изумлялся: о, если было бюро, тогда надо назначить расследование; а потом сам проболтался, что они на X Съезде собирались у Серебрякова. Да, они собирались у Серебрякова и говорили: „нас будут бить, и мы должны защищаться". Они распределяли роли, назначали выступления, намечали кандидатуры в ЦК и проч., т.-е. делали все то, что полагается хорошей фракции.

Тов. Преображенский приходит сюда и изображает дело так, что они не хотели фракции, а что их силком туда загнали. Тов. Преображенский, это сущие пустяки.

Дальше он говорит: предположим, что Троцкий был неправ, написав послание к районным совещаниям; что должен был сделать ЦК? ЦК должен был, обязан был поговорить и задержать статью. Мы знаем, тт., что можно задержать письма Ленина, что Владимир Ильич поймет, и, наконец, если задержать письма Ильича, от этого страшного ничего не получится, а вот если бы ЦК задержал письма т. Троцкого, то как бы это было использовано в районах во всех выступлениях? Ведь, мы знаем один пример, что когда одна из статей Троцкого по чисто-праздничным обстоятельствам не попала во-время, то незамедлительно ЦК был брошен упрек в том, что редакция „Правды" нарочно задержала эту статью.

Если бы ЦК пошел на это и задержал письмо т. Троцкого, скандал получился бы величайший. И оппозицией это было бы использовано на все 100%. Поэтому прикидываться здесь казанской сиротой неуместно,—здесь все-таки искушенные в политической борьбе товарищи, и многие из нас принимали участие и во фракционной борьбе, мы все понимаем, что и как происходило, начиная от письма „46-ти" и кончая всеми вашими выступлениями, которые имели место по Москве. Вам, конечно, т. Врачев оказал очень плохую услугу, медвежью услугу, вышел сюда и выболтал то, что вы тщательно скрывали. Тов. Врачев вышел и выболтал все насчет того, как на X Съезде группировочки собирались и рассуждали, как защищать себя. Но самое худшее, что выболтал он, товарищи, и что вы тут встретили смехом, но что чрезвычайно опасно,—это вопрос о новом курсе. Он что сказал? Что демократии осталось жить всего несколько часов; это, товарищи, чрезвычайно опасный симптом. Кажется, т. Коссиор возражает? Товарищи, если у нас до сих пор в партии есть люди, которые думают и утверждают, что ЦК партии во имя дипломатии возвестил новый курс, тогда неизбежна дальнейшая борьба с этим ЦК. Если те из оппозиции, которые после всего, что происходило в течение 2-х последних месяцев, когда они вели определенную политику, еще сейчас утверждают, что ЦК во имя дипломатии обманул партию и во имя дипломатии и сейчас обманывает партию, преподнося ей пряник для того, чтобы ее успокоить, то я не знаю, почему они не ставят вопроса, место ли такому ЦК быть во главе партии. А вы имеете подтверждение того, что они все это утверждают. Тов. Врачев говорит, что демократии осталось несколько часов; тов. Сапронов говорит: „А мне осталось несколько минут произносить демократические речи". Выходит, что ЦК вел все время политику дипломатии. Вы, товарищи, должны сегодняшним вотумом сказать, так ли обстоит дело, как нас хотят уверить. Сказать это тем самым товарищам, которые, очевидно, собираются продолжать ту же самую линию атаки ЦК, которую они вели до сих пор. Вы встретили заявления Врачева смехом, но это чрезвычайно симптоматично и опасно и в дальнейшем грозит не меньшей опасностью, чем это было до сих пор.

А т. Сапронов ставит под сомнение не только вопрос о проведении внутрипартиной демократии. Он поставил под сомнение всю ЦКК. Он говорит: „Разве бывает когда-нибудь беспристрастный суд? Мы знаем, вы уж там т. Биткера осудили, теперь собираетесь и тов. Рафаила судить" и пр., и пр. Всю верхушку нашей партии, с одной стороны, ее руководителя—ЦК ставит под сомнение, говорит, что он все делает во имя дипломатии, что все это не будет проведено, а с другой стороны, ставит под сомнение совесть партии, ЦКК. Эта самая совесть партии заранее опорочивается, о ней говорится, что она

будет принимать меры, которые не соответствуют интересам партии. Выходит, что это не ЦК партии, а какая-то фракция. Фракции, в которые входят ЦК и ЦКК, с одной стороны, а с другой—тт. Преображенский, Сапронов и прочие угодники! На что это, товарищи, похоже?

В течение двух месяцев мы как-будто все, что у нас было, высказали и как-будто даже с тов. Преображенским договорились. Ведь, он чем кончил? Я его спросил: что вы хотите? Я, говорит, хочу, чтобы было проведено в жизнь постановление от 5-го декабря. Но, ведь, здесь ни одного сомнения ни у кого нет, что это будет проведено. Так для чего же вы продолжаете эти свои атаки против ЦК и против ЦКК? Для чего вы забегаете вперед? И уже сейчас есть нотки, которые указывают на то, что эти атаки на ЦК будут продолжаться. Я думаю, что на это Конференция должна обратить сугубое внимание.

Теперь несколько слов относительно тов. Сапронова.

Он нас обвинял в казенном оптимизме. Извините, ни у ЦК, ни у работников на местах никакого оптимизма,—а тем более казенного,—нет. Мы знаем, у нас далеко не все было в порядке в партии; нам предстоит огромнейшая работа в связи с проведением постановления от 5-го декабря, но никакого казенного оптимизма у нас нет. А у вас, тов. Сапронов, хлестаковщины на все 100%. У тов. Сапронова арифметика замечательная. Он подсчитал, что 50% Московской организации принадлежат к оппозиции. Отсюда он делает вывод: раз 50% оппозиции уже есть, то, стало-быть, есть основания продолжать атаку и добиться еще 50%.

Тов. Радек тоже говорит, что у вас, мол, казенный оптимизм. Почему? Потому, что вы не приняли поправок Пятакова. Товарищи из оппозиции, будем откровенны. Если у вас имелась кое-какая почва в области внутрипартийной демократии, то по вопросу об экономике вы сели в лужу самым настоящим образом. Тов. Радек сам не голосовал за поправки Пятакова в ЦК. Вам устроили публичное сечение, товарищи, признайтесь,—это факт. Тов. Радек грозился на некоторых собраниях, вносил резолюции и говорил: довольно разговаривать о внутрипартийной демократии, поговорим об экономических задачах,—там мы себя покажем. Но синица море не зажгла, а шлепнулась в лужу с большого размаха. Вы говорите, что в резолюции ЦК по экономике не все хорошо. Почему? Потому, что не приняли поправок Пятакова. Откуда это благодать истины слетела на Пятакова? Резолюция ЦК неправа, а резолюция Пятакова абсолютно верна! Это нужно доказать, а не прокламировать. Вы шлепнулись и больно ударились в области экономики. Если за вами были кое-какие силы, которые до опубликования экономической резолюции считали себя с вами,—я это знаю по Сибири,—то после опубликования резолюции и после того, как четыре не экономиста, а евангелиста опубликовали свою резолюцию, после этого остатки хозяйственников, которые шли с вами, от вас отпрянули.

Второй вид опасности по Радеку—это то, что вопрос о демократии несет величайшие опасности. Он это признал, и отсюда ему следовало сделать вывод о сугубой осторожности и одобрить линию ЦК. Ведь, ЦК партии учел все опасности, связанные с дискуссией и с введением демократии вообще: ЦК подошел осторожно к этому вопросу. Вы можете обвинять ЦК в чем-угодно, только не в кавалерийском разбеге. Тов. Преображенский говорил даже о консервативности мысли ЦК. Ну, конечно, где же ЦК до кавалерийской прыткости т. Преображенского? ЦК осторожно подошел к вопросу о введении внутрипартийной демократии и о последствиях дискуссии. А я вас спрашиваю: а тов. Троцкий эту опасность учел? Я утверждаю, что нет,—не учел.

Он своими статьями создал внутри партии чрезвычайно тяжелое положение. Вы нам советуете быть осторожными на поворотах. Посоветуйте это кой-кому другому, только не ЦК, ибо ЦК не занимался кавалерийскими наскоками в этой области. Вы говорите, что партия превращается в партию запуганных людей. Бросим на партийной конференции так говорить. Неужели вы думаете, что партию в 400.000 чел. можно запугать и превратить в молчальников? Бросьте пустяками заниматься и не клевещите на партию. Партия умеет говорить соответствующим языком, когда это требуется, а не тогда, когда вам хочется, товарищи из оппозиции. (Аплодисменты). Я утверждаю, что это недостойно ни Конференции, ни Центрального Комитета, ни даже вас, товарищи из оппозиции, когда вы говорите о запугивании целой партии, в которой имеются слои, прошедшие огромный стаж политической борьбы в течение десятков лет, и которые умеют защищать свои взгляды, когда это требуется, и никогда молчальниками не были.

На этом я принужден закончить и думаю, что в итоге нашей дискуссии,—а мы подвели итоги,—должны быть какие-нибудь практические результаты. Ведь, это же верно, товарищи, что здесь, в Москве, за время дискуссии никто ничего не делал, никакой практической работы не вел. Если мы будем так же продолжать и впредь, дело кончится крахом именно потому, что мы окажемся совершенно недееспособными. Нужно ввести дискуссию в определенные рамки, чтобы не было отрыва от практической работы; нужно перейти на практические рельсы и подтвердить, что, несмотря на все заявления оппозиции, постановление от 5-го декабря Политбюро и президиума ЦКК будет проведено до конца. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Тарханов.

Тарханов. Товарищи, пленум ЦК Комсомола на своем вчерашнем заседании рассматривал вопрос о дискуссии, происходящей в партии. Мы имели уже до этого мнения передового активного состава нашего союза из нескольких основных организаций: из Питера, Харькова, Урала, Закавказья, Юго-Востока и т. д.

В своей резолюции, которую принял пленум ЦК, и которая опубликована сегодня в „Правде", мы находимся в полном единомыслии с огромным большинством товарищей, уже обсудивших этот вопрос на местах.

Многие говорят о том, что неверно толкуются некоторые места из писем и статей тов. Троцкого. Надо сказать, товарищи, что некоторые места, действительно, трудно было толковать: они писались как-будто специально для того, чтобы их можно было толковать по-разному. Некоторые места нам действительно толковать приходилось. Мы привыкли раньше к языку Ильича, к его точному, исчерпывающему языку, в котором каждое слово имеет только тот смысл, который хочет придать ему автор, и в котором, в этих вечных скобочках, еще раз поясняется и еще раз уясняется, что автор хочет сказать. Мы привыкли и к тактике Ильича, которая раскрывает все скобки, и которая всегда настолько ясна и проста, что любой комсомолец и первокурсник из вуз'а может понять и продумать ее до самого конца. Мы думаем, что не так должен был писать тов. Троцкий, если он хотел, чтобы все поняли до конца, что ему нужно, и чтобы его письма и статьи можно было толковать только по-одному.

Тов. Троцкий много раз вел молодое поколение нашей партии и рабочую молодежь в бой, и вел их к победе. Да, мы это знаем. Но именно потому, что мы это знаем, мы прислушиваемся внимательно к тому, что нам говорит тов. Троцкий. Мы прислушивались внимательно к тому, что нам говорил тов. Троцкий, и когда то, что он нам говорил, мы находили неверным и вредным для интересов воспитания

революционного молодняка рабочего класса, то мы считали своим долгом выступить и предостеречь от этого.

Первый вопрос, который ставит т. Троцкий,—это вопрос о старой гвардии. Говорят, т. Троцкий не призывал итти против старой гвардии. Тов. Троцкий не травил старую гвардию, никаких намеков по отношению к старой гвардии в его письмах и статьях не было. Вы помните, товарищи, в первом своем письме т. Троцкий говорил о бюрократизме, который грозит превратиться в оппортунизм, а в документах, розданных сейчас членам конференции, в письме тов. Троцкого есть фраза об октябрьском пленуме ЦК партии, который является „высшим выражением этого бюрократического аппаратного курса". Я думаю, что неправы, поэтому, товарищи, когда они говорят, что это „бюрократическая мнительность и аппаратное высокомерие", и что т. Троцкий ничего подобного не сказал. Нет, это не высокомерие, а просто хорошее зрение, когда мы видим, что хотят провести параллель между бюрократизмом и оппортунизмом и знак равенства между пленумом ЦК и аппаратным бюрократизмом в нашей партии.

Почему же, товарищи, мы за старую гвардию? Потому что она „старая"? Нет! Мы не думаем, что это ее вина, но отчасти это ее беда. Каждая старая гвардия, наверное, хотела бы быть помоложе, и товарищ Каменев, вероятно, не отказался бы даже от красного галстука хотя бы юного пионера. (Рязанов: „Только не впадать в детство"). Но, товарищи, мы думаем, что некоторых представителей наших „стариков" слишком рано начинают хоронить. Они еще живы, их время не прошло. И эти „дядьки", которых кое-кому хочется похоронить, будут вести за собою всю партию. Оппозиция здесь в Москве в период, который по счету т. Сталина является, кажется, вторым, говорила нам: „мы за резолюцию ЦК; но где гарантия того, что резолюция эта будет действительно проведена в жизнь?" Позвольте нам тоже поставить вопрос о гарантии и спросить: разве не лучшей гарантией против перерождения, гарантией того, что старая гвардия не станет оппортунистами, является 25-летняя борьба против оппортунизма, которую эта старая гвардия проделала? Товарищи, пытаясь провести параллель, говорят нам: а вот на Западе они все-таки переродились, несмотря на то, что были революционерами. В чем же разница между марксистом Каутским и марксистом Лениным? В том, что наша революционная большевистская гвардия, в отличие от Каутского, была не комментаторами Маркса, даже не только хорошими революционными комментаторами марксизма, а борцами, организаторами борьбы и борцами за идеи Маркса. Даже лучшие наиболее революционные элементы западной социал-демократии, как Роза Люксембург, были почти до самого конца лишь революционно-литературным течением. Наши большевики были не революционно-литературным течением, а прежде всего организаторами. Они создали организацию для борьбы с оппортунизмом, они создали настоящую революционную пролетарскую партию, и это является для нас лучшей гарантией того, что наша старая гвардия не уподобится Каутскому, который, борясь в литературе против Бернштейна и против ревизионистов, в процессе этой литературной борьбы сдал им девять десятых революционного марксизма. Вот почему мы, товарищи, за старую гвардию.

Второй вопрос о молодежи. Перед партийной молодежью ставят задачу—не позволить старикам переродиться. Вся неправильность такой постановки вопроса видна на маленьком историческом примере. Он краток. В годы войны революционные элементы старого Интернационала молодежи подняли борьбу против социал-патриотов и выкинули лозунг: „Долой войну! Да здравствует разоружение!" Что это означало? По чувству они правильно стали на путь борьбы против

социал-патриотов. Но нужен был Ленин, нужен был исторический опыт старой гвардии, чтобы Ленин пришел и сказал: это хорошо, что вы против социал-патриотов, это очень хорошо, что вы против войны, но этого мало, что вы за разоружение. Не разоружение, а вооружение пролетариата против буржуазии! Это маленький пример, который говорит о том, что мало быть „революционными". Ведь, мы не „социалисты по чувству", нам нечего апеллировать к чувству и говорить о революционном чувстве молодежи, о ее революционности, о том, что она будет бороться против бюрократизма и т. д. Мы не социалисты чувства, мы коммунисты и социалисты науки и борьбы. Мы возражаем, мы говорим: то основное, что нам нужно, для того, чтобы воспитать революционный молодняк,—это преемственность от старой гвардии к молодой гвардии.

Правильно поставила вопросы Московская Губпартконференция; когда она разбирала вопрос о молодых и стариках, она сказала, что основной вопрос—это вопрос о преемственности, а для того, чтобы преемственность была, нужно взаимное доверие. Мы спрашиваем: способствовали ли выступления оппозиции с намеками в сторону старой гвардии взаимному доверию между старой и молодой гвардией? Мы говорим: нет, это взаимное доверие систематически подрывалось, и основы для преемственности, для перенятия старого опыта отстранялись от нас, и нечего удивляться, если нам придется наблюдать, когда временно эта преемственность будет отпадать. Мы знаем, товарищи, что роль молодежи в борьбе с бюрократизмом очень велика. Правильно, что молодежи выпадают особые задачи в борьбе с бюрократизмом, и Ильич об этом писал. Но здесь две постановки вопроса: одна, которую дает Ильич, и другая, которая дается оппозицией. Ильич представлял себе роль молодежи в борьбе с бюрократизмом, как помощь государственному аппарату, систематическая помощь учащейся и всякой другой молодежи — государственному аппарату по-новому, по-лучшему работать. А здесь вопрос был поставлен иначе: бей аппарат, потому что ты лучше, чем этот аппарат. Мы хотим помочь аппарату, и мы знаем, что самая эта работа имеет колоссальное воспитательное значение. Мы думаем, что здесь мы подходим практически к вопросу о новом курсе: как эту молодежь использовать и поставить так, чтобы она находилась на службе у этого нового курса партии. Надо сказать, что мы за годы гражданской войны воспитали немало командиров и комиссаров полков из нашей среды. Сейчас у нас стоит по отношению к партии задача — воспитать партийцев-хозяйственников, как мы воспитывали командиров и комиссаров полков. У нас в союзе много рабочего юношества, стоящего у станка и уже получившего первоначальную коммунистическую обработку. Мы говорим партии: берите это рабочее юношество, это те, которых вы ищете,—рабочие от станка, уже получившие первоначальную коммунистическую обработку. Из этого рабочего юношества вырастет много и много лучших и полезнейших работников нашей партии. То же самое с вопросом о хозяйстве. Мы создали невиданную во всем мире школу, то, до чего не додумалась, не могла создать буржуазная педагогика—школы фабзавуча. В этих школах растут будущие красные директора, организаторы и руководители нашей промышленности. Сумейте их использовать. Мы говорим, что школы фабзавуча будут все лучшим и лучшим источником, откуда партия будет черпать свои силы. Но весь этот рост и выдвижение новых слоев молодежи, новых слоев рабочего молодняка мы мыслим себе не иначе, как на основе ленинизма, не иначе, как на основе тактики, десятки раз проверенной и оправдавшей себя в пролетарской борьбе.

Несколько слов об учащейся молодежи. В разгаре дискуссии,

когда учащаяся молодежь ошибалась и ошибается, были известные огорчения в среде партии против тех настроений, которые сложились в рядах учащегося молодняка. Мы хотим заявить, что эти настроения временные, перелом будет. Первые признаки есть—открытое письмо т. Троцкому, как ответ на его статью. Мы не считаем эту территорию потерянной, мы уверены, что пролетарское студенчество тем и отличается от студенчества интеллигентского старых времен, что оно сумеет при помощи всей партии и нашего союза нащупать снова верный путь. Пусть и партия, и союз сумеют привлечь учащееся юношество к практической работе, уничтожить элементы академизма и отрыва. Это будет лучший путь, чтобы все учащееся юношество стало на общепартийную линию. Я думаю, что рабочая молодежь, коммунистический молодняк, сумеет и дальше сохранить единую и монолитную партию, которая 25 лет выковывалась нашими вождями и которую мы никогда и никому не отдадим.

Председательствующий. Слово имеет тов. Кубяк.

Кубяк. Товарищи, Всесоюзная Партийная Конференция в праве потребовать ответа от людей, которые три месяца дергали партию, которые подрывали и отчасти подорвали авторитет партии среди рабочих и крестьян. Они подрывали и думали подорвать авторитет ЦК партии; они подорвали уже Московскую Конференцию и обещают подорвать Союзную Конференцию. После всех этих действий предполагалось, что товарищи, так много дергавшие партию, придут к нам сюда и предложат ту или иную линию. Что же мы видим на самом деле? Здесь, на этой конференции, тт. Преображенский и Сапронов стали заниматься историей московской дискуссии. Для Союзной конференции не так важно, кто, когда, как и что сказал,—для конференции нужно знать ответ на тот документ, с которым знакома вся партия,—на документ 46-ти и письмо Троцкого. Поддерживаете ли вы его, или нет? На это вы должны ответить. Если вы не отвечаете, то вы представляете из себя жалких борцов за ту правильную, как вы хотите выставить, линию. Я еще понимаю здесь Преображенского, который сказал авансом, что мы - старые большевики,—историю партии знаем, и мы дадим бой в партии. Тов. Преображенский, тише на поворотах!

Тов. Сапронов здесь, вместо того, чтобы притти с той или иной платформой, занимается тем, что стращает партию, угрожает ей, если партия примет какие-либо меры против таких оппозиционеров, какими оказались они. Я полагаю, что эти угрозы для партии не имеют никакого значения, и партия, как мы привыкли ее понимать, не пойдет за этими угрозами.

Другое любопытное выступление на этой конференции—это выступление тов. Радека. Он говорит, что ЦК не сумел использовать оппозицию так, как на X Съезде т. Ленин использовал рабочую оппозицию. Но почему тов. Ленин мог использовать рабочую оппозицию? Да потому, что рабочая оппозиция кое-что на съезд принесла. Вопрос другой, — было ли это правильно или неправильно. А с чем пришла теперешняя оппозиция? Радек здесь говорил, что Троцкий хороший человек. Но кто же говорит, что он нехороший? Но если этот хороший человек ошибается или думает повести партию на ошибки, то нет сомнения, что партия, в том числе и конференция, должна одергивать и этого хорошего товарища. Тов. Радек пришел с этим предупреждением или с этим заявлением о хороших людях и предупреждает о том, что если партия будет принимать репрессивные меры, то она получит нежелательный урок в будущем. Странно это слушать от тов. Радека, который в Политбюро и в ЦК по вопросу о германской коммунистической партии предлагает мордобитие внутри

ЦК германской партии, а здесь предлагает школьнический метод, т.-е. метод воздействия. Товарищи, это невязка. Если вы предлагаете внутри германской партии мордобитие, то разрешите же здесь у нас, в Российской Коммунистической Партии, которая привыкла к борьбе, довести ее до конца. Вы не охайте, в этом ничего страшного, конечно, нет.

Говорят, что сняли какого-то военного работника, Богуславского и других. Позвольте, какие ужасы! Вы же требуете обновления аппарата? Мы его обновляем и думаем обновлять. Вы сами этого требуете. Нужно встряхнуть, говорите. Во-вторых, товарищи, нельзя снятие отдельных лиц связывать с серьезной партийной дискуссией. Мы не вытаскиваем материал, за что сняли. Нужно попросить, чтобы ЦК сообщил, за что сняли. Но не в этом дело.

Конференция собралась не для обсуждения вопроса, почему сняли Антонова-Овсеенко, а для того, чтобы подвести итог трехмесячного дерганья партии и попросить ответ. Мы ответили, что согласны с ЦК. Хорошо. Что же вы думаете делать теперь? Тов. Преображенский на Московской Губернской Конференции заявил, что разногласий нет никаких. А Рафаил, выступающий после него, говорит, что Московская Губернская Конференция подтасована, решения ее подтасованы, она не авторитетна. То же самое заявляют здесь — и в кулуарах, и на конференции, что, конечно, эта конференция аппаратчиков не поднимает руку за наши предложения. Во-первых, их не было, а, во-вторых, за те, которые были, — за глупые, не подымет. Этим самым товарищи предопределяют дальнейшую борьбу или кампанию за подрыв авторитета решений этой партийной конференции. И после этого ужасаются, что конференция предлагает резолюцию, в которой будет пункт, определяющий устойчивость членов компартии.

Председательствующий. Есть предложение о прекращении прений. Кто за это предложение? Большинство.

Харитонов. Товарищи, мы закрыли прения как-раз в тот момент, когда на очереди были записавшиеся товарищи из низовых организаций. Прения, происходившие здесь, велись таким образом, что ни один товарищ из низовых организаций слова не получил. (Тов. Рязанов: „Мы тоже из низов“). Я все-таки просил бы конференцию хотя бы 5 мин. дать т. Рындину.

Председательствующий. Кто за то, чтобы дать 5 мин. т. Рындину? Кто против? Меньше.

Рындин. Мы, товарищи, на Урале имели очень много уважения к т. Преображенскому. Но с того момента, как он стал во главе одного движения, с тех пор, как он оплодотворил, товарищи, своим присутствием беспринципную оппозицию, у нас уважение к т. Преображенскому до некоторой степени поколебалось, и нам хочется с великим удовольствием т. Преображенского отругать, чтобы он не занимался больше пустяковым перетряхиванием нашей партийной организации почти-что в полмиллиона человек. Что мы слышали, главным образом, от оппозиции? Когда мы были на Урале, мы думали, что действительно есть что-то серьезное для того, чтобы перетряхивать партию. Но когда мы приехали сюда, что мы услыхали от т. Пятакова? Что у него что-то в мозгах еще не оформилось. Это мы услыхали от т. Пятакова по экономическим вопросам. А товарищи из оппозиции говорили, что знают экономику лучше, чем другой какой-нибудь аппаратчик, в роде т. Рыкова.

Теперь о внутрипартийной демократии. Оппозиция говорит, что она вполне согласна с резолюцией, принятой Политбюро. В чем же дело? В чем дело?—спрашивается. Если вы согласны, зачем вы начинаете вести всю эту бучу? Здесь основная причина, по-моему, из-за

которой ведется эта буча,—это выступление т. Троцкого, который своей статьей, своим письмом к Московской организации поддержал, опять-таки вторично оплодотворил эту беспринципную оппозицию. Конечно, нам очень трудно, маленьким работникам с районов, с заводов, судить т. Троцкого; мы, конечно, считаем т. Троцкого умнее нас, но мы никогда по своей пролетарской логике не преклоняемся перед авторитетами тогда, когда эти авторитеты ведут нашу партию к какому-нибудь крупному недоразумению или расколу. Тов. Троцкий в своем письме говорит о том, что у нас есть молодая гвардия, есть старая гвардия. А я, товарищи, позавчера прочитал в предисловии к „Основным вопросам революции" одну вещичку, написанную тов. Троцким в мае прошлого года. И когда читаешь этот его, написанный им же абзац, потом читаешь его письмо о том, что наши товарищи из ЦК, что громадное большинство ЦК пошло по пути перерождения, по пути Шейдемана и Носке, то как же все это связать? Вот что я читаю у т. Троцкого, товарищи, вот что он писал в мае: „Перерождение революционных партий происходит незаметно, а вскрывается катастрофически. Немецкая социал-демократия под руководством Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля вступала в жизнь совсем не с теми чувствами и мыслями, с какими 50 лет спустя, под руководством Шейдемана и Эберта, вошла в мировую войну. Поколения за полвека постепенно обновлялись, и то, что для стариков было лишь временным и частным, в сознании молодых отлагалось как основа. Низкопробный практицизм молодых влиял, в свою очередь, и на стариков, сдвигая партию с революционной позиции все ниже и ниже".

Мы, товарищи, эту путаницу разбираем, хотя мы и не очень грамотны. (Аплодисменты). Я, товарищи, полагаю, что тов. Троцкому не следует забывать того, что он писал в мае месяце, и не следует писать совсем другое в декабре того же года. Надо откровенно об этом сказать.

Нам говорят, что партия мертва. Я цифрами покажу, как мертва наша партия. Не очень давно, всего за этот год, ряд заводских организаций Урала, как Лысва, Чусовая и Мотовилиха, пополнили свои ряды рабочими от станка. Лысва пополнилась рабочими от станка на 120%. Если 9 месяцев тому назад этот завод насчитывал в рядах своей организации только 150 человек, то теперь он насчитывает 400 человек; пополнение шло за счет рабочих от станка. То же самое можно сказать и о Чусовой. В Мотовилихинском заводе, который имеет крупное государственное значение, произошло увеличение партии рабочими от станка на 80%. На этом заводе 6.000 пролетариев. Это говорит о том, что партия не мертва. Я не знаю, откуда тт. из оппозиции взяли те аргументы, о которых они говорят. Я думаю, что они всю свою позицию построили на вузах. Это ошибка, тов. Преображенский. Хоть и уважаем тебя, но это ошибка. Не мешало бы тов. Преображенскому переправиться на Урал на годок. (Преображенский: „Я согласен"). Я знаю, только не для оппозиции, а для того, чтобы читать лекции. (Смех). Но не в вузах, а в фабрично-заводских ячейках. Еще в подполье тов. Преображенский учил нас, уральцев, любить, уважать и учиться у тов. Ленина, а теперь мы ему советуем поучиться у тов. Ленина. (Аплодисменты).

Теперь насчет оппортунизма наших вождей, насчет оппортунизма наших аппаратчиков. Здесь надо сказать: дай бог всем коммунистическим партиям земного шара иметь такой оппортунистический ЦК, какой у нас. (Аплодисменты).

Председательствующий. Тт., прения закончены. От имени президиума вношу предложение предоставить 15-минутное слово тов. Пре-

ображенскому до заключительного слова товарища Сталина. (Голоса: „Просим“).

Преображенский. Начну с вопроса о так-называемом банкротстве оппозиции. Во-первых, являемся ли мы, та часть нашей партии, которая выступила с документом 46-ти, и та, которая борется за новый курс на деле, являемся ли мы в настоящий момент политическими банкротами, или же мы выполнили объективно необходимую работу для нашей партии в определенный трудный момент?

Мы, товарищи, предложили переход на демократию; ЦК принял резолюцию от 5-го декабря, и, таким образом, не мы, товарищи, отказались от наших предложений, а ЦК формально отказался от старого курса партийной политики. Это один факт. Чудовищно обходить этот факт и говорить потом насчет банкротства. Мы сами на всех собраниях говорили, что вопрос о рабочей демократии есть вопрос его практического осуществления.

Вопрос о плановости. Мы настаивали на большей плановости. Это включено в резолюцию ЦК, и включен еще ряд других пунктов, из которых не все являются такими, в которых мы не принимали никакого участия. В частности, предложение о регламентации розничной торговли именно я внес в комиссию тов. Рыкова. В резолюции есть целый ряд предложений, которые идут по линии назревших мероприятий.

Тов. Пятаков говорил, в каком направлении нужно сделать более решительный поворот. И теперь наши разногласия уменьшились по хозяйственным вопросам до 30%. В результате мы имеем такое положение, что если курс на плановость будет проводиться, что если во внутрипартийной политике рабочая демократия будет проводиться так, как это намечено в документе Политбюро, мы, товарищи, будем иметь мир в партии, рассасывание всяких группировок без всяких репрессивных мер. Если мы на этом пункте,—это необходимо понять и в отношении хозяйственной и внутрипартийной политики,—если мы на этом пункте нужного поворота на деле не сделаем и не будем итти дальше с достаточной быстротой, то, товарищи, все те причины, которые вызвали у нас партийный кризис, все эти причины начнут действовать с еще большей силой, и к ним прибавятся еще какое-нибудь раздражение, недовольство и протесты против мер механического воздействия на оппозицию. Я очень предупреждаю товарищей от применения всех этих мер Прошлое нашей партии говорит о том, что если какая-нибудь группировка имеет своей основой то, что партия замедляет какой-нибудь переход, а потом все же партия делает этот поворот, то тогда эта группировка рассасывается и естественной смертью умирает.

У нас теперь все сводится к тому, чтобы курс в хозяйстве и в партии, намеченный Центральным Комитетом, решительно проводить. В этом гарантия того, что партия благополучно выйдет из теперешнего кризиса. Наоборот, механические меры могут лишь осложнить положение. Но так как Центральный Комитет заявил, что резолюция 5-го декабря будет проводиться полностью и до конца, эти механические меры окажутся в вопиющем противоречии с намерениями ЦК. Сводите же концы с концами. Путем проведения механических мер, гонения на оппозицию мы не создадим мира и настоящего единства партии. Я должен констатировать, что сейчас в Москве никаких нездоровых явлений, в роде выступлений „рабочей группы“, не заметно. Эта группировка, повидимому, рассасывается, потому что партия вступила в период свободного обсуждения всех вопросов, которые являются больными. Если же мы примем предложение тов. Сталина и распубликуем на весь мир тот пункт резолюции об единстве, который

до сих пор оставался секретным,—пункт, который мы не опубликовывали даже в тот период, когда на нас напирала кронштадтская стихия, то отдайте себе отчет в том, что вы делаете? Опубликование этого пункта в январе 24-го года означало бы, что вы говорите партии, что наше положение сейчас более тяжелое, чем тогда, в период Кронштадта. А разве это верно? Это неверно. У нас внутри партии положение не хуже, чем когда принималась резолюция об единстве партии, а значительно лучше. Кроме того, партия, которая прочтет этот документ, скажет: положение серьезное, необходимо временно заглушить свое недовольство, заглушить все разногласия. И все это перед съездом, который должен выявить полностью волю партии. Вы снова толкаете партию на позицию молчания, в котором наши ячейки находились до кризиса. Вы должны помнить, что партия представляет массовую организацию, и не от членов ЦК зависит, чтобы заговор молчания не воцарился снова, если они ведут политику репрессий. Здесь есть логика определенного массового процесса. ЦК выставляет артиллерийское орудие угроз, которое не пугает всю партию, потому что каждый член партии может вывести отсюда заключение, что в партии неспокойно, в партии тревожно, в партии более тревожно, чем весной 1921 года. Все это абсолютно неверно. (Голос с места: „Нарушение дисциплины"). Для нарушения дисциплины вы можете этот пункт применить без опубликования. Вы подумайте, зачем его опубликовывать, кому это нужно? Не запугивайте членов партии,—вы этим отбросите их на позиции „мертвого штиля". Вы, местные работники, должны отдать себе отчет, вы приедете на места, где была оживленная жизнь, где не боялись высказываться, и вы загоните всех снова на старые позиции.

Теперь относительно того, какой процесс выражает оппозиция. Тов. Сталин выходит и цитирует речи студентов, молоденьких членов или кандидатов нашей партии. (Голос с места: „Это—ваша опора"). Бросьте, это глупости! У нас в Москве мы наблюдали один процесс, за которым мы очень следили; а процесс заключался вот в чем: чем значительнее рабочая ячейка, тем больше голосов подавалось за оппозицию. По статистике, даже той, которую решился опубликовать тов. Вардин в „Правде", за нас голосовала одна шестая рабочих ячеек, не считая буферных, и одна пятая голосов рабочих у станка. Это значит, что, чем крупнее ячейка, тем больше голосов за нас. (Голос с места: „Почему?") Ибо ясно, что, чем выше сознательность ячейки, чем больше она по объему, чем больше в ней старых товарищей, тем серьезнее обсуждались вопросы, и тем сильнее реагировали более крупные ячейки на проявление бюрократизма аппарата. Чем крупнее заводы, тем труднее улаживать конфликты, тем больше нужна самодеятельность ячеек.

Вы берете отдельные выражения у отдельных товарищей, которые потому только и говорили, что на протяжении предыдущего периода настоящим партийным воспитанием мы не занимались, потому что не имели нормальной партийной жизни. Если бы мы жили хотя год в условиях рабочей демократии, то подобного сорта речей мы бы не слыхали. Мы не воспитывали партийно нашу молодежь. Каждый жил про себя, почти никто на собраниях не высказывался. Вы подсчитываете некоторые битые стекла, некоторые не вполне партийные или антипартийные и просто глупые выступления, и по ним судите о корнях оппозиции. Это легкомысленно и поверхностно.

Мы представляем из себя ту часть нашей партии, которая раньше реагировала на бюрократический режим нашей партии. Тов. Ленин говорил, что бюрократы у нас имеются не только в советских, но и в партийных учреждениях. В своей статье о рабкрине он эту мысль

повторяет два раза. Мы сильнее реагируем на опасность, которая угрожает нашему государственному хозяйству от рассасывания его в нэп'е. Если вы сопоставите одно с другим, то вы увидите, что мы представляем ту часть партии, которая хочет сделать поворот в тех размерах, в которых он назрел. Вы же автоматически продолжаете старый курс, отрывающий нас от рабочих. Таким образом, здесь есть борьба между новым и старым курсом. Те же свердловцы, среди которых 70 процентов рабочих, они первые реагировали на это. Это — знаменательный процесс. Если у нас в дальнейшем будет продолжаться накопление противоречий, которые породили кризис, а режим не будет изменяться на деле в духе резолюции 5-го декабря, то это будет означать подготовку элементов нового кризиса, который механическими действиями против оппозиции будет только обострен и ускорен.

Мы вас об этом предупреждаем. Настоящим лекарством против всяких внутрипартийных кризисов является проведение в жизнь нового курса, и только оно может создать внутреннее фактическое единство, а не угроза репрессиями.

Я заканчиваю словами: долой раскольнические настроения, откуда бы они ни исходили, и да здравствует единство партии!

Председательствующий. Заключительное слово имеет т. Сталин.

Сталин. Я уже в докладе говорил, что не хотел бы коснуться истории вопроса, не хотел бы потому, что это вносит элементы склоки, как я выразился, и взаимных обвинений. Но раз этого хочет тов. Преображенский, раз он этого требует, то я готов пойти на уступки и сказать два слова об истории вопроса о внутрипартийной демократии.

Как возник вопрос о внутрипартийной демократии в ЦК? Возник он впервые на пленуме ЦК в сентябре месяце, возник в связи с теми конфликтами, которые разыгрались на предприятиях, и в связи с той оторванностью некоторых партийных и профессиональных организаций, которую мы тогда вскрыли. ЦК пришел тогда к мысли, что дело это серьезное, что в партии накопились недочеты, что необходимо создать специальную авторитетную комиссию, которая разобралась бы в этом деле, изучила бы факты и внесла конкретные предложения об улучшении партийного положения. То же самое нужно сказать в отношении вопроса о кризисе сбыта, о „ножницах". И постановка вопросов, и выборы комиссии о внутрипартийном положении и о „ножницах" прошли без всякого участия оппозиции. Где была тогда оппозиция? Если не ошибаюсь, Преображенский был тогда в Крыму, Сапронов в Кисловодске, т. Троцкий заканчивал в Кисловодске свои статьи об искусстве и собирался в Москву. Еще до их приезда ЦК поставил этот вопрос у себя на заседании. Они, придя на готовое, ни единым словом не вмешивались, ни единого возражения не выставили против плана ЦК По вопросу о партийном положении был прочтен в сентябре доклад тов. Дзержинского на совещании секретарей губкомов. Я утверждаю, что ни на пленуме в сентябре, ни на совещании секретарей нынешние члены оппозиции не дали ни одного слова намека о „жестоком хозяйственном кризисе" или о „кризисе в партии" и о „демократии". Как видите, вопросы о демократии и „ножницах" были поставлены самим Центральным Комитетом, инициатива находилась целиком в руках ЦК, а члены оппозиции молчали, либо находились в нетях.

Это, так-сказать, первый акт, первая стадия истории вопроса.

Второй акт начался с пленума ЦК и ЦКК в октябре. Оппозиция, во главе с тов. Троцким, видя, что дело запахло наличием недочетов внутри партии, что ЦК уже взялся за это дело, создал комиссии и, — не дай бог, инициатива останется в руках ЦК, — попы-

талась, задалась целью вырвать у ЦК инициативу и сесть на коньке демократии, ибо конек этот, как известно, прыток и можно попробовать объехать на нем ЦК. На этой основе возникли те документы, о которых здесь Преображенский распространялся — документ 46-ти и письмо тов. Троцкого. Тот же самый тов. Троцкий, который в сентябре, за несколько дней перед своим фракционным выступлением, молчал в пленуме и, во всяком случае, не возражал против решений ЦК, через две недели после этого вдруг открыл, что страна и партия гибнут, и что он, тов. Троцкий, этот патриарх бюрократов, без демократии жить не может. Нам было несколько смешно слышать речи о демократии из уст тов. Троцкого, того самого Троцкого, который на X Съезде партии требовал перетряхивания профсоюзов сверху. Но мы знали, что между т. Троцким периода X Съезда и тов. Троцким наших дней нет разницы большой, ибо как тогда, так и теперь он стоял за перетряхивание ленинских кадров: разница лишь в том, что на X Съезде он перетряхивал ленинские кадры сверху в области профсоюзов, а теперь перетряхивает он те же ленинские кадры снизу в области партии. Демократия нужна, как конек, как стратегический маневр. В этом вся музыка.

Ибо если бы оппозиция действительно хотела помочь делу, поделовому, по-товарищески подойти к делу, она должна была со своим заявлением войти прежде всего в комиссии сентябрьского пленума и сказать примерно: „Мы считаем, что ваша работа неудовлетворительна, мы требуем доложить Политбюро о результатах ваших работ, созвать пленум ЦК, которому мы имеем сообщить наши новые предложения“ и т. д. И если бы комиссии их не выслушали, или если бы Политбюро не выслушало, если бы оно игнорировало мнение оппозиции или отказалось созвать пленум для рассмотрения предложений тов. Троцкого и вообще оппозиции, тогда оппозиция имела бы,—и только тогда,— полное право выступить открыто, через голову ЦК, с обращением к членам партии и сказать партии: „Страна стоит перед гибелью, хозяйственный кризис развертывается, партия гибнет, мы предлагали комиссиям ЦК рассмотреть эти вопросы,—они отказались выслушать нас, мы пробовали войти в Политбюро,—ничего из этого не вышло, мы вынуждены теперь апеллировать к партии для того, чтобы партия сама взялась за дело“. Я не сомневаюсь, что партия в ответ на это сказала бы: „Да, это революционеры дела, ибо сущность дела ставят они выше его формы“.

Но разве оппозиция так поступила? Разве она попыталась хоть разок заглянуть в комиссии ЦК со своими предложениями? Разве она подумала, разве она попыталась поставить и исчерпать вопросы в рамках ЦК или его органов? Нет, такой попытки оппозиция не сделала. Очевидно, у оппозиции речь шла не о том, чтобы улучшить внутрипартийное положение, не о том, чтобы помочь партии улучшить хозяйственное положение, а о том, чтобы предупредить работу комиссии и пленума ЦК, вырвать у ЦК инициативу, сесть на коньке демократии и, пока не поздно, поднять шум для того, чтобы попытаться подорвать доверие к ЦК. Оппозиция, видимо, торопилась создать „документы“ против ЦК в виде письма т. Троцкого и заявления 46-ти для того, чтобы можно было отнести их к свердловцам, в районы и сказать, что они, оппозиция, — за демократию, за улучшение хозяйства, а ЦК мешает, что нужна помощь против ЦК и пр. Таковы факты.

Я требую, чтобы тов. Преображенский опроверг эти мои утверждения. Я требую, чтобы он опроверг их хотя бы в печати. (Преображенский: „Если „Правда“ напечатает“). Конечно, напечатает. Пусть тов. Преображенский опровергнет тот факт, что были созданы

комиссии в сентябре пленумом ЦК без оппозиции, до выступлений оппозиции. Пусть т. Преображенский опровергнет тот факт, что ни тов. Троцкий, ни прочие оппозиционеры не попытались войти в эти комиссии со своими предложениями. Пусть опровергнет тов. Преображенский тот факт, что оппозиция знала о существовании этих комиссий, что она игнорировала их работу, что она не попыталась исчерпать дело в рамках ЦК.

Вот почему, когда Преображенский и Троцкий в октябре на пленуме заявили, что они хотят спасти партию через демократию, а ЦК слеп и ничего не видит, ЦК посмеялся над ними и сказал: нет, товарищи, мы, ЦК, всецело за демократию, но в вашу демократию мы не верим, ибо считаем, что ваша „демократия" является стратегическим ходом против ЦК, продиктованным вашей фракционностью.

Что же постановили тогда пленумы ЦК и ЦКК по вопросу о внутрипартийной демократии? А вот что:

„Пленумы одобряют полностью своевременно намеченный Политбюро курс на внутрипартийную демократию, а также предложенное Политбюро усиление борьбы с излишествами и разлагающим влиянием нэп'а на отдельные элементы партии.

Пленумы поручают Политбюро сделать все необходимое для ускорения работ комиссий, назначенных Политбюро и сентябрьским пленумом: 1) комиссии о „ножницах", 2) о заработной плате и 3) о внутрипартийном положении.

Политбюро должно по разработке необходимых мер по этим вопросам начать немедленно проводить их в жизнь и сделать об этом доклад на следующем пленуме ЦК".

Тов. Троцкий в одном из своих писем в ЦК пишет, что октябрьский пленум был „высшим выражением аппаратно-бюрократического курса". Разве не ясно, что это заявление тов. Троцкого является клеветой на ЦК? Только человек, потерявший голову и ослепленный фракционностью, может говорить после оглашенного документа, что октябрьский пленум был высшим выражением бюрократизма.

А что решили тогда пленумы ЦК и ЦКК о „демократических" маневрах тов. Троцкого и 46-ти? А вот что:

„Пленумы ЦК и ЦКК с представителями 10-ти парторганизаций признают выступление тов. Троцкого в переживаемый международной революцией и партией ответственнейший момент глубокой политической ошибкой, в особенности потому, что нападение тов. Троцкого, направленное на Политбюро, объективно приняло характер фракционного выступления, грозящего нанести удар единству партии и создающего кризис партии. Пленумы с сожалением констатируют, что т. Троцкий для постановки затронутых им вопросов выбрал путь обращения к отдельным членам партии вместо единственно допустимого пути—предварительной постановки этих вопросов на обсуждение коллегий, членом которых состоит тов. Троцкий.

Путь, избранный тов. Троцким, послужил сигналом к фракционной группировке (заявление 46-ти).

Пленумы ЦК и ЦКК и представители 10-ти парторганизаций решительно осуждают заявление 46-ти, как шаг фракционно-раскольничьей политики, принявший такой характер хотя бы и помимо воли подписавших это заявление. Заявление это грозит поставить всю жизнь партии на ближайшие месяцы под знак внутрипартийной борьбы и тем ослабить партию в момент, наиболее ответственный для судеб международной революции".

Как видите, товарищи, изложенные здесь факты ни в какой мере не соответствуют той картине, которую изображал здесь тов. Преображенский.

Третьим актом, или третьей стадией истории вопроса является период после октябрьского пленума. Октябрьский пленум постановил предложить Политбюро принять все меры к тому, чтобы обеспечить дружную работу. Я должен заявить, товарищи, что за период после октября мы приняли все меры к тому, чтобы дружная работа с товарищем Троцким была налажена, хотя должен сказать, что дело это далеко не из легких. Мы имели два частных совещания с тов. Троцким, перебрали все вопросы хозяйственного и партийного порядка, при чем пришли к известным мнениям, не вызвавшим никаких разногласий. Продолжением этих частных совещаний и этих попыток наладить дружную работу внутри Политбюро было, о чем я уже докладывал вчера, создание подкомиссии из трех. Подкомиссия эта и выработала проект резолюции, ставший впоследствии резолюцией ЦК и ЦКК о демократии. Так было дело. Нам казалось, что после того, как резолюция принята единогласно, нет больше оснований для споров, нет оснований для внутрипартийной борьбы. Да так оно и было на деле до нового выступления тов. Троцкого с его обращением к районам. Но выступление тов. Троцкого на другой день после опубликования резолюции ЦК, проведенное независимо от ЦК и через голову ЦК, расстроило все дело, изменило положение радикальным образом и отбросило партию назад, к новым спорам, к новой борьбе, более острой, чем раньше. Говорят, что ЦК должен был запретить печатание статьи тов. Троцкого. Это не верно, товарищи. Это было бы со стороны ЦК опаснейшим шагом. Попробуйте-ка запретить статью тов. Троцкого, уже оглашенную в районах гор. Москвы. ЦК не мог пойти на такой опрометчивый шаг.

Такова история вопроса.

Из сказанного следует, что у оппозиции шло дело не столько о демократии, сколько о том, чтобы идею демократии использовать для расшатывания ЦК, что мы в лице оппозиции имеем дело не с людьми, желающими помочь партии, а с фракцией, которая подкарауливала ЦК: „авось, дескать, ошибется, прозевает, а мы его стукнем". Это и есть фракция, когда одна группа членов партии поджидает центральные учреждения партии у переулочка, чтобы сыграть либо на неурожае, либо на падении червонца, либо на других затруднениях партии, для того, чтобы выскочить потом из-за угла, из засады и стукнуть партию по голове. Да, прав был ЦК в октябре, сказав вам, тт. оппозиционеры, что одно дело—демократия, а другое дело—подсиживание партии, одно дело—демократия, а другое дело—использование шумихи о демократии против большинства партии.

Такова, тов. Преображенский, история вопроса, о которой я не хотел здесь говорить, но о которой я все же вынужден был рассказать, уступая вашему настойчивому желанию.

Оппозиция взяла себе за правило превозносить тов. Ленина гениальнейшим из гениальных людей. Боюсь, что похвала эта неискренняя, и тут тоже кроется стратегическая хитрость: хотят шумом о гениальности тов. Ленина прикрыть свой отход от Ленина и подчеркнуть одновременно слабость его учеников. Конечно, нам ли, ученикам тов. Ленина, не понимать, что тов. Ленин гениальнейший из гениальных, и что такие люди рождаются только столетиями. Но позвольте спросить вас, тов. Преображенский, почему вы с этим гениальнейшим человеком разошлись по вопросу о Брестском мире? Почему вы этого гениальнейшего человека покинули в трудную минуту и не послушались его? Где, в каком лагере вы тогда обретались? А тов. Сапронов, который фальшиво, фарисейски расхваливает теперь тов. Ленина, тот самый Сапронов, который имел нахальство на одном из съездов обозвать тов. Ленина „невеждой" и „олигархом"! Почему он не поддер-

жал гениального Ленина, скажем, на X Съезде, почему он в трудные минуты неизменно оказывался в противоположном лагере, если он в самом деле думает, что тов. Ленин является гениальным из гениальных? Знает ли тов. Сапронов, что тов. Ленин, внося на X Съезд резолюцию об единстве, требующую исключения фракционеров из партии, имел в виду, между прочим, и тов. Сапронова? Или еще: почему тов. Преображенский не только в период Брестского мира, но и впоследствии, в период профдискуссии, оказался в лагере противников гениальнейшего Ленина? Случайно ли все это? Нет ли тут некоторой закономерности?

Преображенский. Своим умом пытался работать.

Сталин. Это очень похвально, тов. Преображенский, что вы своим умом хотели работать, но глядите, что получается: по брестскому вопросу работали вы своим умом и промахнулись, потом при дискуссии о профсоюзах опять пытались своим умом работать и опять промахнулись. Теперь, я не знаю, своим ли умом вы работаете, или чужим, но, ведь, опять промахнулись будто. (Смех). Я все же думаю, что если бы тов. Преображенский работал теперь своим умом больше, чем умом тов. Троцкого,—умом, нашедшим свое выражение в его письме от 8-го октября, то он был бы ближе к нам, чем к т. Троцкому.

Тов. Преображенский упрекал ЦК, говоря, что, пока Ильич был у нас во главе, вопросы решались своевременно и без запаздываний, ибо Ильич умел брать в зародыше новые события и давать лозунги, предупреждавшие события, а теперь, мол, после Ильича, ЦК стал отставать от событий. Что хочет сказать этим тов. Преображенский? Что Ильич выше своих учеников? Но разве кто-либо сомневается в этом? Разве есть у кого-либо сомнение, что Ильич в сравнении с своими учениками выглядит Голиафом? Если речь идет о вожде партии, не о газетном вожде с кучей приветствий, а о настоящем вожде, то вождь у нас один—тов. Ленин. Именно поэтому говорилось у нас не раз, что при настоящих условиях—временного отсутствия тов. Ленина—нужно держать курс на коллегию. Что же касается учеников тов. Ленина, можно было бы указать, например, на события, связанные с ультиматумом Керзона и явившие собою образец испытания, экзамена для них. Тот факт, что мы вышли тогда из затруднений без ущерба для дела, с несомненностью говорит о том, что ученики тов. Ленина уже научились кое-чему у своего учителя.

Не прав тов. Преображенский, утверждая, что наша партия не отставала от событий в прежние годы. Не прав, так как утверждение это фактически неверно и теоретически неправильно. Можно сослаться на ряд примеров. Возьмем хотя бы Брестский мир. Разве мы не опоздали с Брестом? Разве не понадобились такие факты, как наступление немцев и повальное бегство наших солдат, для того, чтобы мы поняли, наконец, необходимость мира? Развал фронта, наступление Гофмана, его подход к Питеру, давление крестьян на нас,—разве все эти факты не понадобились, для того, чтобы мы поняли, что темп международной революции не так быстр, как мы этого хотели, что наша армия не так крепка, как мы думали, и что крестьянство не так терпеливо, как некоторые из нас думали, что оно хочет мира, и что оно возьмет мир силой? Или возьмем пример с отменой продразверстки. Разве мы не опоздали с продразверсткой? Разве не понадобились такие факты, как Кронштадт и Тамбов, для того, чтобы мы поняли, что жить дальше в условиях военного коммунизма невозможно? Разве сам Ильич не признал, что мы на этом фронте потерпели более серьезное поражение, чем любое поражение на фронтах Деникина и Колчака? Случаен ли тот факт, что во всех этих случаях партия отставала от событий, несколько запаздывала? Нет, не случаен. Мы

имели здесь дело с закономерностью. Очевидно, что, поскольку дело идет здесь не об общих теоретических предвидениях, а о непосредственном практическом руководстве, правящая партия, стоящая у руля и вовлеченная в события дня, не имеет возможности сразу заметить и уловить процессы, творящиеся в глубинах жизни, и нужен толчок со стороны и известная степень развития новых процессов для того, чтобы партия заметила эти процессы и ориентировалась на них. Именно поэтому несколько отставала в прошлом наша партия от событий и будет еще отставать в будущем. И дело тут вовсе не в отставании, а в том, чтобы понять смысл событий, смысл новых процессов и потом умело ими управлять в соответствии с общей тенденцией развития. Так именно обстоит дело, если смотреть на вещи глазами марксиста, а не глазами фракционера, ищущего везде виновников.

Тов. Преображенский возмущается, что представители ЦК говорят об уклонах тов. Троцкого от ленинизма. Он возмущается, но ничего по существу не возразил и вообще не попытался обосновать свое возмущение, забыв, что возмущение не есть аргумент. Да, верно, что тов. Троцкий уклоняется от ленинизма в вопросах организационных. Мы это утверждали и продолжаем утверждать. Известные статьи в „Правде" под названием „Долой фракционность", принадлежащие перу тов. Бухарина, посвящены целиком вопросу об уклонах тов. Троцкого от ленинизма. Почему тов. Преображенский не выставил возражений по существу против основных мыслей этих статей? Почему тов. Преображенский не попытался подкрепить свое возмущение доводами или подобием доводов? Я вчера говорил и должен повторить сегодня, что такие шаги т. Троцкого, как противопоставление себя Центральному Комитету, игнорирование воли ряда организаций, требующих ясного ответа от тов. Троцкого, противопоставление партии аппарату партии, противопоставление молодежи кадрам партии, ориентирование партии на учащуюся молодежь и провозглашение свободы группировок,—что такие шаги несовместимы с организационными принципами ленинизма. Почему же тов. Преображенский не попытался опровергнуть это мое утверждение?

Говорят о травле тов. Троцкого. Говорили об этом тов. Преображенский, тов. Радек. Товарищи, я должен заявить, что заявления этих товарищей о травле совершенно не соответствуют действительности. Я напомню вам о двух фактах для того, чтобы вы имели возможность судить. Первый факт—это инцидент, разыгравшийся на сентябрьском пленуме ЦК, когда тов. Троцкий в ответ на заявление члена ЦК тов. Комарова о том, что члены ЦК не могут отказываться от исполнения решений ЦК, сорвался и покинул заседание пленума. Вы помните, что пленум ЦК направил тогда т. Троцкому „делегацию" с просьбой вернуться на заседание пленума. Вы помните, что тов. Троцкий отказался исполнить просьбу пленума, проявив тем самым отсутствие минимальной дозы уважения к своему ЦК. Или еще история с другим фактом, состоящим в том, что т. Троцкий решительно отказывается работать в центральных советских органах, в СТО и в Совнаркоме, несмотря на дважды принятое ЦК решение о том, чтобы тов. Троцкий приступил, наконец, к работе в советских органах. Вы знаете, что тов. Троцкий не попытался ударить палец о палец для того, чтобы выполнить постановление ЦК. Почему бы, в самом деле, не работать тов. Троцкому в СТО, в Совнаркоме? Почему бы тов. Троцкому, который любит так много говорить о плане, почему бы ему не заглянуть разок в наш Госплан? Можно ли считать нормальным положение, когда член ЦК игнорирует решение ЦК? Не говорят ли все эти факты о том, что разговоры о травле являются

пустой сплетней, что, если уж винить кого-либо, так нужно винить самого тов. Троцкого, поведение которого нельзя рассматривать иначе, как издевку над ЦК?

Совершенно неправильны рассуждения тов. Преображенского о демократии. Т. Преображенский ставит вопрос так: либо у нас есть группировки, и тогда есть демократия, либо вы запрещаете группировки, и тогда у нас нет демократии. Свобода группировок и демократия у него неразрывно связаны между собой. Мы не так понимаем демократию. Мы демократию понимаем, как поднятие активности и сознательности партийной массы, как систематическое втягивание партийной массы в дело не только обсуждения вопросов, но в дело руководства работой. Свобода группировок, т.-е. свобода фракций,— это одно и то же,—является злом, грозящим расщепить партию и превратить ее в дискуссионный клуб. Вы себя разоблачили, т. Преображенский, ибо вы отстаиваете свободу фракций. Партийная масса понимает демократию, как создание условий, обеспечивающих активное участие членов партии в деле руководства нашей страной, а пара интеллигентов из оппозиции понимает дело так, чтобы дали ей возможность создать фракцию. Вы себя разоблачили, тов. Преображенский.

И откуда это у вас такой испуг относительно 7-го пункта об единстве партии, чего тут пугаться? Седьмой пункт говорит: „Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности"... Разве вы против „строгой дисциплины внутри партии и в советской работе", тт. оппозиционеры, разве вы против всего этого? Вот уж не знал, тт., что вы против этого. А разве вы, тт. Сапронов и Преображенский, против того, чтобы добиться максимального единства и „устранения фракционности"? Скажите прямо, — мы внесем, может быть, поправочки. (Смех). Дальше: „Съезд дает ЦК полномочия применять в случае нарушения партдисциплины или возрождения фракционности меры партийных взысканий"... Неужели вы и этого боитесь? Неужели вы думаете, тт. Преображенский, Радек, Сапронов, нарушать партдисциплину, возродить фракционность? Ну, а если вы не думаете, так чего же бояться? Вы себя разоблачаете, тт., паникой, которая охватила вас. Очевидно, раз вы боитесь, вы—за фракционность, за нарушение дисциплины, против единства. А если вы не против всего этого, то зачем же в панику впадать? Если у вас совесть чиста, если вы за единство против фракционности и против нарушения дисциплины, то разве не ясно, что карающая рука партии не коснется вас? Чего же бояться? (Голос с места: „А зачем вы вносите, если нестрашно"?)

Сталин. А мы вам напоминаем. (Смех, аплодисменты).

Преображенский. Вы партию пугаете.

Сталин. Мы пугаем фракционеров, а не партию. Неужели вы думаете, т. Преображенский, что партия и фракционеры одно и то же? Видимо, тут на воре шапочка горит. (Смех). Дальше: „А по отношению к членам ЦК — перевод в кандидаты и даже, как крайняя мера, исключение из партии. Условием применения к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам ЦКК такой крайней меры должен быть созыв ЦК".

Что тут страшного? Если вы не фракционеры, если вы против свободы группировок, если вы за единство, то вы, тт. оппозиционеры, должны голосовать за 7-й пункт резолюции X Съезда, ибо он направлен исключительно против фракционеров, исключительно против нарушителей единства партии, ее мощи, ее дисциплины. Разве это не ясно?

Перехожу к тов. Радеку. Есть люди, которые имеют язык для того, чтобы владеть и управлять им. Это—люди обыкновенные. И есть люди, которые сами подчинены своему языку и управляются им. Это люди необыкновенные. К такого рода необыкновенным людям принадлежит тов. Радек.

Рязанов (с места). Мало проницателен ЦК, если он три года этого не видел.

Сталин. Человек, которому дан язык не для того, чтобы управлять им, а для того, чтобы самому подчиниться своему собственному языку, не будет в состоянии знать, когда и что сболтнет язык. Если бы вы имели возможность послушать речи тов. Радека на различных собраниях, вы поразились бы сегодняшним его выступлением. На одном из дискуссионных собраний тов. Радек утверждал, что вопрос о внутрипартийной демократии—пустяковый вопрос, что он, Радек, собственно говоря, против демократии, что дело идет теперь, в сущности, не о демократии, а о том, что думает делать ЦК с т. Троцким. На другом дискуссионном собрании тот же тов. Радек заявил, что демократия внутри партии—дело не серьезное, а вот демократия внутри ЦК—самое важное дело, ибо в ЦК, по его мнению, создалась директория. А сегодня тот же тов. Радек с открытым лбом заявляет, что внутрипартийная демократия так же необходима, как воздух и вода, ибо без демократии нет, оказывается, возможности управлять партией. Кому из этих трех Радеков прикажете верить—первому, второму или третьему? Где гарантия, что тов. Радек, или его язык, не сделает на-днях новых неожиданных заявлений, опровергающих все предыдущие заявления? Можно ли полагаться впредь на такого товарища, как тов. Радек? Можно ли после этого придавать цену заявлению тов. Радека, например, об отстранении тт. Богуславского и Антонова от известных должностей „по фракционным соображениям"?

Насчет тов. Богуславского я уже говорил, товарищи... Что касается тов. Антонова-Овсеенко, позвольте сообщить вам следующее. Тов. Антонов-Овсеенко снят с ПУР'а по решению Оргбюро ЦК, утвержденному пленумом ЦК. Он снят прежде всего за то, что разослал циркуляр о конференции ячеек военных вуз'ов и воздухофлота с порядком дня: по международному положению, по партстроительству и пр., без ведома и согласования с ЦК, хотя т. Антонов знал, что ПУР работает на правах отдела ЦК. Он снят с ПУР'а, кроме того, за то, что разослал всем военным ячейкам циркуляр о формах применения внутрипартийной демократии вопреки воле ЦК и несмотря на предупреждение ЦК о согласовании этого циркуляра с планами ЦК. Он снят, наконец, за то, что прислал в ЦК и ЦКК совершенно неприличное по тону и абсолютно недопустимое по содержанию письмо с угрозой по адресу ЦК и ЦКК призвать к порядку „зарвавшихся вождей". Товарищи! Можно и нужно допустить оппозиционеров на постах. Можно и нужно допускать критику работы ЦК со стороны заведующих отделами ЦК. Но нельзя допускать того, чтобы заведующий ПУР'ом, действующим на правах отдела ЦК, систематически отказывался установить деловой контакт со своим ЦК, нельзя допускать того, чтобы ответственный работник мог попирать элементарные правила приличия. Нельзя такому товарищу вверять воспитание Красной армии. Вот как обстоит дело с тов. Антоновым.

Наконец, я должен сказать несколько слов по вопросу о том, чьи же настроения выражают в своих выступлениях товарищи из оппозиции. Я должен вернуться к „случаю" с товарищами Казарьяном и Мартыновым из курсов НКПС. „Случай" этот говорит о том, что у одной части вузистов не все обстоит благополучно, что партийное у них там внутри успело уже сгнить, что внутренне они уже порвали с партией, и именно поэтому с удовольствием голосуют они за

оппозицию. (Голос: „У вас таких нет?“) Я извиняюсь, товарищи, но таких людей, прогнивших насквозь в партийном отношении, нет и не может быть в числе тех, которые голосовали за резолюцию ЦК. У нас таких нет, товарищи. У нас нет в своих рядах людей, которые сказали бы: „А что у нас—диктатура пролетариата или диктатура компартии над пролетариатом?“ Это—фраза Мартова и Дана. Это—фраза „Дней“ эсеров, и если у вас, в ваших рядах имеются такие защитники, чего же стоит ваша позиция, товарищи из оппозиции? Или, например, другой товарищ, товарищ Мартынов, который думает, что ЦК должен помалкивать, а ячейки решают. Вы, ЦК, можете, дескать, исполнять то, что мы, ячейки, решили. Но у нас 50.000 ячеек. Если они будут решать, например, вопрос об ультиматуме Керзона, то мы два года не добьемся его решения. Это, ведь, чистой воды анархо-меньшевизм. Если эти люди, потерявшие голову и прогнившие насквозь в партийном отношении, сидят у вас во фракции, то чего стоит ваша фракция? (Голос: „Они—члены партии?“). Да, к сожалению, они члены партии, но я готов принять все меры к тому, чтобы такие люди перестали быть членами нашей партии. (Аплодисменты). Я говорил, что оппозиция выражает настроения и устремления непролетарских элементов в партии и за пределами партии. Оппозиция, сама того не сознавая, развязывает мелкобуржуазную стихию. Фракционная работа оппозиции—вода на мельницу врагов нашей партии, на мельницу тех, которые хотят ослабить, свергнуть диктатуру пролетариата. Я это сказал вчера и я это подтверждаю сегодня. Но, может-быть, вы хотели бы выслушать других, новых свидетелей? Что ж, я могу доставить вам это удовольствие, сославшись, например, на показание известного вам Ст. Ивановича. Кто такой Ст. Иванович? Он—меньшевик, бывший член партии, когда мы вместе с меньшевиками составляли одну партию. Разошедшись потом с ЦК меньшевиков, он стал правым меньшевиком. Правые меньшевики—это группа меньшевиков-интервенционистов, очередная задача которых состоит в том, чтобы свергнуть Советскую власть, хотя бы при помощи иностранных штыков. Органом их является „Заря“. Редактор этого органа—Ст. Иванович. Как относится к нашей оппозиции этот правый меньшевик, как он аттестует ее? Слушайте:

„Будем благодарны оппозиции за то, что она так красочно нарисовала картину ужасающей моральной клоаки, которая именуется РКП. Будем ей благодарны, что она нанесла РКП серьезный моральный и организационный удар. Будем ей благодарны за то, что ее работа облегчает дело всех тех, кто в свержении Советской власти видит задачу социалистических партий“.

Это вам аттестат, товарищи из оппозиции.

Заканчивая речь, я хотел бы все же выразить товарищам из оппозиции желание, чтобы этот поцелуй Ст. Ивановича не слишком плотно пристал к ним. (Продолжительные аплодисменты).

Председательствующий. Обсуждение 2-го пункта порядка дня закончилось. Нам предстоит голосование. Голосовать мы должны два предложения. Первое — об утверждении той резолюции ЦК и президиума ЦКК по партийной демократии, которая вам известна. К этой резолюции у нас имеется только одна поправка тов. Патернова, делегата от Киргизии, которую все члены президиума считают неприемлемой.

Разрешите мне, товарищи, не читая этой поправки, прямо поставить на голосование резолюцию.

Кто за эту резолюцию? Кто против? Таковых нет. Кто воздержался? Таковых тоже нет.

Резолюция принимается единогласно. (Аплодисменты).

Теперь, товарищи, ЦК предлагает конференции принять по докладу тов. Сталина дополнительную резолюцию об итогах дискуссии.

Эту резолюцию от имени ЦК огласит тов. Угланов. (Голоса с мест: „После перерыва").

Председательствующий. Объявляется перерыв до 7-ми час. вечера.

Заседание закрывается до 7 час. вечера.

Заседание пятое.

(18 января 1924 г., вечернее).

Председательствующий (после перерыва). Мы переходим к обсуждению 3-го пункта порядка дня о международном положении. Слово для доклада имеет тов. Зиновьев. (Аплодисменты).

Зиновьев (аплод.). Мой доклад будет состоять из двух частей. Первая его часть посвящена вопросам международной политики, а вторая часть — политике Коминтерна. И в той, и в другой области я могу затронуть лишь самое важное. Но и в той, и в другой области как-раз сейчас мы стоим перед некоторыми решениями такого характера, которые предопределят на довольно длительное будущее политику нашей партии.

В области международной политики мы стоим сейчас перед началом новой полосы. В настоящий момент вполне возможно, что мы получим признание де-юре в 4-х государствах: в Англии, во Франции, в Италии и в Норвегии. Разумеется, это только возможность. Никто не может дать гарантии, что это наступит непременно и притом в ближайшее время. Но для нашей ориентации необходимо ясно видеть, что в настоящий момент как бы начинается новая полоса в этой области.

Вопрос о признании или непризнании Советской России де-юре является сейчас, пожалуй, самым боевым вопросом международной политики. Чехословацкий министр Бенеш в своей новогодней речи сказал, что 1924 год ознаменуется признанием Советской России де-юре. Разумеется, не все новогодние предсказания министров оправдываются, но есть серьезные основания ожидать, что это предсказание оправдается и Бенеш окажется пророком. Центральным пунктом международной политики является сейчас, повторяю, вопрос о признании или непризнании нас де-юре. Но в этот вопрос, естественно, врезалась наша партийная дискуссия. Как всегда бывало, когда наступают какие-нибудь затруднения для нашей партии, международная буржуазия пытается их использовать, раздуть, преувеличить. И сейчас мы видим то же самое. В Западной Европе и Америке, в связи с нашей дискуссией, особенно в самые последние дни, начали создаваться форменные легенды того типа, который нам известен с самого начала существования Советской власти. Я на всякий случай, товарищи, сообщу вам важнейшие факты из этой области, т. к. едва ли кто-либо из вас представляет себе, до чего здесь дошло дело. Сегодня мы получили не от врагов наших, а от друзей в Коминтерн сообщение следующего характера: венская „Neue Freie Presse“ приводит в номере таком-то следующую телеграмму: „Согласно парижского телеграфного сообщения

там распространился слух, что Троцкий арестован. Другая версия: Троцкий укрепился в бронированном поезде, Буденный занял пока выжидательную позицию". (Смех). Такие сведения распространяет не только бульварная печать, но и вся так-называемая серьезная буржуазная пресса. „Морнинг-Пост" сообщает, что Троцкий вышел из Политбюро, а в кругах американских журналистов „более осведомленные" говорят, что Троцкий арестован. Тов. Крестинский, один из наших представителей за границей, в своем дневнике, который он ведет, сообщает от 8-го января следующее: „Осада по делам партийной дискуссии усилилась, повалили немцы, бельгийцы и австрийцы. Немецкие „спецы" по иностранным делам все заинтересовались вопросом, не окончится ли дискуссия в Москве, в виду ее небывалой страстности, событиями в роде июльских событий 1918 г.". Такой-то, имя рек, тоже „спец" по советским делам, понимал „демократизацию в общебуржуазном смысле". Вот еще штрих: „С легкой руки агентства „Ост-Экспрес" была пущена сенсация, что среди вождей оппозиции находится Н. Н. Крестинский. Новая осада. Все желают видеть „протестанта-посла". (Смех). На указания, что, ведь, и в Америке, и в Европе министры и послы имеют свое внутрипартийное мнение, отвечали: да, но в Совроссии ЦК есть правительство, „даже Зиновьев во время дискуссии говорил-де открыто о том, что правительство—это ЦК". В Америке считают, что распря среди русских коммунистов будет иметь серьезные последствия для движения вправо".

Нечего уже говорить о том, что зарубежная белогвардейско-эсеровская печать, разумеется, трубит в ту же дудку. Эсеры, издающие газету в Берлине „Дни", пишут буквально: „России нужен нэп политический, а дать его ни себе, ни тем более стране не может и не смеет РКП. В этом, и только в этом, общий интерес и показательный смысл громкой победы ленинской старой гвардии над пророками внутрипартийной демократии". И обращаясь к русскому обывателю, они говорят, что „пока обыватель не заговорит, пока он, наконец, не потребует себе „рабочей демократии", до тех пор никакая дискуссия таких-то с такими-то ни к чему не приведет". Представитель румынского правительства на недавно закончившейся конференции Малой Антанты заявил официально, что „в настоящий момент нет оснований торопиться с признанием Советской России, так как кризис, переживаемый Российской Коммунистической партией, несомненно, чреват громадными событиями".

Таким образом, два вопроса сейчас сплелись. Нет никакого сомнения в том, что острота дискуссии, по крайней мере, на некоторое время, пока эти господа не убедятся в том, что действительно у нас происходит, ослабляет наши шансы на международной арене. Вообще за такую дискуссию, конечно, мы должны заплатить довольно дорогой ценой; „издержки производства" тут были немалые. И в число издержек производства входит и то, что, быть-может, произойдет некоторое замедление в вопросе о признании нас де-юре.

Правда, если в английской печати так много уделяют внимания нашим раздорам, мы могли бы им посоветовать заниматься больше своими собственными делами. Вот сейчас у них, говорят, происходят свои „фракционные" заседания, борьба между различными лордами: Асквитом, лордом Керзоном, Ллойд-Джорджем и т. д. Неизвестно, как разрешится этот кризис. Я думаю, товарищи, что наш „лорд" Сапронов нам все-таки не столь страшен. Мы после постановления партии с ним помиримся, он подчинится решению партии. Но факт остается фактом: международная буржуазия подслушивает у дверей, как правильно выразился один товарищ в своей статье,—она подслушивает у наших дверей в надежде на то, что сейчас внутренняя борьба в нашей

партии поможет ей отвильнуть от того, от чего отвильнуть, казалось, больше нельзя: от признания того строя де-юре, который существует де-факто уже 7-й год.

Наш ЦК прав, когда он считает, что в настоящий момент нам нужно особенно осторожно и тщательно взвешивать свои решения в сфере международной политики, имея в виду, что в общем и целом мы пришли к началу нового этапа.

Обстановка меняется. В самом деле, возьмем важнейшие страны Запада. Возьмите в первую очередь Англию. Нет еще года, как лорд Керзон поставил-было под вопрос всю нашу передышку своим знаменитым ультиматумом, всколыхнувшим тогда до дна всю нашу трудящуюся Россию. Сравните положение вещей в Англии, каким оно было в момент ультиматума Керзона, с тем, каким оно является сейчас. Керзон уже одной ногой вне правительства. Формальности затягиваются, парламент только-что открылся. Во всяком случае, совершенно ясно уже, что положение Керзона не так уж прочно. Положение т. Чичерина много прочнее. (А пл.). Это всякий видит. Тов. Чичерин может ожидать открытия Союзного съезда Советов с гораздо большим спокойствием, чем Керзон ждал открытия сессии парламента, созванной им. (А пл.).

Положение изменилось в корне. Весь политический мир считает, что в Англии мы идем к правительству Макдональда. Сказать это наверняка в настоящий момент все-таки еще нельзя. Если не обманут все признаки, Макдональд в ближайшее время придет к власти.

В настоящее время нам, как политикам, приходится исходить более всего из этой перспективы, и нашей конференции приходится оценивать ее. В последнем сообщении т. Раковского он пишет, и, по-моему, совершенно правильно: „главное, чего нам нужно остерегаться в настоящий момент,—это переоценки возможностей". Действительно, нам не зачем впадать в излишний оптимизм в связи с возможным приходом к власти рабочей партии и ее лидера Макдональда. Мы уже видели Второй Интернационал у власти. Мы видели правительство Шейдемана—Гаазе, возникшее как-никак не из парламентской победы, а из революции. Мы недавно видели пример Брантинга, который был шведским премьером. Он тоже является одним из столпов II Интернационала. А мы видели, что его политика ничем не была лучше, чем политика любого буржуазного правительства. Нам поэтому нет основания переоценивать возможностей в связи с правительством Макдональда.

Однако, товарищи, если это правительство станет фактом, это все-таки будет событием мировой важности. Нам нужно расценивать возможное правительство Макдональда под двумя углами зрения: с точки зрения международного рабочего движения и с точки зрения непосредственных интересов Советской России. С точки зрения развития международного рабочего движения и международной революции что такое будет представлять собою правительство Макдональда? Поскольку дело идет о верхах, о парламентских политиканах, это не бог весть какое событие. Но поскольку дело идет о массовом движении рабочего класса, это будет событием величайшей важности. Вы все помните, как на 2-м конгрессе Коминтерна тов. Ленин советовал молодой английской коммунистической партии поддерживать меньшевистскую английскую рабочую партию, голосовать за нее, помочь ей скорее притти к власти. И вы помните, как тов. Ленин тогда откровенно разъяснял (нельзя никакого секрета сделать из этого), что мы будем поддерживать меньшевистскую рабочую партию в Англии, партию Макдональда так, как веревка „поддерживает" повешенного. Он говорил прямо, что, чем скорее они придут к власти, тем скорее они должны

будут показать себя рабочему классу, тем скорее они обанкротятся, тем скорее иллюзии английского рабочего класса будут рассеяны, тем скорее будет расчищена дорога для пролетарской революции.

Этот момент теперь наступает. Это есть событие крупнейшей важности. Английский рабочий класс в глубинах своих воспринимает приход к власти Макдональда не просто как приход к власти того или другого парламентария, а как приход к власти рабочего класса, трудящегося человека. Рядовой английский рабочий видит в этом исторический реванш рабочих, он верит, что если у власти станет рабочая партия, то не будет безработицы, будет нажим на роскошь, на богачей. Другими словами, английские рядовые рабочие тут рассуждают на основании своего классового инстинкта, классового чутья. Это, товарищи, факт великой исторической важности. Мы все изучали судьбы рабочего класса в Англии, знакомились с его положением из известного сочинения Энгельса. Через эту призму мы изучали движение чартизма. Из классических произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Каутского, который был некогда революционером, мы знакомились с характером английской рабочей аристократии, которая превращает английское рабочее движение в контр-революционный фактор. Сейчас в Англии рабочее движение входит, на наш взгляд, в новую фазу. Рабочая аристократия в Англии попрежнему является контр-революционным фактором. Макдональд — типичный представитель верхушки рабочего класса, т.-е. рабочей аристократии. Тем не менее, приход меньшевистской рабочей партии к власти в такой стране, как Англия, есть факт всемирно-исторической важности. Это не Эстония, не Болгария, даже не Германия, это — Англия, независимо от того, что это будет разыгрываться потом как трагикомедия, независимо от того, что Макдональд, несомненно, будет ползать на четвереньках перед крупной английской буржуазией, — это событие большое. Повторяю: надо принять во внимание, что это событие происходит не в Эстонии, не в Польше, не в Болгарии, даже не в Германии, а в Англии, — в той стране, буржуазия которой действительно владеет шестой частью мира, — примерно такой же территорией, как мы. Английская буржуазия — богатейшая буржуазия мира. И если она считает себя вынужденной передать мандат на управление Англией как-никак „рабочей“ партии, — это имеет большое значение. Конечно, английская буржуазия делает это не без задней мысли. Там есть своя группа политиков, которая подталкивает Макдональда к власти, имея свою перспективу, что, чем раньше ты придешь к власти, тем раньше тебя слопают. Но все-таки такая буржуазия, как английская, „не от хорошей жизни“ делает такой опыт, не от хорошей жизни передает власть в такой стране, как Англия, в руки пусть хотя бы и меньшевистской, но все же рабочей партии. В этом смысле приход к власти Макдональда есть крупнейший этап в международном рабочем движении, крупнейший этап в деле освобождения английского рабочего класса от конституционных иллюзий, крупнейший шаг вперед по пути международной революции.

Со второй точки зрения, с точки зрения непосредственных интересов Советской России, это тоже есть, разумеется, очень важное событие. Мы не знаем, сдержит ли Макдональд свое слово о признании де-юре Советской России без дальнейших рассуждений и без каких бы то ни было прелиминарных условий. Гадать об этом трудно. Я думаю, следует сказать: когда имеешь дело с представителем II Интернационала, с членами меньшевистской партии, — готовься к худшему, и тогда ты будешь ближе к истине.

Но как складывается положение сейчас? При нынешнем настроении английского рабочего класса есть серьезная надежда, что правительство Макдональда должно будет признать нас де-юре.

В связи с этим поставлен вопрос и во Франции. Вы все знаете, что англо-французское соревнование, т.-е. соревнование между английской и французской буржуазией, является фактом, определяющим в значительной степени всю политическую ситуацию Европы в данный момент.

Мы видим сейчас и со стороны пуанкаристской Франции попытки к сближению с Сов. Россией. Вы все читали знаменитую статью Эрбета, недавно появившуюся в официозе французского правительства,—статью, намекающую, что они не прочь договориться с нами. Французская печать с полной ясностью дает понять, что французское правительство через чехословацкого премьера Бенеша имеет предложить нашему правительству ведение переговоров. Как видно из печати, французское правительство интересуется тем, согласны ли мы признать довоенные долги, и как относимся мы к вопросу о признании международных договоров.

Конечно, мы не примем любезного посредничества Бенеша, если оно будет предложено. Мы, конечно, будем благодарить за посредничество, но считаем, что разговор должен итти без этого посредничества, ибо посредник будет думать не о нас, а о себе. Если нам будут поставлены предварительные вопросы, мы будем говорить о них в процессе переговоров. Я не думаю, что нам удастся сговориться с нынешним французским правительством. Я думаю, что французской буржуазии, если она хочет с нами серьезно разговаривать, не мешает подыскать себе более подходящего для этого премьера, чем господин Пуанкаре. Что побудило Пуанкаре к мысли о переговорах с нами? С одной стороны, исход выборов в Англии, намечающееся признание Англией Советской России, а с другой стороны, и это главное, приближающиеся выборы в самой Франции. Кто бывал во Франции, тот знает, что такое Франция накануне выборов. Страна совершенно преображается. Все партии перекрашиваются, все повально становятся „социалистами“, все обещают крестьянам и рабочим что-угодно, а многие и кое-что сверх того, все партии лихорадочно ищут наиболее популярный, наиболее зажигательный лозунг, который может дать голоса на выборах. Несомненно, теперь таким популярным лозунгом во Франции становится лозунг возобновления сношений с Советской Россией, лозунг сближения с Советской Россией. Вот почему даже Пуанкаре, который, как вы знаете, горячо нас любит и пользуется такой же любовью с нашей стороны (аплодисменты), воспылал еще большей любовью к нам и через Бенеша намерен предложить сближение с нами. Нет сомнения в том, насколько можно предвидеть ход событий, что выборы во Франции, которые уже недалеки, приведут к передвижке сил внутри буржуазного лагеря, как это произошло уже в Англии. Во Франции к власти еще не придет меньшевизм. Но то крыло буржуазии, которое представлено высокими гостями, посещавшими нас от имени французской буржуазии, и которое держится другой ориентации, нежели Пуанкаре,—они идут к власти.

В Италии Муссолини тоже не прочь нас признать. Здесь есть отраженное влияние поворота Англии и еще больше—поворота со стороны Франции. Так же, как нынешнее сравнительное миролюбие польской буржуазии тоже есть не что иное, как отраженное влияние поворота их хозяев в Англии и во Франции.

В Норвегии, которая находится под сильным влиянием Англии, мы тоже видим поворот, который позволяет надеяться на близкое завершение переговоров. Вы видите значительное улучшение международного положения нашей страны, которое ставит перед нами ребром целый ряд вопросов о том, как мы будем теперь маневрировать по

отношению к международной буржуазии. При этой изменившейся обстановке, которая означает, что начинается новая глава в нашей международной политике, нужно держать ухо востро. Я не могу скрыть от вас, что по этой линии, как и по коминтерновской линии, мы имеем серьезнейшие расхождения с товарищами из той же самой „оппозиции“,— разногласия, которые бросают свет на вопрос о сущности всех наших разногласий с ними вообще. Раз международная буржуазия, английская, французская, итальянская и пр., обнаруживает желание пойти на некоторое сближение с нами, возникает вопрос о том, не должны ли мы, в связи с этим, обнаружить со своей стороны бо́льшую уступчивость, чем это было в последний раз, когда мы сходились со всей международной буржуазией во время конференции в Генуе. Некоторые товарищи, в том числе т. Радек, полагают, что этот момент наступил, что мы должны пересмотреть генуэзские условия в сторону больших уступок международной буржуазии, для того, чтобы получить не столько признание „де-юре“, которое его мало интересует, сколько возможность деловых сношений. Это такое предложение, над которым мы должны задуматься. Мы в Политбюро и в ЦК партии держимся того мнения, что у нас нет и теперь никаких оснований итти на бо̀льшие уступки международной буржуазии. Наоборот, мы считаем, что наступило время напомнить международной буржуазии то, что говорил Владимир Ильич от имени всего правительства после Генуэзской конференции. Он говорил, обращаясь к международной буржуазии: чем позже вы пойдете на соглашение с нами, тем худшие условия вы получите, тем меньше мы уступим вам. Мы думаем, что наступил момент подтвердить это. Чем больше они тянули, тем больше мы окрепли, и, разумеется, мы будем сейчас разговаривать с ними еще гораздо тверже, чем мы разговаривали с ними в Генуе.

Вы слышали речь тов. Красина вчера. Признаюсь, я не без некоторого интереса ждал этого выступления, как, думаю, и многие другие. Я был разочарован, как, думаю, и многие другие. Речь тов. Красина была бледной копией того, что он сказал на XII Съезде нашей партии. Вы, говорит он, слишком лениво привлекаете иностранный капитал. Слишком лениво, видите ли, мы берем кредиты. Как-будто дело только в нашей „лени“. Нам, видите ли, суют кредиты, а мы ленимся их взять. Можно ли, говорит он, нашей России с ее несчастными материальными ресурсами восстановить быстро свое хозяйство? Можно подумать, что у него в кармане есть другая Россия не с несчастными, а с богатыми ресурсами. Мы имеем одну Россию — такую, какая она есть.

Мне думается, товарищи, вопрос о размерах уступок международному капиталу ведет прямехонько к вопросу о взглядах на судьбы нэп'а. Некоторые товарищи из „оппозиции“ пытались прибегать к „левым“ фразам и держали речи в том направлении, что, будто бы, ЦК— за нэп, а они хотят его поурезать. Эти речи имели бы смысл, если бы эти товарищи были за отмену нэп'а и за восстановление военного коммунизма. Тут у товарищей из оппозиции не сведены концы с концами. С одной стороны, они как-будто хотят урезать нэп, а с другой стороны, заявляют: дайте б о́ л ь ш и е уступки международной буржуазии для восстановления деловых связей. Но это, ведь, и было бы величайшее усиление нэп'а, какое только можно себе представить. Потому что речь идет о том, чтобы пустить сюда настоящую, не так-называемую новую буржуазию, которую мы все же здорово потрясли (здесь надо сказать, что наша „новая“ буржуазия пока далеко не похожа еще на настоящего сытого буржуазного зверя, какого мы знаем в Англии и Франции),—если допустить иностранный капитал в большом количестве, это же будет величайший приток свежей крови и в жилы рус-

ской буржуазии, и нэп'у вообще. Товарищи из оппозиции должны в этом пункте сговориться, здесь у них не сведены концы с концами. Они должны выбрать одно из двух.

Я думаю, что было бы величайшей ошибкой с нашей стороны сейчас,—когда международная буржуазия, что ни говори, все больше и больше запутывается в собственных противоречиях, а мы с вами, что ни говори, все-таки крепнем и крепнем, хотя и медленнее, чем мы бы этого хотели,—итти на чрезмерные уступки. Я позволю себе напомнить вопрос о концессии Уркварта. Я думаю, товарищи, что, если после долгих размышлений тов. Ленин и ЦК отвергли концессию Уркварта, то это, между прочим, потому, что в последнюю минуту тов. Ленин сказал себе (и он был прав) примерно так: лучше наша израненная, серая, пока еще довольно бедная Советская Россия, но своя, чем Россия, которая для быстроты восстановления пустит к себе в огород такого крупного зверя, каким является Уркварт. Вот был основной тон настроения т. Ленина. Я думаю, что это было правильно. Это было действительно отношение „хозяина" в лучшем смысле этого слова к тому достоянию, которое находится в руках нашей партии. Это не значит, что мы предлагаем ревизовать наше отношение к концессиям вообще. Конечно, мы будем концессии брать, каждый раз тщательно взвешивая. Сейчас идут переговоры с Синклером, возможен пересмотр вопроса об Уркварте. Но каждый раз, когда нам приходится иметь дело с каким-нибудь крупным концессионером-хищником, я думаю, мы должны помнить об этом основном настроении тов. Ленина и ЦК. Да, возможно, дело восстановления нашего хозяйства и пойдет быстрее, если сразу произойдет большой приток иностранного капитала. Но „маленький" вопрос здесь заключается в том, пойдет ли это на пользу в классовом смысле слова нашему хозяйству, усилит ли это удельный вес нашего социалистического хозяйства, или сразу, в величайшей степени усилит нэп. Этот „маленький" вопрос некоторые наши товарищи иногда позабывают. Между тем, это — коренной вопрос нашей международной политики. Не так важно—признают нас сейчас де-юре или нет, не так важно, как мы будем маневрировать по отношению к Макдональду или Пуанкаре, или другому представителю западно-европейской буржуазии,—как-нибудь сманеврируем. Не деталями хочу я занять нашу партийную конференцию. Но этим основным, узловым вопросом определяются действительные судьбы нашей международной политики. Да, начинается некая новая полоса в Западной Европе. Соотношение сил сложилось так, что у них есть склонность признать нас де-юре и пойти на деловые отношения. Наша партия должна дать ответ, считает ли она, что в связи с этой новой главой в международной политике мы должны пойти по тому пути, по которому предлагали итти тт. Радек, Красин и другие, или мы должны остаться на старом пути. Это вопрос немаловажный, может-быть, даже поважнее, чем крайне важный сам по себе вопрос о демократии внутри партии. Потому что от него действительно зависит классовое соотношение сил в нашей стране, потому что от него зависят судьбы нэп'а. И раз наши кадры обвиняли в том, что они перерождаются в сторону буржуазности, мне кажется, что при виде этих предложений „оппозиции" вполне уместно спросить: кто же тут действительно перерождается и в какую сторону? (Аплодисменты). Мы ли, партийные „староверы", когда мы говорим, что в этом вопросе мы должны держаться старой линии, или те, кто теряет равновесие и говорит, что сейчас надо пересмотреть международную политику в сторону больших уступок западно-европейской буржуазии? Я думаю, что конференция вместе с ЦК скажет нам: ни шагу в области каких бы то ни было дальнейших уступок. За признание „де-юре" мы не платим ни-

какими материальными благами. Что такое в самом деле „де-юре"? Подумайте, они на седьмом году признают, что мы существуем! От этого некоторые плюсы, конечно, будут. Но чтобы мы за это платили чистоганом, льном, пшеницей—где это видно, за кого нас принимают? Мы не научились вполне хорошо торговать, но все же настолько мы умеем торговать, чтобы сказать: за это мы ни пшеницей, ни золотом не платим. Если они хотят открыть нам новые кредиты,—мы согласны поговорить о компенсациях. Мы знаем, что не ради наших прекрасных глаз будут они нам давать кредиты. Однако, мы помним, что медленно, но собственными силами мы начинаем выводить страну из того положения, в которое она попала. Мы стоим на той точке зрения, что Россия со своими „жалкими" ресурсами, — наши ресурсы не такие уже жалкие, мы одна из богатейших стран, тов. Красин,—выйдет на дорогу, тут нас хорошо поймет не только рабочий, но и мужик, и тут будет одно из звеньев нашей смычки между рабочими и крестьянами, если мы социалистическое отечество не выдадим международному капиталу. Это есть разногласие, которое, если товарищи не будут на нем настаивать, останется эпизодом. Мы скажем тогда, что вы признали свою ошибку, и будет больше радости от одного раскаявшегося грешника, чем от десяти праведников. Но если на этой ошибке начнут настаивать и из этого попытаются сделать платформу, это будет ошибкой, которая прямехонько ведет **направо от партии**.

Мне кажется, что обсуждение вопроса на нашей конференции в данный момент должно привести к тому, чтобы конференция от имени всей партии сказала ЦК, что мы по пути Радека и Красина в этом вопросе не пойдем, что это было бы ошибкой, что нет основания пересматривать свою политику здесь, ибо это было бы пересмотром не только в области международной политики, но и по отношению к нэп'у вообще.

Я теперь перехожу, товарищи, ко второму вопросу. В Коминтерне, разумеется, за это время было немало событий. Раскол в норвежской партии,—мы должны были отрезать целое большое крыло, социал-демократическое, которое долго себя называло коммунистическим. Серьезный конфликт в шведской партии, который теперь, повидимому, изживается; трудное положение в итальянской партии, которая все еще не вышла из тяжелого кризиса; в Болгарии одна большая ошибка летом, затем вооруженное восстание, которое впервые поставило нашу партию под перекрестный огонь неприятеля, и которое впервые создало там настоящую коммунистическую партию; крупнейшее движение в Польше, которое нам показало, что в Польше мы входим в новую полосу развития. Но, разумеется, товарищи, над всем этим господствует германский вопрос. На осеннем нашем совещании мы констатировали серьезный политический кризис в Германии. Наша оппозиция много издевалась над тем, что мы не разговаривали много по этому поводу. Это для них было доказательством того, что, видите ли, наша партия состоит из „молчальников", что заглохла жизнь в партии и т. д. Я думаю, что они плохо знают интимную сущность большевистской партии, если так объясняют дело, если так оценивают. Я не говорю, что все было хорошо в партии, но если на осеннем совещании перед лицом огромной важности событий мы оказались единодушны, как один человек, то смею вас уверить, товарищи из „оппозиции", это не потому, что у нас „молчальники", а это вытекало из сути большевистской партии. Партия понимала, что наступил момент, которого никто не мог расценивать иначе, как революционный момент, с большим количеством шансов на успех. Партия понимала, что если такой момент наступил, то дело не в том, чтобы сотрясать воздух речами и развести большую дискуссию, а дело в том, чтобы сделать выводы, вытекающие

из всей обстановки. Мне кажется, что именно этим объяснялось тогдашнее настроение. Все без различия оценивали положение вещей так, что революция в Германии есть вопрос недель. Все сведения сходились к этому. Самые пессимистические отзывы отличались от самых оптимистических тем, что пессимистически настроенные товарищи ждали революции на две, три, четыре недели позднее.

Вот самое большое расхождение, которое было. Одни говорили: вопрос дней, другие говорили: две, три, четыре недели лишних еще дадут нам более устойчивое большинство в рабочих массах, и мы тогда будем бить наверняка. Таково было положение вещей—громаднейшая августовская стачка, громаднейшее колебание в рядах противника, в рядах германской социал-демократии. Коммунистическая партия была поднята на гребень невиданной еще в Германии революционной волны. Мелкая буржуазия стала переходить на сторону коммунистической партии. Крестьянство колебалось, марка падала стремглав, буржуазия растерялась, красные сотни росли, фабзавкомы крепли, одним словом, была типичная картина настоящего предреволюционного кризиса. Вот почему стоял один вопрос: что же такое представляет собой большевистская партия после 2 лет нэп'а, как будет она действовать? Будет ли она размусоливать, дискутировать, даст ли она верх премудрым пескарям, которые в этот момент скажут: „нельзя рисковать", или большевистская партия окажется на посту, как главнейшая партия Коминтерна, и возьмет на себя всю тяжесть ответственности?

Я знаю, когда революция не пришла, неизбежно наступило большое разочарование у нас: вот вы „обещали" нам революцию,—где же ваша революция? Это настроение в рабочих массах бывало, и вполне понятно — почему. Но я думаю, товарищи, что и ЦК, и Коминтерн должны вам сказать, что при повторении подобных событий, в такой же обстановке нам пришлось бы сделать то же. Мы ошиблись тут в темпе, как очень часто ошибались марксисты, начиная с самого Маркса. Что же удивительного, если и мы, ученики Маркса, в вопросе о темпе ошиблись вместе с германской партией, французской, польской, чешской и проч., которые вместе с нами принимали решение.

Но мы не ошибались в основном, как не ошибался большевизм, когда после поражения декабрьского восстания 1905 года он, в отличие от меньшевизма, сказал: вторая революция придет,—и она пришла. В вопросе о сроке Ленин тогда ошибался. Он „назначил" сначала срок восстания на весну 1906 года, а затем пришлось перенести на позднее лето: после окончания полевых работ, говорил Владимир Ильич, мужик будет посвободнее. Но восстание не произошло и поздним летом, а затянулось на много лет. Меньшевики, конечно, издевались над несбывшимся „пророчеством". В вопросе о сроке марксисты и сам Маркс не раз ошибались, потому что нет в наших руках такого инструмента, который дал бы возможность никогда не ошибаться в таком вопросе. Но в основной оценке классовых сил и в том, что неизбежна вторая революция, большевизм не ошибался, и в этом вопросе не ошибся и Коминтерн. Вторая революция в Германии неизбежна, и сроки, оставшиеся для нее, не так велики.

Товарищи, вы поймете без дальних слов, что после того, как произошла неудача, отступление без боев, вы поймете, что при таком положении вещей неизбежен более или менее тяжелый кризис партии, более или менее радикальная переоценка ценностей. Именно в такую минуту познаются настоящие революционеры. Те, которые находятся в партии случайно, с боку-припека, они в такую минуту впадают в панику, шарахаются в крайнюю левую или в крайнюю правую, деморализуют партию, начинается плач, стенание, иеремиада.

Настоящее ядро партии закаляется именно в такой обстановке. Германская партия проходит сейчас в этом смысле через тяжелые разногласия, и вместе с ними—Исполнительный Комитет Коминтерна, а с ним вместе и ЦК нашей партии вынуждены разбираться в этих разногласиях.

Я не могу здесь, товарищи, вдаваться во все детали,—это и не требуется,—я должен обрисовать только основу спора, тем более, что он опять-таки имеет очень близкое отношение к нашим внутренним спорам и весьма существенно отражает споры с нашей „оппозицией".

Я не знаю, товарищи, как было у вас, в провинции, но в Москве было дело так, что вопрос о германской революции, о Коминтерне и о руководстве Коминтерна сыграл немалую роль в этих дискуссиях. Товарищи из „оппозиции" на всех собраниях, кроме тысячи и одного упрека против ЦК, бросали еще вдобавок упрек Исполкому Коминтерна в том, что он „погубил" германскую партию, германский ЦК. В этом отношении особенно усердствует тов. Радек.

Я должен сказать, товарищи, что за наши взгляды, в особенности в германском вопросе, действительно несет ответственность весь ЦК РКП, и более всего Политбюро. Вопрос этот слишком близко касался России. Уже по одному этому представители нашей партии в Коминтерне вынуждены были каждый вопрос рассматривать в Политбюро, а затем, товарищи, и в силу положения вещей в партии. Пока тов. Ленин непосредственно работал, у нас дело происходило так, что мы непосредственно, работники Коминтерна, намечали линию и советовались с тов. Лениным лично,—этого было достаточно, и весь ЦК считал, что, стало-быть, дело находится на правильных рельсах. Когда это стало невозможно, мы должны были сказать, что и в этой области нужно заменить руководство Ильича руководством коллектива. Вот почему представители ЦК в Коминтерне должны были вопрос о германской революции во всех его деталях рассматривать в Политбюро, что мы и делали. Большая часть решений принималась единогласно, и, таким образом, это и есть коллективные решения, за которые мы несем ответственность. Разумеется, это не значит, что на мне лично не лежит бо́льшая ответственность. Само собой разумеется, на мне лежит большая ответственность в силу причин, которые вам понятны.

В чем заключались наши разногласия? В партии распространены некоторые неверные фактические сведения, которые я должен опровергнуть. Иногда распространяются о том, будто бы Исполком Коминтерна решил в такой-то срок произвести восстание, навязав этот срок немецкой партии. Я категорически утверждаю, что вопрос был передан на разрешение самой германской партии. Такова была наша точка зрения.

Второй вопрос, который в высшей степени важно осветить вам сейчас же, ибо он ведет нас прямо к основе разногласий в германской коммунистической партии,—это вопрос о саксонском правительстве. Каково было положение вообще в Саксонии? В Саксонии имелось большинство социал-демократов и коммунистов против буржуазии, парламентское большинство в несколько, если не ошибаюсь, в 6 голосов. Правое крыло германской коммунистической партии несколько раз делало попытку установить тут соглашение с социал-демократами и легально образовать правительство на парламентской почве. Исполком Коминтерна всегда выступал против этого. Но когда мы оценили события так, что вопрос о кризисе есть вопрос нескольких недель, мы тогда сказали: теперь наступил момент, чтобы под известными условиями войти в правительство, дабы сделать себе из Саксонии плацдарм, получить место, где развернуться и организовать борьбу за власть. Это был момент, когда был назначен генерал Миллер комиссаром. Мне

припоминается пример Кронштадта 1917 г., когда временное правительство назначило комиссаром кадета Пепеляева, а фактически власть была в руках кронштадтского совета, как тогда кронштадтский совет игнорировал Пепеляева и его высмеивал, а потом в свое время мы его арестовали. Нам казалось, что для немецких товарищей такой момент наступает: они войдут в правительство, будут игнорировать этого генерала, мобилизуют рабочих с тем, чтобы пойти на соединение с революционными рабочими всей остальной Германии. Другими словами, мы рассматривали вступление в саксонское правительство, как маневр, чтобы, захватив пядь земли, развертываться дальше. Мы полагали тогда, что вопрос о вступлении нашем в саксонское правительство надо поставить практически под условием, что группа правительства Цейгнера готова будет действительно бороться против белой Баварии, против фашистов, добьется немедленного вооружения 50—60 тысяч рабочих Германии с тем, чтобы игнорировать генерала Миллера. То же самое в Тюрингии. Вы видите, как мы представляли себе это дело относительно вступления в это саксонское правительство.

Мы представляли себе дело ни в каком случае не как парламентскую комбинацию, а как маневр, направленный к тому, чтобы занять определенную позицию. Немецкие товарищи оценивали положение вещей так, что считали это возможным.

Теперь, вы знаете, делаются попытки ретроспективно, т.-е. задним числом, пересмотреть всю политику, и говорят так, что, дескать, Коминтерн, однако, опоздал, надо было тремя-четырьмя месяцами раньше начать подготовку. Вы знаете брошюру т. Троцкого „Новый курс", которой он выстрелил в конференцию за полчаса до ее открытия, и которая, может-быть, поэтому еще не всеми прочитана. В этой брошюре т. Троцкий затрогивает также немецкий вопрос. Он говорит прямо, что ошибка была именно в том, что „если бы коммунистическая партия резко изменила темп работы, использовав предоставленные ей историей 5—6 месяцев полностью и целиком для организационной политической и технической подготовки, развязка событий могла бы быть не та, которую мы наблюдали в ноябре". Такая постановка вообще бесплодна. Разумеется, если бы начали подготовляться на 5 месяцев раньше, мы бы при прочих равных условиях лучше подготовились. Вообще, „ежели бы да кабы", то у нас было бы лучше,—это дешевая философия. Однако, небезынтересно остановиться на вопросе, каковы были настроения в руководящей группе Коминтерна именно 5—6 месяцев назад. В июле месяце начался в Германии очевидный перелом. В июле месяце ЦК германской коммунистической партии, почувствовав новую волну, выступил с революционным воззванием против фашистов. ЦК коммунистической партии говорил открыто от имени партии, что за каждого убитого рабочего мы перебьем 10 фашистов. Кто знает историю германской компартии, тот понимал, что это есть начало какой-то новой главы. Движение шло дальше и дальше. Партия получала все больше и больше влияния. Тогда она решила назначить известный вам антифашистский день. Это было крупнейшее событие. Рабочие социал-демократы были на нашей стороне, и все смотрели на германскую коммунистическую партию, как на тот таран, который ударит фашизм по голове, пока он еще не совсем окреп. В этот момент у нас начинается первое разногласие внутри Исполкома Коминтерна. Мы были в отсутствии с т. Бухариным, нас здесь заменял т. Радек. Мы с т. Бухариным, получив это воззвание, как члены Исполкома Коминтерна, послали приветствие германской коммунистической партии в котором говорили, что мы считаем это воззвание великолепным и

сугубо поддерживаем их в их борьбе и в вопросе об антифашистском дне. Тов. Радек поднял против нас бешеную полемику. Он телеграфировал нам с Бухариным (телеграмма в моих руках) от 12 июня, „что наша политика с т. Бухариным означала бы, что Коминтерн толкает партию на июльское поражение“, что мы находимся „под впечатлением болгарских и итальянских событий“ и легкомысленно форсируем дело в Германии. Тов. Радек провел через президиум Исполкома телеграмму от 26 июля, которая гласит: „Президиум Коминтерна советует отказаться от уличных демонстраций 29 июля... Боимся западни“. Часть наших товарищей, положившись на т. Радека, поддержала его в этом.

Тов. Троцкий был запрошен также по этому поводу, он ответил, что воздерживается, так как не имеет всех материалов.

Таким образом, расхождение было такое. Мы с Бухариным говорили: поздравляем с этим шагом, сугубо поддерживаем это начало новой главы. Радек обвинял нас, что мы толкаем на июльскую бойню, на новые поражения. Радек вносил предложение об отмене фашистского дня. Тов. Троцкий воздерживается. Я не для упрека это привожу. Ошибаться можно, но нельзя же потом притти и бить нам челом нашим же добром, и говорить, что если бы мы были готовы немножечко раньше, то дело пошло бы лучше. Мы-то догадались, а вы и т. Радек не догадались. Зачем же с больной головы на здоровую валить? Или, когда говорят, что в начале рурского кризиса, дескать, вопрос решался, тогда нужно было видеть, что начинается новая глава! Опять с больной головы на здоровую! В Коминтерне состоялись две международных конференции в связи с Руром— одна в Эссене, другая во Франкфурте. Обе эти конференции мы рассматриваем, как начало новой главы.

Исполком Коминтерна в связи с этим принял целый ряд мероприятий. Почему т. Троцкий для объективности не отметил в своей брошюре, что т. Радек, который был больше всего знаком с этим движением, считался самым большим знатоком его, и действительно больше всего в нем работал, что он ошибся больше всех, что он держал партию за фалды, когда нужно было ее звать в бой, а не держать за фалды. Вот как, товарищи, распределялись действительно взгляды на этот вопрос у нас.

В чем разногласия сейчас в германской партии? Товарищи спорят, надо было или не надо было отступать, или если надо было, то надо ли было отступать без борьбы?

Товарищи, разногласия большие. Всем нам, проделавшим 2—3 революции, они очень хорошо знакомы. Лучшая часть германских рабочих горит негодованием, что партия отступила без боя, потому что настроение было гораздо более боевое, чем в первой германской революции. Надо слышать рассказы германских товарищей о том, как рабочие владели улицей, как стотысячные толпы рабочих не расходились до утра, овладевали грузовиками, как поднимались десятки тысяч женщин, шли впереди, как в Рурском бассейне немецкие женщины поднимали худых детишек своих навстречу французским солдатам и как французские солдаты опускали винтовки, и начиналось братание, как рабочие повернулись спиной к своим вождям соц.-демократам и шли только за коммунистами. Из этих рассказов ясно, что там был громадный подъем партии.

После октябрьского совещания у германских товарищей создалось настроение, что завтра грянет бой, что завтра они пойдут или на победу, или на смерть. Поэтому внезапное отступление отозвалось большой депрессией и разочарованием. А тут, в связи со всем этим, саксонский тяжелый опыт. Вы помните, товарищи, тот взгляд, которого держался Испол-

ком Коминтерна на вступление коммунистов в саксонское правительство. Но, товарищи, как вышло на деле? На деле вышло, можно сказать, совсем наоборот. В правительство вошли три члена Центрального Комитета нашей партии—Бетхер, Геккер и Брандлер. Брандлер взял не министерство, а правительственную канцелярию. Мы все здесь потирали руки от удовольствия и говорили: нет хитрее германской коммунистической партии,—она взяла себе главную правительственную канцелярию. Брандлер вошел туда, и ему будет подчинена полиция и вообще весь аппарат. Но мы были глубоко разочарованы; тут не было никакой хитрости, а было чисто-немецкое преклонение перед правительственной канцелярией, где, казалось, находятся таинства всех таинств, и туда послали самого выдающегося работника Центрального Комитета партии. Они пробыли в правительстве всего 11 дней, даже 9 дней, потому что последние два дня они были уже между правительством и тюрьмой. Конечно, за 11 дней немного можно сделать, и Исполком Коминтерна, разумеется, не упрекает их в том, почему они не достали 60 тысяч винтовок и пр. В борьбе всегда можно потерпеть поражение, особенно в революционной борьбе, и вместо 60 тыс. винтовок получить пулю в лоб. Но надо было вести себя так, как подобает себя вести революционерам. На самом же деле они чувствовали себя соучастниками обыкновенной коалиции из коммунистов и социал-демократов. Они говорили, что „мы стоим на почве конституции", а не как-нибудь, что мы „ответственны только перед ландтагом", а не как-нибудь. Тут сказались старые социал-демократические традиции. Бебель в свое время с успехом разоблачал реакционность правительства, которое попирало ногами свои же законы и свою же конституцию. Тогда это было революционной агитацией. Но если коммунисты берут бебельянские ноты теперь, в 1923 году, когда генерал Миллер марширует со своими войсками против них, если они в такой момент говорят, что они стоят „на почве конституции", что они „ответственны только перед ландтагом", то из этого получается банальная парламентская комедия.

Этот опыт участия наших товарищей в саксонском правительстве раскрыл нам глаза на многие слабости германской коммунистической партии, которые мы подозревали и раньше, но с особой наглядностью увидели теперь. Как только мы увидели ход этих событий, Исполком Коминтерна написал закрытое письмо германской коммунистической партии с просьбой дать его для прочтения всем членам Центрального Комитета. Мы все были согласны с ним, как и тов. Троцкий, который предлагал внести только некоторые редакционные поправки. В этом письме Исполком Коминтерна писал:

„Из вашей переоценки степени политической технической подготовки с неизбежностью получилась также политическая ошибка. Мы здесь, в Москве, как вам это хорошо известно, рассматривали вхождение коммунистов в саксонское правительство лишь как военно-стратегический маневр. Вы же превратили это вступление в политический блок с „левой" социал-демократией, связавшей руки вам. Мы представляли себе дело так, что вхождение в саксонское правительство явится завоеванием известного плацдарма для того, чтобы на нем начать разворачивать силы наших армий. Вы ухитрились превратить участие в саксонском министерстве в банальную парламентскую комбинацию с социал-демократами. В результате получилось наше политическое поражение. Хуже того: получилось нечто очень близкое к комедии. Поражение в бою мы перенести можем. Но когда революционная партия накануне восстания попадает прямо в смешное положение, это хуже, чем поражение. Партия совершенно не вела *общегосударственной* политики, которая могла и

должна была бы явиться вступлением к решающему столкновению. Ни одного решительного революционного шага, ни одной даже сколько-нибудь яркой коммунистической речи, ни одного серьезного шага, чтобы двинуть дело вооружения в Саксонии, ни одной практической меры для создания Советов в Саксонии! Вместо всего этого „жест“ Бетхера, заявившего, что он не уйдет из здания министерства, пока не выведут его силой. Нет, товарищи, так революции не подготовляют“.

Тов. Радек вместо того, чтобы указать германской партии на эту ошибку, стал в своих печатных выступлениях поддерживать правое крыло этой партии, которое хочет увековечить эту оппортунистическую „саксонскую“ политику. Конечно, тт., не надо преувеличивать этих ошибок. Германская компартия все же одна из лучших секций Коминтерна, могучая пролетарская партия, партия, насчитывающая несколько сот тысяч рабочих, партия, которая приведет к победе германский рабочий класс. Но и она имеет свои слабости, и в ней есть остатки II Интернационала. Да это и естественно: ведь, мы родились из недр II Интернационала; III Интернационал не с неба свалился, и остатки II Интернационала есть в недрах всех партий. Да, нечего греха таить, и в нашей партии мы нашли сейчас мелкобуржуазные уклоны, а это что такое, как не остаток II Интернационала? Такие остатки есть безусловно и в германской партии. Ошибки будут исправлены, но лишь в том случае, если ошибки будем называть ошибками, если не будем превращать в перл создания то, что является явной ошибкой.

Радек стал на защиту правого крыла партии и начал сочинять целую философию, чтобы оправдать его оппортунистическое поведение. В чем это выразилось? Была созвана конференция после неудачи. На ней прошла резолюция, гвоздем которой являлось следующее положение: „Фашизм победил ноябрьскую республику, не победив, однако, рабочего класса“. Мы, получив этот текст, сказали, что это или литературный выкрутас, или оппортунизм. Оказалось—т о и д р у г о е. Частенько это бывает.

В самом деле, почему это положение неверно? Прежде всего, самое словоупотребление нам не нравится—„ноябрьская республика“. Первая германская революция произошла в ноябре и называется ноябрьской. Конечно, в статье можно употребить это выражение, как мы, например, говорим: „июльская монархия“. Но теперь, когда дело идет о теоретическом анализе, чтобы выяснить основные перспективы себе и германским рабочим, мы должны избегать такого словоупотребления. В данном случае уместнее другое словоупотребление, которому учил нас Маркс. Что представляет из себя сейчас Германия? Это—б у р ж у а з н а я д е м о к р а т и ч е с к а я республика. В начале ноябрьской республики она называла себя „социалистической“, но это был обман. Она—б у р ж у а з н о - д е м о к р а т и ч е с к а я республика,—это более правильно и ясно. Но дело, конечно, не в терминологии. Что значит „фашизм победил ноябрьскую республику, не победив, однако, рабочего класса...“? Не выходит это...

Какие выводы из этого сделали? Социал-демократия, говорят нам, была побеждена фашизмом. Между тем, именно это совершенно неверно. Если бы социал-демократия была побеждена в борьбе, мы должны были бы проводить совершенно иную тактику. Мы теперь предлагаем оборвать всякие переговоры с контр-революционными верхами германской социал-демократии. Но если бы было верно положение, что фашизм победил германскую социал-демократию в борьбе, то отсюда вытекало бы, наоборот, наше сближение с германской социал-демократией. Маркс учил нас, что если мелкобуржуазные партии,

в данном случае с.-д. партии, борются с реакцией, то мы должны поддерживать эту борьбу. Но в том-то и дело, что вопрос стоит не так.

Тов. Радек вопрошает: кто господствует сейчас в Германии? И, отвечая:—генерал, делает вывод: стало-быть, фашисты победили соц.-демократию. Мы говорим: вовсе не „стало-быть“. Кто господствует? Сект. А кто соучастник во власти? Германские социал-демократы. Разве Эберт—президент, Зеверинг—министр внутренних дел Пруссии—не социал-демократы? Да мало того. Не только верхушка соц.-дем. соучаствует во власти. Разве мы не знаем, что пара десятков тысяч, если не больше, рядовых немецких социал-демократов тоже участвуют во власти в роли бургомистров, начальников полиции и т. д.? Это тоже кусочек власти. Несомненно, это так. Социал-демократия и сейчас остается соучастником во власти. Вот в этом гвоздь! Пять лет, начиная с ноябрьской революции, в Германии правит блок социал-демократии и буржуазии. Внутри этого блока время - от-времени меняется соотношение сил. Даже буржуазная революция в Германии произошла вопреки воле социал-демократии. Потом германская с.-д. взяла власть и стала на тормозах спускать германскую революцию, постепенно сдавая власть буржуазии. Сейчас мы видим блок социал-демократии и буржуазии. Социал-демократия—это и теперь соправительствующая партия в Германии, тов. Радек! Вот откуда вытекает наша тактика по отношению к социал-демократии. Дело в том, что сама социал-демократия стала фашистской. Товарищи. это явление замечается не только в Германии, но и во всем II Интернационале.

Посмотрите на Италию. Возьмите итальянскую партию Туратти. Туратти—оппортунист уже в течение 25-ти лет. Но можно ли было 10 лет тому назад сказать, что Туратти—социал-демократ фашистского типа? Нет, он был ревизионистом, издавал плохой журнал. А теперь это социал-демократ фашистского типа, его партия—крыло итальянского фашизма. Или возьмите Болгарию, более знакомую нам страну. Возьмите тамошних меньшевиков во главе с Сакызовым. Он 20 лет оппортунист. Но можно ли было сказать 10 лет тому назад про Сакызова, что это с.-д. фашистского типа? Плеханов ругал его за ревизионизм, за „критику“ марксизма. А теперь? А теперь этот Сакызов входит в правительство фашиста Цанкова, режет коммунистов и т. д. То же самое вы видите во всех партиях II Интернационала. То же самое было в Германии. Теперь нужно сказать рабочим, что социал-демократия стала крылом фашизма, а не переворачивать все вверх ногами и говорить, что фашизм победил социал-демократию, но не победил рабочих.

Отсюда вытекают две тактики. Если с.-д. стали крылом фашистов, тогда—за горло их, тогда надо отказываться от сношения с их верхами, тогда мы смотрим на них, как на людей, которые стоят по другую сторону баррикады. Новое в международном рабочем движении в чем заключается? В том, что социал-демократия становится крылом фашизма. Фашизм является теперь амальгамой черносотенства и социальной демагогии, прямой помещичьей реакции и щекотания инстинктов неимущих слоев населения. Мы это видим на примере Муссолини и других. Вот почему социал-демократии легко совокупиться с фашизмом. Это надо объяснять немецким рабочим.

Немецкая социал-демократия есть часть нынешнего правительствующего блока, несмотря на то, что там у власти стоят сейчас генералы. По типу нынешняя Германская республика не так уж отличается от любой буржуазной демократии, хотя бы французской. Зачем же вам брать терминологию, которую вам подсовывает буржуазная пресса,

говорить о ноябрьской республике? Возьмите марксистский термин— буржуазная демократия. Тогда вы скажете рабочим то, что есть, то, что это в основном такая же буржуазная и такая же реакционная республика, как и во Франции.

Социал-демократия является крылом фашизма, а отсюда вытекает вся наша тактика. Тов. Радек ищет расхождений внутри фашизма, которые есть и имеют известное значение. Но преувеличивая их, Радек фальшивым образом ориентирует всю немецкую партию. Отсюда то, что он защищает ту вопиющую вещь, которая была в Саксонии, которая является проявлением оппортунизма, которая расценивается нами, как банальная парламентская комедия. Он это защищает.

Вот в кратких чертах наши разногласия.

На фоне всех этих событий началась большая диференциация в ЦК германской компартии. В конечном счете оказалось, что германский ЦК в большинстве своем встал на ту же линию, как и Исполком Коминтерна. Там получилось соотношение такое: два человека на правой — Брандлер и Тальгеймер; 15 человек в центре, мнения которого в общем и целом совпадают с нашей точкой зрения, только точка их зрения выражена слабо, менее ясно; затем левая, имеющая в ЦК 6—7 человек, которая больше обращает все взоры на прошлое, целиком критикует старую тактику, но, в конце-концов, тоже становится в главном на нашу точку зрения. В данное время происходит совещание.

Перед Исполкомом Коминтерна встал вопрос о том, что мы посоветуем сейчас германской партии. Исполком взял курс на то, чтобы повернуть партию против правых уклонов, против того правого уклона, который не случайно представляет там также тов. Радек, который у нас здесь иногда рядился в „левую“ тогу. Исполком взял курс на сближение 15-ти из большинства с левыми для выработки совместной платформы. Тов. Радек делал все возможное и невозможное для того, чтобы помешать Коминтерну провести это решение. Он прямо отказался подчиниться решению ЦК нашей партии, который дал определенные указания нашей делегации в Исполкоме. Мы спросили его: будешь проводить? Он сказал: нет, ибо я выбран Международным Конгрессом, а не вами. (Негодующие восклицания). Формально он прав: мы все выбраны Международным Конгрессом; но понятно, что мы должны там представлять нашу партию. Мы приняли решение, как вы, вероятно, знаете из газет, довести до сведения Исполкома Коминтерна, что он не представляет мнения нашей партии в этом вопросе. Товарищи Троцкий, Радек и Пятаков написали контр-тезисы, черновые, не обработанные, с которыми они обратились через голову нашего ЦК к немецким товарищам, не послав их даже в наш ЦК. Тов. Радек сделал все возможное, чтобы помешать Исполкому Коминтерна столковаться с большинством ЦК германской партии. Мы, другие члены Исполкома Коминтерна, сначала делали попытки соглашения, выбрали паритетную комиссию, чтобы там согласовать наши разногласия. Тт. Радек и Пятаков представили поправки оппортунистического типа, совершенно для нас неприемлемые. Мы были вынуждены их отвергнуть. Таким образом, мы делали все попытки к соглашению, а они делали все попытки к тому, чтобы фракционную борьбу перенести в Коминтерн. Вот как стоит вопрос.

Но все же я счастлив вам сказать, что вопреки всем этим помехам, несмотря на то, что тов. Троцкий и тов. Радек раньше имели значительный авторитет среди немецких товарищей, удалось уже добиться совместной резолюции по всем политическим вопросам большинства германского ЦК с левой. (Аплодисменты). Не дальше как

сегодня закончила работу комиссия, которая важнейшую политическую резолюцию приняла единогласно. Еще на-днях, в последний момент, когда выбиралась комиссия, тов. Радек пытался разжечь фракционную борьбу между левыми и большинством ЦК. Он смеялся, что мы, Исполком Коминтерна, хотим устроить „свадьбу" между левой и большинством ЦК. Мы отвечали,—что же плохого в том, что мы хотим устроить так-называемую „свадьбу" между большинством ЦК и левой, т.-е. Гамбургом и Берлином, где находятся лучшие революционные рабочие, без которых никакой революции в Германии сделать нельзя? Несмотря на слабости в прошлом, левые в общем сигнализировали оппортунистические опасности правильно. И сейчас они имеют лучшие связи с рабочим классом Германии, чем правые, из которых некоторые являются настоящими политическими банкротами. Плохо не то, что правые ошибались, а плохо то, что они не хотят понять своей ошибки, что мы видели и у нас во время нашей дискуссии.

Исполком Коминтерна ведет политику, чтобы ориентировать германскую партию налево, против оппортунистических опасностей. Тут тов. Троцкий прав, когда он пишет в той же книжке, что в 1921 году надо направлять германскую партию несколько направо, когда она в марте 1921 г. зарвалась, и что теперь партия по инерции продолжала видеть опасности слева. Сейчас наступил момент, когда опасность имеется с п р а в а. ЦК и Коминтерн сигнализировали это. Мы добились в основном соглашения основного ядра немецкой партии с представителями крупных левых пролетарских организаций, которые до сих пор были полны недоверия к отдельным представителям тех правых, которые еще недавно совершали саксонские ошибки, и которые явно социал-демократические ошибки пытались выдать за чистое золото научного коммунизма. Вот, товарищи, как обстоит дело. Чтобы закончить, я должен указать на то, что, повидимому, намечаются разногласия и в вопросе о тактике единого фронта.

Что такое тактика единого фронта? Мы сейчас даем еще раз точную формулировку этому. С нашей точки зрения, тактика единого фронта есть не что иное, как метод революционной агитации и мобилизации масс в той стадии движения, когда мы в меньшинстве, когда еще наступает капитал, когда мы обороняемся, когда социал-демократы еще сильны и т. д. Мы говорим, что это метод агитации и организации, и ничего другого. Кто говорит, что это значит что-то другое, тот подает палец социал-демократам. Радек и правое крыло германской компартии исходят именно из того, что тактика единого фронта представляет нечто другое, большее, чем метод агитации и организации. Они не договаривают до конца. Но они думают, что это означает вхождение в правительство вместе с с.-д., что из этого может выйти целый этап, что может быть осуществлено нечто в роде союза коммунистов с с.-д. на почве „демократии" и т. п. Одно к одному. Отсюда этот взгляд на социал-демократию, как на, якобы, побежденную фашизмом.

Радек возражает, что он тоже ругает с.-д. Дело не в ругательствах, а дело в оценке, в классовом анализе. Вы можете их не слишком ругать, но скажите, что они сейчас участники фашистского блока, вместо того, чтобы говорить, что они побеждены, что они—жертва фашизма,—тогда получится другая перспектива. Отсюда и неверный взгляд на тактику единого фронта.

Здесь была недоговоренность, теперь нужно занять ясную позицию. Наша позиция в Исполкоме Коминтерна такова, что тактика единого фронта есть не что иное, как метод агитации и мобилизации, метод маневрирования в социал-демократическом окружении, но не какая-то демократическая коалиция с с.-д. на парламент-

ской почве. По этому вопросу надо договориться ясно. Тов. Радек угрожал, что на этой почве будет кризис в Коминтерне. Я думаю, что этого не будет, но если это неизбежно, нужно сказать: чем скорее, тем лучше. Мы должны в Коминтерне поставить эти вопросы ребром, наша партия должна по ним высказаться и на основе своего опыта показать дорогу рабочим других стран.

Вот те разногласия, которые стоят перед нами. Вы видите, что борьба перебросилась отчасти и по коминтерновской линии, что в Коминтерне пытались построить фронт против линии нашей партии. Тов. Радек в Москве говорил студентам, что ЦК через Исполком Коминтерна губит германскую партию. Мы, как горячие интернационалисты, отнеслись бы безжалостно к тому Центр. Комитету, который позволил бы себе небрежно относиться к братской партии, ждущей от него руководства. С нас нужно было бы за это три шкуры содрать, если бы в этом вопросе мы в самом деле допустили ошибку. Но дело в том, что и в этом вопросе роли опять распределяются так фатально, что те товарищи, которые обвиняют ЦК в перерождении, на самом деле сами держатся за фалды того правого крыла, которое собрало только два голоса из 25-ти в своем собственном ЦК. В этом вопросе они опять оказываются на правой стороне, а не там, где должны стоять настоящие марксисты-большевики.

Положение Коминтерна, конечно, трудно. Приходится через поражения вести рабочий класс постепенно к победам. Мы уверены, что последние события в Польше, Германии и Болгарии все-таки есть начало новой волны международной революции, которая, может-быть, пойдет еще на убыль, затем опять будет подниматься. Но это есть события крупной важности.

Правительство Макдональда будет тоже „рабочим правительством", и рабочие будут учиться. Коминтерн, несомненно, выполнит свою историческую миссию, если мы не позволим действовать такими методами, какие мы видели здесь со стороны Радека, если мы не позволим перенести фракционные методы в организацию международного масштаба. Не у всех компартий партаппарат такой, как наш. У них нет такого твердого костяка, как у нас с вами. Я думаю, теперь уже ясно, что тот, кто захочет наскочить на нас, на наш аппарат, у того наверняка останется на лбу шишка. (Смех, аплодисменты). У молодых братских коммунистических партий нет еще такой закаленности, такого твердого аппарата и руководства, и там действительно можно наделать много бед. Мы за эти партии несем большую ответственность. Имейте в виду, товарищи, что если вы сидите у себя в Оренбурге или Екатеринбурге, то вы там тоже несете частицу ответственности за весь Коминтерн, за эту величайшую рабочую организацию мира. А нести ответственность за работу этой организации при отсутствии Ильича— дело отнюдь нелегкое. И я думаю, что в этом вопросе мы должны быть особенно непримиримыми и особенно „твердокаменными", как полагается большевикам-ленинцам. Мы должны здесь сказать, товарищи, твердо, что не позволим тут шуток, не позволим дергать братские коммунистические партии, не позволим рвать международную дисциплину, не позволим переносить фракционную борьбу в ряды Коминтерна, в ряды международной организации пролетариата. Надо доказать, товарищи, и в этом будут согласны все партии Коминтерна, что мы, несмотря на все, будем продолжать твердо руководить Коминтерном, и если будут прыжки направо тов. Радека и других, то мы таких людей быстро поставим на место. В настоящее время Коминтерн в целом, а в Германии особенно, должен направить усилия против правых ошибок, которые предлагает тов. Радек.

Товарищи, которые пережили революцию не только 1917, но

и 1905 года, знают, каков должен быть подход к этим разногласиям, по какой линии идут эти разногласия. Помните, как Мартов искал разногласий между кадетами и октябристами, между Милюковым и Гучковым. Эти разногласия между Милюковым и Гучковым, конечно, были, но это были только частности и оттенки. Мартов утоп в попытках на этих тонких различиях построить тактику партии, как бы и Радек на этом не утоп. Кроме Гучкова и Милюкова, был и Пуришкевич, был союз русского народа. Это были зачатки русского фашизма. Его черные сотни были боевыми оранизациями русского фашизма. Они имели зацепку в массах, имели зацепку в деревнях, они одно время имели за собой дворника, извозчика, кухарку, имели за собой мелкий люд. Мы все помним прекрасно, как во время декабрьского восстания, когда за нашими боевиками пошел дворник, пошел мелкий люд, тов. Ленин отмечал это, как величайшее наше достижение. Русский фашизм имел значительное влияние среди мелкого люда, точно так же, как немецкий фашизм имеет сейчас значительное влияние среди интеллигенции и мелкой буржуазии. Радек прав, что надо попытаться отвоевать из-под влияния германского фашизма эти мелкобуржуазные слои. Мы здесь согласны с ним. Но надо совершенно ясно видеть, товарищи, что все-таки нашу тактику строить нужно не на противоречиях между династией Виттельсбахов и династией Гогенцоллернов, как говорит т. Радек в своей резолюции. Конечно, между ними есть разногласия, как они были между шайкой Н. Н. Романова и шайкой Николая II, но на этом строить тактику пролетарской партии нельзя. Я думаю, что наше единодушное решение должно состоять в том, чтобы подкрепить германскую партию. Германская партия уже сейчас не верит сказкам о том, что у нас в России большой кризис в партии. Некоторые немецкие товарищи, пробыв здесь несколько недель, кое-чему научились. Их ЦК кое-чему научил. Когда они увидели, как наш ЦК вел борьбу за Москву, когда ее пытались вырвать из его рук оппозиционеры, эти товарищи говорили: вот если бы у нас был такой ЦК, было бы неплохо. (Смех, аплодисменты). Я, товарищи, думаю, что этот опыт для них очень пригодится.

Мы считаем счастливейшим предзнаменованием для германской коммунистической партии, что при помощи Исполкома Коминтерна ей удалось выработать единую политическую платформу большинства ЦК и левых представителей гамбургской, берлинской и рурской организаций, единую платформу, которая под контролем Коминтерна будет теперь, вероятно, проводиться и на партийном съезде в Германии, и которая перестроит все ряды в Германии против оппортунистического уклона. Мы считаем это счастливым предзнаменованием для германской коммунистической партии, которая, что ни говорите, несмотря на все промахи,—сильная партия и стоит перед громаднейшими задачами.

Коминтерн строит сейчас свою тактику в Германии, наученный горьким опытом, на двух возможностях: на возможности более быстрого развития событий, быть-может, даже нынешней зимой, или на возможности более длительного затишья.

Вы помните, товарищи, что после 1905 года большевизм почти полтора года не знал, к чему идет дело, на полосу более длительной контр-революции или на более быстрый новый подъем революции, и мы это оценили только в 1907 году, да и то еще с колебаниями.

Понятно, что и в Германии мы не можем сказать, на что там дело идет,—на немедленную развязку или на более или менее длительное затишье. Как-будто все указывает на менее длительную полосу затишья, чем было у нас. Конечно, мы не историки, а живая политическая партия, и от нас тоже зависит этот параллелограм сил.

В этом пункте—в деле компартии—мы меньше всего можем по-

зволить нашим оппозиционерам легкомысленные шутки. Германская коммунистическая партия, что ни говори, в силу исторических судеб стоит на аванпостах международной революции.

Конечно, товарищи, решение нашей партии в данный момент имеет больший удельный вес, чем когда бы то ни было. Правый уклон в немецкой партии Исполком Коминтерна выправит очень скоро, несмотря на то, что в этом правом уклоне товарищи имели поддержку в лице тов. Радека и отчасти Троцкого. Мы надеемся, что тов. Радек еще сознает свою ошибку, и, конечно, это будет самым лучшим исходом и для нас, и для германской коммунистической партии, и для него самого. Но если бы он этих ошибок не сознал, мы будем иметь достаточно силы воли и организованности для того, чтобы вопреки этой ошибке провести ту линию, которую мы считаем единственно правильной.

Подводя итоги, товарищи, я говорю, что ЦК партии, который только-что подвергся такой бешеной атаке, и который, кажется, недурно отбил эту атаку, ведет и здесь совершенно правильную, ленинскую линию.

Вы имеете перед собой две группы вопросов: вопросы международной политики, прямо связанные и с Макдональдом, и с Пуанкаре, и с предложением Радека и Красина итти на новые уступки; вы имеете и другую группу вопросов по другой линии—по коминтерновской, связанную с громаднейшим, величайшим опытом международного рабочего движения, проделанным германской коммунистической партией в месяцы: август 1923—январь 1924 года. И по той, и по другой линии мы стоим накануне решений, которые определят ход событий на долгие месяцы, а может-быть, и годы. Само собой разумеется, что мы должны все эти решения обдумать, взвесить, но в общих чертах решение намечено, а в деталях и в отделке мы еще над ними будем работать, прорабатывать и продумывать.

Я прошу нашу конференцию, чтобы она всю силу своего влияния положила на чашу весов. А ее влияние немалое, вопреки мнению даже ячейки Московского военного округа, которая авансом написала, что на конференции соберутся люди, которые не могут судить о событиях (где уж нам до Рафаила или Сапронова, всем собравшимся здесь). Все-таки я думаю, товарищи, что ленинская большевистская партия есть партия, что у нас в партии могут усесться на одном диване такие люди, которые думают, что наша конференция никого не представляет, кроме бюрократов. Наша конференция представляет нашу партию, как она есть, конечно, с некоторыми слабостями (полюбите нас черненькими), с некоторой твердокаменностью характера, с которой некоторым из вас впервые пришлось познакомиться. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы).

Некоторые „оппозиционеры", кажется, впервые поняли, что такое большевистская партия. Так учитесь вот, что такое большевистская партия. Когда вы будете посягать на нее, когда будете пытаться ломать аппарат, ломать ЦК, вы встретите железную стену большевиков, которые умеют защищать свое дело со всею страстью революционеров. (Б у р н ы е д о л г о н е с м о л к а ю щ и е а п л о д и с м е н т ы). Немало товарищей обвиняли нас в том, что мы были резки. Представьте, даже давали сдачи, когда они нападали на ЦК, когда две ночи перед 1500 курсантов в Кремле доказывали, что они должны вынести недоверие ЦК РКП. Да, мы в этот момент были не совсем б е с с т р а с т н ы. Мы в этот момент проявили некоторую страстность, которая есть у большевиков, и мы ее проявим всякий раз, когда кто-либо будет посягать на единство нашей партии, будет выступать с такой критикой нашей партии, какую мы видели. Но мы проявим ее втройне, когда,

пользуясь отраженным авторитетом нашей партии, играющей огромную роль в Коминтерне, попытаются эту фракционную борьбу перенести в Коминтерн. Мы дадим втройне отпор. И я ручаюсь, мы будем иметь на своей стороне все, что есть пролетарского, закаленного и революционного в Коминтерне. (Долгие бурные аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Радек.

Радек. Товарищи, я ограничусь кратким заявлением, которое прошу занести в протокол партконференции.

„Решение Политбюро ЦК РКП от 27-го декабря 1923 года и решение пленума ЦК РКП от 15-го января 1924 года заставляют меня заявить следующее:

1. Эти решения доказывают, что неправы были товарищи, которые предполагали, что разногласия мои с большинством ЦК по немецким делам состоят в вопросе о правильности или неправильности отступления германской коммунистической партии 21-го октября. ЦК РКП, как и Исполком Коминтерна признали недвусмысленно, что германская компартия была права, когда перед лицом превосходящих вооруженных сил врага и разделения основных кадров рабочего класса уклонилась от принятия вооруженного боя.

2. Утверждение Политбюро, что мой взгляд на значение разногласий в лагере германского фашизма для развертывания борьбы рабочего класса за власть является оппортунистическим, представляет собою пример неумения применить ленинизм в германской обстановке. В сочинении Ленина „Детская болезнь левизны“ сказано следующее:

„Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, трещины между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, — так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто это не понял, тот не понял ни грамма в марксизме и в научном современном социализме вообще. Кто не доказал практически на довольно значительном промежутке времени и в довольно разнообразных политических положениях своего умения применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплоататоров. Сказанное относится одинаково к периоду до и после завоевания политической власти пролетариатом“.

Единственным массовым союзником, который пролетариат может в Германии завоевать, являются деревенская беднота и городская мелкая буржуазия. Об этой последней должен был тов. Зиновьев признать, что она сыграет в германской революции в известной мере роль, которую сыграло в России крестьянство. Нельзя завоевать мелкой буржуазии иначе, как используя самым энергичным, настойчивым образом противоречия между помещичье-капиталистическим руководством фашизма и мелкобуржуазной массой, ожидающей спасения от фашизма, а на деле им пролетаризированной.

3. Утверждение Политбюро, что моя организационная политика вела объективно к расколу коммунистической германской партии, что я, опираясь на правое крыло партии, отталкивал левое, противоречит основным фактам: во время Лейпцигского съезда германской коммунистической партии в январе 1923 г. только благодаря моим настояниям

были введены в ЦК представители левой. Летом 23 г. я голосовал за усиление в ЦК германской компартии левых, в сентябре 23 г. голосовал в Исполкоме против снятия с постов левых руководителей берлинской организации. Только благодаря моим настоятельным требованиям двое представителей левой были введены в руководящий центр германского ЦК. То, против чего я выступал и выступать буду,— это против идейной капитуляции перед тактикой незрелых, лжерадикальных вождей левых, против ликвидации тактики единого фронта, как она была начата вопреки сопротивлению тов. Зиновьева и под руководством Владимира Ильича в 21 г. Та часть германской компартии, которую резолюция Политбюро называет правым крылом КПГ, является основной группой партии, выросшей в боях против Каутского с 1911 г., вынесшей на своих плечах всю тяжесть нелегальной борьбы союза Спартака против войны, основавшей компартию в 1918 г., руководившей гражданской войной 1919—20 гг. С этой группой, руководимой ближайшими сотрудниками Розы Люксембург и Либкнехта, товарищами Брандлером, Пиком, Тальгеймером, Вальхером и Кларой Цеткин, я был и являюсь в основном солидарным.

4. Предостережение ЦК РКП против внесения мной фракционной борьбы в ряды Интернационала является необоснованным и ненужным. Все же в виду созданного решением ЦК по германскому вопросу положения, для того, чтобы не внести фракционной борьбы в ряды германского пролетариата, отражающего в данный момент бешеные атаки буржуазии, я довольствуюсь этим заявлением и отказываюсь развить перед конференцией свое мнение о причинах поражения в Болгарии и Германии, и на другие назревающие вопросы Коминтерна, которые, не сомневаюсь, в ближайшем будущем станут в ясной форме перед русской, как и другими секциями Коминтерна.

К. Радек".

Председательствующий. Слово имеет т. Зиновьев.

Зиновьев. Я не знаю, почему тов. Радек не хочет выступить перед нашей конференцией с защитой своей точки зрения. Теперь может создаться впечатление, что, может-быть, пленум ЦК помешал Радеку говорить. Тов. Радек в конце прений на пленуме ЦК выступил с полупокаянным предложением. Он говорил: „Запретите мне выступать, и я подчинюсь этому решению". Мы ему ответили, что мы гнилого товара не покупаем (смех, аплодисменты), и что если он $1^1/_2$ месяца выступал против ЦК, так к чему теперь ему это запрещать, когда каждое его выступление лучше всего показывает правоту Центрального Комитета? Вот почему, товарищи, вы должны знать, что если т. Радек не развил все свои аргументы, то это не потому, что ЦК ему мешал. Центральный Комитет отказался от „жертвы", которую он предлагал. Я, товарищи, не понимаю, почему перед студентами фон'а стоило излагать эти взгляды, а перед партийной конференцией не стоит. Там это излагалось весьма подробно... (голос: „и со вкусом") и с большим вкусом. Я должен сказать, что, впервые узнав от т. Каменева об этих выступлениях Радека, я по старому большевистскому методу написал „бумажку" т. Радеку: „Не будете ли вы так добры сообщить письменно то, что вы говорили в своем выступлении, чтобы я мог поставить вопрос в ЦК?". Но т. Радек не ответил тогда. Я счел своим долгом обратиться в ЦКК. ЦКК его запросила и также успеха не имела. Наконец, на четвертый запрос он ответил.

Товарищи, выступления Радека за большие уступки Западу начались давно. Он был один из немногих, которые голосовали за концессию Уркварта, — это его право, но это определенная линия с первого дня.

И я выражаю сожаление, что в защиту этой линии так же как и в защиту своей коминтерновской позиции он не хочет нам здесь ничего сказать.

Насчет „Детской болезни“ Ильича, это очень хорошо, что т. Радек советует прочитать цитату, я иду даже дальше и советую прочитать всю эту брошюру, которая доставляет всякому читающему большое эстетическое удовольствие, но чтобы делать отсюда выводы о печальном саксонском опыте, я этого не понимаю. Я хочу только еще раз подчеркнуть, что тов. Радек не развил своей аргументации по своей доброй воле. Что касается агитации в Германии, то Радеком все сделано в этом отношении, и если в горящий огонь лить воду, то не всегда зальешь этот огонь. Я думаю, однако, что огромное большинство германской партии поможет изжить без конвульсии тот тяжелый кризис, в котором мы находимся. (Голос с места: „Радек без боя отступил“).

Председательствующий. Товарищи, обсуждение этого пункта порядка дня закончено, но нам необходимо подвести итоги. Предложение Президиума—присоединиться к резолюции пленума ЦК по вопросу о политике Коминтерна и о роли Центрального Комитета в этой политике,—резолюции, опубликованной дня три тому назад в газетах в отчете о последнем заседании пленума ЦК. Вам она известна. Итак, товарищи, если других предложений нет, я буду голосовать это предложение. Надо ли, товарищи, его предварительно прочесть? (Голоса: „нет“). Итак, голосую. Кто за это предложение? Кто против? Нет никого. Кто воздержался? Один. Итак, эта резолюция одобрена конференцией. Товарищи, у нас остается голосование двух резолюций и заслушание поправок тов. Преображенского и ряда заявлений. Может-быть, мы устроим перерыв? Объявляю перерыв на 15 минут.

Председательствующий (после перерыва). Заседание считается возобновленным. Мы возвращаемся к голосованию резолюции об итогах дискуссии. Предварительно оглашу поправку тов. Патернова к тезисам ЦК и ЦКК, которая Президиумом была уже отвергнута, но не оглашена.

1) К абз. 3-му „Партия и рабочая демократия“ добавить в конце след. пункт: „Считая, что принципы рабочей внутрипартийной демократии находятся в безусловной зависимости от общей конъюнктуры и окружающих условий, необходимо установить в то же время, что степень практического проведения начал внутрипартийной демократии на местах (на общей основе резолюции ЦК) зависит от степени насыщенности данной организации пролетарскими элементами и идет по восходящей линии, в соответствии с увеличением пролетарских элементов в данной организации.

2) Помимо того, предлагаю, в дополнение к резолюции, предложенной ЦК, принять самостоятельное постановление, подтверждающее известное постановление Политбюро ЦК о безусловной необходимости дальнейшего привлечения тов. Троцкого к активнейшему участию в работе по руководству партией и страной“.

Теперь резолюция об итогах дискуссии. Есть резолюция еще тов. Преображенского. Слово для оглашения резолюции имеет товарищ Преображенский.

Преображенский. „Всесоюзная партийная конференция, оценивая смысл происходящей в партии дискуссии в связи с основными тенденциями развития страны в целом и нашей партии в частности, приходит к нижеследующим заключениям:

Мы вошли в новую полосу нэп'а, которая характеризуется возросшими экономическими возможностями и одновременно—возросшими

опасностями. Возможности социалистического строительства опираются на подъем производительных сил; опасности вытекают из развертывающейся борьбы между частнокапиталистической и социалистической формами развития производительных сил.

Рост внутреннего рынка, совершающееся на его основе частнокапиталистическое накопление и возрастающая связь с внешним рынком создают ту экономическую основу, на которой возрождаются буржуазно-кулацкие политические тенденции. Под действием этого коренного факта в рабочем классе, численно возросшем и окрепшем за последнее время, все более пробуждается стремление к классовой самообороне. Поворот партии к новому курсу является лишь отражением этого процесса, происходящего в рабочем классе. Требование перегруппировки рядов и повышения самодеятельности и активности низов явилось, как результат правильного понимания того, что отпор враждебным классовым влияниям в новых, исключительно трудных условиях может быть осуществляем с успехом лишь при условии полного использования и напряжения всех сил партии в целом. Внутрипартийная демократия есть в данных условиях лучшее средство противодействия мелкобуржуазному напору на диктатуру пролетариата.

По хозяйственной линии партия все более отдает себе отчет в том, что удержание и дальнейшее развитие социалистических позиций в обстановке роста внутреннего рынка и его связи с внешним возможно лишь при условии ясного учета и планового сочетания всех элементов государственного хозяйства.

Явления бюрократизации партийного аппарата и ослабления самодеятельности партии могут в такой же мере ослабить способность партии к самообороне и к дальнейшему наступлению, в какой бессистемность в области экономического строительства может ослабить государственное хозяйство в его борьбе с частным капиталом.

Таким образом, между курсом на партийную демократию и курсом на плановое хозяйство есть глубокая внутренняя связь, обусловленная всей исторической обстановкой.

Оба указанные выше условия являются, вместе с тем, необходимыми предпосылками усиления пролетарского состава партии. Широкое вовлечение в партию рабочих от станка с тем, чтобы они получили в ней численное преобладание, достижимо только при успешном росте государственной промышленности, с одной стороны, и действительной самодеятельности партии—с другой.

Резолюция Политбюро о партийном строительстве явилась в этих условиях принципиально правильным шагом в сторону демократической самодеятельности партии, при сохранении и упрочении ее строго централистического характера.

Конференция вынуждена, однако, констатировать, что чрезвычайное запоздание с необходимой переменой внутрипартийного курса придало самому повороту резко-административный характер, что облегчило консервативным элементам партии возможность, признавая новый курс на словах, повести против него упорную борьбу на деле. Главным орудием этой борьбы явилось обвинение во фракционности всех тех, кто выступал с критикой деятельности руководящих учреждений и за фактическое обновление партийного аппарата.

Критика старого, еще не изжитого бюрократического курса, как и критика бессистемной хозяйственной политики, были объявлены попыткой подорвать авторитет и значение ЦК партии. Совершенно очевидно, что такая явно бюрократическая и в корне ложная точка зрения на деле означала бы — при строго централистическом характере партийного руководства во всех вопросах — ликвидацию всякой дискуссии и всякой демократии. Все прошлое нашей партии, в частности

история всех предсъездовских дискуссий, свидетельствует, что внутрипартийная критика, в том числе и критика политики ЦК, вполне совместима с действенным единодушием и твердой дисциплиной.

В процессе дискуссии фактическая защита бюрократизма в партийном аппарате самым недопустимым образом отождествлялась с защитой принципов большевизма в организационном строительстве, несмотря на то, что большевизм, всегда неразрывно связанный с массами, действенный и активный по самому своему существу, в течение всей своей истории был чужд и враждебен бюрократизму во всех его проявлениях.

Преследование критики под видом борьбы с фракционностью после провозглашения нового курса внесло в дискуссию с самого начала нездоровую двойственность и повело к тому, что даже такое элементарное условие партийной демократии, как правильная партийная информация, подверглось недопустимым нарушениям. Информация ЦО партии получила во время дискуссии и носит и доныне явно односторонний и пристрастный характер.

Конференция решительным образом требует очищения дискуссии от личных моментов, вносящих в нее отраву и наносящих ущерб авторитету партии в глазах непартийных масс.

Совершенно недопустимым и недостойным элементом дискуссии явились попытки приравнять внутрипартийную критику к тем или другим выступлениям белогвардейской печати. За все время Советской власти каждый голос критики и самокритики с нашей стороны порождал злорадный отклик в среде наших врагов. Это не давало нам до сих пор основания отказываться от самокритики, без которой не может быть движения вперед. Конференция решительно и категорически осуждает попытки приостановить внутрипартийную критику методами, в корне враждебными как интересам, так и достоинству партии.

Вместе с тем конференция вынуждена с сожалением констатировать, что ЦКК не предприняла, со своей стороны, никаких мер, которые могли бы ввести партийную дискуссию в более спокойное русло.

Конференция отдает себе ясный отчет в том, что объективные условия, в которые поставлена партия, ставят определенные пределы фактическому применению внутрипартийной демократии. Но партия ни в каком случае не может допустить, чтобы эти пределы искусственно суживались под давлением бюрократических тенденций, которые, как указывает резолюция Политбюро, грозят отрывом партии от масс.

Демократия внутри партии не является ни самоцелью, ни всеспасающим средством. Поскольку под прикрытием курса на демократию могли бы быть сделаны попытки протащить в партию тенденции, не отвечающие ее большевистским традициям, классовому характеру и революционным целям, постольку партия с полным единодушием готова дать и даст непримиримый отпор такого рода попыткам.

Конференция не усматривает в основных идеях и разногласиях, обнаружившихся во время дискуссии, таких тенденций, которые можно было бы хотя бы с тенью основания охарактеризовать как уклон в сторону от большевизма, и которые могли бы послужить политическим оправданием для создания внутрипартийных перегородок и для применения механического воздействия (назначения, смещения и переброски по фракционным мотивам и пр.). Эти методы могут лишь содействовать укреплению преходящих разногласий и внесению фракционной враждебности в жизнь партии.

Партия немыслима без крепкого, централистического аппарата так же, как пролетарская диктатура немыслима без могущественного государственного аппарата. Из этого вовсе, однако, не вытекает, что стремление

перестроить, обновить и освежить партаппарат направлено против интересов партии. Борьба с бюрократизмом в государственном аппарате, которую XII Съезд снова выдвинул в качестве одной из важнейших задач, была бы совершенно неосуществимой, если бы партия не повела одновременно решительной борьбы с бюрократическими тенденциями своего собственного аппарата, которые выражаются в недостаточном внимании к настроениям самой партии и широких рабочих масс, в стремлении думать и решать за партию, в перенесении всего внимания на вопросы администрирования и в готовности всякую критику аппаратных методов клеймить, как антипартийность и фракционность.

Что касается антипартийных группировок, как „рабочая группа“ и „Рабочая Правда“, то возникновение и развитие их относится к прошлому периоду. Фактическое осуществление резолюции ЦК о партстроительстве явится одним из важнейших противоядий не только против такого рода антипартийных фракционных образований, но и вообще против опасности возникновения и упрочения фракций, существование которых несовместимо с режимом революционной диктатуры.

Конференция считает недопустимым демагогическое противопоставление одних элементов партии другим: низов — верхам, молодежи — старикам, рабочих ячеек — ячейкам молодежи или военным и т. д. Разнородность партийного состава определяется всем характером переходной обстановки. Всемерно стремясь к увеличению численности и политическому подъему чисто-пролетарских ячеек, партия должна поставить своей задачей воспитание ячеек не чисто-рабочего состава в пролетарском духе и в традициях большевизма. Эта задача может быть разрешена лишь путем действительного преодоления бюрократических тенденций в партии, которые чрезвычайно содействуют разобщению различных ее элементов и затрудняют воспитание молодого поколения в духе большевизма. Между тем, только правильное решение этой последней задачи способно обеспечить преемственность партийного развития и подготовить смену для разрешения задач социалистического строительства, и, в первую очередь, для радикального обновления государственного аппарата.

Весь ход партийной дискуссии приводит конференцию к тому выводу, что было бы в высшей степени опасно недооценивать консервативное сопротивление тех бюрократических тенденций, борьба с которыми вызвала к жизни резолюцию Политбюро о необходимости нового курса.

Односторонняя и неправильная информация, борьба с критикой, как с мнимой фракционностью, и давление партаппарата чрезвычайно затрудняют выявление действительного общественного мнения партии. К этому присоединяется механическое устранение „оппозиции“, какое проводилось, например, на последних выборах Московской организации, где „оппозиция“, собравшая около половины голосов в низовых ячейках, около 36% на районных конференциях, имела на губернской конференции всего лишь 18%, а на общесоюзной не имеет от Москвы ни одного представителя. Наша партия, всегда отвергавшая в своей практике как фракционное представительство, так и механическое подавление меньшинства большинством, должна и впредь отметать оба эти метода, как одинаково враждебные ее внутренней сплоченности и дееспособности.

Если бы бюрократические тенденции снова одержали хотя бы временную победу, т. е. фактически помешали бы в ближайшее время применению партийной демократии, — это привело бы неизбежно к чрезвычайному усилению недовольства широких партийных масс и, как следствие этого, к усугублению механических мер партийного ру-

ководства на суженном базисе, что в близком будущем привело бы к новому более острому кризису в партии.

Тем самым была бы неизбежно понижена как политическая сопротивляемость партии идущим извне враждебным классовым влияниям, так и способность ее к согласованному плановому хозяйственному строительству.

Партия должна единодушными усилиями предупредить эту опасность, твердо, настойчиво, систематически, со всей необходимой выдержкой обеспечивая режим активности партийных масс. Конференция выражает свое глубокое убеждение в том, что на этом пути будут легче всего преодолены болезненные явления нынешней дискуссии, исчезнет разделение на „аппаратчиков“ и „оппозицию“, дисциплина и единство станут крепче, чем когда бы то ни было, и сплоченная партия справится со всеми затруднениями и разрешит все стоящие перед нею задачи“.

Председательствующий. Мы должны голосовать за основу одну из этих двух предложенных резолюций. Голосую. Первая резолюция— ЦК. Кто за нее, прошу поднять карточки. Кто за резолюцию, оглашенную Преображенским? Три. Кто воздержался? Воздержавшихся нет. Итак, принимается всеми против трех.

Теперь переходим к поправкам. Слово имеет тов. Бреслав.

Бреслав. Я к третьей главе хочу внести такого рода поправку, которая основана, по-моему, на докладе тов. Сталина. Сталин вчера в своем докладе, во-первых, указал на одну из причин, которые мешают проведению нового курса, на то, что известный кадр наших работников рассматривает нашу партию, как систему учреждений, что является немарксистским взглядом, и привел цитаты из речей некоторых тт. Поэтому предлагаю добавление такого характера:

„Дисскуссия выявила наличие в партии двух отклонений от общепартийной линии: одно из них доходит до оценки нашей партии, как нежизненной, мертвой и осуществляющей в стране диктатуру над пролетариатом, недооценивает значение партаппарата, стремясь в то же время лишить ЦК руководящей роли в партии; и другое рассматривает партию, как систему учреждений с подчинением нижестоящих вышестоящим, что приводит подчас к полному бюрократическому извращению повседневной практической работы на местах, правильной линии ЦК и всей партии и становится серьезным препятствием на пути проведения в партии нового курса, чрезвычайно необходимого для оживления и укрепления нашей партии в данный исторический момент.

Конференция считает, что партия должна осудить эти отклонения и повести решительную борьбу с ними“.

Председательствующий. Политическая тенденция этой поправки совершенно ясна. Может быть, можно голосовать прямо? Голосую. Кто за эту поправку? Кто против? Поправка единогласно отвергается. Следующая поправка тов. Орджоникидзе.

Орджоникидзе. Я предлагаю выбросить следующее место из первой главы (на 4-й стр.): „к ним примыкает ряд товарищей, перешедших в нашу партию из рядов меньшевиков и с.-р.“. Я думаю, что нет надобности мотивировать мое предложение.

Председательствующий. Кто за эту поправку? Кто против? Поправка принимается. Слово имеет тов. Харитонов.

Харитонов. Предлагаю в 4-м разделе, где речь идет о приеме в партию и где сказано: „для этого необходимо всемерно облегчить рабочим вступление в партию“, после слов: „рабочим“ прибавить: „а равным образом бедняцким и батрацким элементам деревни и Крас-

ной армии". В основной резолюции, которую мы забыли, и которую мы приняли единогласно, товарищи забыли об этом, есть пункт, относительно усиления вербовки в партию батрацких и бедняцких элементов деревни. Товарищи, это, может-быть, забыли. А тут сказано: закрыть прием всем остальным, кроме рабочих от станка. Я не забыл этой резолюции и думаю, что будет правильно, если мы эту поправку внесем. В противном случае будет дан повод для спекуляции, особенно в красноармейских ячейках, всем представителям оппозиции.

Председательствующий. Слово против имеет т. Сталин.

Сталин. В двух словах. Принципиальных возражений против поправки т. Харитонова я не имею, но я предлагаю ее отклонить вот почему. Если мы примем эту поправку о бедняцких и батрацких элементах в деревне, тогда ударность задачи (а ударность состоит в том, чтобы индустриальный пролетариат вовлечь в партию) пропадет. Эта основная задача распылится. Вот почему с тактической точки зрения и с точки зрения ударности задачи, которая стоит перед нами, я предлагаю эту поправку отклонить.

Председательствующий. Голосую поправку т. Харитонова. Кто за поправку т. Харитонова? Кто против? Большинство против. Переходим к следующей поправке—т. Гилинского.

Гилинский. Мы давно уже на съездах имеем постоянный состав, и мне кажется, что это будет прямое логическое следствие из принятой резолюции и резолюции Политбюро, если мы примем решение о некотором расширении представительства на съезды партии, по крайней мере на XIII Съезд. На IX и X Съезде мы имели в общем до 1.000 чел., и если считать, что сейчас у нас 400.000 членов партии, то мы будем иметь максимум 400 чел. Я думаю, что на XIII Съезде можно иметь 800 чел. Это даже совершенно необходимо, т. к. требуется привлечь коренных рабочих от станка, членов партии, на съезды, дать возможность коренным заводам представительства на съезде. Поэтому я вношу предложение расширить состав представительства на съезде до одного на 500.

Председательствующий. Слово по поправке т. Гилинского имеет т. Сталин.

Сталин. Лично я предложение т. Гилинского разделяю, и думаю, что оно правильно, тем не менее, я предлагаю эту поправку в резолюцию не вносить, если угодно,—одобрить ее и передать в ЦК. Вопрос очень важный, надо нащупать, опросить промышленные и непромышленные районы. Очень может-быть, придется на эту меру пойти, партия только выиграет от этого. Но все-таки лучше, если бы мы обмозговали этот вопрос. Вот почему я полагаю, что эту поправку вносить не следует, а следует вынести такое постановление: одобрить поправку т. Гилинского и передать ее в ЦК для дальнейшего изучения этого вопроса.

Председательствующий. Тов. Гилинский согласен на это предложение?

Гилинский. Если одобрят.

Председательствующий. Я предлагаю предложение т. Гилинского рассматривать как отдельное предложение, а не как поправку, и передать на рассмотрение в ЦК. Кто за это? Большинство. Кто против? Один. Других поправок нет у меня. Перехожу к голосованию резолюции в целом. Кто за принятие резолюции? Кто против? Двое. Резолюция принимается всеми против двух.

Теперь переходим к окончательному принятию резолюции по экономическим вопросам. Как докладчик, избранный комиссией, имеет слово т. Рыков.

Рыков. Комиссия рассматривала все поправки, которые были

внесены как со стороны делегатов конференции, так и целый ряд предложений и дополнений, которые получены были непосредственно ЦК партии от отдельных товарищей и от организаций. Она их разбила на две части. Те предложения, которые носят технический и практический характер, комиссия постановила передать ЦК партии для рассмотрения с участием заинтересованных учреждений и тех товарищей, которые эти поправки предлагали. Поправки, которые имеют принципиальный характер, я оглашу и буду предлагать конференции принять. Они в перерыве рассматривались Политбюро ЦК партии. Возражений со стороны ЦК против тех поправок, которые я сейчас оглашу, нет.

Поправки следующие:

В пункте 3-м резолюции ЦК партии (это в разделе выводов) относительно организации торговли сказать:

„Усилить в законодательном порядке влияние местных регулирующих органов на проведение намеченных в области внутренней торговли мер по регулированию и нормированию цен“.

Председательствующий. Возражений нет против предложенной поправки? Считается принятой.

Рыков. В пункте 9-м, в разделе „А“ вставить совершенно новый пункт следующего содержания:

„Пересмотреть систему государственного страхования в сторону ограничения принудительных форм страхования теми видами его, в которых наиболее заинтересованы неимущие слои крестьянства, при соответствующем уменьшении страховых взносов для бедноты и переходе к добровольному страхованию в тех видах его, в которых широкая масса крестьянства менее заинтересована“.

Председательствующий. Возражений нет? Принимается.

Рыков. В этом же пункте 9, раздел „Д“ вставить:

„Обратить особое внимание в окраинных национальных республиках и областях на ограждение интересов местного коренного населения при торговых сношениях с ним как государственных, так и кооперативных и частных организаций“.

Председательствующий. Возражений нет? Принимается.

Рыков. Включить в главу 8-ю относительно усиления планового начала следующий абзац: „В частности, в виду все возрастающей роли кооперации в установлении хозяйственных отношений между сельским хозяйством и промышленностью, Госплан в круг своих плановых работ должен включить рассмотрение хозяйственной работы кооперации и увязки ее со всем государственным хозяйством“.

Председательствующий. Кто против? Принято.

Рыков. Вместо § 4 го в разделе „а“ предлагается новая редакция. Отличие только в начале. Там у нас перечислено один или два вида кооперации, здесь дается более полный перечень. Пункт в новой редакции гласит так: „Развитие в деревне широкой сети сельскохозяйственной, кредитной, потребительской и промысловой кооперации, как основных органов по заготовке сельскохозяйственных продуктов, по организации в деревне доступного кредита и снабжения крестьянства необходимыми предметами потребления“.

Председательствующий. Кто против? Принято.

Рыков. В разделе о государственной промышленности предлагается развить пункт о промышленности кустарной и дополнить следующим абзацом: „В отношении кустарной промышленности партия считает необходимым оказать поддержку развитию промысловой кооперации, в целях противодействия росту на основе кустарной промыш-

ленности частного капитала, и установлению необходимой связи кустарной промышленности с промышленностью государственной".

Председательствующий. Нет возражений? Принято.

Рыков. В основном абзаце относительно сельского хозяйства после слов „Советская власть может" вставить: „при этом особое внимание должно быть обращено на обеспечение интересов отсталых народностей в отдельных окраинных областях и республиках".

Председательствующий. Ставлю на голосование. Кто против? Принято.

Рыков. Пункт 1-й раздела „в" дополнить следующим абзацом (это относительно заработной платы): „в частности обратить особое внимание на дальнейшее подтягивание заработной платы рабочих в тех основных отраслях промышленности и в тех районах производства, где величина заработной платы все еще отстает от среднего уровня".

Председательствующий. Кто против? Принято.

Рыков. И еще один абзац относительно той же заработной платы: „в тех случаях, в коих заработная плата исчисляется в червонцах, считать необходимым, в целях сохранения реальной высоты заработной платы, устанавливать по истечении каждого месяца в зависимости от роста дороговизны необходимость специальных надбавок на дороговизну".

Председательствующий. Нет возражений? Принято.

Все остальные практические предложения комиссия постановила передать ЦК партии для рассмотрения в советском порядке.

Председательствующий. Итак, все поправки комиссии приняты конференцией. Есть ли, кроме того, какие-либо поправки? Нет. Я голосую резолюцию с принятыми поправками. Кто за эту резолюцию в целом? Кто против? Принято единогласно.

Председательствующий. В Президиум внесена резолюция группой делегатов, касающаяся Центрального Органа партии. Слово для оглашения резолюции имеет т. Ломинадзе.

Ломинадзе. „I. Конференция решительно отметает нападки и наветы на редакцию центрального органа партии „Правды", имевшие место во время партдискуссии, и рассматривает их как худший вид фракционной склоки.

II. Конференция констатирует, что редакция ЦО предоставляла полную возможность выявления всех течений и оттенков партийной мысли. В то же время редакция ЦО заняла боевую большевистскую позицию и последовательно отстаивала основные идеи ленинизма во всем ходе дискуссии. Тем самым „Правда" выполнила свой долг перед партией.

III. Конференция приветствует ЦО, вполне одобряет его деятельность и выражает уверенность, что и в дальнейшем „Правда" под руководством тов. Бухарина останется на высоте задачи в борьбе со всеми уклонами от основной линии ленинизма".

Председательствующий. Угодно голосовать эту резолюцию без прений? Голосую эту резолюцию. Кто против? Принято всеми против трех. Слово имеет т. Врачев.

Врачев. Товарищи, в связи с заявлением т. Сталина в его докладе, подчеркнутым им в заключительном слове, относительно того, что будто бы группа членов партии, так-называемая оппозиция, имеет бюро и он даже перечислил имена некоторых товарищей, которые являются членами этого бюро, я в своей речи сделал предложение, которое я повторяю в письменной форме:

„Имея в виду двукратное сообщение секретаря ЦК тов. Сталина об организации группой членов партии, стоящих в оппозиции, бюро,

и принимая во внимание, что подобное организационное оформление группы членов партии,—буде оно (оформление) подтвердится,—является прямым нарушением постановлений высших органов партии—партийных Съездов,—Всесоюзная Партийная Конференция постановляет: избрать специальную комиссию для тщательной проверки заявления тов. Сталина с тем, чтобы в случае подтверждения сообщения виновных в организации фракции привлечь к строжайшей партийной ответственности".

О результатах проверки должны быть извещены все члены партии. Я полагаю, что предложение совершенно ясное и не нуждается в особой мотивировке.

Председательствующий. В виду ясности предложения я голосую его без прений. Кто за? Кто против? Отклонено. Других предложений у меня нет. Конференция получила ряд приветственных телеграмм. Я оглашаю одну из них—от бухарской национальной Красной армии.

„Москва, Всероссийской конференции РКП (б.).

Пятая партийная конференция бухарской национальной Красной армии шлет свой горячий привет вождю русских трудящихся масс, оказавших братскую поддержку бухарскому народу в освобождении из-под ига эмира. Бухарская национальная Красная армия крепнет, растет, готова выступить на защиту прав трудящихся с оружием в руках, надеется, что зажженный Октябрем пожар мировой революции скоро своим пламенем охватит все народы Востока и окончательно освободит их из-под ига капитала.

Да здравствует могучая, крепкая, как сталь, РКП, несущая освобождение народам Востока!

Президиум конференции".

Председательствующий. Слово предоставляется т. Каменеву.

Каменев. Работа нашей конференции закончена. Товарищи, наша партия осуществляет пролетарскую диктатуру в совершенно своеобразных условиях, в стране, где громадная часть населения не принадлежит к пролетариату. Колебания этой внепартийной среды неизбежны и партия наша—основной пролетарский авангард—неоднократно доказала, что она умеет прислушиваться к тому, что делается в беспартийной среде, и определенным образом на это реагировать. Неизбежно, однако, что эти колебания во внепартийной среде время от времени так или иначе отражаются среди неустойчивых элементов нашей собственной партии. Эти колебания мы переживаем не в первый раз. На всяком повороте, при постановке трудных задач эти колебания сказывались и сказываются и всегда давали и дают повод для радости и внутренних наших классовых врагов, и международной буржуазии. Неудивительно поэтому, что и теперь обнаружившиеся колебания подали надежду классовым врагам внутри и за пределами Союза. Наша конференция должна была подвести итоги той самопроверке, которую партия еще и еще раз произвела до конца по поводу основных принципов своей работы, правильности своего пути, твердости своего направления. Наша конференция с неслыханным единодушием показала единогласным голосованием за резолюции о наших очередных хозяйственных задачах, что партия твердо держит курс на строительство социализма, что в основных проблемах строительства социализма у нас не будет никаких колебаний.

С другой стороны, столь же единогласное принятие всей конференцией резолюции о внутрипартийных делах, предложенной Центральным Комитетом, свидетельствует, что и в этом вопросе у нас суще-

ствует полная сплоченность, что те колебания, которые были обнаружены в партии,—явление преходящее, и что партия сумеет дружно решить те задачи, которые перед нею стоят. Эта сплоченность, проявленная в двух основных вопросах нашей конференции, имеет под собою твердую основу. Основа эта прежде всего в росте сознания, консолидации, численности, подъеме культурного уровня, основной силы нашей диктатуры—рабочего класса. С другой стороны, основа этой сплоченности в том, что наша хозяйственная база, база диктатуры пролетариата, база Союза Советских Республик крепка, как никогда. Международная буржуазия скоро увидит, что коммунистическая партия не только вывела Россию из той разрухи, в которой она находилась благодаря нападению международной буржуазии, но что коммунистическая партия смогла призвать рабочий класс и крестьянство к созданию такого государства, которое сильнее, сплоченнее, монолитнее, чем какая бы то ни было капиталистическая держава в мире.

Партия ныне сказала свое слово. Это слово прозвучит по всей России, оно прозвучит и для международного пролетариата, и в этом слове международный пролетариат и русский рабочий класс увидят, что мы, как партия, растем, что вместе с нами растет Союз Советских Социалистических Республик, что вместе с нами растет мировая революция.

Товарищи, мы должны отдать себе отчет, что перед нами громадная масса черной, будничной, требующей постоянного напряжения и постоянного внимания работы по строению социализма. После того, как конференция еще раз подтвердила путь партии, мы можем призвать всех членов партии к работе под руководством того Центрального Комитета, деятельность которого партия смогла до конца просмотреть, и руководство которого она одобрила. Этот Центральный Комитет, товарищи, работает временно без руководства т. Ленина. Мы все уверены, что в тот момент, когда Владимир Ильич вернется к руководству нашей партией, он одобрит ту трудную работу, то решение задач, которое партия, верная заветам Владимира Ильича, проделала за время его отсутствия. Владимир Ильич поправляется. В момент, когда т. Ленин вернется к своему посту, наша партия, наш ЦК станут в сто раз сильнее, чем сейчас; но и сейчас уже мы сильны достаточно, чтобы заявить врагу, что их надежды на раскол, на разлад и на расшатывание нашей партии лживы, что они здесь обманутся, как обманывались не раз. РКП будет, как и прежде, единой стальной партией, готовой к выполнению своих исторических задач. (Аплодисменты).

Заседание Всесоюзной Партийной Конференции объявляю закрытым. (Аплодисменты. Члены конференции поют „Интернационал").

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Резолюция пленума ЦКК

от 12—13 января 1924 г.

по докладу тов. Ярославского о внутрипартийном положении и о работе президиума ЦКК.

1. Признать политическую и организационную линию ЦК правильной и обеспечивающей партии дальнейшее ее развитие и укрепление.

2. Признать правильной резолюцию об очередных задачах экономической политики, опубликованную ЦК партии, и резолюцию президиума ЦКК и Политбюро ЦК о внутрипартийном строительстве.

Поставить перед президиумом ЦКК задачу всемерной помощи ЦК в быстрейшем и полном проведении в жизнь этих решений.

3. Одобрить действия президиума ЦКК и позицию, занятую им в поддержке ЦК, направленную против попыток создать фракционную группировку внутри партии. Пленум предлагает президиуму ЦКК взять более твердый курс в борьбе со всякого рода попытками нарушить единство партии организационным оформлением фракций. Пленум ЦКК считает неизжитой эту опасность. Пленум поручает президиуму ЦКК на основании имеющихся в его распоряжении фактов, которые подтверждают эту опасность, немедленно обратиться ко всей партии с призывом к решительной борьбе с подобными явлениями.

4. Пленум ЦКК считает особенно опасной эту работу оппозиции в Красной армии, так как эта работа создает враждебное настроение у части военных коммунистов против руководящего органа партии – ЦК. Пленум ЦКК считает опасным такие шаги, как попытки ПУР'а организовывать совещания партработников армии без ведома ЦК; как рассылка ПУР'ом циркуляра от 24/XII—1923 г. о применении принципов внутрипартийной демократии в Красной армии не только без согласования с ЦК, но и вопреки предложению секретаря ЦК тов. Молотова о необходимости предварительного согласования его с ЦК; как вынесение военными ячейками недоверия еще не собравшейся Всероссийской партконференции (резолюция политработников МВО и штаба ЧОН'а) и другие подобные факты, свидетельствующие о попытках восстановить военных работников против руководящих органов партии и всей партии в целом. Президиум ЦКК должен помочь ЦК в деле обеспечения более правильного политического руководства в армии в духе решений ЦК.

5. Пленум ЦКК считает также совершенно необходимым обратить особое внимание ЦК и ЦКК на состояние парторганизаций с преобладающим крестьянским составом, которые подвергаются наибольшей

опасности влияния беспартийной крестьянской стихии и бессознательного объединения внутрипартийной оппозиции с мелкобуржуазной крестьянской оппозицией против Советской власти.

6. Наиболее важной задачей партии в целях ее укрепления пленум ЦКК считает максимальное увеличение ее пролетарского ядра путем усиления работы среди беспартийных рабочих у станка.

7. Пленум ЦКК обращает внимание всей партии на необходимость возможно скорее сгладить и изжить те взаимные озлобленно-фракционные отношения, которые создались у некоторой части партийных товарищей во время дискуссии.

Было бы ошибкой, если бы партия не сумела этого сделать.

Лучшим, однако, путем к этому пленум ЦКК считает отнюдь не замалчивание или затушевывание действительно возникших и возникающих разногласий, а всестороннее и полное выяснение этих разногласий, с одной стороны, а с другой—решительное активное проведение в жизнь принятых партией решений. Одну из основных партийных задач на ближайший период ЦКК видит в усилении идейно-пропагандитской работы, особенно в тех слоях партии, которые подпали под влияние оппозиции. Особое внимание должно быть уделено партийной работе среди учащейся молодежи, где необходимо принять все меры к укреплению подлинных начал большевизма.

8. Пленум ЦКК считает необходимым решительно бороться с теми злостными нападками на ЦО партии, которые подсказываются фракционным ослеплением оппозиции. Пленум считает, что „Правда" за период дискуссии с честью выполнила роль выдержанного ЦО РКП. Подрыв доверия к ЦО партии является ударом для всей партии, в руках которой „Правда" служит могучей организующей и воспитывающей общественное мнение партии и всей страны силой. Одновременно с этим пленум ЦКК обращает внимание ЦК РКП на необходимость всемерного укрепления редакции и всего состава работников „Правды", ее главнейших отделов и улучшения всей постановки дела в „Правде". Пленум ЦКК учитывает огромное значение даже мелких ошибок ЦО в такой момент обостренной борьбы внутри партии, возможность которых должна быть предотвращена теперь же указанными организационными мероприятиями.

Пленум ЦКК одобряет шаги, предпринятые в этом отношении президиумом ЦКК, и утверждает ее постановление о „Правде" от 7-го января 1924 года.

9. Вместе с тем, учитывая необходимость сосредоточить главное внимание ЦО партии на обсуждении и уяснении экономических задач, стоящих перед партией, пленум ЦКК решительно высказывается за то, чтобы дискуссия о внутрипартийной демократии была перенесена в особый дискуссионный листок, и лишь общие итоговые статьи и материалы помещались бы по этому вопросу в ЦО партии.

10. Считая необходимым обеспечить полную свободу обсуждения стоящих перед партией задач, пленум ЦКК поручает президиуму следить за тем, чтобы дискуссия не выливалась в явно недопустимые формы, и чтобы члены партии, применяющие недопустимые формы борьбы, привлекались к партийной ответственности, независимо от их направления и положения в партии. Кроме того, должна быть всячески усилена работа ЦКК по решительному преодолению попыток злостной клеветы против партии и ее руководящего органа, а также использованию советского и партийного аппарата против руководящего органа партии.

11. Пленум ЦКК предлагает президиуму ЦКК систематически информировать партию о возникающих внутри партии течениях, своевременно предупреждая партию об угрожающей опасности, а также

одобряет шаги, предпринятые президиумом ЦКК в деле борьбы с внугрипартийными группировками.

12. Пленум ЦКК решительно высказывается против отмены резолюций X Съезда об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне.

13. Пленум ЦКК одобряет линию, занятую президиумом ЦКК в вопросе о борьбе с излишествами, и считает необходимым эту борьбу не ослаблять, но направлять на более крупные и яркие проявления. Пленум констатирует значительные успехи и плодотворные результаты этой борьбы, особенно в части сокращения излишних непроизводительных расходов.

14. Пленум ЦКК считает правильным отношение президиума ЦКК к хозяйственникам-коммунистам, как одной из важнейших групп, выдвинутых партией на важные ответственные посты, и в то же время опасные посты, которую необходимо всячески оберегать и помогать ей, не ослабляя в то же время борьбы парторганов со всякого рода злоупотреблениями, излишествами и т. п.

15. Пленум поручает президиуму составить сообщение для всех членов партии о пленуме ЦКК с подведением главных итогов работы ЦКК в целом и выяснением линии, занятой ЦКК по важнейшим вопросам жизни партии и всей страны.

16. Пленум ЦКК считает необходимым отменить постановление октябрьского пленума ЦК и ЦКК о запрещении распространения переписки ЦК с тов. Троцким и всех документов, предшествовавших дискуссии,—обращения 46-ти и т. д. Пределы распространения этих документов установить президиуму ЦКК вместе с Политбюро ЦК.

РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ.

О партстроительстве.

(*Принята единогласно*).

Объективные противоречия данной стадии переходного периода, вытекающие из одновременного существования самых различных хозяйственных форм, из наличности рыночных отношений, из необходимости для государственных учреждений применять капиталистические формы и методы практической работы, из необходимости опираться в этой работе на еще чуждый пролетариату персональный состав работников и т. д.,—эти объективные противоречия сказываются в целом ряде отрицательных тенденций, борьба с которыми должна быть поставлена в порядок дня. К числу таких тенденций относятся: резкое расхождение в материальном положении членов партии в связи с разницей их функций и так-называемые „излишества"; рост связи с буржуазными элементами и идеологическое влияние этих последних; ведомственное сужение кругозора, которое следует отличать от необходимой специализации, и возникающее на этой почве ослабление связи между коммунистами различных отраслей работы; опасность утери перспектив социалистического строительства в целом и мировой революции; отмеченная уже съездом опасность „нэповского" перерождения части работников, по роду своей деятельности наиболее близко соприкасающихся с буржуазной средой; наблюдающаяся бюрократизация партийных аппаратов и возникающая отсюда угроза отрыва партии от масс.

1. Партия и трудящиеся массы.

Доверие пролетарских масс к партии возросло. Это находит свое выражение в выборах в советы, в развале меньшевистской и эсеровской партий, в образовании кадра беспартийных рабочих, активно поддерживающих партию. В то же время активные рабочие-коммунисты, которые, естественно, должны быть связью партии с беспартийной массой, почти целиком поглощаются административной и хозяйственной работой и тем самым неизбежно отрываются от производства. Поэтому, основной задачей в данной области является вербовка новых членов партии из рабочих от станка. Задача партийных организаций заключается в том, чтобы именно этой категории работников уделить особое внимание, сделать все возможное, чтобы не оторвать их от производственной работы, помочь им поднять культурный уровень и всемерно облегчить им возможность действительного участия во всех делах партии. Работа по увеличению пролетарского ядра партии должна являться на ближайшие месяцы одной из самых

важных задач всех партийных организаций. Инициатива отдельных организаций, уже развернувших свою работу в этом направлении, должна быть поддержана всеми промышленными органами нашей партии. Партия должна облегчить приток новых кадров промышленных рабочих в парторганизации и переход их из кандидатов в члены партии. Равным образом необходимо обратить усиленное внимание на работу среди подрастающей пролетарской молодежи.

Среди крестьянства, где вновь растут батрацкие и полубатрацкие слои, необходимо всемерно улучшить качественный состав деревенских ячеек, направлять их работу по руслу культурной и политической деятельности, в частности, усиливать их работу в области содействия распространению агрономических знаний, в области кооперации, организации сельскохозяйственного кредита и т. п. При этом необходимы всемерная поддержка деревенской бедноты (в частности, укрепление комнезамов на Украине) и вовлечение батрацких элементов как в нашу парторганизацию, так и во Всеработземлес.

Среди интеллигенции, в связи как с общими причинами, так и с улучшением ее положения у нас, при одновременном обнищании средних слоев в Германии, замечается общий поворот в сторону Советской власти. Особенно важен перелом в настроении сельского учительства и агрономического персонала, которые могут стать одним из основных соединительных звеньев между городом и деревней. Однако, поворот в сторону Советской власти широких слоев интеллигенции, будучи в своей основе глубоко положительным явлением, может иметь и отрицательные последствия, ибо увеличивает опасность идеологического окружения коммунистов. Борьба за идеологическую чистоту партии против мелкобуржуазного и сменовеховского обволакивания является поэтому точно так же одной из очередных задач партии.

2. Партия и рабочая демократия.

Отрицательные явления последних месяцев как в жизни рабочего класса в целом, так и внутри партии делают обязательным тот вывод, что интересы партии, как в смысле успешной борьбы ее с нэповскими влияниями, так и в смысле повышения ее боеспособности во всех областях работы, требуют серьезного изменения партийного курса в смысле действительного и систематического проведения принципов рабочей демократии. Исходя из этого, октябрьский совместный пленум ЦК и ЦКК постановил:

„Пленумы ЦК и ЦКК одобряют полностью своевременно намеченный Политбюро курс на внутрипартийную демократию, а также предложенное Политбюро усиление борьбы с „излишествами“ и разлагающим влиянием нэп'а на отдельные элементы партии“.

Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свободу дискуссии по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху. Однако, она вовсе не предполагает свободы фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом.

Само собой разумеется, что внутри партии, которая представляет собою добровольное объединение людей на определенной идейной и практической базе, не могут быть терпимы группировки, идейное содержание которых направлено против партии в целом и против диктатуры пролетариата (как, например, „Рабочая Правда“ и „рабочая группа“).

Только постоянная, живая идейная жизнь может сохранить партию такой, какой она сложилась до и во время революции, с постоянным критическим изучением своего прошлого, исправлением своих ошибок и коллективным обсуждением важнейших вопросов. Только эти методы работы способны дать действительные гарантии против того, чтобы эпизодические разногласия превращались во фракционные группировки со всеми указанными выше последствиями.

Для предотвращения этого требуется, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности.

Партия ни в коем случае не может быть рассматриваема как учреждение или ведомство; но она также не может быть рассматриваема как дискуссионный клуб для всех и всяческих направлений. X Съезд установил принципы рабочей демократии, но тот же X Съезд, а затем и XI и XII Съезды установили ряд ограничений в деле применения начал рабочей демократии: запрещение фракций (см. резолюцию X Съезда „О единстве партии“ и соответствующую резолюцию XII Съезда); чистка партии; ограничение приема в члены партии для непролетарских элементов; установление партстажа для известных категорий должностных лиц партии; утверждение секретарей вышестоящей партинстанцией (см. устав партии). Считая неизбежным в условиях нэп'а сохранение и впредь известных ограничений, вместе с тем необходимо на основании уже имеющегося опыта, особенно низовых организаций, проверить целесообразность некоторых из этих ограничений, например, права утверждения секретарей вышестоящими инстанциями. Во всяком случае, нельзя допускать превращения права утверждения секретарей в фактическое их назначение.

3. Ближайшие мероприятия по проведению рабочей демократии.

В целях борьбы с извращением партийной линии, для действительного проведения рабочей демократии и обеспечения за всей массой членов партии возможности систематически влиять на направление всей партийной политики, необходимо провести в жизнь в первую голову следующие мероприятия:

а) следить за строгим проведением выборности должностных лиц с теми ограничениями, которые указаны выше; считать недопустимым навязывание этих лиц вопреки воле организации; в частности, внимательно следить за проведением выборности секретарей ячеек;

б) обязательно ставить все существенные вопросы партийной политики, поскольку этому не препятствуют какие-либо исключительные обстоятельства, на обсуждение ячеек и партийной массы в целом; расширить сеть партийных дискуссионных клубов; не прибегать к неправильным ссылкам „на партийную дисциплину“, когда дело идет о праве и обязанности членов партии на обсуждение интересующих их вопросов и вынесение решений;

в) обратить внимание на задачу выдвигания новых работников снизу, в первую очередь из рабочих;

г) особое внимание обратить на усвоение правильной партийной политики кадром товарищей, непосредственно соприкасающихся с партийной массой;

д) ввести в практику обязательную отчетность парторганов перед выбирающими их коллективами и перед широкой партийной массой;

е) усилить партийно-воспитательную работу, всячески избегая ее казенной постановки как среди всей партийной массы, так в особенности среди комсомольцев и женщин;

ж) обратить внимание на обмен опыта работников разных отраслей работы между собою; обязательно устраивать как при ЦК, так и при обкомах, губкомах и укомах периодические совещания ответственных работников всех отраслей работы;

з) усилить информацию членов партии путем печати и объездов мест со стороны членов ЦК, ЦКК, областных и губкомитетов и членов коллегий комиссариатов и т. п.;

и) усилить отделы партийной жизни в периодической печати;

к) войти с предложением на ближайший партийный съезд о созыве конференций губернских и общепартийных два раза в год.

Для того, чтобы обеспечить действительное проведение всех вышеуказанных мероприятий по осуществлению рабочей демократии, необходимо перейти от слов к делу, предложив низовым ячейкам, уездным, районным и губернским партконференциям при очередных выборах систематически обновлять партийный аппарат снизу, выдвигая на ответственные посты таких работников, которые способны обеспечить на деле внутрипартийную демократию.

4. О контрольных комиссиях.

а) Перед партией уже поставлена важнейшая задача по улучшению нашего государственного аппарата. Эта работа требует большого времени для того, чтобы она могла дать действительные и ощутительные результаты. Основным условием успешности работ контрольных комиссий и РКИ в деле улучшения и чистки государственного аппарата является содействие им всей партии и ее организаций, вовлечение в эту работу самих трудящихся масс. Необходима более тесная связь контрольных комиссий с соответствующими парткомами и более активное вынесение деятельности контрольных комиссий и РКИ на арену общественного мнения партии и трудящихся масс.

б) Опыт последних месяцев показал, что, помимо Центральной Контрольной Комиссии, вопросами государственного аппарата должны заняться и контрольные комиссии на местах, в губерниях и областях, что, таким образом, вопрос о расширении функций местных контрольных комиссий должен быть поставлен на очередь дня.

в) Формами привлечения трудящихся к делу изучения и улучшения государственного аппарата могут быть ячейки содействия на предприятиях и в государственных учреждениях, формируемые контрольной комиссией и Рабоче-Крестьянской Инспекцией совместно с профсоюзами. Партийные ячейки на предприятиях должны быть тесно связаны с ячейками содействия РКИ и руководить их работой через фабзавкомы.

г) Особенно важной задачей контрольных комиссий в настоящий момент является борьба с бюрократическими извращениями партийного аппарата и партийной практики и привлечение к ответственности должностных лиц партии, препятствующих проведению в жизнь принципа рабочей демократии в практике партийных организаций (стеснение свободы высказывания на собраниях, не предусмотренные уставом ограничения выборности и т. д.).

д) Особое значение в настоящих условиях имеет борьба контрольных комиссий с так-называемыми „излишествами“ в государственном аппарате и со стороны отдельных руководителей ее. Деморализующее влияние отрицательных сторон нэп‘а на членов нашей партии, в част-

ности на отдельных ответственных работников, должно встретить со стороны всей партии решительный отпор.

е) Необходимо проверить политику применения крайних партийных репрессий (исключение из партии). По отношению к промышленным рабочим от станка должна быть проявлена максимальная внимательность, и крайние меры (исключение из партии) должны здесь применяться только в действительно необходимых случаях, т.-е. когда исчерпаны другие меры партийного воздействия.

Наконец, необходимо, чтобы исключенные раньше из партии, особенно промышленные рабочие, встречали действительно товарищеское отношение, когда они обращаются с заявлениями об обратном приеме в партию, и когда при этом есть основание рассчитывать на правильное выполнение ими партийных требований.

5. Парторганизация и хозработа.

Величайшим и неоценимым нашим преимуществом является тот факт, что мы в рядах нашей партии имеем участников всех видов хозяйственной работы, начиная от пролетариев у станка и кончая наиболее ответственными ее руководителями. Все эти работники должны и, при правильной постановке дела, могут вносить свой чрезвычайно разносторонний коллективный хозяйственный опыт в дело выработки действительного партийного руководства хозяйственной работой. Необходимо обеспечить хозяйственникам в кругу их работы достаточную самостоятельность и полную поддержку партии. Систематическое партийное руководство отнюдь не должно допускать дергания по случайным и второстепенным поводам.

В этих целях необходимо приближение ком'ячеек к производству: отчеты и информация со стороны хозяйственников-коммунистов должны стать регулярными; доклады должны обсуждаться по существу, необходимо устройство систематических совещаний коммунистов из ячеек предприятий, входящих в хозяйственное объединение (например, трест), и партийно-хозяйственных конференций; представители ячеек обязаны делать доклады о таких конференциях на своих ячейках. Необходимо гораздо более систематически обобщать опыт и указания низовых ячеек.

6. Работа в массах и вовлечение масс в практическое строительство.

Работа по вовлечению масс в практическое строительство должна быть усилена именно в виду опасности отрыва госаппарата от масс. Поэтому ответность и информация со стороны хозяйственников должны быть проведены и по отношению к массам (делегатские и общие собрания рабочих, фабзавкомы, беспартийные рабочие и крестьянские конференции и т. д.).

Особое внимание должно быть обращено также и на приближение профсоюзов к производству. Необходимо усилить влияние профсоюзов в деле подбора и выдвигания новых людей на хозяйственные посты, в деле контроля над работой хозорганов (громадное значение имеет и контроль за своевременной выплатой зарплаты, ее подходящей формой и т. д.); профсоюзы должны созывать производственные конференции по объединенным трестам (с участием представителей фабзавкомов и руководителей предприятий); профсоюзы должны давать отражение своей работы в профессиональной прессе, которую необходимо улучшить и подкрепить.

Всемерно должен быть подкрепляем институт рабочих корреспондентов, которых необходимо тщательно оберегать от какой бы то ни было казенщины и бюрократизации. Партийной и советской периодической печати поставить в обязанность максимально чутко прислушиваться к требованиям и предложениям, идущим со стороны масс.

При выборах в советы рабочих и крестьянских депутатов обращать внимание на выдвигание новых людей, проводить на-ряду с партийными деловых беспартийных рабочих, втягивать этих последних в активную работу (работа секций горсовета, совещание отделов и исполкомов с представителями рабочих и крестьян, ячеек содействия РКИ и т. д.).

Усилить практику беспартийных широких конференций; способствовать росту всевозможных добровольных, самодеятельных объединений: культурно-просветительных, спортивных и т. д., в особенности таких, которые непосредственно затрогивают семейно-общественный быт рабочей массы (нарпит и т. п.), обеспечивая им возможность правильного развития.

Необходимо шире развернуть практику открытых собраний в ячейках и на основании опыта этих открытых собраний подбирать кадры беспартийных, активных помощников нашей партии.

Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии.

(Принято всеми против трех).

1. Возникновение дискуссии.

Уже сентябрьский (1923 г.) пленум Центрального Комитета и еще ранее Политбюро Центрального Комитета нашей партии задолго до каких бы то ни было выступлений „оппозиции" поставили вопрос о необходимости оживления партийной работы и усиления рабочей демократии внутри партии.

С одной стороны, подъем промышленности, прекративший деклассирование пролетариата, культурный рост рабочего класса, рост активности в среде его создавали более благоприятные условия для действительного проведения начал внутрипартийной демократии. С другой стороны, летние экономические конфликты, хотя сами по себе и не имевшие угрожающего значения и по размерам гораздо меньшие, чем это бывало в прошлом, указывали на то, что местами связь партийных организаций с беспартийной рабочей массой недостаточно сильна.

Центральный Комитет партии отдавал себе отчет в том, что переход на новые рельсы должен быть совершен обдуманно, осторожно и после серьезной подготовки. В сознании этого ЦК партии в сентябре 1923 года приступил к подготовительным работам в этой области.

В это время старые оппозиционные группы и группки, политика которых не раз уже была осуждена партией, сочли момент подходящим для того, чтобы перейти в атаку против ЦК партии. Рассчитав, что вопрос о внутрипартийной демократии вызовет обостренное внимание со стороны всех членов партии, оппозиционные группы решили поэксплоатировать этот лозунг во фракционных целях. После сентябрьского постановления пленума ЦК РКП появилось письмо тов. Троцкого и вслед за ним письмо 46-ти. Эти документы давали

совершенно неправильную и ультрафракционную оценку экономического положения в стране и внутреннего состояния партии, предрекали глубокий экономический кризис в республике и внутренний кризис в партии, выдвигая против ЦК партии обвинения в неправильном руководстве.

Вред этих фракционных выступлений тов. Троцкого и 46-ти усугублялся тем, что названные письма немедленно же стали достоянием широких кругов членов партии, широко распространялись в районах, среди учащейся молодежи в Москве и немедленно же стали распространяться также по всему Союзу ССР.

Октябрьское совместное заседание пленумов ЦК и ЦКК с участием представителей от 10-ти крупнейших парторганизаций заслуженно осудило выступление т. Троцкого и 46-ти, как акт фракционности, и в то же время совместные пленумы ЦК и ЦКК единодушно одобрили инициативу Политбюро в вопросе об оживлении внутрипартийной работы и усилении рабочей демократии. Совместные пленумы ЦК и ЦКК постановили не выносить поднятые тов. Троцким и 46-ю споры за пределы Центрального Комитета, не оглашать писем тов. Троцкого и 46-ти, равно как и ответа Политбюро и осудившую „оппозицию" большинством 102-х против 2-х при 10-ти воздержавшихся, резолюцию ЦК и ЦКК.

Тем не менее, тов. Троцкий и 46 его сторонников не подчинились решению столь авторитетного партийного учреждения и продолжали систематический поход против ЦК партии сначала в широких кругах Московской организации, а затем и по всему Союзу ССР.

Политбюро, руководясь решением совместных пленумов, приступило к выработке резолюции о внутрипартийном положении и о рабочей демократии. Несмотря на фракционное выступление тов. Троцкого, большинство Политбюро сочло необходимым добиваться соглашения с ним. В результате длительных усилий большинства Политбюро была принята единогласно и 5-го декабря 1923 года была опубликована резолюция Политбюро и Президиума ЦКК о внутрипартийном строительстве.

Одним из наиболее спорных вопросов при выработке резолюции Политбюро и Президиума ЦКК был вопрос о фракциях. При выработке резолюции Политбюро и Президиума ЦКК тов. Троцкий сначала не возражал против запрещения фракций, но в то же время настаивал на том, чтобы не была запрещена свобода группировок. Тем не менее, удалось выработать единогласный текст, который в вопросе о фракциях ссылался на постановление X Съезда РКП.

Но „оппозиция" продолжала свою фракционную борьбу. В то время как большинство ЦК и ЦКК, связанное своим собственным постановлением о неопубликовании известных документов, лойяльно проводило это решение, „оппозиция" продолжала широко распространять свои фракционные документы. Через два дня после опубликования единогласно принятой резолюции Политбюро и Президиума ЦКК, тов. Троцкий выступил с известным письмом под заглавием „Новый курс", которое на деле было фракционным манифестом, направленным против ЦК. Появившиеся вслед за тем статьи тов. Троцкого еще больше подчеркнули фракционность его выступлений—так же, как и брошюра тов. Троцкого („Новый курс"), появившаяся в день открытия всесоюзной партконференции.

С момента появления фракционного манифеста т. Троцкого борьба обостряется еще больше. „Оппозиция" поднимает в Москве, в особенности в военных ячейках и в ячейках вуз'ов небывалую еще в истории нашей партии кампанию против ЦК, сея недоверие к Центральному Комитету партии. По всей России „оппозицией" рассылаются

ее представители. Борьба принимает неслыханно острые формы. Ядром „оппозиции“ выступают члены бывшей группы „демократического централизма“, боровшейся против линии партии в течение ряда лет. К этому ядру присоединяются несколько бывших членов Центрального Комитета, не переизбранных на X Съезде РКП, по предложению тов. Ленина (Преображенский, Смирнов, Серебряков). Весь этот оппозиционный блок возглавляется тов. Троцким и поэтому на первых порах получает некоторый авторитет.

2. Идейная сущность „оппозиции“.

Важнейшие пункты разногласий громадного большинства нашей партии с нынешней „оппозицией“, как выяснилось из хода дискуссии, сводятся в основном к следующим шести пунктам:

1) „Оппозиция“, возглавляемая тов. Троцким, выступила с лозунгом ломки партаппарата и попыталась перенести центр тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на „бюрократизм“ в аппарате партии. Такая огульная критика и попытка прямого дискредитирования партийного аппарата объективно не могут привести ни к чему другому, как к эмансипации государственного аппарата от влияния на него со стороны партии, к отрыву государственных органов от партии. Тенденция к отрыву органов государства от влияния партии появилась у тов. Троцкого еще перед XII Съездом РКП. В настоящей дискуссии эта тенденция приняла лишь другую форму.

2) „Оппозиция“ попыталась противопоставить партийный молодняк основным кадрам партии и ее Центральному Комитету. Вместо того, чтобы учить молодежь тому, что партия наша должна равняться по ее основному пролетарскому ядру, по рабочим-коммунистам, работающим у станка, „оппозиция“, возглавляемая тов. Троцким, стала доказывать, что „барометром“ для партии является учащаяся молодежь.

3) Тов. Троцкий выступил с неопределенными намеками на перерождение основных кадров нашей партии и тем самым попытался подорвать авторитет Центрального Комитета, который между съездами является единственным представителем всей партии. Тов. Троцкий не только попытался противопоставить себя всему остальному Центральному Комитету, но и допустил такие обвинения, которые не могли не вызвать беспокойство в широких кругах рабочего класса и бурный протест в рядах всей партии.

4) В вопросах экономики „оппозиция“ проявила наибольшее банкротство, не сумев абсолютно ничем подкрепить свои обвинения против ЦК партии и не попытавшись даже противопоставить политике партии сколько-нибудь систематические предложения по вопросам хозяйства.

В критике хозяйственной политики партии у „оппозиции“ наметились два оттенка. Одна часть „оппозиции“ отдает обильную дань „левой“ фразе против нэп‘а вообще, делая такие заявления, которые имели бы какой-либо смысл лишь в том случае, если бы эти товарищи предлагали отказаться от нэп‘а и вернуться к военному коммунизму. Другая, гораздо более влиятельная часть „оппозиции“, напротив, упрекает ЦК в том, что он недостаточно идет навстречу иностранному капиталу, делает недостаточно уступок империалистским державам и т. д. Эта часть „оппозиции“ (Радек) выступила с прямыми предложениями пересмотреть те условия, которые партия наметила в связи с Генуэзской конференцией, и пойти на большие экономические уступки международному империализму, в целях усиления деловых сношений с иностранным капиталом. Партия без всяких колебаний отклоняет обе эти ошибки.

5) „Оппозиция“ во всех своих оттенках обнаружила совершенно небольшевистские взгляды на значение партийной дисциплины. Выступления целого ряда представителей „оппозиции“ представляют собою вопиющее нарушение партийной дисциплины и напоминают те времена, когда тов. Ленину приходилось бороться против „интеллигентского анархизма“ в организационных вопросах и защищать основы пролетарской дисциплины в партии.

6) „Оппозиция“ явно нарушила постановление X Съезда РКП, запрещающее образование фракций внутри партии. Большевистский взгляд на партию, как на монолитное целое, „оппозиция“ заменяет взглядом на партию, как на сумму всевозможных течений и фракций. Эти течения, фракции и группировки согласно „новым“ взглядам „оппозиции“ должны быть равноправны в партии, а ЦК партии должен являться не столько руководителем партии, сколько простым регистратором и посредником между течениями и группировками. Такой взгляд на партию не имеет ничего общего с ленинизмом. Фракционная работа „оппозиции“ не могла не стать угрозой единству государственного аппарата. Фракционные выступления „оппозиции“ оживили надежды всех врагов партии, в том числе западно-европейской буржуазии, на раскол в рядах РКП. Эти фракционные выступления вновь поставили перед партией со всей остротой вопрос о том, может ли РКП, стоящая у власти, допустить образование фракционных группировок внутри партии.

Подводя итоги этим разногласиям и анализируя весь характер выступлений представителей „оппозиции“, Всесоюзная Партконференция приходит к выводу, что в лице нынешней „оппозиции“ мы имеем перед собою не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно-выраженный **мелкобуржуазный уклон**. Не подлежит никакому сомнению, что эта „оппозиция“ объективно отражает напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской партии и ее политику. Принципы внутрипартийной демократии начинают уже истолковываться за пределами партии расширительно: в смысле ослабления диктатуры пролетариата и расширения политических прав новой буржуазии.

При том положении, что РКП, воплощающая диктатуру пролетариата, пользуется монополией легальности в стране, неизбежно, что наименее устойчивые группы коммунистов иногда поддаются непролетарским влияниям. Партия в целом должна видеть эти опасности и зорко охранять пролетарскую линию партии.

Против этого мелкобуржуазного уклона необходима систематическая и энергичная борьба всей нашей партии.

3. Положительные результаты дискуссии.

Рост активности и культурности широких слоев беспартийных рабочих и частью трудящихся крестьян является новым фактором, который при правильной политике партии принесет величайшую пользу делу революции. Дабы оказаться вполне на высоте положения, дабы иметь возможность руководить этими подымающимися к активному строительству социализма массовыми слоями рабочих и неимущих слоев крестьянства, сама партия должна была во что бы то ни стало оживить и активизировать свою внутреннюю жизнь. В этом смысле дискуссия, несмотря на мелкобуржуазные уклоны „оппозиции“, принесла серьезную пользу партии.

Мелкобуржуазные ошибки „оппозиции“ исправлены были партией быстро и решительно. Как только началась перекличка внутри

партии, одна за другой крупнейшие пролетарские организации РКП выступили с суровой критикой мелкобуржуазных шатаний „оппозиции“ и поддержкой линии ЦК. Первой, как это бывало и прежде во время принципиальных дебатов в партии, выступила старейшая большевистская рабочая оргакизация—Петроградская организация РКП. К письму Петроградской организации полностью присоединились десятки крупнейших пролетарских организаций Союза Республик. Резолюция Московской Губернской Конференции, принятая громадным большинством голосов, выразила столь же решительное осуждение „оппозиции“. К моменту Всесоюзной Партконференции вся партия в своем абсолютном подавляющем большинстве единодушно осудила мелкобуржуазный уклон.

В результате дискуссии основное ядро партии сплотилось еще больше. Рабочие ячейки по всему Союзу Республик, не колеблясь ни минуты, сразу же дали самый решительный отпор ошибкам „оппозиции“. Партийный молодняк, впервые наблюдающий острые споры внутри партии, получил возможность на живом примере увидеть, что такое действительный большевизм. Наиболее близкая к фабрично-заводской жизни коммунистическая молодежь из Комсомола, без колебаний поддержала основную линию партии. Колебания части учащейся молодежи в вуз'ах—явление преходящее. При надлежащей разъяснительной работе со стороны партии эти колебания скоро будут изжиты.

Повысилась активность и сознательность всех членов партии. По-новому поставлены серьезные хозяйственные и партийные вопросы, которые будут прорабатываться партией в течение ближайшего периода.

С особенной остротой подчеркнуто было стремление всей партии к обеспечению партийного единства. Малейший намек на возможность угрозы раскола вызывал и вызывает самый острый и бурный протест со стороны всей массы членов партии. Партия политически уничтожит всякого, кто покусится на единство партийных рядов. Партийное единство обеспечено больше, чем когда бы то ни было.

4. Практические выводы.

Учитывая все положение вещей в партии, Всесоюзная Партконференция считает необходимым:

1) Увеличить во что бы то ни стало количественно пролетарское ядро партии и удельный вес его во всей политике партии. В течение ближайшего года необходима усиленная вербовка в члены партии рабочих от станка с тем, чтобы из числа коренных пролетариев привлечь в ряды РКП не менее, чем 100.000 новых членов. Для этого необходимо всемерно облегчить рабочим вступление в партию. В то же время на этот же период должен быть окончательно закрыт прием в партию для всех непролетарских элементов. Внутри партии должна вестись систематическая пропаганда в том смысле, что вся партия должна равняться по своему основному рабочему ядру.

2) Для лучшего укрепления связи партии с беспартийными необходимо добиться того, чтобы во всех советах и во всех советских органах беспартийным рабочим было предоставлено не на словах, а на деле достаточно серьезное представительство. Центральный Комитет партии должен строжайше следить за проведением в жизнь этого решения и решительно призывать к порядку те местные организации, которые нарушают его.

3) Партийные организации должны повести особенно заботливую разъяснительную работу среди тех ячеек, которые в истекшей дискус-

сии в той или другой мере колебались в вопросе партийной линии. Разъяснение, разъяснение и еще раз разъяснение—вот главная задача, ложащаяся прежде всего на плечи основного кадра партии.

4) Особенное внимание должно быть посвящено разъяснительной работе среди молодежи. При недостатке материальных средств партия должна предпочесть иметь меньший контингент учащихся, но зато улучшить материальное положение учащихся и усилить качественную сторону работы в вуз'ах. Необходимо принять особые меры для того, чтобы обеспечить правильность партийного руководства работой среди молодежи. Партия не может допустить лести по адресу молодежи, но она не должна допускать также системы окриков и бюрократической опеки. Терпеливое разъяснение основ ленинизма одно только может достигнуть цели.

5) Одной из важнейших задач является поставить на должную высоту изучение истории РКП и, прежде всего, основных фактов борьбы большевизма с меньшевизмом, роли отдельных фракций и течений во время этой борьбы, в особенности тех эклектических фракций, которые пытались „примирить" большевизм с меньшевизмом. ЦК партии должен принять ряд мер для того, чтобы поставить на должную высоту издание надлежащих учебников по истории РКП, а также сделать обязательным преподавание истории партии во всех партшколах, в вуз'ах, кружках и т. д.

6) По образцу крупнейших пролетарских организаций необходимо создать во всех наших организациях кружки по изучению ленинизма, взяв, как основное пособие, прежде всего собрание сочинений тов. Ленина и обеспечив надлежащее руководство этими кружками.

7) Необходимо укрепить надлежащими силами центральный орган партии („Правду") с тем, чтобы он имел возможность систематически разъяснить основы большевизма и вести кампанию против всех уклонов от него.

8) Текущую дискуссию со страниц „Правды" в настоящий момент перенести на страницы специального „дискуссионного листка" при „Правде".

9) Свобода обсуждения внутри партии ни в коем случае не означает свободы подрыва партийной дисциплины. Центральный Комитет партии и все партийные центры на местах должны немедленно принять самые суровые меры для охраны железной большевистской дисциплины всюду, где ее пытаются колебать.

10) Против распространения непроверенных слухов и запрещенных к распространению документов и аналогичных приемов, являющихся излюбленным методом беспринципных групп, заразившихся мелкобуржуазными настроениями, должны быть приняты решительные меры вплоть до исключения из партии.

11) Необходима лучшая постановка информации о деятельности Центрального Комитета и внутрипартийной жизни вообще. С этой целью стенографические отчеты о заседаниях пленумов ЦК должны рассылаться всем членам и кандидатам ЦК и ЦКК. В „Правде", в „Известиях ЦК" и др. газетах в центре и на местах должен быть широко поставлен отдел партийной жизни. При ЦК партии должен быть создан специальный информационный отдел.

12) Особенное внимание должно быть посвящено правильной и здоровой постановке партийной работы в армии. За попытки вести фракционную „работу" в рядах Красной армии партия должна карать особенно сурово.

13) Конференция считает вполне целесообразным вновь полностью и безоговорочно присоединиться к решению X Съезда РКП, запретившего фракционные группировки. Конференция считает нужным

предложить XIII Съезду РКП подтвердить это решение от имени высшего органа партии.

14) Конференция предлагает ЦК опубликовать до сих пор еще не опубликованный пункт 7-й резолюции об единстве, принятой, по предложению т. Ленина, X Съездом РКП, дающий право совместному заседанию ЦК и ЦКК $^{2}/_{3}$ голосов перевести из членов в кандидаты, или даже исключить из партии любого члена ЦК, в случае нарушения партдисциплины или „допущения фракционности“.

15) Конференция не может пройти мимо решения последней Московской Губернской Конференции, доведшей до сведения всей партии, что в Москве создалась фракционная группировка, подрывающая единство партии. Конференция полагает, что ЦК партии и ЦКК должны немедленно же принять самые решительные меры, вплоть до исключения из партии, против тех, кто в главном политическом центре СССР пытается внести раскол в ряды партии.

Считая всероссийскую дискуссию по обсуждавшимся до сих пор вопросам законченной, конференция призывает все партийные организации перейти к деловой работе. Основной предпосылкой дальнейших успехов пролетарской революции является незыблемое единство РКП—руководящей партии пролетарской диктатуры. Единство партии является основным достоянием пролетарского авангарда. Единство РКП необходимо охранять, как зеницу ока. Всесоюзная Партконференция убеждена, что ЦК партии, вокруг которого, как показал исход дискуссии, вновь и вновь сплотилась вся партия, будет твердо охранять это единство.

Об очередных задачах экономической политики.

(Принято единогласно).

При решении очередных вопросов хозяйственной политики партия должна исходить из своей основной для данного исторического периода задачи: осуществления на деле союза пролетариата и крестьянства, смычки города и деревни, национализированной промышленности и крестьянского хозяйства.

Только правильное решение вопросов, возникающих в области отношений рабочего класса и крестьянства, способно окончательно укрепить экономическую основу диктатуры пролетариата и обеспечить ее от каких-либо потрясений.

XII Съезд партии в своей резолюции об организации промышленности специально выдвинул и подчеркнул указание на то, что темпу развития нашей государственной промышленности поставлены объективные рамки, определяемые состоянием крестьянского хозяйства, и что тщательное согласование всей хозяйственной политики с уровнем развития крестьянского хозяйства составляет важнейшую задачу, неправильное решение которой неизбежно влечет гибельные последствия не только в экономической, но и в политической области. Только коренное изменение нынешней политической и экономической обстановки в промышленных странах Европы могло бы серьезно ослабить непосредственную зависимость государственной промышленности от состояния крестьянского хозяйства и создать условия более быстрого перехода к господству социалистического хозяйства.

Резолюция XII Съезда гласит: „Сельское хозяйство, несмотря на то, что оно все еще находится у нас на низком техническом уровне, имеет первенствующее значение для всей экономики Советской власти... Наша партия в то же время должна ни на минуту не забывать или хотя бы упускать из вида при оценке любого своего шага фактически преобладающего значения крестьянского хозяйства... Не только игнорирование, но и недостаточно внимательное отношение к этому обстоятельству было бы чревато неисчислимыми опасностями как в области экономической, так и в области чисто-политической, ибо неизбежно подрывало бы или ослабляло бы тот союз пролетариата и крестьянства, то доверие крестьянства к пролетариату, которые для данного исторического переходного периода являются одной из самых основных опор диктатуры пролетариата, и охрана и укрепление которых являются основным условием устойчивости Советской власти, а, следовательно, и основной задачей партии".

Эти систематические указания партии не получили до сих пор полного отражения в практике наших хозяйственных органов. Далеко не в достаточной мере было усвоено, что необходимость установления возможно более широкого обмена между городом и деревней была основной причиной перехода к новой экономической политике, и что при нэп'е дело снабжения крестьянства продуктами государственной промышленности является основной экономической задачей.

Переживаемые нами хозяйственные затруднения (кризис сбыта) в значительной степени объясняются недостаточным учетом этих указаний партии на роль и значение крестьянского хозяйства и на особенности, вытекающие из задачи осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением. Задача партии в дальнейшем должна заключаться в том, чтобы систематически и внимательно проводить указанную выше политику в области отношений между городом и деревней, не допуская экономически и политически вредных отклонений в сторону недооценки значения крестьянского хозяйства в общей экономической структуре страны.

На основе несоответствия между темпом восстановления крестьянского хозяйства, с одной стороны, и госпромышленности—с другой, в условиях свободного товарооборота возникли явления кризиса последнего времени. Этот кризис характеризуется расхождением между непомерно высокими ценами на изделия промышленности и низкими ценами на продукты сельского хозяйства. Промышленность, выросшая на основе городского рынка, способного уплачивать более дорогие цены, не смогла в момент реализации урожая сбыть свои товары менее платежеспособному массовому потребителю—крестьянству. С другой стороны, крестьянство не нашло достаточно широкого внутреннего и внешнего рынка для выгодной продажи хлеба, чем определилась низкая цена на последний.

Обострению кризиса сбыта способствовали: недостаточное развитие торговых отношений, политика высоких цен синдикатов, высота накладных расходов как в промышленности, так особенно и в области торговли, слабое развитие денежного хозяйства, а также система двух валют, при которой крестьянство наиболее страдало от обесценения совзнаков.

В результате упорной работы истекший год дал несомненные успехи в деле восстановления промышленности и транспорта и большее количество товаров, произведенных в госпромышленности, чем когда бы то ни было за время Советской власти. С другой стороны, крестьянство, несомненно, увеличило свою запашку, в известной мере подняло свое хозяйство, усилило производство специальных культур и, благодаря замене натурального налога в большей части его де-

нежным, имело в своем распоряжении, несмотря на пониженный сравнительно с прошлым годом урожай, большее количество хлебных запасов.

Таким образом, нынешний кризис отнюдь не может быть уподоблен тем кризисам бестоварья и бесхлебья, которые страна переживала в 1919—20—21 гг. Основные элементы народного хозяйства в целом (количество производимого угля, нефти, металла, хлопка, остающегося в руках крестьянства хлеба и пр.), несомненно, возросли. Кризис явился результатом несоответствия между этими отдельными отраслями народного хозяйства и, в первую очередь, неумения нашей √ госпромышленности и торговли проложить себе дорогу к крестьянскому массовому рынку.

I.

Сельское хозяйство.

Небольшая емкость и низкая платежеспособность крестьянского рынка, как и высокая себестоимость продуктов городской промышленности, отражают в себе результаты длительного периода внешних и внутренних войн. Понижение цен на сельскохозяйственные продукты есть явление мировое, приведшее в капиталистических странах, например, в Америке, к простому уничтожению (сожжению) громадных количеств хлеба для искусственного повышения цен. Городское и промышленное население СССР не представляет достаточного рынка для крестьянского хозяйства. Крестьянский хлеб может повыситься в цене в первую голову в результате завоевания им иностранных рынков. Уже в прошлом году это обстоятельство было учтено партией, которая установила необходимость всемерного развития экспорта продуктов сельского хозяйства за границу. За прошлый год было вывезено 40 миллионов пудов хлеба, в этом же году, как важнейшая задача экономической политики, поставлен вывоз до 250 миллионов пудов хлеба.

Но успешная борьба крестьянского хлеба на заграничном рынке требует приспособления сельского хозяйства к условиям этого рынка. Партия поставила на очередь дня помощь крестьянству в деле повышения технического уровня его хозяйства, введения более интенсивных культур, увеличение оборотных средств крестьянского хозяйства, обновление его инвентаря и проч.

В первую очередь должна быть улучшена организация государственных хлебных закупок и государственного экспорта, понижены накладные расходы в этой области, максимально сокращены роль и доходы в хлебной торговле всякого рода посредников и скупщиков.

Советская власть может и должна притти на помощь крестьянству также усилением его оборотных средств путем: а) организации дешового сельскохозяйственного кредита (организация сельскохозяйственного банка); б) предоставления крестьянству на условиях льготного кредита сельскохозяйственных орудий и машин; в) поддержки сельской кооперации и т. д. Во всех своих мероприятиях по отношению к крестьянству партия должна исходить из необходимости всемерной помощи беднейшим и средним слоям крестьянства, в частности товариществам для общественной обработки земли, в целях их освобождения из-под кулацкого засилья.

При этом особое внимание должно быть обращено на обеспечение интересов отсталых народностей в отдельных окраинных областях и республиках.

Крестьянское хозяйство является основной базой для восстановления промышленности, а следовательно, и для роста рабочего класса,

так как крестьянский рынок является основным массовым рынком для изделий промышленности. Крестьянское хозяйство, с другой стороны, является основным поставщиком сырья для нашей промышленности. Поэтому возможно большая поддержка крестьянского хозяйства требуется не только общими интересами Советской власти, но и интересами быстрейшего развития самой промышленности.

II.

Государственная промышленность.

Только развитие национализированной крупной промышленности создает незыблемые основы пролетарской диктатуры. Исходя из этого, XII Съезд партии дал точные указания на меры, которые должны быть приняты и систематически проводимы партией для укрепления и развития нашей государственной промышленности.

Государственная промышленность за истекший год значительно развилась, увеличила свою продукцию и улучшила качество товаров, при чем рост производства шел из месяца в месяц без резких колебаний и скачков.

Темп развития крупной государственной промышленности за истекший год несколько превышал темп развития сельского хозяйства и промышленности мелкой и кустарной. (Если взять всю продукцию крупной промышленности, то сравнительно с 21 годом она увеличилась почти вдвое. Общая сумма продукции государственной промышленности возросла до 35 проц. довоенной, в то время как в предшествующий год она составляла лишь 20—22 проц. последней).

В частности успехи, достигнутые в области топливного хозяйства, обеспечивают возможность дальнейшего восстановления остальных отраслей промышленности. Транспорт находится в таком состоянии, когда он без особых затруднений способен удовлетворять все предъявляемые к нему народным хозяйством требования. Вместе с тем необходимо констатировать ряд успехов, достигнутых в деле организации производства на фабриках и заводах и организации промышленности в целом.

Однако, переживаемый кризис вскрыл и в этой области ряд нездоровых явлений, устранение которых является очередной задачей партии.

В погоне за покрытием убытков, понесенных промышленностью за первый год нэп'а, ряд хозорганов неправильно применил директиву XII съезда о необходимости стремиться к прибыльности и чрезмерно поднял цены до уровня, доступного лишь более платежеспособному рынку. Высокие цены на товары наткнулись на низкую платежеспособность массового крестьянского рынка. Товары остались непроданными и не только не принесли промышленности ожидаемых прибылей, но и поставили ее предприятия перед угрозой неплатежей и сокращения производства.

Возникшие в борьбе за овладение рынком и установление единых цен синдикаты явились непосредственными проводниками этой политики высоких цен. Эта политика явилась несомненным результатом неправильного использования монопольной организации отдельных отраслей промышленности при недостаточном развитии регулирующих органов.

Социалистическое накопление является основным и решающим фактором для судеб пролетарской диктатуры при нэп'е. Однако, ошибочно с точки зрения социалистического строительства, когда в

цены продуктов, сверх себестоимости и необходимой минимальной прибыли, включаются расходы на такое быстрое восстановление и расширение основного капитала, которые явно не под-силу в данный момент основной массе населения страны. Необходимо в дальнейшем в гораздо большей степени согласовывать политику цен с главнейшим крестьянским рынком и темп развития промышленности согласовывать строже, чем до сих пор, с общим ходом расширения емкости крестьянского рынка.

В текущем году из общей суммы производства госпромышленности предметов потребления 0,7 пошло на городское потребление и лишь 0,3 на удовлетворение крестьянского потребления. Это показывает, что наша промышленность далеко не в достаточной мере смогла проложить себе дорогу к массовому крестьянскому потребителю.

Та высота, которой достигли цены на промышленные изделия за истекший год, объясняется не только объективными причинами, но в значительной степени недостатками в области организации промышленности и отсутствием той экономии в накладных расходах, которая совершенно необходима для восстановления хозяйства республики. Политика снижения цен должна направить внимание промышленности на понижение себестоимости путем дальнейшего улучшения и расширения производства, максимального сокращения накладных расходов, а также на улучшение и удешевление ее торгового аппарата.

В связи с этим необходимо пересмотреть существующие синдикатские объединения и оставить только те из них, хозяйственная целесообразность существования которых будет доказана. Только строго проводя политику приспособления к массовому рынку, понижения себестоимости и расширения производства предметов массового потребления, государственная промышленность получит возможность успешно конкурировать с частным капиталом в деле обслуживания массового потребителя—крестьянина и рабочего.

Всемерно направляя государственную национализированную промышленность на обслуживание широкого массового потребителя, партия вместе с тем продолжает стоять на той точке зрения, что необходимо в известной мере содействовать мелкой промышленности, которая не требует ни крупных затрат на свое восстановление, ни специальных запасов сырья, топлива и продовольствия, и которая может оказывать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы, увеличивая тем самым общий товарооборот страны.

В отношении кустарной промышленности партия считает необходимым оказать поддержку развитию промысловой кооперации в целях противодействия росту, на основе кустарной промышленности, частного капитала и установления необходимой связи кустарной промышленности с госпромышленностью.

Неизбежным элементом в дело улучшения организации нашей промышленности входит концентрация промышленности. Мы получили в наследство от старого хозяйственного режима большое количество предприятий, возникших без какого бы то ни было соответствия с общим хозяйственным планом и тем строем народно-хозяйственной жизни, который мы сейчас имеем. Эти предприятия тяжелым грузом лежат на народно-хозяйственном бюджете. Расходы по их содержанию, при недостаточной их нагрузке или при полной консервации, неизбежно входят в цены продуктов, повышая их. Но партия не может забывать ни на один момент, что здесь больше, чем в какой бы то ни было другой области, коммерческие и бюджетные соображения должны контролироваться соображениями политическими, т.-е. в данных условиях соображениями об охране политической мощи рабочего

класса. Там, где закрытие заводов обозначало бы удар по политической силе пролетариата, подрывало его основные кадры и вело к их распылению,—там проведение жесткой концентрации было бы недопустимой политической ошибкой.

В предшествующий период партия сосредоточила свои усилия на укреплении и расширении производства угля (Донбасс) и нефти (Баку), так как без обеспечения промышленности топливом не могло быть и речи об укреплении других отраслей промышленности. Достигнутые ныне успехи в деле топливного хозяйства делают ныне возможным и необходимым сосредоточить внимание партии на металлургии. Металлическая промышленность в ближайший период должна быть выдвинута на первый план и должна получить от государства гораздо большую, чем в прошлый год, всестороннюю, в частности и финансовую, поддержку.

III.

Заработная плата и профсоюзы.

Хозяйственные затруднения, наступившие осенью, сопровождались колебаниями в области заработной платы, а также вызвали ряд недочетов как в сроках выплаты заработной платы, так и в форме ее выплаты. Политбюро в начале августа и пленум Центрального Комитета партии в сентябре приняли ряд решений, направленных к удержанию заработной платы от падения и к увеличению ее среди отставших в отношении зарплаты групп пролетариата (например, железнодорожников).

Партия считает, что состояние промышленности и государственного хозяйства в целом позволяют прекратить выплату зарплаты в таких формах, которые означали бы ее фактическое сокращение (суррогаты, крупные купюры), а также принять ряд решительных мер, направленных против несвоевременной выплаты заработной платы. Партия требует от всех хозяйственных органов дальнейшей борьбы со всеми этими недочетами и настаивает на том, что своевременная выплата заработной платы является первейшей обязанностью хозорганов.

Подъем промышленности и транспорта, основывающийся на героическом напряжении сил рабочего класса, должен находить свое отражение в улучшении положения рабочих. Постоянное внимание профсоюзных органов должно быть обращено на то, чтобы эти две линии — хозяйственного подъема и подъема благосостояния рабочего класса—находились в достаточном соответствии.

Процесс восстановления нашей промышленности неизбежно сопровождается количественным ростом пролетариата, его консолидацией, повышением его материального и культурного уровня. На этой почве перед профсоюзами особенно настойчиво выдвигается задача гораздо ближе стать к делу организации и руководства промышленностью.

С особой тщательностью профсоюзы должны проводить подбор выдвигающихся из рабочих масс организаторов, могущих занять посты руководителей государственной промышленности. Партия, профсоюзы и хозорганы в целях этого выдвижения должны поставить перед собой задачу, путем специальных школ, а также вовлечения широких масс в обсуждение хозяйственного положения и текущей работы промышленных предприятий, подготавливать кадры таких рабочих-руководителей. Производственные конференции, на которых для обсуждения текущих вопросов производственной жизни, подведения итогов, обмена опытом должны сходиться представители хозяйственных орга-

нов, профсоюзов, партии и беспартийных рабочих, должны устраиваться регулярно. Эти конференции должны дать возможность профсоюзам тщательно изучать и контролировать ведение дел в предприятиях, оказывая всемерное содействие хозорганам в деле улучшения хозяйства, в борьбе с бесхозяйственностью, накладными расходами и т. п.

IV.

Внешняя торговля.

Одним из основных элементов всей хозяйственной политики партии является монополия внешней торговли. Монополия внешней торговли вполне оправдала себя, в частности в условиях нэп'а, и как орудие охраны богатств страны от расхищения их туземным и иностранным капита́лом, и как средство социалистического накопления.

Только целиком сохраняя систему монополии внешней торговли, мы могли добиться уже сейчас активного торгового баланса и сосредоточить доходы от внешней торговли в руках государства.

Препятствуя всячески трате народных средств на ввоз в страну предметов, которые могут быть произведены внутри ее, монополия внешней торговли дает возможность организовать планомерный ввоз в страну тех продуктов, кои необходимы для развития нашей промышленности и крестьянского хозяйства. Монополия внешней торговли должна быть и в дальнейшем целиком сохранена как важнейший, особенно в период нэп'а, элемент хозяйственной политики партии.

V.

Внутренняя торговля и кооперация.

При новой экономической политике организация торговли имеет исключительное значение, так как через аппарат торговли должна происходить непосредственная смычка национализированной промышленности и крестьянского рынка. Всякое усиление кооперации и государственной торговли и расширение поля их деятельности представляют расширение сферы социалистического хозяйства. Всякое же ослабление позиций кооперации и государственной торговли и усиление позиций частного посредника, скупщика и торговца представляют расширение сферы господства буржуазных капиталистических отношений. Поэтому поддержка кооперации и развитие государственной торговли, отвоевание ими на основе конкуренции позиций у частного торгового капитала, экономическое использование ими этого капитала представляют главнейшую задачу хозяйственной политики партии.

Между тем, кризис обнаружил, что кооперация и государственная торговля не стоят на высоте тех задач, которые поставлены перед ними: задач установления непосредственной связи между государственной промышленностью и массовым потребителем.

Недостаточная гибкость и разветвленность этих органов, громоздкость и бюрократизация торгового аппарата, высота накладных расходов, неумение проложить себе дорогу к массовому потребителю, недостаточная приспособленность к тому, чтобы обслуживать потребности многомиллионного и распыленного крестьянства, требуют со стороны партии упорной работы для исправления этих, подчеркнутых кризисом, недостатков. Вопросы торговли становятся перед партией во весь свой рост.

VI.

Частный капитал.

Вопрос о соотношении между государственным и частным капиталом в области хозяйства является в данный момент важнейшим вопросом, ибо он предрешает вопрос о соотношении классовых сил пролетариата, базирующегося на национализированной промышленности, и новой буржуазии, базирующейся на стихии вольного рынка. Устанавливая основы новой экономической политики, которая вполне оправдала себя и не нуждается в пересмотре, клонящемся фактически к возврату „военного коммунизма“, партия неизбежно допускала не только накопление частным капиталом определенных средств путем торговли, но и передачу в его пользование, хотя бы и частично, части находящихся в ее распоряжении средств производства (концессии, аренды и т. п.). В этой последней области участие частного капитала и абсолютно, и относительно ничтожно. Относительно более значительная роль частного капитала в торговле объясняется большей приспособляемостью его к мелкому розничному обороту и обслуживанию распыленных потребностей деревни.

Государственный капитал не может поставить своей задачей немедленное установление непосредственных связей со всей стомиллионной массой распыленных производителей-крестьян, но и в этой области росту частного капитала должен быть поставлен предел путем усиления хозяйственной роли кооперации и государственной торговли и приспособления их к потребностям и условиям торгового оборота деревни.

Одним из основных условий усиления наших позиций против частного капитала является политика цен. Сосредоточивая в своих руках основную массу продуктов, потребных деревне, Советская власть должна добиться такого положения, чтобы государственные организации и кооперация продавали дешевле частного торговца. Мы должны добиться того, чтобы массовый потребитель—рабочий и крестьянин—ясно сознавали преимущественность кооперативной и государственной торговли над ее организацией на началах частного капитала. Кооперативным организациям принадлежит преимущественная роль в организации торговли, особенно розничной. Поэтому должен быть принят ряд мер, которые сделают кооперативные организации действительным орудием вытеснения частного торгового капитала (государственная помощь кооперации, в частности низовой рабочей кооперации, переход кооперации на начала добровольности членства, перенесение центра внимания на расширение сети и укрепление низовых кооперативных ячеек, осуществление ими права непосредственных торговых сношений с государственной промышленностью, жесткое сокращение накладных расходов, всяческое сокращение промежуточных звеньев, через которые товар проходит к потребителю, и т. д.).

Вместе с тем, в целях подчинения деятельности частного капитала общему направлению хозяйственной политики Советской власти должны быть приняты дальнейшие меры по регулированию цен на основные предметы массового потребления.

С другой стороны, регулирование частного накопления должно достигаться мерами налоговой политики. Неуклонно должен проводиться налог на роскошь, и должна быть усилена борьба со злостными спекулянтами и т. п.

Партия твердо отказалась от продразверстки и системы пайкового снабжения рабочего населения. Предоставив крестьянству свободу

распоряжения плодами своего труда, партия тем самым допустила, в известных пределах, участие частного капитала в сфере обращения товаров и не имеет никаких оснований отказываться от этой политики. Но партия должна систематически работать над усилением своих позиций и в этой области, ведя неустанную и упорную борьбу за полное овладение массовым, крестьянским рынком.

VII.

Финансовая политика.

Чрезвычайно важным для осуществления основных задач нашей хозяйственной политики достижением за истекший год является введение устойчивой валюты—червонца—и превращение его в основную валюту страны (из 350 миллионов общей массы денежного обращения в стране червонец составляет уже 270 миллионов, т.-е. около $^4/_5$).

Введение червонца и сохранение его как устойчивой валюты было возможно только благодаря поступательному ходу развития всего нашего хозяйства и свидетельствует о правильности того пути экономического возрождения, по которому мы идем.

Червонное обращение в настоящее время является одной из существеннейших опор для дальнейшего развития хозяйства. Отмеченный выше рост государственной промышленности за истекший год не был бы возможен без червонца. На основе червонного обращения было проведено и проводится кредитование промышленности, торговли и сельского хозяйства. Банковское кредитование промышленности и торговли достигло значительного развития. Этот кредит составил тот маневренный фонд государства, без которого планомерное развитие промышленности и всего народного хозяйства невозможно. Опираясь на этот кредит, промышленность впервые развила производство без перебоев и смогла накопить крупные товарные фонды к моменту реализации урожая.

Строгое проведение хозяйственного расчета, правильная калькуляция себестоимости и правильная постановка счетоводства на наших фабриках и заводах, в трестах, синдикатах и торговых организациях стали возможны лишь благодаря твердой червонной валюте и смогут в дальнейшем упрочиться и улучшиться лишь на ее основе.

Дальнейшая политика партии должна заключаться в охранении устойчивости червонца и завершении денежной реформы. Интересы широких масс требуют завершения денежной реформы, т.-е. замены падающего совзнака твердой валютой. Завершение денежной реформы должно стать одной из основных задач Советской власти на предстоящий период.

Успешное разрешение этой задачи обозначает улучшение положения крестьянского хозяйства, повышение материального положения рабочего класса и трудовых слоев населения вообще и оздоровление всего хозяйства.

Успешное проведение денежной реформы возможно лишь при максимальном сокращении бюджетного дефицита и строжайшей экономии со стороны всех хозорганов. Борьба со всякого рода излишествами является, таким образом, насущным экономическим требованием.

В области государственного бюджета необходимо констатировать значительные достижения. Нормальные источники доходов возрастают. Значение эмиссии все больше сокращается. В дальнейшем должны быть приложены все усилия к тому, чтобы, отнюдь не уве-

личивая налогового бремени на трудовые слои населения, пополнять государственные средства за счет увеличения доходности государственных имуществ и предприятий.

Вместе с тем, несомненное улучшение имеется и в деле составления самих бюджетных планов. Уже в продолжение нескольких лет Советская власть стремится к созданию реального бюджета. Но только за истекший год в этой области достигнуты значительные улучшения. Впервые мы имеем действительно соответствующие жизни бюджетные планы, которые в большей мере, чем до сих пор, позволяют предвидеть и рассчитывать в области государственного управления и хозяйства.

Уже введение червонной валюты значительно облегчило возможность учета и, следовательно, планового руководства как хозяйством в целом, так и отдельными предприятиями. Улучшение и уточнение бюджетных планов составило следующий шаг. Но только завершение денежной реформы позволит на основе устойчивой денежной единицы создавать реальные финансовые планы промышленности и торговли, наладить правильную калькуляцию и организовать действительную отчетность.

Таким образом, денежная реформа должна явиться одной из существенных предпосылок для необходимого усиления согласованности между отдельными частями народного хозяйства и впервые даст реальную основу для действительного планового руководства хозяйством.

VIII.

О необходимости усиления планового начала.

В корне неправильно было бы полагать, что при преобладании мелкого крестьянского хозяйства, при возрастающем значении в нашем хозяйстве мирового рынка и его цен, государственное плановое руководство могло бы исключить возможность кризисов в обстановке нэп'а.

Однако, переживаемый нами кризис подчеркивает необходимость усиления работы по согласованию отдельных отраслей народного хозяйства и усилению планового начала в работе государственных хозяйственных органов.

В гораздо большей мере, чем до сих пор, партия должна научиться согласовывать элементы государственного хозяйства в их взаимодействии как между собой, так и с рынком. Эта задача облегчается тем, что ныне мы достигли значительных успехов в создании основных предпосылок планового руководства, без которых планирование легко могло бы превратиться в бюрократическую утопию. Эти предпосылки успешного планирования заключаются: 1) в создании твердой валюты, 2) в организации кредита, 3) в накоплении материальных фондов, допускающих маневрирование ими, 4) в осуществлении и укреплении определенных форм организации хозяйства (тресты и т. д.), 5) в наличии ряда отдельных, построенных на основе опыта, планов, в первую очередь реальных бюджетных планов, и т. п.

Наличие этих обстоятельств дает возможность гораздо более успешной, чем до сих пор, работы планирующих государственных органов. На очереди дня стоит усиление Госплана, повышение роли его в области финансовой и кредитной политики, установление более тесной связи его работы с работой Наркомфина, ВСНХ, НКЗема, Комвнуторга и т. д., усиление его местных органов и т. п.

Ближайшей обязанностью Госплана должно стать систематическое

изучение текущей рыночной конъюнктуры и выработка основных мероприятий в целях воздействия на складывающиеся рыночные отношения.

В частности, в виду все возрастающей роли кооперации в установлении хозяйственных отношений между сельским хозяйством и промышленностью, Госплан в круг своих плановых работ должен включить рассмотрение хозяйственной работы кооперации и увязку ее с государственным хозяйством.

Госплану необходимо обеспечить на деле то место, какое указано в резолюции XII Съезда партии.

Назначение председателем Госплана одного из заместителей председателя СНК обеспечивает ближайшее участие Госплана в разрешении всех текущих вопросов хозяйственной жизни.

Практические выводы.

а) В области сельского хозяйства:

1) Интенсификация сельского хозяйства, развитие сырьевых культур, животноводства и пр. путем ряда поощрительных мер (льготы по налогу, кредит и проч.);

2) всемерное развитие хлебоэкспорта с целью дать выход излишкам крестьянского хлеба на мировой рынок и тем добиться наиболее выгодных для крестьянского хозяйства цен на хлеб; в тех же целях—максимальное сжатие накладных расходов по заготовке и транспортировке хлеба;

3) принять все меры к организации государственной хлебной торговли на внутреннем рынке в формах, обеспечивающих устойчивость хлебных цен (переброски соответствующих количеств хлеба, регулирование тарифов, развитие сети элеваторов и пр.);

4) развитие в деревне широкой сети сельскохозяйственной, кредитной, потребительской и промысловой кооперации, как основных органов по заготовке сельскохозяйственных продуктов, по организации в деревне доступного кредита и снабжению крестьянства необходимыми предметами потребления;

5) принятие срочных мер к развитию сельскохозяйственного кредита через центральный сельскохозяйственный банк и низовые кредитные товарищества, в целях, прежде всего, снабжения крестьян, крестьянских товариществ и коллективных хозяйств сельскохозяйственными машинами и орудиями по доступной цене на началах долгосрочного кредита;

6) переход с будущего 24-го года к взиманию единого сельскохозяйственного налога в денежной форме, с исчислением налога в твердой валюте;

7) установить на будущий 1924 год по сельскохозяйственному налогу широкие льготы для маломощных крестьянских хозяйств; всячески поддерживать организации батрацких элементов (Всеработземлес) и бедняцких элементов крестьянства (как комнезаможи и т. п.);

8) положить конец взиманию в деревне местными органами власти незаконных дополнительных сборов, с тем, чтобы добровольные сборы допускались не иначе, как с разрешения в каждом отдельном случае центральных органов;

9) пересмотреть систему государственного страхования в сторону ограничения принудительных форм страхования теми видами его, в которых наиболее заинтересованы неимущие слои крестьянства, при соответствующем уменьшении страховых взносов для бедноты, и перехода к добровольному страхованию в тех видах его, в которых широкие массы крестьянства менее заинтересованы.

б) В области промышленности:

1) Рационализация производства и повышение производительности труда;

2) усиление нагрузки предприятий и планомерное распределение заказов, особенно в тяжелой индустрии;

3) сокращение накладных расходов путем упрощения организации промышленности, уменьшения числа служащих и пр.;

4) удешевление сырья, топлива и вспомогательных материалов промышленности как путем сокращения заготовительных расходов, так и путем ввоза дешевого иностранного сырья;

5) упорядочение промышленной калькуляции при установлении строгой ответственности за ее правильность;

6) точное определение прав и обязанностей руководителей трестов и директоров предприятий в направлении полной ликвидации пережитков главкизма;

7) систематическое выдвижение на ответственные посты в промышленных предприятиях и объединениях хозяйственников-практиков из рабочих;

8) всемерная поддержка хозяйственников в их трудной работе по промышленному строительству в условиях ожесточенной борьбы с частным капиталом;

9) усилить участие профсоюзов в работе по руководству хозорганами, контролю над их деятельностью и по подбору хозяйственных работников;

10) приблизить партийные организации на предприятиях к производству на основе регулярной информации парт'ячеек о ходе работ в предприятиях и объединениях, свободного обсуждения всех сторон деятельности хозорганов и поощрения инициативы отдельных товарищей в деле изыскания мер улучшения хозяйственной работы.

в) В области заработной платы:

1) Держать курс на подъем заработной платы, в соответствии с подъемом промышленности и производительности труда;

в частности обратить особое внимание на дальнейшее подтягивание зарплаты рабочих в тех основных отраслях промышленности и в тех районах производства, где величина зарплаты все еще отстает от среднего уровня;

2) установить строжайшие кары за задержку выплаты заработной платы; признать вместе с тем необходимым полное возмещение рабочим потери на разнице курсов совзнаков в случаях задержки выплаты заработной платы;

в тех случаях, в коих зарплата исчисляется в червонцах, считать необходимым, в целях сохранения реальной высоты зарплаты, устанавливать, по истечении каждого месяца в зависимости от роста дороговизны необходимость специальных надбавок на дороговизну;

3) запретить огульную выдачу тантьем, допустив таковую лишь из чистой прибыли и только отдельным, особо добросовестным и заслуженным работникам, при условии согласия профсоюзов;

4) улучшить жилищные условия рабочих, признав очередной задачей обеспечение государственного кредита для советского жилищного строительства;

5) обратить особое внимание на уплату страховых взносов для обеспечения в первую очередь той части безработных, кои представляют действительно пролетарские элементы, и которые должны быть прежде всего вовлечены в производство при его расширении.

г) В области внешней торговли:

1) Принять дальнейшие меры к закреплению монополии внешней торговли;

2) привлекать иностранный капитал в дело внешней торговли, поощряя организацию смешанных обществ по экспорту и импорту;

3) провести связанный с основными хозяйственными планами экспортно-импортный план, обеспечивающий активный торговый баланс (перевес вывоза над ввозом) и снабжение советской промышленности дешевым сырьем, материалами, полуфабрикатами;

4) максимальное развитие заграничного кредита под экспорт.

д) В области внутренней торговли:

1) Расширение низового торгового аппарата, в особенности низовой кооперативной сети, на началах внимательного обслуживания интересов потребителя (введение ассортимента товаров, необходимых для массового потребителя, и пр.), и урегулирование взаимоотношений с частными торговыми посредниками в сторону экономического подчинения последних кооперации и госторговле (регулирование розничных цен, товарная интервенция и пр.);

2) усилить регулирование оптовых цен прежде всего на основные предметы массового, в первую голову крестьянского потребления, распространив его и на розничные цены путем установления оптовыми органами предельных накидок для кооперации, путем маневрирования со стороны государства определенными товарными массами с целью понижения цен в соответствующих районах, наконец, путем установления кредитной политики, направленной прежде всего на обслуживание низовых торговых органов;

3) усилить в законодательном порядке влияние местных регулирующих органов на проведение намеченных в области внутренней торговли мер по регулированию и нормированию цен;

4) признать необходимым нормирование цен на соль, керосин и сахар по всем видам торговли (кооперативной, государственной и частной);

5) изменить существующую систему централизованных закупок через верхушечные органы в сторону всемерного поощрения непосредственных сделок между низовыми торговыми организациями и фабрично-заводскими объединениями и торговыми складами, преобразовав соответственно системы кредитования кооперации и госторговли;

6) признать необходимым пересмотр существующей системы синдикатов в целях упразднения тех из них, экономическая целесообразность которых не будет доказана, ограничив, как правило, торговую деятельность остающихся синдикатов рамками оптовой торговли;

7) пересмотреть существующие железнодорожные тарифы в сторону удешевления провоза массовых грузов;

8) принять все меры к сокращению торговых накладных расходов путем сокращения количества торговых представительств в центре и на местах, путем использования, в качестве контрагентов, кооперативных и государственных органов торговли, наконец, путем сокращения излишеств (средства передвижения, обстановка, реклама и т. д.);

9) обратить особое внимание в окраинных национальных республиках и областях на ограждение интересов местного коренного населения при торговых сношениях с ним как государственных, так и кооперативных и частных организаций;

10) выделить специальный резерв работников для усиления органов кооперации и госторговли;

11) установить точную и своевременную отчетность торговых органов.

е) В области финансов:

1) Строжайшее выполнение установленного годового бюджета с безусловным органичением суммы дефицита рамками, предусмотренными бюджетом;

2) переход на твердую валюту, прекращение эмиссий неустойчивых совзнаков и выпуск, не позднее весны, в связи с реформой сельскохозяйственного налога, устойчивой разменной валюты, в купюрах меньше червонца, и мелкой серебряной монеты;

3) понижение акцизов на предметы массового потребления, прежде всего на соль, керосин и сахар-рафинад;

4) удешевление кредита для промышленности и хлебозаготовок и децентрализация кредита с приближением его к низовым хозяйственным единицам;

5) всемерно использовать регулирующую роль кредита, координируя деятельность Госбанка и других кредитных учреждений через Госплан и СТО с органами, руководящими промышленностью и торговлей.

ж) В области плановой работы:

1) Усиление роли Госплана в деле выработки реальных хозяйственных планов для СТО по увязке элементов народного хозяйства и регулированию рыночных отношений на основе систематического изучения хозяйственных конъюнктур;

2) тесное координирование с Госпланом работы Наркомфина, ВСНХ, Комвнуторга и других хозяйственных наркоматов с обязательным согласованием общего плана работ ЦСУ с планом работ Госплана;

3) усиление Госплана новыми работниками.

О международном положении.

(*Принято всеми при одном воздержавшемся*).

1) Признать правильной линию ЦК, легшую в основу тезисов об уроках германских событий.

2) Одобрить политику ЦК, направленную к соглашению с большинством германского ЦК на основе сотрудничества с „левой“.

3) Одобрить постановление ЦК от 27—XII—23 г. о неправильном поведении тов. Радека в германском вопросе, констатировавшее, что:

а) т. Радек держит курс целиком на поддержку правого меньшинства ЦК КПГ и дезавуирования левого крыла партии, что объективно грозит расколом германской компартии. Между тем, Политбюро ЦК РКП строит свою политику на поддержке громадного большинства ЦК КПГ и сотрудничества с левой при критике ее ошибок и поддержке того, что у нее есть правильного, равно и критике грубейших ошибок правых.

б) Общий взгляд тов. Радека на ход дальнейшей борьбы в Германии исходит из неправильной оценки классовых сил Германии: оппортунистическая переоценка разногласий внутри фа-

шизма и попытка на этих разногласиях построить политику рабочего класса Германии.

В виду этого ЦК поставлен в необходимость довести до сведения ИККИ, что в данном вопросе тов. Радек не выражает мнения ЦК РКП.

4) Указать тов. Радеку на недопустимый в большевистской партии пример неподчинения члена ЦК РКП постановлению ЦК по международым вопросам.

5) Решительно предостеречь тов. Радека и др. товарищей из „оппозиции" против перенесения в Коминтерн фракционной борьбы, чреватой крайне вредными последствиями для международного рабочего движения.

Приветствие ЦО—„Правде".

(Принято всеми против трех).

1) Конференция решительно отметает нападки и наветы на редакцию ЦО партии, „Правды", имевшие место во время партдискуссии и рассматривает их как худший вид фракционной склоки.

2) Конференция констатирует, что редакция ЦО предоставляла полную возможность выявления всех течений и оттенков партийной мысли. В то же время редакция ЦО заняла боевую большевистскую позицию и последовательно отстаивала основные идеи ленинизма во всем ходе дискуссии. Тем самым „Правда" выполнила свой долг перед партией.

3) Конференция приветствует ЦО, вполне одобряет его деятельность и выражает уверенность, что и в дальнейшем „Правда", под руководством т. Бухарина, останется на высоте задачи в борьбе со всеми уклонами от основной линии ленинизма.

Поправки тов. Пятакова

к резолюции об очередных задачах экономической политики (отклоненные конференцией всеми против трех, при одном воздержавшемся).

1. Во вводную часть надлежит включить характеристику двух основных взаимно-противоречивых тенденций развития общественного хозяйства СССР: а) развитие частно-хозяйственного начала и б) развитие государственного и кооперативного начала. В этой характеристике надлежит сказать:

„Партия, став на точку зрения необходимости поворота на путь новой экономической политики, сознавала те опасности, с которыми ей, как партии рабочего класса, неизбежно придется встретиться на этом пути. Эти опасности заложены в самых глубоких основах общественного хозяйства СССР, в котором борются два принципа хозяйства или, точнее, в котором заложены, начала двух в конечном счете взаимно-исключающих друг-друга, хозяйственных систем: системы частно-собственнического, стихийно-развивающегося товарно-капиталистического хозяйства и системы коллективно-организованного, сознательно управляемого социалистического хозяйства. Истекшие $2^1/_2$ года проведения новой экономической политики на практике целиком подтвердили обоснованность опасений партии: оба начала развивались вместе с подъемом производительных сил страны, при чем зародыш товарно-капиталистической системы значительно вырос, окреп и грозит в дальнейшем своем развитии неисчислимыми опасностями лишь только еще складывающимся зачаткам социалистической системы хозяйства. Накопление частного капитала, развитие кустарной промышленности, укрепление частного капитала, хотя бы в самой распыленной его форме,— форме кулацкого и мелко-торгового капитала в деревне, на базе развития товарности крестьянского хозяйства, — может привести, в конце-концов, к прочной экономической смычке частного капитала с крестьянским хозяйством, что и создаст фактически крепкую базу для развития частно-капиталистической системы, вырывая почву из-под ног социалистической системы, зачатками которой являются наше государственное хозяйство и кооперация. В настоящее время проблема двух тенденций развития нашего общественного хозяйства есть уже не теоретическая проблема, а одна из острейших проблем экономической политики партии и рабоче-крестьянского государства. Эта проблема должна быть поставлена в центре внимания, дабы вся совокупность мероприятий в области хозяйства приводила к укреплению государственного хозяйства и кооперации, низводя на деле роль частно-капиталистического начала до роли *подсобного начала*. При этом надлежит отметить, что развитие товарной стихии, стихии нэп'а, ведет именно к созданию товарно-капиталистической системы, и что только

идущая не по линии наименьшего сопротивления политика рабочего государства, располагающего громадной потенциальной экономической мощью, может привести через укрепление государственного хозяйства и кооперации и тесного связывания их как между собою, так и с крестьянским хозяйством, к организации социалистического хозяйства".

2. В соответствии с этим необходимо вставить специальный раздел

Об управлении государственным хозяйством.

Поворот к новой экономической политике поставил, в качестве очередной задачи партии в области государственного хозяйства, в ряду других задач, задачу такой организации государственного хозяйства, при которой последнее было бы наиболее приспособлено к условиям установления товарной связи с частно-собственническим крестьянским хозяйством. Отсюда первым шагом по пути создания новой системы государственного хозяйства явилась организация многочисленных государственных хозяйственных единиц (государственных предприятий), организованных как меновые хозяйства. Эта задача в грубых чертах разрешена. Но следующая за ней, важнейшая и труднейшая задача,— задача постепенного и упорного собирания этих единиц и создания из них действительно системы государственного хозяйства, сознательно и планомерно управляемой,—не только не разрешена, но даже и не поставлена.

Управление всем государственным хозяйством, как объединенной системой, отдельные части которой не лишены маневроспособности на рынке и в то же время взаимно дополняют и поддерживают друг-друга против частного хозяйства, решают в своей совокупности проблему укрепления социалистического начала в хозяйстве Союза Республик и направляются в своей деятельности не только товарной стихией, но и сознательной руководящей волей рабочего класса, получающей свое выражение в руководящей деятельности специально для этого созданных органов управления государственным хозяйством, есть основная и коренная очередная задача нашей экономической политики. Только решение этой задачи подводит твердое организационное основание под теоретически общепризнанное в партии положение о необходимости укрепления планового начала. Без решения этой задачи, без проведения планового начала на практике, без твердого перехода в области руководства государственным хозяйством от системы случайного и бессистемного разрешения выпячиваемых жизнью острых вопросов нашего хозяйства, разрешения в большинстве случаях без надлежащей постановки вопроса под углом зрения развития всего государственного хозяйства, от установившейся практики разнобоя и стихийности в деятельности хозяйственной периферии и отдельных специальных и центральных органов государственного хозяйства,—не может быть разрешен вопрос о смычке национализированной промышленности с крестьянским хозяйством. Сила и будущность государственного хозяйства состоит именно в том, что каждая государственно-хозяйственная единица является, по существу, своему не отдельным, независимым хозяйством, а частью общей государственно-хозяйственной системы, связывающейся с кооперацией. Благодаря целому ряду обстоятельств, отдельная государственная хозяйственная единица может быть (а на деле в данный момент большей частью и действительно является) более слабой, чем частное хозяйственное предприятие. Но она неизмеримо сильнее последнего, как часть общей системы государственного хозяйства; это преимущество ее, однако, на деле не выявляется, благодаря отсутствию организационной системы государственного хо-

зяйства. Поэтому-то задача создания системы государственного хозяйства и задача управления этой системой есть важнейшая задача партии и рабоче-крестьянской власти, ибо только решение этой задачи может обеспечить смычку государственного хозяйства с крестьянским хозяйством и предовратить смычку с последним частного капитала.

Необходимо твердо усвоить принципиально различную постановку вопросов об отношении государственной власти к частному, в том числе основному крестьянскому, хозяйству и к хозяйству государственному. В то время, как в отношении первого государственная власть может содействовать, регулировать, усиливать одни тенденции и тормозить другие, может рядом мероприятий в известных пределах направлять развитие частного хозяйства, в отношении второго государство выступает в роли хозяина, т.-е. прежде всего в роли организатора и управляющего. Надо решительно отказаться от нэповской точки зрения о регулирующей роли государства в отношении государственного хозяйства вообще и государственной промышленности в частности, и твердо стать на точку зрения управляющей роли его, что ставит на очередь необходимость принципиального и организационного разрешения проблемы управления государственным хозяйством, как некоторой внутренне объединенной системой, первенствующую роль в которой должна играть государственная промышленность".

3. Раздел VIII—**О необходимости усиления планового начала**— требует существенной переработки. Надо сказать:

„Задача проведения планового начала в нашем хозяйстве должна быть поставлена во главе угла всей нашей экономической политики. Эта задача не может быть разрешена одним ударом: решение ее должно быть рассчитано на более или менее продолжительный промежуток времени, но и самое разрешение этой задачи должно происходить планомерно и, главное, должно происходить с величайшей настойчивостью, систематичностью и решительностью. Скептическому отношению к необходимости проведения планового начала должен быть положен решительный конец, и осуществление планового руководства нашим хозяйством должно быть поставлено в качестве боевой практической задачи. Переживаемый нами экономический кризис еще раз решительно подчеркнул острую необходимость планомерности и согласованности в деятельности различных хозорганов, что, в свою очередь, ставит на очередь вопрос об объединенном и планомерном руководстве этой деятельностью. Отсутствие плана и отсутствие планомерного руководства чрезвычайно болезненно сказалось на течении кризиса.

В корне ошибочно полагать, что можно сперва создать предпосылки для успешного планирования, а потом приступить к этому планированию. Наоборот, при практическом подходе к разработке и осуществлению плана обязательна постановка вопроса и о предпосылках здорового хозяйственного плана. Оздоровление денежного обращения, организация кредита, накопление маневренных материальных фондов, создание ряда частных планов и т. п. могут и должны быть звеньями в деле осуществления общего плана. Но если эти моменты вырываются из общего плана и их осуществление становится самодовлеющей задачей, то неизбежны уродливости, чрезмерности, несогласованности в их проведении с другими сторонами хозяйственной жизни и т. п., что на деле приводит к перебоям, кризисам и всякого рода осложнениям.

Вопрос о плане приобретает особенно большое значение под углом зрения развития борьбы двух тенденций в нашем народном хозяйстве. Отсутствие планомерного руководства, особенно отсутствие планомерного руководства государственнным хозяйством, приводит на

деле к усилению накопления частного капитала и вообще к усилению позиций частно-капиталистических.

При этом работа планирования распадается на две принципиально различные части: 1) на выработку и проведение плана государственного хозяйства и 2) на выработку и проведение системы мер содействия развитию всего народного хозяйства в направлении общего подъема производственных сил, теснейшей смычки государственного и крестьянского хозяйства и наибольшей плавности развития всего хозяйства, поскольку последняя не срывается моментами, независимыми от направляющей воли рабоче-крестьянского государства (неурожаи, мировые кризисы, политические осложнения и т. п.). При проведении системы мер второго порядка, рабочее государство находится в исключительно благоприятном положении, так как, обладая громадным собственным хозяйством, оно располагает потенциально колоссальной возможностью воздействия на все народное хозяйство. Но это же обстоятельство придает громаднейшее значение и ошибкам в проведении экономической политики, так как ошибка непосредственно превращается в оперативное действие хозорганов, в своей совокупности охватывающих немалую часть всего народного хозяйства. Поэтому-то вопрос о плановом руководстве государственным хозяйством приобретает совершенно исключительное значение".

4. Надлежит исправить формулировку о политике цен. Несомненно, проблема „ножниц", как ценностная формулировка проблемы смычки, имеет первенствующее значение, и вопросы снижения цен на промышленные изделия и повышения цен на сельскохозяйственные продукты являются одними из важнейших вопросов нашей экономической политики. Однако, снижение цен надлежит производить таким образом, чтобы из этого мероприятия получилось усиление смычки государственного хозяйства с крестьянским хозяйством и усиление позиций государственного хозяйства к частному капиталу, а не наоборот. В этом отношении очень опасной мерой является простое снижение цен на изделия государственной промышленности и соответствующее увеличение количества этих изделий. Основной и решающей мерой в деле снижения цен на промышленные изделия является расширение их производства, непременным условием и отчасти следствием чего является снижение накладных расходов и себестоимости. Однако, поскольку расширение производства наталкивается на недостаточность накопления оборотных средств и на необходимость в непосильных для народного хозяйства размерах восстановления основного капитала, снижение цен при условии товарного голода неизбежно приведет на практике к обогащению частного капитала за счет государственного и крестьянского хозяйства. Поэтому, высказываясь решительно против общего открытия наших границ каким бы то ни было товарам, необходимо, при условии существования монополии внешней торговли и планового руководства государственным хозяйством, в тех случаях, когда, несмотря на невозможность надлежащего расширения производства, требуется снижение цен ниже рыночного уровня, сопровождать это снижение ввозом соответствующего, точно определяемого количества иностранных товаров, прибыль от которых должна итти на расширение производства государственной промышленности. Таким образом, товарная интервенция должна и может производиться лишь в строго определенных случаях и в строго определенных формах, а именно: 1) когда необходимо установить продажные цены ниже существующих рыночных, 2) когда этого нельзя достигнуть путем быстрого расширения производства существующих гос. предприятий, 3) исключительно через государственные органы, с направлением прибыли на расширение соответствующих гос. промышленных предприятий и 4) не срывая работы государственных промышленных предприятий.

5. Необходимо отказаться от выставления, в качестве очередной задачи, задачи установления активного торгового баланса. Задачу нашей внешней торговли надо формулировать так: всемерное увеличение вывоза; в меру увеличения вывоза увеличивать ввоз в сторону тех товаров, которые, в соответствии с общехозяйственным планом, надлежит ввозить в страну в интересах быстрейшего подъема нашей госпромышленности и крестьянского хозяйства. При отсутствии иностранных займов должна быть небольшая активность баланса в целях покрытия административных расходов государства за границей и др. расходов, не связанных с товарообменом. Поскольку Союзу Республик удастся заключить иностранные займы, и в страну усилится приток иностранных капиталов, баланс может стать без всякого ущерба отрицательным. Вредным является накопление активного сальдо, в виде золота или валюты, так как эта операция ослабляет еще неокрепший хозяйственный организм страны извлечением из оборота материальных ценностей и может быть произведена лишь на значительно более высокой ступени развития. Однако, непременным условием такой политики является продуманная программа ввоза, идущего на пользу нашей государственной промышленности в первую голову, и, следовательно, на пользу всему, в том числе и крестьянскому хозяйству. Это, в свою очередь, предполагает планомерность и согласованность руководства всем нашим хозяйством, в том числе и внешней торговлей, промышленностью, финансами и внутренней торговлей.

6. Вопрос о размерах прибыли государственных промышленных предприятий имеет большое значение, однако, он никоим образом не разрешается директивой установления минимальной прибыли. Хозяйственник должен иметь директиву достижения наибольшей прибыли в данных условиях. Руководящие и регулирующие органы, разрешающие общие задачи, могут и должны устанавливать те условия, в которых руководитель предприятия действует. Проведение хозяйственного плана должно иметь в виду снижение цен путем увеличения количества производимых товаров, но хозяйственник обязан принимать все меры к тому, чтобы, при увеличивающейся массе товаров, при снижении цен и росте заработной платы, вверенное ему предприятие давало наибольшую прибыль путем улучшения постановки производства, улучшения сбыта товаров, вытеснения посредника, снижения накладных расходов и т. п. Лозунг минимальной прибыли не дает указания хозяйственнику, как вести вверенное ему предприятие, и не дает рабочему классу и органам, проверяющим деятельность хозяйственников, надлежащего масштаба для оценки его деятельности. Вопрос о прибыли имеет громадное практически директивное значение и поэтому неясность в этом вопросе неизбежно приведет к запутыванию хозяйственной деятельности и к обогащению частного капитала за счет государственного.

Список делегатов XIII партконференции РКП (б.) с правом решающего голоса.

№ по пор.	Название организации.	Фамилия, имя и отчество.	Партстаж.
1.	Архангельская.	Спрингис (Шипов). Ян Янович.	1913
2.	Астраханская.	Муравьев, Александр Иванович.	1912
3.	Брянская.	Соколов, Михаил Филиппович.	1911
4.	Витебская.	Дьяков, Василий Владимирович.	1915
5.	Владимирская.	Осьмов, Николай Михайлович.	1907
6.	Вологодская.	Данилов, Григорий Иванович.	1913
7.	Воронежская.	Быкин, Яков Борисович.	1912
8.	Вятская.	Миньков, Марк Ильич.	1912
9.	Гомельская.	Гилинский, Абрам Лазаревич.	1915
10.	Ив.-Вознесенская.	Зорин, Сергей Семенович.	V/17
11.	Калужская.	Жуков, Михаил Семенович.	III/17
12.	Костромская.	Дрожжин, Иван Васильевич.	IV/17
13.	Курская.	Гузаков, Петр Васильевич.	1905
14.	Московская.	Котов, Василий Николаевич.	1915
15.	"	Мельничанский, Григорий Потапович.	1902
16.	"	Захаров, Степан Степанович.	1907
17.	Нижегородская.	Жданов, Андрей Александрович.	1915
18.	Орловская.	Разумов, Михаил Иосифович.	1913
19.	Пензенская.	Орлов, Дмитрий Александрович.	1914
20.	Рязанская.	Райтер, Иосиф Львович.	1909
21.	Самарская.	Голощекин, Филипп Исаевич.	1903
22.	Саратовская.	Галанин, Павел Александрович.	1905
23.	Сев.-Двинская.	Гребенев, Констант. Всеволод.	1920
24.	Симбирская.	Попов, Аркадий Васильевич.	1904
25.	Смоленская.	Викман, Петр Михайлович.	1906
26.	Тамбовская.	Бирн, Иоганн Генрихович.	1909
27.	Тверская.	Полуян, Ян Васильевич.	1912
28.	Тульская.	Белолипицкий, Иван Филиппович.	V/17
29.	Царицинская.	Жеханов, Андрей Ильич.	1905
30.	Ярославская.	Кабаков, Иван Дмитриевич.	1914
31.	Сев.-Зап. Бюро ЦК.	Минин, Сергей Константинович.	1905
32.	Петроградская.	Сафаров, Георгий Иванович.	1908
33.	"	Куклин, Александр Сергеевич.	1903
34.	"	Залуцкий, Петр Антипович.	1907
35.	Мурманская.	Титов, Николай Иванович.	1912
36.	Каробком.	Ярвисало, Иоганн Андреевич.	1907
37.	Новгородская.	Сомс, Карл Петрович.	1910
38.	Псковская.	Струпе, Петр Иванович.	1907
39.	Череповецкая.	Панов, Иван Яковлевич.	1909
40.	Урал. Обл. Ком. РКП.	Румянцев, Иван Петрович.	1905
41.	"	Моисеев, Семен Степанович.	1906
42.	"	Нанешвилли. Виктор Иванович.	1903
43.	"	Гессен, Сергей Михайлович.	1916
44.	"	Васильев, Борис Афанасьевич.	1904
45.	"	Севастьянов, Николай Федорович.	VIII/17
46.	Юго-Вост. Бюро ЦК.	Гикало, Николай Феодорович.	VI/17
47.	Донская.	Квиринг, Эрих Ионович.	1912

№ по пор.	Название организации.	Фамилия, имя и отчество.	Партстаж.
48.	Горская.	Борухин, Алексей Иванович.	1912
49.	Кабардинская.	Калмыков, Бейтан Эдикович.	1918
50.	Дагестанская.	Рютин, Мартемьян Никитич.	1914
51.	Куб.-Черноморская.	Маслиев, Михаил Тихонович.	1919
52.	Ставропольская.	Ноздрин, Михаил Миронович.	1905
53.	Терская.	Котляр, Соломон Осипович.	1918
54.	Адыг-Черкесская.	Газов, Леонид Петрович.	1918
55.	Чеченская.	Энеев, Магомет.	1918
56.	Грозненская.	Миллер, Вацлав Александрович.	1905
57.	Кирбюро.	Мендешев, Сейдегалий Мендешевич.	1919
58.	Киробком.	Коростелев, Георгий Александрович.	1905
59.	Оренбургская.	Мутнов, Никита Ефремович.	1:07
60.	Акмолинская.	Чубин, Яков Абрамович.	1915
61.	Актюбинская.	Кусмарцев, Петр Гаврилович.	VII/17
62.	Букеевская.	Варламов, Петр Иванович.	1918
63.	Кустанайская.	Паперный, Лев Лазаревич.	1915
64.	Семипалатинская.	Ежов, Николай Иванович.	V/17
65.	Уральская.	Марбуш, Иван Романович.	1918
66.	Сиббюро ЦК	Коссиор, Станислав Викентьевич.	1907
67.	Омская.	Баранов, Сергей Фомич.	1913
68.	Алтайская.	Поднек, Август Иванович.	1913
69.	Енисейская.	Кисис, Роберт Янович.	1913
70.	Якутская.	Аммосов, Максим Кирович.	III/17
71.	Иркутская.	Гриневич, Андрей Владимирович.	1912
72.	Н.-Николаевская.	Заславский, Петр Савельевич.	1905
73.	Томская.	Калашников, Василий Степанович.	1906
74.	Ойратская.	Иванов, Никита Федорович.	1920
75.	Заккрайком.	Картвелишвили, Лаврентий Осипович.	1911
76.	Армения.	Лукашин, Сергей Лукьянович.	1905
77.	Азербейджан.	Ханбудагов, Эюбу Ширипович.	1918
78.	Баку.	Мирзоян, Ион Исаевич.	III/17
79.	Грузия.	Ломинадзе, Виссарион Виссарионович.	III/17
80.	Тифлис.	Кахиани, Михаил Иванович.	VII/17
81.	Белоруссия.	Богуцкий, Вацлав Антонович.	1904
82.	Башобком.	Восканов, Рубен Айрапетович.	1914
83.	Вотобком.	Апресян, Денерик Захарович.	9119
84.	Зыробком.	Чирков, Афанасий Михаилович.	1903
85.	Калмыцкая.	Борисов, Трофим Кузьмич.	VI/17
86.	Крымобком.	Уфимцев, Николай Иванович.	1906
87.	Маробком.	Иванов, Иван Иванович.	II/17
88.	Чувобком.	Эльмень, Даниил Семенович.	1918
89.	Обл. Немец. Поволж.	Гросс, Эдгард Яковлевич.	1919
90.	Татобком.	Мухтаров, Кашаф Гиньфанович.	1918
91.	Ср.-Аз. Бюро ЦК.	Межлаук, Иван Иванович.	1918
92.	Бухара.	Пулатов, Карий-Юдаш.	1918
93.	Хорезм.	Адинаев, Календарь.	1918
94.	ЦК КПТ.	Рахимбаев, Абдулла.	1919
95.	Сыр-Дарьинская.	Галустян, Оганес Туманович.	V/17
96.	Самаркандская.	Ширинов, Носим.	1918
97.	Джетысуйская.	Черный, Владимир Федорович.	1916
98.	Туркменская.	Неязмурадов, Нур-Мурад.	1921
99.	Ферганская.	Ляпин, Александр Иванович.	1918
100.	Аму-Дарьинская.	Алифбаев, Аббос.	1919
101.	ЦК КП (б.) У.	Лебедь, Дмитрий Захарович.	1909
102.	Волынская.	Демченко, Николай Нестерович.	1916
103.	Донецкая.	Криницкий, Александр Иванович.	1915
104.	Екатеринославская.	Иванов, Василий Иванович.	II/17
105.	Киевская.	Варейкис, Иосиф Михайлович.	1913
106.	Одесская.	Хатаевич, Мендель Маркович.	1913
107.	Подольская.	Ремейко, Александр Георгиевич.	1914
108.	Полтавская.	Магидов, Борис Иосифович.	II/17
109.	Харьковская.	Киркиж, Куприян Осипович.	1910
110.	Черниговская.	Кремницкий, Федор Иванович.	1905
111.	Дальбюро ЦК.	Кубяк, Николай Афанасьевич.	1898
112.	Амурская.	Морозов, Зосим Леонтьевич.	1920
113.	Забайкальская.	Кузнецов, Василий Никифорович.	1920
114.	Приморская.	Зорин, Дмитрий Федорович.	V/17
115.	Бурятско-Монгольская.	Трубачев, Василий Ильич.	1920

№ по пор.	Название организации.	Фамилия, имя и отчество.	Партстаж.
	КРАСНАЯ АРМИЯ.		
116.	Политотдел Запфронта.	Володин, Василий Гаврилович.	1898
117.	„ Туркфронта.	Шапошников, Грима Сергеевич.	IV/17
118.	Поарм—5.	Славин, Иосиф Еремеевич.	II/17
119.	Политотдел Отдельной Кавказской.	Врачев, Иван Яковлевич.	III/17
120.	„ МВО.	Бреслав, Борис Абрамович.	1899
121.	„ ПВО	Бакаев, Иван Петрович.	1906
122.	„ СКВО.	Сааков, Оника Арзуманович.	1907
123.	„ УКРВО.	Новиков, Николай Фролович.	1912
124.	„ ПРИВО.	Берман, Яков Леонтьевич.	1919
125.	„ Зап.-Сиб. В.О.	Кожевников, Сергей Николаевич.	III/17
126.	„ Черноморфлота.	Анскин, Адольф Яковлевич.	1912
127.	„ Балтфлота.	Наумов, Иван Куприянович.	1913
128.	„ Касп. флота.	Мацкевич, Владимир Иванович.	1919

Список делегатов XIII конференции РКП с правом совещательного голоса.

№ по пор.	Название организации.	Фамилия, имя и отчество.	Партстаж.
1.	Брянская.	Борисок, Сергей Васильевич.	1908
2.	Вятская.	Панфилов, Василий Николаевич	1914
3.	Ив.-Вознесенская.	Балахнин, Сергей Михайхович.	1905
4.	"	Верстонов, Федор Иванович.	1912
5.	Комстромская.	Фельдман, Бенедикт Григорьевич.	1919
6.	Московская.	Лобанов, Сергей Борисович.	IV/17
7.	"	Кульков, Михаил Максимович.	1915
8.	"	Феткевич, Иосиф Эдуардович.	1915
9.	"	Каравай, Михаил Михайлович.	1916
10.	"	Сафронов, Василий Сафронович.	III/17
11.	"	Марков, Александр Трофимович.	1898
12.	"	Крылов, Егор Иванович.	1918
13.	Нижегородская.	Аммосов, Григорий Никифорович.	1918
14.	"	Муралов, Александр Иванович.	1905
15.	"	Страумит, Ян Мартынович.	1912
16.	"	Комиссаров, Иван Григорьевич.	1917
17.	"	Строганов, Василий Андреевич.	1905
18.	Самарская.	Зыков, Андрей Иванович.	1918
19.	Саратовская.	Плаксин, Кирилл Иванович.	1904
20.	Тверская.	Новиков, Захар Яковлевич.	1910
21.	"	Чудов, Михаил Семенович.	1913
22.	Тульская.	Степанов, Сергей Иванович.	1897
23.	"	Мальцев, Константин Александрович.	1905
24.	Ярославская.	Куликов, Василий Павлович.	1913
25.	Сев.-Зап. Бюро ЦК.	Морозов, Иван Максимович.	IV/17
26.	"	Фонберштейн, Илья Алексеевич.	VI/17
27.	"	Шотман, Александр Васильевич.	1899
28.	"	Генкин, Максим Исаевич.	VII/17
29.	"	Хавкин, Аркадий Борисович.	IX/17
30.	Петроградская.	Глебов-Авилов, Николай Павлович.	1904
31.	"	Цейтлин, Яков Семенович.	1918
32.	Петроградская.	Сарксис, Арутюн Данилович.	III/17
33.	"	Николаева, Клавдия Ивановна.	1909
34.	"	Азаданов, Александр Васильевич.	1912
35.	"	Ярослав, Яков Маркович.	1915
36.	"	Вейнберг, Гавриил Данилович.	1906
37.	Уралобком.	Кондраков, Акентий Иванович.	III/17
38.	"	Рындин, Кузьма Васильевич.	1915
39.	Юго-Вост. Бюро ЦК.	Беленький, Захар Моисеевич.	1905
40.	"	Куликов, Никита Иванович.	1914
41.	"	Мельдбард, Николай Петрович.	1920
42.	"	Патрикеев, Николай Нилович.	1915
43.	"	Самурский, Н.	VI/17
44.	"	Белов, Анатолий Павлович.	1914
45.	Киробком.	Журевский, Петр Борисович.	1912
46.	"	Вельман, Владимир Иванович.	1904
47.	"	Нурманов, Ниглет Нурманович.	1920

№ по пор.	Название организации.	Фамилия, имя и отчество.	Партстаж.
48.	Сиббюро ЦК.	Гольдич, Лев Ефимович.	1916
49.	"	Бояров, Алексей Федотович.	1920
50.	"	Лобова, Валентина Николаевна.	1905
51.	Заккрайком.	Бахтадзе, Николай Иванович.	1907
52.	"	Иванов, Владимир Георгиевич.	1907
53.	"	Сванидзе, Николай Самсонович.	VII/17
54.	"	Джабиев, Габиб.	1918
55.	Башобком.	Халиков, Муладжан Давлет.	1919
56.	ЦК КПТ.	Светлов, Фердинанд Юрьевич.	1904
57.	ЦК КП. (б.) У.	Голубенко, Николай Васильевич.	1914
58.	"	Сегалович, Владимир Григорьевич.	1919
59.	"	Гопнер, Серафима Ильинична.	1903
60.	"	Рухимович, Моисей Львович.	1913
61.	"	Диманштейн, С. М.	1904
62.	"	Птуха, Владимир Васильевич.	IV/17
63.	"	Халявский, Борис Матвеевич.	1912
64.	"	Макар, Александр Михайлович.	1899
65.	Дальбюро ЦК.	Гольдман, Иван Яковлевич.	1918
66.	"	Сулимов, Максим Павлович.	V/17
67.	"	Убаревич, Е. Т.	III/17
68.	ЦК РКП.	Сулимов, Даниил Егорович.	1905
69.	"	Харитонов, Моисей Маркович.	1905
70.	"	Дзержинский, Феликс Эдмундов.	1906
71.	"	Микоян, Анастасий Иванович.	1915
72.	"	Колотилов, Николай Николаевич.	1903
73.	"	Молотов, Вячеслав Михайлович.	1906
74.	"	Рудзутак, Ян Эрнстович.	1905
75.	"	Сталин, Иосиф Виссарионович.	1898
76.	"	Угланов, Николай Александр.	1907
77.	"	Бадаев, Алексей Егорович.	1904
78.	"	Каганович, Лазарь Моисеевич.	1911
79.	"	Лашевич, Михаил Михайлович.	1901
80.	"	Орджоникидзе, Григорий Конст.	1903
81.	"	Ворошилов, Клементий Ефремов.	1903
82.	"	Рыскулов, Гурат Рыскулович.	1917
83.	"	Михайлов, Василий Михайлович.	1915
84.	"	Томский, Михаил Павлович.	1904
85.	"	Коротков, Иван Иванович.	1905
86.	"	Калинин, Михаил Иванович.	1898
87.	"	Андреев, Андрей Андреевич.	1914
88.	"	Урываев, Михаил Егорович.	VI/17
89.	"	Фрунзе, Михаил Васильевич.	1904
90.	"	Морозов, Иван Петрович.	1908
91.	"	Бубнов, Андрей Сергеевич.	1903
92.	"	Мануильский, Дмитрий Захарович.	1903
93.	"	Евдокимов, Григорий Еремеев.	1903
94.	"	Комаров, Николай Павлович.	1909
95.	"	Петровский, Григорий Иванович.	1897
96.	"	Скрыпник, Николай Алексеев.	1897
97.	"	Лепсе, Иван Иванович.	1904
98.	"	Киров, Сергей Миронович.	1904
99.	"	Мясников, Александр Федорович.	1906
100.	"	Орахелашвилли Мамия Давидов.	1903
101.	"	Зеленский, Исаак Абрамович.	1906
102.	"	Москвин, Иван Михайлович.	1911
103.	Члены Ревиз. Ком. ЦК.	Курский, Дмитрий Иванович.	1904
104.	Чл. Ревиз. Комис. ЦК.	Скворцов-Степанов, Иван Иван.	1896
105.	ЦКК.	Радченко, Андрей Федорович.	1912
106.	"	Медне, Эдуард Мартынович.	1903
107.	"	Носов, Иван Петрович.	1905
108.	"	Клявс-Клявин, Ал-др Яковлев.	1904
109.	"	Пастухов, Михаил Дмитриевич.	1908
110.	"	Малахов, Максим Кириллович.	1907
111.	"	Ченцов, Иван Дмитриевич.	1904
112.	"	Коковихин, Михаил Николаевич.	1903
113.	"	Крумин, Николай Петрович.	1906
114.	"	Гончаров, Николай Кузьмич.	1904
115.	"	Ярославский, Емельян.	1898

№ по пор.	Название организации.	Фамилия, имя и отчество.	Партстаж.
116.	ЦКК.	Бумажный, Ефим Осипович.	1916
117.	„	Аммосов, Павел Никанорович.	1910
118.	„	Чуцкаев, Сергей Егорович.	1903
119.	„	Радус-Зенькович, Виктор Алек.	1898
120.	„	Ленгник, Фридрих Вильгельм.	1898
121.	„	Бунгш, Ян Кришевич.	1900
122.	„	Ильин, Никифор Ильич.	1910
123.	„	Ростопчин, Николай Петрович.	1903
124.	„	Орехов, Александр Михайлов.	1907
125.	„	Цихон, Антон Михайлович	1906
126.	„	Сольц, Арон Александрович.	1898
127.	„	Шкирятов, Матвей Федорович.	1906
128.	„	Кривов, Тимофей Степанович.	1905
129.	„	Шверник, Николай Михайлович.	1905
130.	„	Новоселов, Степан Андреевич.	1905
131.	„	Шварц, Исаак Израилевич.	1899
132.	„	Гусев, Сергей Иванович.	1896
133.	„	Киселев, Алексей Семенович.	1898
134.	„	Куйбышев, Валериан Владимир.	1904
135.	„	Седов, Михаил Иванович.	1907
136.	„	Муранов, Матвей Константин.	1904
137.	„	Манцев, Василий Николаевич.	1906
138.	„	Сахарова, Прасковья Федоровна.	1912
139.	„	Петерс, Яков Христианович.	1904
140.	ЦКК	Герасимов, Алексей Григорьевич.	1907
141.	„	Асадкин - Владимирский, Александр Николаевич.	1904
142.	„	Позерн, Борис Павлович.	1903
143.	„	Панов, Николай Федорович.	1911
144.	„	Комиссаров, Сергей Иванович.	1914
145.	„	Ройзенман, Борис Анцелович.	1902
146.	„	Волков, Андрей Семенович.	1905
147.	„	Миньков, Исаак Ильич.	1911
148.	„	Васильев, Антон Ефимович.	1904
149.	„	Лисицин, Николай Осипович.	1910
150.	„	Кучменко, Николай Осипович.	1898
151.	„	Косарев, Владимир Михайлович.	1898
152.	„	Коростелев, Александр Алексеевич.	1905
153.	„	Капранов, Виктор Павлович.	1908
154.	„	Кактынь, Артур Мартынович.	1916
155.	„	Правдин, Иосиф Георгиевич.	1899
156.	ЦК РКСМ	Далин, Виктор Моисеевич.	1921
157.	„	Васютин, Василий Филиппович.	1918
158.	„	Смородин, Петр Иванович.	V/17
159.	„	Рогов, Владимир Иванович.	1919
160.	„	Петровский, Петр Григорьевич.	1916
161.	„	Бела-Кун.	1916
162.	„	Белоусов, Сергей Николаевич.	1920
163.	„	Павлов, Дмитрий Дмитриевич.	1921
164.	„	Леонов, Петр Григорьевич.	1914
165.	Мандатно-Орган. Комисс.	Охлопков, Илья Михайлович.	1904
166.	„	Рошаль, Лев Борисович.	XI/17
167.	„	Назаретян, Амаяк Маркарович.	1905
168.	„	Василевский, Владимир Николаевич.	1912
169.	Наркоматы.	Брюханов, Николай Павлович.	1902 НКПрод.
170.	„	Бройдо, Григорий Исаакович.	1903 Зам. НКНац.
171.	„	Смирнов, Иван Никитич.	1899 НКПочтель.
172.	„	Красин, Лев Борисович.	1891 НКВнешторг.
173.	„	Луначарский, Анатолий Васильев.	1903 НКПрос.
174.	„	Семашко, Н. А.	1893 НКЗдрав.
175.	„	Чичерин, Георгий Васильевич.	1918 НКИндел.

№ по пор.	Название организации.	Фамилия, имя и отчество.	Партстаж.
176.	Наркоматы.	Сокольников, Григорий Яковлевич.	1905 НКФин.
177.	„	Богданов, Петр Алексеевич.	1905 Зам. Пред. ВСНХ.
178.	„	Шмидт, Василий Владимирович.	1905 НКТруд.
179.	Главполитпросвет.	Мещеряков, Владимир Николаевич.	1905
180.	През. ВЦИК и ЦИК СССР.	Яковенко, Василий Григорьевич.	VI/17
181.	„	Серебряков, Леонид Петрович.	1905
182.	„	Сапронов, Т. В.	1912
183.	„	Енукидзе, Авель Сафронович.	1898
184.	„	Тер-Габриэлян, Саак Мирзоев.	1902
185.	„	Нариманов, Нариман.	1917
186.	„	Смидович, Петр Гермогенович.	1898
187.	„	Толоконцев, А. Ф.	1914
188.	„	Кон, Феликс Яковлевич.	1906
189.	Отв. инструктора ЦК.	Прокопцев, Михаил Исаакович.	1906
190.	„	Рябинин, Евгений Иванович.	III/17
191.	„	Рябов, Александр Николаев.	1906
192.	Зав. Отделами ЦК.	Смиттен, Елена Густавовна.	1904 Статотдел.
193.	„	Смидович, Софья Николаевна.	1898 Женотдел.
194.	„	Товстуха, Иван Павлович.	1913 Зав. Бюро Секретариата.
195.	„	Ксенофонтов, Иван Ксенофонтович.	1903 Управделами.
196.	„	Ольминский, М. Р.	1898 Истпарт.
197.	Коминтерн.	Шиллер, Рихард.	1918
198.	„	Цеткин, Клара.	Член КПГ.
199.	„	Штирнер, Альфред.	„ КП Мексики.
200.	„	Пятницкий, Иосиф Аронович.	1898
201.	„	Прухняк, Эдуард Андреевич.	1903 Чл. КП Польши.
202.	„	Стюарт, Роберт.	неизвестно.
203.	„	Коларов, Василий Петрович.	1898 Член Болгар. Компартии.
204.	„	Терачини, Инсберто.	Чл. КП Италии.
205.	„	Куусинен, Отто Вильгельм.	1905
206.	„	Варский, Адольф Станиславович.	1889 Чл. КП Польши.
207.	„	Браун, Эрнст.	1920 Член КПГ.
208.	Редакторы газет.	Стеклов, Юрий Михайлович.	1903 „Изв. ВЦИК".
209.	„	Крумин, Е. И.	1908 „Экон. Жизнь".
210.	„	Ульянова, Мария Ильинична.	1898 Р-ция „Правда".
211.	ЦК Литвы.	Ангаретис, Зигмонд.	1906
212.	Госплан.	Кржижановский, Глеб Максимович.	1893
213.	Пред. Комиссии по работе в деревне при ЦК.	Яковлев, Яков Аркадьевич.	1913
214.	Профинтерн.	Джонсон, Карл Эрнстович.	1904
215.	„	Гаммер, Макс Морицович.	1916
216.	„	Джерманетто, Джиованни.	1921
217.	Президиум ВЦСПС.	Антипов, Николай Кириллович.	1912
218.	„	Догадов, Ал-др Иванович.	1905
219.	„	Сенюшкин, Федор Михайлович.	1919
220.	„	Фигатнер, Юрий Петрович.	1903
221.	„	Яглом, Яков Кивович.	1918
222.	„	Лутовинов, Юрий Хрисанфов.	1904
223.	„	Коссиор, Владимир Викентьевич.	1907

СОДЕРЖАНИЕ.

Заседание первое.

Стр.

Открытие конференции. Речь тов. Каменева 3
Выборы президиума, секретариата и редакционной комиссии . . . . —
Утверждение повестки дня и регламента 4
Приветствие представителя ЦК коммунистической партии Германии . . . . . —
Доклад т. Рыкова о задачах экономической политики 6
Прения по докладу т. Рыкова. Речь т. Пятакова 20

Заседание второе.

Продолжение прений по докладу т. Рыкова. Речь т. Лутовинова . . . 32
Речь т. Преображенского 33
Речь т. Красина 39
Речь т. Молотова 42
Речь т. Евдокимова 46
Речь т. Коссиора В. 50
Речь т. Каменева 52
Речь т. Ларина 63
Речь т. Смирнова 68
Речь т. Сокольникова 71
Приветствие от итальянской коммунистической партии 74
Заявление т. Харитонова 75
Заявление т. Криницкого . . . . —

Заседание третье.

Продолжение прений по докладу т. Рыкова. Речь т. Микояна 76
Речь т. Пятакова 80
Заключительное слово т. Рыкова 83
Принятие резолюции по вопросу об очередных задачах экономического строительства 91
Доклад мандатной комиссии 92
Доклад т. Сталина о партстроительстве . . . . —
Заявление т. Лутовинова 102

Заседание четвертое.

Прения по докладу о партстроительстве. Речь т. Преображенского . . 104
Речь т. Ломинадзе 113
Речь т. Яковлева 118
Речь т. Рязанова 120
Речь т. Ярославского 123
Речь т. Врачева 127
Речь т. Сапронова 130
Речь т. Мельничанского 133
Речь т. Радека 135
Речь т. Лашевича 137
Речь т. Тарханова 140
Речь т. Кубяка 143
Речь т. Рындина 144
Речь т. Преображенского 146
Заключительное слово т. Сталина о партстроительстве 148
Принятие резолюции по партстроительству 157

Стр.

Заседание пятое.

Доклад т. Зиновьева о международном положении 158
Заявление т. Радека 178
Заключительное слово т. Зиновьева 179
Принятие резолюции по докладу о международном положении 180
Принятие резолюции об итогах дискуссии 184
Принятие резолюции по вопросам экономического строительства 185
Приветствие ЦО партии „Правде“ 187
Речь т. Каменева 188
Закрытие конференции 189

Приложения.

Резолюция пленума ЦКК 190
Резолюции конференции:
О партстроительстве 193
Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии 196
Об очередных задачах экономической политики 204
О международном положении 217
Приветствие ЦО „Правде“ 218
Поправки т. Пятакова 219
Состав конференции 224

